

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

**Нравственность
современного
российского общества**
Психологический анализ

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
А. В. Юревич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9

ББК 88

Н 86

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Н 86 Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. – 413 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0250-4

УДК 159.9

ББК 88

Книга служит продолжением изданных ранее Институтом психологии РАН коллективных научных трудов «Психология нравственности» (2010) и «Психологические исследования духовно-нравственных проблем» (2011), развивая психологический подход к изучению духовно-нравственной проблематики. В ней рассмотрены теоретико-методологические основы исследования нравственности, нравственно-психологические составляющие ряда социальных процессов и наиболее острых проблем современного российского общества, таких как коррупция, наркомания, мошенничество и др.

Издание финансируется в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе»

ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0250-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.</i> Нравственные проблемы современной России (вместо введения)	5
Часть I. Теоретико-методологические основы психологического исследования нравственных проблем	
<i>А.В. Юревич, М.А. Юревич.</i> Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка	21
<i>М.И. Воловикова.</i> Личность в пространстве современного мира: духовно-нравственные проблемы	42
<i>А.Б. Купрейченко.</i> Структурно-динамическая модель нравственного самоопределения	60
<i>В.В. Знаков.</i> Когнитивное и аффективное бессознательное в понимании моральных дилемм	77
<i>А.Е. Воробьева.</i> Психологические методики для изучения нравственной сферы личности: анализ разработок и авторские приемы	91
<i>А.Н. Поддьяков.</i> Психология счастья и процветания и проблема зла	109
<i>Н.Я. Большунова.</i> Поступок как восхождение к субъектности	137
<i>А.В. Сухарев.</i> Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв.	155
<i>В.И. Коннов.</i> Этические регуляторы развития психологической науки	200

Часть II. Нравственно-психологические составляющие социальных процессов

<i>В.А. Соснин.</i> Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России	227
<i>К.Р. Арутюнова, В.В. Знаков, Ю.И. Александров.</i> Моральные суждения в современном российском обществе: кросс-культурный аспект	255
<i>О.И. Маховская.</i> Особенности нравственного выбора в различных сценариях социализации детей постсоветских иммигрантов в США	269
<i>А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.</i> Психологические факторы коррупции	294
<i>Е.И. Горбачева.</i> Психологические отношения нравственности руководителей	323
<i>Е.Ю. Стрижов.</i> Нравственно-психологические детерминанты мошенничества	347
<i>Д.А. Подольский.</i> Нравственные ценности подростков	361
<i>И.Б. Бовина.</i> Социальные представления российской молодежи о наркотиках и наркоманах	374
<i>Т.П. Емельянова.</i> Проблема толерантности в отношении больных наркоманией	393
Сведения об авторах	411

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

А.Л. Журавлев, А.В. Юревич

Настоящий сборник научных трудов служит продолжением изданных Институтом психологии РАН коллективных работ (Психология нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011), подвергая анализу ту же проблематику, актуальность которой в нашем обществе из года в год лишь возрастает.

Буквально каждое происходящее в нашей стране событие – от техногенных катастроф до выборов власти – демонстрирует, во-первых, первостепенную значимость морально-нравственного состояния нашего общества; во-вторых – невозможность эффективного решения других социальных проблем без преодоления его нравственного кризиса. Запредельная коррупция и неэффективность борьбы с нею, цинизм прокуроров, «крышующих» подпольные казино, и других высоких чиновников, беспринципность политиков, переходящих из одной партии в другую не реже, чем футболисты из команды в команду, бытовое хамство и многое другое свидетельствуют о тяжелейшем нравственном кризисе нашего общества, являясь одновременно его следствиями и проявлениями. Трудно не согласиться с писателем Д. Корецким в том, что «все упирается в честь и совесть. Законы – вторичное явление» («Разбычить» общество! 2012, с. 3). Без всякого преувеличения можно сказать, что *сейчас наша страна переживает один из самых трудных в нравственном отношении периодов в своей истории*. Губительность для общества разрушения его нравственных основ хотя и констатируется политиками, учеными и общественными деятелями, но в целом явно не осознается в полной мере, что еще больше усугубляет опасность.

Статистика показателей, которые могут рассматриваться как *индикаторы нравственного состояния* современной России, выгля-

дит удручающе. Наша страна занимает 1-е место в Европе и СНГ по количеству убийств на 100000 жителей, 2-е место по количеству беспризорников, 1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой по индексу Джини, выражающему неравномерность распределения доходов в обществе, 146 позицию из 180 возможных по индексу коррупции и т. п. (Доклад о развитии человека, 2009; Российский статистический ежегодник, 2009; Transparency International, <http://www.transparency.org>, 2009). В современной России ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. – убегают из дома; пропадают 25 тыс. несовершеннолетних; 5 тыс. женщин гибнут от побоев мужей; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12% подростков употребляют наркотики; более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов (Анализ положения детей в Российской Федерации, 2007).

Несмотря на то, что в нашей стране есть и, хочется надеяться, всегда будет немало высоконравственных людей, способных служить для нации нравственными эталонами, не они задают тон на общественной арене, не они доминируют в средствах массовой информации и определяют происходящее в обществе. Наблюдается и достаточно известный феномен: «хорошие» люди – «плохое» общество, связанный с тем, что, например, один-единственный человек может сделать любую социальную ситуацию отвратительной, если остальные ее участники хотя и осуждают его поведение, но не могут его остановить. Происходящие события демонстрируют не только обострение нравственных проблем, но и нарастание нечувствительности к ним значительной части наших сограждан, а также снижение резистентности* российского общества к вопи-

* Вообще уровень этой резистентности имеет смысл рассматривать как одну из главных характеристик любого общества, имеющую не меньшее значение, чем дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность (Hofstede, 1980) и т. п.

ющим проявлениям безнравственности. Оно «снимает» один моральный запрет за другим, невозможное совсем недавно становится возможным и не вызывающим активного общественного протеста, то есть планка нравственно приемлемого постоянно опускается. При этом ее снижение получает идеологическое обоснование со стороны псевдолибералов, придающих ему позитивный смысл «продолжающейся либерализации», а любая, казалось бы, совершенно однозначная в нравственном отношении выходка, например, такая, как совершенная панк-группой «Pussy Riot», находит немало число сторонников, ее оправдывающих. Показательно и то, что, например, мнения в Интернете по любым морально-нравственным вопросам всегда радикально расходятся, и обнаруживается немало людей, готовых оправдать все что угодно.

Характерным для нашей страны становится формирование «консорциумов зла», включающих не только людей, систематически нарушающих нормы морали, но и идеологов такого нарушения, пытающихся оправдать его в общественном сознании и придать ему позитивный смысл. Происходит и «экстремализация зла»: оно проявляет себя во все более радикальных формах, а безнравственное поведение становится нормой и дополняется *антинравственным* поведением как не просто нарушающим нравственные устои, но и *имеющим целью их разрушение*.

Различные факты демонстрируют, что в восприятии значительной части наших соотечественников, в особенности представителей молодого поколения, *стирается грань между добром и злом* как основа нравственного сознания и поведения. Вспоминается представитель одного из африканских племен, которому совершавший турне по Африке выдающийся русский философ В. С. Соловьев задал вопрос о различении добра и зла. Его ответ прозвучал так: «Зло – это когда на меня нападает сосед, избивает до полусмерти, отбирает мой скот и мою жену, а добро – это когда я нападаю на соседа, избиваю его до полусмерти, отбираю его скот и его жену». Похожая прагматичность представлений о добре и зле во многом характерна и для современной России. Исследования, в том числе и проведенные авторами настоящего сборника, показывают, что многие представители нашего молодого поколения – «дети 1990-х и 2000-х» – вообще не используют эти категории при оценке людей и их поступков, предпочитая им такие критерии, как «выгодно–не выгодно», «круто–не круто» и т. п. Например, такой вид зла и, соответственно, нарушения закона и моральных запретов, как мошенничество, считают вполне

приемлемым способом «зарабатывания денег» около 90% наших молодых соотечественников (Стрижов, 2009). Растет, точнее, уже выросло поколение, многие представители которого не различают добро и зло, и трудно представить, во что превратится наше и без того «больное» общество, когда они выйдут в нем на главенствующие позиции. Но, хотя в целом степень псевдолиберального разложения наших сограждан обратно пропорциональна их возрасту, было бы совершенно несправедливым делить нравственную и безнравственную части нашего общества по возрастному признаку, приписывая безнравственность всей российской молодежи или, по крайней мере, ее основной части. Более того, огромное количество подростковых суицидов, по которому Россия вышла на первое место в мире, множество детей, убегающих из дома, и другие подобные явления помимо иных причин проистекают из того, что как ситуация во многих семьях, так и общая атмосфера в стране стали невыносимыми для значительной части подрастающего поколения.

Очень характерным для нашего общества стало также активное, а подчас и агрессивное *отрицание* его нравственной «болезни» и блокирование соответствующих дискуссий, в результате чего проблема перемещается «в сферу бессознательного» общества, где потенциально обретает еще большую разрушительную силу. Купируется путем негласного табу на ее открытое обсуждение и тема *безнравственного распределения собственности*. Это явление – один из главных источников безнравственности нашего общества – порождает массовое чувство вопиющей социальной несправедливости, а одновременно с ним – и легитимности безнравственных образцов поведения, характерных для новой элиты. Как показывают социологические опросы, «Для россиян абсолютно нелегитимна частная собственность на природные ресурсы», признать которую готовы лишь 2% наших сограждан (Мареева, 2012, с. 399). В результате «Население, 15 лет живущее в условиях рынка, считает рыночные отношения нелегитимными и аморальными» (Дондурей, 2007, с. 80).

Очень симптоматичными являются проводимые в нашей стране выборы кандидатов на различные государственные должности. Разительный контраст с зарубежными странами состоит в том, что там избиратели придают очень большое значение *моральному облику* кандидатов, а пресса напоминает им безнравственные поступки многолетней давности. У нас же подобные темы вообще не поднимаются во время предвыборных кампаний, а моральный облик политиков рассматривается значительной частью электората

как абсолютно несущественный и ни в коей мере не препятствующий их профессиональной эффективности. Подобная убежденность демонстрирует и общий нравственный уровень нашего общества, и интеллектуальный уровень значительной части электората, не понимающей, что безнравственный политик не может эффективно служить общественным интересам.

Противопоставление нравственности и эффективности стало характерным для нашего общества, что загоняет его в ловушку, губительность которой им явно недооценивается. Ориентация любого социума на повышение эффективности – экономики, системы социальных отношений и т. д. – совершенно естественна, по крайней мере, в западной культуре. Соответствующие цели провозглашаются и стратегиями развития нашей страны. Но при этом не учитывается сформулированный такими мыслителями, как М. Вебер, и подтвержденный всей историей человечества тезис: *безнравственное общество эффективным быть не может*, «бессовестное государство обречено на неэффективность» (Совесь..., 2010, с. 3). Безнравственная среда порождает *атмосферу всеобщего обмана и недоверия*, в которых не могут развиваться полноценные рыночные отношения; «жить в бессовестном обществе неэкономично, невыгодно подавляющему большинству его членов» (там же). К тому же формируется значительный слой населения, который живет за счет откровенно антисоциальных форм деятельности – обмана, мошенничества, воровства, коррупции и т. п., неизбежно снижая общую эффективность общества.

Снижение нравственности имеет неизбежной стороной и *обескультуривание* (если не одичание) значительной части населения. Утрачивается ценность культуры как таковой, что выражается и в низком рейтинге телеканала с соответствующим названием, и в том, что, как показывают опросы, треть нашего населения вообще не читает книг, и в других подобных показателях. Более того, специфической ценностью становится подчеркнутое бескультурное, хамское поведение в общественных местах, повсеместный мат, соответствующий внешний вид и т. д. Многие наши сограждане понимают все это как истинную свободу и крайне агрессивно реагируют на любые попытки вернуть их в лоно цивилизации, воспринимая это как ограничение их свободы. Трудно не признать, что мы реализовали либеральный проект переустройства своей страны в самом нелепом виде, воспитав новую социальную прослойку «отвязных» личностей, лишенных не только нравственных «тормозов», то есть

совести и т. п., но и многих других человеческих качеств, что псевдолибералы пытаются выдать за «раскрепощение» наших соотечественников. И, возможно, именно формирование подобного типа личности и придание ему массового характера стало одним из самых деструктивных результатов реформ.

Существует и множество иных показателей, в терминах Э. Гидденса, «испарения морали» в нашем обществе и снижения восприимчивости его граждан к нравственным императивам. И, к сожалению, есть веские основания констатировать, что его морально-нравственное состояние *постоянно ухудшается* – в противовес некоторым улучшениям в экономике и в ряде других сфер. Трудно отрицать и то, что в нашей стране получает все большее распространение социальная среда, в которой интеллигентные и высоконравственные люди выглядят инородным явлением. Она культивирует безнравственность и жестокость, а наибольшего успеха в современной России добиваются индивиды, адаптированные именно к ней и обладающие соответствующими качествами. В низших слоях общества сформировался культ «крутых парней», «реальных пацанов» и т. п., «не замораживающихся» духовно-нравственными ценностями. А в его высших слоях, то есть среди нашей политической и экономической элиты, наблюдается аналогичная ситуация: «складывается впечатление, что для огромного большинства людей, находящихся в высших эшелонах социально-экономической структуры современной России, совесть – вообще некий рудимент, антипод реальной политики» (там же). Показательно то, что, например, в Китае многие представители элиты, осужденные за различные экономические преступления, выйдя на свободу, кончают жизнь самоубийством, будучи не в силах вынести очень существенную для китайской культуры «потерю лица», в то время как в современной России пока не известно ни одного такого случая. Трудно не согласиться с характеристикой отечественных элит, данной Д. Б. Дондуреем: «Многие, если не все, беды нашей страны объясняются качеством наших элит. Все они циничны. Для большей их части общепринятые добродетели, жертвенность, достоинство, честь не являются ценностями. Они считают их некупаемыми, а посему невыгодными и ненужными» (Дондурей, 2007, с. 75).

Подчас не лучше в морально-нравственном плане выглядит и так называемая «оппозиция», многие представители которой критикуют власть за ее коррумпированность, безнравственность и т. п. не из идейных соображений, а ради того, чтобы быть замечен-

ными этой самой коррумпированной и безнравственной властью и оказаться в ее рядах. Трудно не заметить и то, что принадлежность к оппозиции превращается в нашей стране в своего рода «профессию», предполагающую систематическое использование двойных стандартов и другие проявления безнравственности. Показательно, что сейчас наблюдается «ренессанс антигероев 1990-х» – возвращение на политическую авансцену и на ведущие позиции в государстве личностей, которые крайне негативно проявили себя в те годы. Подобное было бы невозможно, если бы у нас существовало такое естественное проявление любой нравственной культуры, как *компрометация*, препятствующая возвращению в эпицентр общественной жизни скомпрометировавших себя людей.

Впрочем, категория людей, ведущих себя безнравственно, далеко не однородна. Их можно разделить, как минимум, на две основные группы: 1) «злодеи», хорошо знающие основные принципы морали и нравственности, понимающие их социальный смысл, но не соблюдающие эти принципы из-за своей антисоциальной ориентации или деформации системы ценностей; 2) «безнравственные по недомыслию», в силу своего низкого интеллектуального и образовательного уровня не понимающие смысла нравственных норм и необходимости их соблюдения, особо податливые влиянию СМИ и своего окружения. Если первые имеются в любом обществе, то вторые в основной своей части являются продуктом социально-психологической атмосферы современной России и доминирующей в ней морали.

В данной связи приобретает новый смысл традиционный вопрос о соотношении понятий «мораль» и «нравственность», которые в бытовом контексте* часто употребляются как синонимы, однако более четко разводятся в научной литературе. В частности, в большинстве философско-этических традиций мораль принято связывать с уровнем социума, а нравственность – с уровнем личности, хотя случаются и нарушения этой традиции.

Не углубляясь в данном контексте в различие морали и нравственности, отметим, что оно приобретает особую актуальность в связи с вопросом о том, что же в нашем обществе, в терминах Э. Гидденса, «испаряется» (или что «испаряется» в большей степени) – мораль

* Впрочем, не только в бытовом: например, в «Толковом словаре русского языка» мораль определяется как «Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность» (Ожегов, Шведова, 1998, с. 365).

или нравственность? Ответ, наверное, прозвучит тривиально: и то, и другое.

На уровне социума наблюдается разрушение традиционной морали, например, в виде провозглашения таких псевдолиберальных идеологем, как «можно все, что не запрещено законом» (эта формула, по существу, вообще выводит мораль за пределы регуляторов человеческого поведения), «главное – деньги, и не важно, как они заработаны», «человек стóит столько, сколько он зарабатывает», «запреты неэффективны» и т. п. Причем все это провозглашается не на уровне теневой морали маргинальных субгрупп, а открыто, публично и *идеологично* – в качестве «новой морали» нашего свободного, демократичного, рыночного и т. п. общества, призванной прийти на смену его устаревшей, советской морали. Характерно, что такие идеологизированные и ценностно заряженные термины, как «свобода», «демократия», «тоталитаризм» и др. очень активно используются в идеологическом обосновании замены прежних моральных принципов на новые.

Подобная «моральная революция» происходит в нашем медийном пространстве – на телевидении, в печатных изданиях, особенно в гламурных, и т. п., где тоже провозглашаются новые моральные принципы, в первую очередь, такие, как культ богатства и личного успеха и, опять же, незначимости путей их достижения. Именно здесь задаются соответствующие образцы для подражания – звездами шоу-бизнеса и другими подобными личностями, а их образ жизни возводится в статус эталона. Да и в целом российское телевидение символизирует собой мир «новой морали», во всех своих основных ипостасях – от нравственного облика и биографий телеведущих гламурных программ до принципов отбора телепередач и приглашаемых на них – выступающий антиподом традиционной, и не только для нашего российского общества, морали.

На уровне личности и индивидуального поведения ситуация ничуть не лучше, что проявляется в приведенных выше данных опросов и других подобных результатах исследований, в кошмарных бытовых примерах, которые выглядят как кадры из фильмов ужасов, в чудовищной статистике убийств, других преступлений, беспризорности и т. п. Поражают и мотивы многих преступлений: например, убить сейчас могут от скуки и ради развлечения. Да и сам внешний вид значительной части наших сограждан, свойственная им привычка повсеместно плевать, сквернословить, бросать окурки и т. п., крайне агрессивно реагируя на замечания окружающих (окружающие,

впрочем, все реже делают такие замечания, хорошо зная, к каким последствиям для них это может привести), плачевное состояние наших мест общественного отдыха после того, как наши сограждане там «отдохнут» и т. д. – не могут не наводить на грустные мысли не только о снижении их нравственного уровня, но и о массовом одичании. Как отмечают исследователи данной проблемы, «Постсоветский период в России воспринимается целым рядом крупных отечественных мыслителей как период духовной деградации, одичания» (Совесь..., 2010, с. 3).

Морально-нравственный кризис поразил наше общество на обоих уровнях – морали и нравственности, а при необходимости их различения все же было удивительным, если бы кризис на одном из них не сопровождался кризисом на другом. Их деградация происходит синхронно, в условиях большого взаимовлияния этих уровней, притом и сама система их взаимовлияния переживает деградацию. Так, например, одним из главных каналов трансформации моральных принципов, принятых на уровне социума, в нравственные установки личности является система школьного образования. В нашей стране с начала 1990-х гг. под влиянием людей, закрепившихся в те годы в руководстве отечественной системой образования и до сих пор сохраняющих там свои позиции, школа практически утратила свою воспитательную функцию, превратившись, в их терминах, в «сервисную структуру по оказанию образовательных услуг». Мат школьников на уроках и их издевательства над учителями (по данным опросов, это происходит во многих наших школах) стали логическим закреплением выполнения школой подобной «сервисной» функции. В результате оказалась разрушенной система воспитания, являющаяся одним из главных механизмов связи между общественной моралью и индивидуальной нравственностью.

Такие ресурсы трансляции общественной морали на уровень индивидуальной нравственности, как СМИ, сейчас тоже либо вообще не выполняют эту функцию, что возводится в ранг идеологического принципа («Телевидение должно развлекать, а не воспитывать!»)*,

* В данной связи уместно привести совершенно правильную мысль о том, что «...эфир нельзя рассматривать исключительно в качестве бизнеса. Телевидение, эфир – это такое же национальное достояние, как недра и язык. Это величайшее благо, принадлежащее всем. Его нельзя приватизировать, ни при каком условии. Это средство трансляции национальной культуры, традиций, установок, смыслов, образов, характеров, стереотипов» (Дондурей, 2007, с. 75).

либо транслирует на уровень индивидуальных нравственных принципов антимораль. Торжествует новая социальная «парадигма», очень характерная для современной России, хотя и не только для нее: развлекать, а не воспитывать, не подавлять все худшее и не поощрять все лучшее в человеке и обществе, а потакать самым низменным человеческим инстинктам и потребностям. При этом наиболее мощный информационный ресурс – телевидение – явно предпочитает транслировать в массовое сознание не образцы поведения, характерные для наиболее высоконравственных людей страны, а наоборот, всячески афишировать поведение нарушителей морали, делая их образцом для подражания. Показателен и сдвиг в профессиональной принадлежности тех, кто публично задает нравственные ориентиры в современной России. В отличие от прежних времен, сейчас это не «инженеры человеческих душ» – писатели (причем настоящие, а не штампуемые низкопробные романы про бандитов и «новых русских»), не ученые и публицисты, а шоумены, преуспевающие мошенники разных мастей, телеведущие гламурных телепрограмм и прочая подобная публика.

Таким образом, *морально-нравственная сторона жизни нашего общества переживает системную деградацию, затрагивающую и мораль, и нравственность, и механизмы их взаимосвязи.* «Испарение» – вслед за моралью – из сознания молодежи и других слоев нашего общества таких категорий, как «добро» и «зло», служит ее естественным результатом.

В конце 1980-х годов под влиянием демократической эйфории тех лет в одну из главных ценностей российского общества превратилась *свобода*, в бытовом понимании которой – как воли, отсутствия каких-либо запретов и ограничений, свободы мата в публичных местах и т. п. – нашли выражение худшие из особенностей российского менталитета. Одним из главных атрибутов понимаемой таким образом свободы стало несоблюдение нравственных норм и правил, многие из которых воспринимаются как «наследие тоталитарного режима». При этом, как демонстрируют исследования, а также обыденный опыт, разные виды свободы имеют для наших сограждан различную субъективную ценность. Так, экономическая свобода важна лишь для относительно небольшой части населения, занимающейся предпринимательством, политическая – тоже для сравнительно узкого его слоя, остальная же часть, как свидетельствуют опросы, готова пожертвовать ею ради спокойствия и политической стабильности. Гораздо более значимой для многих оказалась *свобода*

бытового поведения, причем преимущественно в ее негативных проявлениях – свобода делать то, что хочешь, не считаясь с интересами окружающих, демонстративное ущемление прав которых позволяет ощутить еще большую свободу. Наиболее яркими манифестациями такой «свободы» стало публичное сквернословие, поведение наших автомобилистов, особенно владельцев дорогих иномарок, широкая распространенность личностей «отвязного» типа, демонстративно не соблюдающих любые запреты и ограничения и благодаря этому становящихся эталоном для подражания в некоторых, особенно молодежных, социальных кругах, и т. п. В результате глубокого вживления в массовое сознание извращенного варианта либеральных ценностей *нравственность предстала чуть ли не как антипод свободы*, что еще более усложняет возрождение нравственных ценностей в нашем обществе.

Притчей во языцех стала властвующая элита в широком смысле слова, объединяющем политическую и бизнес-элиты, представители которой безнаказанно «заминают» уголовные дела, касающиеся их самих, с помощью коррумпированных сотрудников правоохранительных структур и вообще ведут себя как пребывающие «над законом» и нормами морали. Подобное поведение элиты, находящейся в фокусе общественного внимания и, в силу своей «успешности», для многих служащей образцом для подражания, тоже вносит ощутимый вклад в нравственное разращение нашего общества, при этом усиливая протестные настроения и политическую дестабилизацию в стране. А полноценное гражданское общество, способное обеспечить эффективный гражданский контроль над властью и очень характерное для западных демократий, в нашей стране все еще остается недостижимой мечтой, подменяясь его суррогатами, искусственно созданными «сверху» – по инициативе самой же власти.

«Испарение морали» наблюдается также в различных профессиональных сообществах. В настоящее время едва ли возможно найти хоть одну систему профессиональной деятельности, которая не подверглась бы «нравственной коррозии» и оказалась «оазисом нравственности». К сожалению, наше психологическое сообщество не является исключением. Его нравственные проблемы не сводятся к тому, что от имени психологической науки и практики в современной России подвизаются астрологи, гадалки, колдуны, экстрасенсы, «доморощенные психологи», не имеющие полноценного (а нередко и вообще какого-либо психологического) образования, и прочие сомнительные личности, которым профессиональное психологическое

сообщество пока не может выставить эффективных барьеров. Снижение нравственности заметно и в профессиональной психологической среде. Это выражается в имеющих место негативных в этическом плане явлениях, в отсутствии адекватной оценки психологическим сообществом поведения тех его представителей, которые, обслуживая бизнес и политику, применяют психологические технологии, подчас нацеленные на манипуляции с населением, и т. п.

В подобных условиях усилия психологов по возрождению нравственности в нашей стране не должны абстрагироваться от простого принципа «начни с себя» и, соответственно, от необходимости самоочищения отечественного психологического сообщества. Но они должны быть направлены и на решение общесоциальных задач, что в очередной раз вынуждает вспомнить тезис С. Московичи о том, что психологии необходимо стать социально релевантной наукой (добавим: *и практикой*). В плане возрождения нравственности эти задачи более чем очевидны: демонстрация, в том числе и массовому сознанию, губительности безнравственного состояния общества; активное участие в научных и общественных дискуссиях о роли нравственности и, в частности, противостояние псевдолиберальным идеологемам*; выявление влияния нравственности на эффективность, жизнеспособность и другие характеристики общества; изучение роли нравственных начал в конкретных видах деятельности; разработка и внедрение специальных психологических практик, в частности, образовательных, направленных на развитие нравственного сознания наших сограждан; активное участие в реорганизации широкого спектра социальных практик на нравственных началах; изучение таких характерных для нашего общества явлений, как коррупция или массовое мошенничество, участие в их искоренении и т. д.

Эти цели и задачи ставят перед собой и авторы настоящего сборника. Он объединил их статьи, в которых рассматривается ряд описанных проблем и излагаются результаты посвященных им исследований.

Литература

Анализ положения детей в Российской Федерации. М., 2007. URL: http://www.unicef.org/russia/ru/ru_ru_situation-analysis_170907.pdf (дата обращения: 25.10.2012).

* Но не либеральным: более того, просвещение массового сознания в отношении истинного либерализма является одной из главных задач всей нашей социогуманитарной науки, в том числе и психологии.

- Доклад о развитии человека. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Изд-во «Весь мир», 2009. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_RU_Complete.pdf (дата обращения: 25.10.2012).
- Дондурей Д. Без модернизации массового сознания любые социально-экономические преобразования обречены // Мир перемен. 2007. № 2. С. 70–85.
- Мареева С. В. Запрос россиян на модернизацию и определенный тип социально-экономического развития страны // XII международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Часть 3. М., 2012. С. 395–403.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- «Разбычить» общество! Данил Корецкий – о совести и чести после СССР // Аргументы и факты. 2012. № 12. URL: <http://www.aif.by/ru/social/person/item/16003-koretsky.html> (дата обращения: 22.10.2012).
- Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2009.
- Совесь: бесполезное свойство души? Круглый стол по проблемам нравственности и духовности, 30–31 января 2009 г., Санкт-Петербург / Под ред. В. К. Мамонтова, А. С. Запесоцкого. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2010.
- Стрижов Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты. Тамбов: Издат. дом «ТГУ им. Г. Р. Державина», 2009.
- Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Transparency International: Corruption Perceptions Index. 2009. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009 (дата обращения: 19.10. 2012).

ЧАСТЬ I

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ**

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

А. В. Юревич, М. А. Юревич

В методологии современной социогуманитарной науки все более прочное закрепление получает практика применения *социальных индикаторов**, основанных на агрегированных количественных оценках различных характеристик социума. Различные социальные индикаторы активно используются и такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро европейского союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская Комиссия. Они применяются практически всеми европейскими странами, а также США, Канадой, Японией, Австралией, государствами Латинской Америки и Южной Африки.

В структуре социальных индикаторов важное место принадлежит психологическим компонентам. Как отмечает Г. В. Осипов, «традиционный подход был дополнен субъективным, учитывающим психологическое благополучие людей, появились концепции качества жизни и функциональных способностей (capabilities)» (Осипов, 2011, с. 6). Индексы социальных настроений, социального оптимизма, удо-

* Термин «социальные индикаторы» появился в США в начале 1960-х годов по инициативе Американской академии искусств и науки, которая выполняла заказ NASA. В 1970-е годы Правительство США стало регулярно публиковать соответствующие данные, был создан журнал Social Indicators Research, аналогичный подход был взят на вооружение международными организациями, такими как ООН и ОЭСР. Затем, в 1980-е, произошел некоторый спад интереса к социальным индикаторам, но в 1990-е годы началось его возрождение. Это случилось вследствие принятия международным сообществом программы устойчивого развития, а на смену разрозненным социальным индикаторам пришли композитные, включающие различные компоненты, индексы (Степашин, 2008).

влетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др., вычисляемые социологами, имеют ярко выраженную психологическую составляющую*. Такие индексы, как коэффициент витальности страны, используемые демографами (Сулакшин, 2006), исследования качества жизни, а также близких ему явлений – субъективного благополучия и др. (Bideman, 1970; Keltner et al., 1993), тоже имеют непосредственное отношение к психологии. Разработаны Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), позволяющие количественно оценивать казалось бы совсем неисчислимое – счастье (см.: Степашин, 2008). Важно отметить, что подобные импульсы родились в *экономической* науке, где сложились такие направления, как «экономика счастья». В частности, «неудовлетворенность экономистов объяснительным потенциалом постулата максимизации прибыли привела к выдвиганию в качестве цели экономической деятельности понятия «благополучия», которое заменило в этой функции понятие «богатства» (Осипов, 2011, с. 39)†. При этом, например, «экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей. Основное отличие так называемой «вторичной» модернизации от «первичной» принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, но повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении.

* Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом «психологизированы». Например, индекс удовлетворенности жизнью, предлагаемый Е. В. Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание, секс и т. п.) (Балацкий, 2005).

† Благополучие обычно понимается как складывающееся из шести факторов: 1) физического и психического здоровья, 2) наличия профессионально необходимых знаний, 3) хорошей работы, 4) материального благополучия, 5) свободы и самоопределения, 6) благоприятных межличностных отношений (Giovani et al., 2009). Трудно не заметить, насколько «психологизировано» это понятие, тоже зародившееся в экономической науке.

Рис. 1. Динамика композитного индекса психологического состояния российского общества в 1990–2009 гг. (в баллах)

В самой психологической науке аналогичные подходы реализуются при оценке субъективного качества жизни, психологического потенциала населения (Зараковский, 2009), социального капитала, по сути, имеющего социально-психологическое наполнение (Татарко, 2011), причем, как отмечает Г. М. Зараковский, «Принципиальным является переход от понимания сущности психологического потенциала индивида к пониманию сущности психологического потенциала социума» (Зараковский, с. 132).

Институтом психологии РАН разработан Композитный индекс психологического состояния общества, а выявленная на его основе динамика психологического состояния современной России, рассмотренная ранее (Юревич, 2009) и подвергнутая дальнейшему мониторингу, показана на рисунке 1.

В русле достаточно общей для социогуманитарных наук установки на целесообразность комбинирования «жестких» индексов, вычисляемых на основе статистических данных, с результатами опросов*, Институтом психологии РАН был проведен *экспертный*

* В частности, Комиссия по измерению экономической эффективности и качества жизни, созданная по инициативе Н. Саркози, рекомендует

опрос, направленный на выявление динамики психологического состояния нашего общества. Экспертам было предложено в анкетной форме оценить его психологическое состояние в 1981, 1991 (до распада СССР), 2001 и 2011 гг. Оценка производилась по 70 параметрам, 35 из которых выражали позитивные и 35 – негативные характеристики общества, отобранные в результате предварительных консультаций с экспертами. Многие из этих параметров имели отчетливо выраженный *нравственно-психологический* смысл. Каждый параметр оценивался по 10-балльной шкале, на которой «1» соответствовала минимальной выраженности соответствующей характеристики, «10» – ее максимальной представленности. В роли экспертов выступили 124 психолога, представляющие различные регионы, разнообразные научно-образовательные центры нашей страны и отвечающие следующим требованиям: 1) возраст, предполагающий, что эксперт способен дать оценку состояния нашего общества в 1981 г. (соответственно, молодые психологи не входили в число экспертов), 2) достаточно высокая квалификация – наличие ученой степени кандидата или доктора наук, 3) область профессиональной деятельности, релевантная макропсихологическим проблемам, и наличие соответствующих публикаций.

Естественно, учитывалось, что любой эксперт достаточно субъективен, особенно когда исследование затрагивает такие эмоционально «разогретые» проблемы, как состояние общества, частью которого он является, и сам подвержен влиянию психологических эффектов. Среди подобных эффектов следует в первую очередь учитывать следующие: 1) ностальгия, под влиянием которой прошлое часто видится в более благоприятном свете, нежели настоящее; 2) старение респондентов, способное оказывать аналогичное воздействие на их оценки; 3) утрата страны, в которой выросли и сформировались опрошенные, и соответствующего общества; 4) видение общего положения дел сквозь призму личной ситуации; 5) рост личных достижений и статуса респондентов в течение рассматриваемого периода времени; 6) восприятие психологических характеристик общества в связи с его социально-экономическим, политическим и т. п. состоянием. Следует отметить и то, что оцениваемые характеристики общества в анкете не определялись (их определение едва ли изменило бы ситуацию), выглядели не вполне однозначно

дополнить существующие индексы показателями психологического здоровья людей, их чувств и оценок, полученными в ходе опросов (Stiglitz et al., 2012).

и при существовании некоторых инвариантов их понимания все же имели для разных экспертов несколько различный смысл.

В силу существования перечисленных и других подобных эффектов, оценка экспертами динамики психологического состояния нашей страны во многом представляет собой их *субъективное восприятие* этой динамики, а также соответствующих характеристик общества, и проливает лишь ограниченный свет на реальную ситуацию. Однако такой же смысл имеют *любые* экспертные опросы, направленные на оценку социальных ситуаций, при этом позволяя получить информацию об их объективном характере.

Даже с учетом сделанных оговорок полученные результаты (таблица 1, рисунок 2) выглядят достаточно неожиданно. Если произвести сравнение состояния нашего общества в двух крайних точках рассмотренного временного континуума – в 1981 и в 2011 г., то произошло нарастание всех без исключения негативных параметров и снижение подавляющего большинства позитивных. Лишь два позитивных параметра увеличили свои значения – рационализм и свобода, но и в этих случаях позитивная динамика не выглядит достаточно однозначной. Рационализм, видимо, был истолкован частью респондентов не как позитивная, а, скорее, как негативная характеристика общества, выражающая его алчность, меркантильность и т. п. А показатель уровня свободы обнаружил небольшой прирост (0,4) на рассмотренном интервале за счет его скачкообразного роста в 1991 г. (с 3,6 до 6,9) при последующем снижении.

Среди негативных характеристик наиболее выраженную динамику обнаружили агрессивность, алчность, anomия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть, подлость, сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм. При этом самые высокие темпы прироста обнаружила алчность (5,22), меркантильность (4,79) и мафиозность (4,60).

По абсолютному значению показателей наиболее рельефными оказались такие негативные характеристики нашего общества, как агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство и эгоизм, а самыми выраженными из них – меркантильность (8,32), алчность (8,29) и эгоизм (8,03).

Таблица 1

Динамика психологических характеристик российского общества (1981–2011 гг.)

П/П	Характеристика психологической атмосферы общества	Значение характеристики в баллах (1 – минимальное, 10 – максимальное)				Изменение значения за период 2011/1981	Изменение значения за период 1991/1981
		1981	1991	2001	2011		
1	Агрессивность	3,30	5,45	6,55	7,23	3,93***	2,15*
2	Алчность	3,07	4,94	7,19	8,29	5,22***	1,87**
3	Альтруизм	5,97	5,48	3,32	2,61	-3,36***	-0,49
4	Аномия	4,28	4,73	6,23	6,90	2,62***	0,45
5	Апатия	6,13	3,23	5,35	7,10	0,97	-2,90***
6	Безответственность	4,93	5,4	6,43	6,63	1,70	0,47
7	Безыдейность	4,90	3,97	6,23	7,03	2,13*	-0,93
8	Бескорыстие	6,30	5,29	3,16	2,32	-3,98***	-1,01
9	Бесправие	6,03	5,19	6,81	7,55	1,52	-0,84
10	Беспринципность	4,67	4,77	7,03	7,74	3,07***	0,10
11	Бесцеремонность	4,33	5,77	7,06	7,42	3,09***	1,44*
12	Взаимопомощь	6,53	6,42	4,19	3,35	-3,18***	-0,11
13	Взаимопонимание	6,43	5,87	4,26	3,71	-2,72***	-0,56
14	Взаимоуважение	5,83	5,19	3,71	3,06	-2,77***	-0,64
15	Враждебность	3,23	5,26	6,42	7,26	4,03***	2,03**
16	Вседозволенность	2,50	6,23	7,06	6,77	4,27***	3,73***
17	Грубость	4,27	5,06	6,71	7,19	2,92***	0,79
18	Дисциплинированность	6,40	4,16	4,23	4,13	-2,27**	-2,24**
19	Добросовестность	5,47	4,52	3,65	3,16	-2,31***	-0,95
20	Доброта	6,30	5,19	3,81	3,23	-3,07***	-1,11
21	Доверие	6,33	5,74	3,71	2,81	-3,52***	-0,59
22	Жестокость	3,63	5,45	6,74	7,48	3,85***	1,82*
23	Законопослушность	6,27	4,32	3,55	3,39	-2,88***	-1,95**
24	Злоба	3,13	4,97	6,03	6,71	3,58***	1,84**
25	Интеллектуальность	6,73	6,32	4,19	3,48	-3,25***	-0,41
26	Интеллигентность	6,28	5,40	3,30	2,73	-3,55***	-0,88
27	Искренность	5,37	6,13	4,10	3,13	-2,24**	0,76
28	Конфликтность	3,77	6,10	6,71	6,97	3,2***	2,33**

П/П	Характеристика психологической атмосферы общества	Значение характеристики в баллах (1 – минимальное, 10 – максимальное)				Изменение значения за период 2011/1981	Изменение значения за период 1991/1981
		1981	1991	2001	2011		
29	Креативность	5,60	6,39	5,16	4,26	-1,34	0,79
30	Ксенофобия	3,20	4,10	6,35	7,32	4,12***	0,90
31	Культура	6,77	5,71	4,00	3,48	-3,29***	-1,06
32	Ложь	5,87	4,97	6,32	7,19	1,32	-0,90
33	Мафиозность	3,40	5,81	7,84	8,00	4,6***	2,41**
34	Меркантильность	3,53	4,52	7,29	8,32	4,79***	0,99
35	Мужество	5,30	5,97	4,52	3,94	-1,36	0,67
36	Наглость	3,43	5,35	7,00	7,65	4,22***	1,92*
37	Надежность	6,45	4,87	3,53	3,03	-3,42***	-1,58*
38	Напряженность	3,13	6,77	6,23	6,77	3,64***	3,64***
39	Насилие	3,27	5,58	6,87	7,29	4,02***	2,31**
40	Невоспитанность	4,23	5,19	6,74	7,16	2,93***	0,96
41	Ненависть	2,97	5,06	6,00	6,90	3,93***	2,09*
42	Необязательность	4,47	5,68	6,29	6,81	2,34**	1,21
43	Нравственность	6,21	5,33	3,73	3,03	-3,18***	-0,88
44	Оптимизм	5,27	6,9	4,52	3,16	-2,11**	1,63**
45	Отзывчивость	6,33	5,71	3,90	3,03	-3,3***	-0,62
46	Патриотизм	6,83	5,97	3,87	3,29	-3,54***	-0,86
47	Подлость	3,66	4,60	6,23	6,53	2,87***	0,94
48	Подозрительность	4,10	4,40	5,60	6,10	2*	0,3
49	Порядочность	6,14	4,90	3,73	2,93	-3,21***	-1,24
50	Психологическая безопасность	6,53	4,35	3,61	2,61	-3,92***	-2,18**
51	Пустословие	7,27	6,9	6,81	7,68	0,41	-0,37
52	Развязность	3,77	5,68	6,23	6,42	2,65**	1,91*
53	Рациональность	4,30	4,29	5,03	5,71	1,41*	-0,01
54	Самоконтроль	5,45	3,97	4,13	4,40	-1,05	-1,48*
55	Свобода	3,60	6,90	4,97	4,00	0,40	3,3***
56	Сквернословие	4,03	5,37	6,77	7,33	3,3***	1,34
57	Скромность	6,55	4,63	3,27	2,70	-3,85***	-1,92*
58	Сочувствие	6,57	5,52	3,90	3,13	-3,44***	-1,05*
59	Спокойствие	6,93	3,61	3,52	3,35	-3,58***	-3,32***
60	Справедливость	4,37	4,19	2,77	2,45	-1,92*	-0,18
61	Страх	3,17	5,48	6,03	6,42	3,25**	2,31*

Продолжение таблицы 1

П/П	Характеристика психологической атмосферы общества	Значение характеристики в баллах (1 – минимальное, 10 – максимальное)				Изменение значения за период 2011/1981	Изменение значения за период 1991/1981
		1981	1991	2001	2011		
62	Тактичность	5,38	4,03	3,27	2,77	-2,61***	-1,35*
63	Тревожность	3,50	6,13	6,32	6,94	3,44***	2,63**
64	Трудолюбие	5,90	4,81	4,10	3,68	-2,22**	-1,09
65	Фамильярность	3,45	5,4	5,87	5,83	2,38***	1,95***
66	Хамство	4,21	5,67	6,70	7,07	2,86**	1,46
67	Цивилизованность	5,47	4,68	4,13	4,13	-1,34	-0,79
68	Человечность	6,66	5,47	3,83	3,20	-3,46***	-1,19*
69	Честность	5,67	4,94	3,61	3,06	-2,61***	-0,73
70	Эгоизм	4,17	5,16	7,23	8,03	3,86***	0,99

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

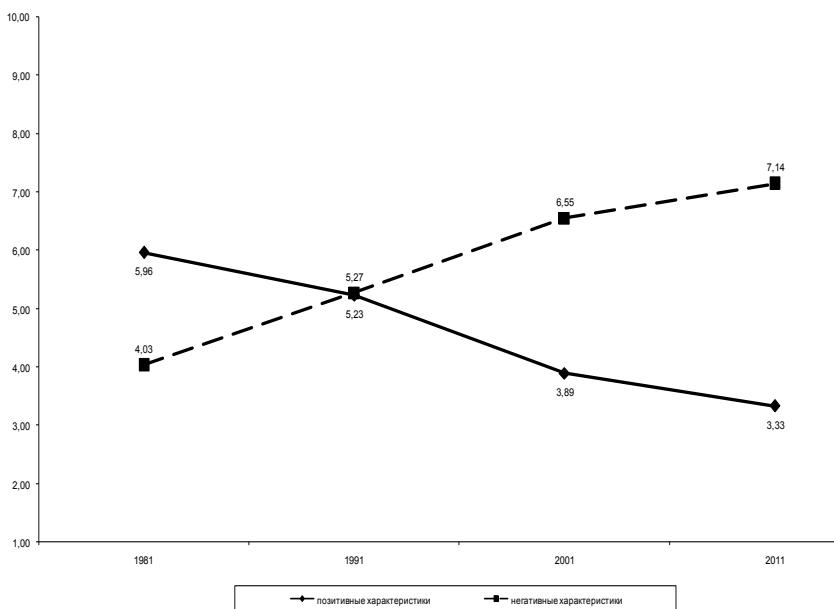

Рис. 2. Суммарная динамика позитивных и негативных психологических характеристик российского общества

Из положительных характеристик наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, интеллектуальность, интеллигентность, культура, надежность, нравственность, патриотизм, порядочность, психологическая безопасность, скромность, сочувствие, спокойствие, тактичность, честность и человечность. Самая большая разница значений 1981 и 2011 гг. была обнаружена по параметрам бескорыстия (3,98), психологической безопасности (3,92) и скромности (3,85). Показательно и то, что лишь по одному позитивному параметру – рационализм – наше общество оценивается экспертами на уровне выше среднего (5,7), причем он, как уже отмечалось, скорее всего, не был истолкован ими как однозначно позитивная характеристика. Правда, по некоторым из позитивных параметров экспертные оценки приближаются к среднему уровню: дисциплинированность (4,13), креативность (4,26), самоконтроль (4,40), свобода (4,00), цивилизованность (4,13).

Следует отметить и то, что по ряду характеристик динамика психологического состояния российского общества была оценена экспертами как *линейная* – в основном как поэтапное ухудшение от 1981 к 1991 и далее к 2001 и 2011 гг. (что, естественно, не исключает нелинейности внутри соответствующих 10-летних интервалов), по другим – как *нелинейная*. К числу последних принадлежат такие характеристики, как апатия, безыдейность, бесправие, вседозволенность, дисциплинированность, искренность, креативность, ложь, мужество, напряженность, оптимизм, пустословие, рациональность, самоконтроль, свобода, цивилизованность. В большинстве подобных случаев общим рисунком нелинейного изменения характеристик было их улучшение от 1981 г. к 1991 г., с последующим ухудшением. Подобная траектория соответствует одному из основных способов восприятия положения дел в нашем обществе, состоящему в том, что в 1991 г. у наших сограждан *появились надежды*, которые впоследствии не оправдались, в результате чего ситуация 1991 г., невзирая на ее объективный характер (неуправляемость страны, явные признаки ее приближающегося распада, острый дефицит товаров первой необходимости и т. п.), видится в более позитивном свете, чем положение дел в 2001 и 2011 гг. В частности, по мнению опрошенных, в 1991 г. мы были менее апатичны, бесправны и лживы, более искренни, креативны, мужественны, оптимистичны и свободны, чем в предшествующий и последующие периоды.

Вместе с тем ряд характеристик при нелинейности их изменения не вписывается и в этот рисунок «ностальгии по 1991-му». Так, вседозволенность оценивается как максимальная именно в 1991 г., а впоследствии пошедшая на снижение, что тоже соответствует известной схеме восприятия: «порядка стало больше». Уровень дисциплинированности видится как существенно снизившийся с 1981 по 1991 гг., затем несколько возросший к 2001 г., но потом опять понизившийся, правда, на незначительную величину. Напряженность характеризуется как максимальная в 1991 г., что было естественным в преддверии последовавших событий, потом несколько понизившаяся, но к 2011 г. опять повысившаяся и достигшая уровня 1991 г. Уровень пустословия оценен как поэтапно снижавшийся от 1981 к 2001 гг., но затем вновь возросший к 2011 г. и превысивший уровень 1981 г. Рациональность оценена как снизившаяся к 1991 г., но затем поэтапно повышавшаяся. Так же оценена и динамика самоконтроля. Цивилизованность нашего общества расценена экспертами как поэтапно снижавшаяся с 1981 к 2001 гг. и впоследствии «заморозившаяся» на этом уровне.

В результате факторного анализа полученных данных были выявлены 4 главных фактора, объясняющие динамику позитивных характеристик нашего общества и условно названные: 1) благожелательность, 2) самоорганизация, 3) интеллектуальный потенциал, 4) пассионарность, а также 4 фактора, объясняющие динамику его негативных характеристик: 1) ожесточенность, 2) антисоциальность, 3) одичание, 4) опустошенность (см. таблицу 2).

Имеет смысл рассмотреть полученные данные и под углом зрения традиционного вопроса о том, «Какую страну мы потеряли?» (в психологическом плане). При этом сразу же бросается в глаза, что ответ на него будет совершенно различным в зависимости от того, отнесем ли мы этот вопрос к нашей стране 1981 г. или 1991 г. – к более или менее безмятежной «эпохе застоя» или к куда более беспокойному времени «распада». Советское общество 1981 г. по подавляющему большинству положительных характеристик получает оценку выше средней, а по основной части отрицательных – ниже ее, то есть обрисовывается экспертами как в основном *психологически благополучное общество*. Исключения составляют лишь его оценки по таким параметрам, как апатия, бесправие, пустословие, рациональность, свобода и справедливость: при своем в целом благополучном характере оно оценивается как достаточно апатичное, бесправное, не свободное, не справедливое, иррациональное и склонное к пустословию.

Таблица 2

Факторы, объясняющие динамику позитивных и негативных характеристик российского общества

Позитивные компоненты (факторы)	Объясненная дисперсия (%)
1. Благожелательность	22,9
2. Самоорганизация	18,7
3. Интеллектуальный потенциал	17,8
4. Пассионарность	13,0
Негативные компоненты (факторы)	
1. Ожесточенность	31,9
2. Антисоциальность	16,8
3. Одичание	10,8
4. Опустошенность	10,3

Примечание: Применялся ортогональный способ вращения (Varimax).

Наиболее же позитивно наше общество, каким оно было в 1981 г., выглядит в плане слабой выраженности ряда *негативных* характеристик – в первую очередь, таких, как алчность, меркантильность, вседозволенность, агрессивность, злоба, жестокость, конфликтность, ксенофобия, мафиозность, наглость, ненависть, напряженность, подлость, развязность, фамильярность и страх. Группируя его характеристики, наше общество того времени можно охарактеризовать как достаточно «доброе» и не меркантильное.

Что же касается психологического состояния нашей страны в 1991 г., то оно выглядит как переходное – от «доброе» к «злему» обществу. В сравнении с 1981 г. его позитивные характеристики в большинстве своем приобретают меньшие, а негативные – большие значения. Большинство же оценок – как по позитивным, так и по негативным параметрам – находятся в районе средних величин, в численном выражении – от 4 до 5 единиц, а более радикальные оценки по обеим группам характеристик встречаются редко. Это значит, что в психологическом плане наше общество того времени характеризуется как не «доброе», по сравнению с 1981 г., но и не «злое», по сравнению с более поздними временами. Самые выраженные негативные сдвиги, по сравнению с 1981 г., наблюдаются по таким параметрам, как напряженность, спокойствие и фамильярность. Вместе с тем наблюдается и улучшение по ряду параметров, таких

как апатия, безыдейность, бесправие, искренность, креативность, ложь, мужество, пустословие, оптимизм и свобода: наше общество 1991 г., по сравнению с его состоянием в 1981 г., характеризуется как более честное, свободное, оптимистичное и т. д., что едва ли нуждается в комментариях.

В связи с сопоставлением экспертами психологического состояния России в 1981 г. и 1991 г. следует в очередной раз подчеркнуть, что характеристика ее состояния в 1991 г. относилась к дореформенному периоду. Если воспринимать экспертные оценки как выражение объективной реальности, то они служат опровержением распространенной точки зрения, согласно которой радикальное ухудшение психологической атмосферы России явилось *результатом реформ*, которые принято отмерять от 1991 г. Согласно же мнению экспертов, радикальные психологические изменения произошли *до начала реформ* (хотя и продолжились в дальнейшем), став продуктом тех социально-политических, экономических и макропсихологических процессов, которые развернулись *не в 1990-е гг., а раньше*. И действительно, очевидные симптомы начала развала страны, ее неуправляемости, обострения межэтнических отношений, криминализации и легализации криминальных отношений, деградации морали, появления личности нового типа, ориентированной на деньги и их зарабатывание любыми, в том числе и криминальными, способами и т. п. проявлялись уже как минимум в конце 1980-х гг., а реформы начала 1990-х гг. были активно поддержаны населением, поскольку воспринимались им как путь к преодолению этой ситуации. Существенно подчеркнуть и то, что значительное приращение воспринимаемой свободы произошло к 1991 г., то есть *еще при советской власти*, а в дальнейшем пошло на убыль.

В данной связи уместно вспомнить высказанную многими известными политологами мысль о том, что *революции и другие радикальные социальные реформы, вопреки марксистской логике, являются реакцией не на отсутствие изменений (всевозможные «застои»), а на неудачные реформы более раннего периода* (Kimmel, 1990; и др.) (В частности, наша Октябрьская революция была предварена Февральской революцией и вызванной ею неуправляемостью страны.) Вместе с тем необходимо учитывать, что в подобных бифуркационных точках развития общества у него *всегда есть выбор*, и хотя такие идеологи отечественных реформ, как, например, Е. Т. Гайдар, постоянно подчеркивали, что в 1991 г. у нашей страны выбор отсутствовал (Гайдар, 2006) и избранный ими сценарий был единственно воз-

возможным, представляется, что в действительности имелись другие, и притом позитивные, варианты развития событий; впоследствии это было признано даже такими зарубежными адептами радикальных рыночных реформ, как М. Фридман.

Аналогичный вектор психологических изменений нашего общества был зафиксирован другими исследователями, в том числе и социологами, в последние годы проявляющими большой интерес к его социально-психологическим характеристикам, что очень симптоматично. Так, в 2005 г. ВЦИОМ предложил респондентам вопрос: «Как, на ваш взгляд, за последние 10–15 лет изменились качества людей, которые вас окружают?». По мнению опрошенных, у наших сограждан значительно усилились такие качества, как цинизм и «умение идти напролом», и существенно ослабли бескорыстие, патриотизм, верность товарищам, доброжелательность, душевность, взаимное доверие, честность и искренность (Чего делать нельзя..., 2012). Результаты другого опроса ВЦИОМ, проведенного в следующем, 2006 г., продемонстрировали, что, по мнению двух третей населения, в последние годы морально-нравственный климат нашего общества изменился в худшую сторону. А еще одно исследование показало, что на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в 1990 г. ответили утвердительно 34,7% россиян, в 1999 г. – уже 22,9%, в 2000-е годы – примерно столько же (Татарко, 2011), то есть уровень межличностного доверия в нашем обществе снизился в 1990-е годы, а затем оставался практически без изменения, сопровождаясь также низким уровнем доверия социальным институтам (там же).

Близкий смысл имеет и изменение *ценностных ориентаций* наших сограждан, изученное Г. М. Зараковским (Зараковский, 2009). Д. В. Сочивко и Н. А. Полянин на основе проведенного ими исследования дают такую характеристику социально-психологической атмосферы современной России: «Наша страна находится в том состоянии, которое Дюркгейм назвал „аномией“, что объясняет возникновение многих современных социальных проблем: кризис нравственности и правового сознания, социальная нестабильность, политическая дезориентация и деморализация населения, падение ценности человеческой жизни, утрата ее смысла, экзистенциальный вакуум, цинизм, ценностный и правовой нигилизм. Как следствие, наблюдается рост агрессивных и преступных тенденций, прогрессирующее отчужденности, повышенной тревожности, деформации правосознания в молодежной среде» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 182–183).

При этом обнаруживаются существенные расхождения ценностных ориентаций различных социальных групп, в первую очередь, молодежи – «детей 1990-х и 2000-х», сформировавшихся как личности в эти годы, и «советских» поколений*. Так, в исследовании Н. М. Лебедевой было показано, что приоритетными ценностями для современных российских студентов являются независимость, самоуважение, свобода, достижение успеха, самостоятельный выбор целей и др., а для их преподавателей – ответственность, социальный и национальный порядок, мир на Земле, честность, уважение к старшим (Лебедева, 2000). Существенные различия в ценностных ориентациях поколений выявлены и другими авторами (см., например: Заракowski, 2009), причем наша нынешняя молодежь формирует и свою собственную мораль, в рамках которой, например, агрессивность является позитивным качеством, а наглость, развязность, бесцеремонность и т. п. объединяются тоже позитивным понятием «раскованность». Впрочем, и против констатации: «Каково общество – такова и молодежь» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 200), – трудно что-либо возразить, равно как и против утверждения о том, что «Расчислять на эффективную культурную самореализация молодого поколения в больном обществе не приходится» (там же, с. 202).

Интерпретация полученных данных может быть построена вокруг двух принципиальных возможностей (а также их комбинации). Первая состоит в рассмотрении динамики психологического состояния России как *объективно* представленной сквозь призму его восприятия экспертами-психологами. В этом случае приходится признать, что: 1) эта динамика в целом негативна; 2) психологическое состояние современного российского общества очень неудовлетворительно; 3) нашему обществу в значительной мере свойственны такие характеристики, как агрессивность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство; 4) наиболее выраженными отрицательными характеристиками современного российского общества являются алчность, меркантильность и эгоизм. При этом, естественно, надо оговориться, что даже при признании объективного характера такой картины, «общество в целом»

* Отметим, что «конфликт поколений» в том или ином виде существует в любом обществе, но в своих экстремальных формах он тоже служит симптомом его психологического неблагополучия.

представляет собой абстракцию: любое реальное общество состоит из конкретных индивидов и различных социальных групп, и подобная картина носит сугубо обобщенный, не учитывающий индивидуальные различия и многие другие нюансы характер.

Вторая принципиальная возможность в интерпретации полученных данных заключается в рассмотрении самой «призмы», то есть тех факторов, которые могли сдвинуть экспертную оценку в сторону негативизма. При этом следует учитывать, что среди рассмотренных выше психологических эффектов, таких как ностальгия и др., не все действуют именно в данном направлении. Например, наверняка многие из респондентов в 2011 г. имели более высокий уровень жизни, чем в 1981 и 1991 гг., обладают атрибутами благосостояния (квартиры, машины, дачи и т. п.)*, которых тогда не имели, поэтому соответствующие эффекты «сопряженности» психологических и социально-экономических оценок, а также придания личной ситуации более общего смысла могли бы приводить к более оптимистичному видению происходящего.

Влияние проекции личного на общее, безусловно, имеет место. Так, например, наверняка многие (если не все) опрошенные сами становились объектами хамства, агрессии, недобросовестности и других негативных явлений в нашем обществе и проецируют соответствующий личный опыт на его общую характеристику. Но, во-первых, они не были защищены от всего этого и в советские годы, во-вторых, вынесение общих оценок на основе подобного личного опыта является вполне объективным способом – от частного к общему – их формирования. Правда, можно предположить, что более свежий негативный личностный опыт имеет большее влияние на такие оценки, чем более давний, особенно относящийся к периодам 30, 20 и 10-летней давности, но в таком случае трудно

* Различные исследования показывают, что удовлетворенность наших граждан своим материальным положением с начала 2000-х годов в целом нарастает (Зараковсикй, 2009). Однако «Как ни странно, несмотря на то, что, согласно данным государственной статистики, в течение 2004–2006 гг. экономическое благополучие населения в целом неуклонно повышалось, субъективное качество жизни россиян хотя и медленно, но снижалось» (там же, с. 98). Г.М. Зараковский объясняет подобный парадокс тем, что «по-видимому, на население негативно воздействует какой-то объективный психологический фактор» (там же), «фактор X», как иногда называют такие «загадочные» детерминанты (Осипов, 2011).

объяснить, почему более свежий *позитивный* опыт не оказывает такого же воздействия.

Возможно, в данном случае проявляется оценка, аналогичная той, которую дают динамике нашего общества некоторые журналисты и общественные деятели: «жизнь стала объективно лучше, но противнее». Можно предположить и то, что как чувствительность, так и требовательность граждан, в том числе и экспертов, к психологической атмосфере в обществе по мере удовлетворения их материальных потребностей возрастает. Следует иметь в виду и закономерность, состоящую в том, что с ростом уровня образования удовлетворенность в различных областях субъективного благополучия обычно снижается, а критичность к происходящему в обществе нарастает (Осипов, 2011).

Подобные возможности укладываются в теорию мотивации А. Маслоу, а также в тот хорошо известный факт, что неудовлетворенность основных материальных потребностей вынуждает концентрироваться именно на них, оттесняя на второй план психологические проблемы. Аналогичное предположение можно сделать в отношении социально-политического состояния общества. Когда же материальные потребности основной части населения в целом удовлетворены (вынесем в данном контексте за скобки общеизвестные факты огромного имущественного расслоения нашей страны, наличия больших социальных групп, живущих за чертой бедности, и т. п.), на первый план выходят не экономические, а социальные и психологические проблемы, что органично вписывается в теорию А. Маслоу, а также в разработанные на основе аналогичной логики теории потребностей Е. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 2000; и др.).

В этой ситуации важнейшее значение приобретает также дефицит у значительной части населения смысложизненных ориентаций (в частности, отсутствие внятной национальной идеи), которые тоже могут создавать массовую неудовлетворенность происходящим. Когда цель жизни состоит в выживании и удовлетворении первичных материальных потребностей, их отсутствие, по той же теории А. Маслоу, должно переживаться менее остро. Как полагает Г. М. Зараковский, «качество жизни больше зависит от наличия личностного роста и наличия смысла жизни, чем от удовлетворения базовых потребностей» (Зараковский, 2009, с. 105). Он же на основе количественного анализа формулирует вывод о том, что «наибольший вклад в обобщенный индекс удовлетворенностью жизнью вносят не „материальные“, а „психофизиологические“ факторы (отношения

в семье; дружба, общение; личная безопасность и безопасность семьи; состояние здоровья человека и членов его семьи). Наименьший вклад вносят такие факторы, как: экономическая и политическая обстановка в стране; творческая самореализация на работе и вне работы; социальная инфраструктура; экология» (там же, с. 110)*.

В данном плане заслуживают внимания исследования, демонстрирующие отсутствие прямой связи между, с одной стороны, такими показателями, как количественно измеренные «уровень счастья», субъективное качество жизни и др., с другой – материальным благополучием. По данным шведской компании «World Values Survey», первые места по субъективному качеству жизни занимают Венесуэла и Нигерия, а богатые западные страны им существенно уступают. Большинство развитых стран имеют очень низкие показатели и по индексам счастья. Например, по Индексу счастливой жизни (или Счастливых лет жизни, HLY) члены «восьмерки» распределились следующим образом: Италия – 66-е место в мире, Германия – 81-е, Япония – 95-е, Великобритания – 108-е, Канада – 111-е, Франция – 129-е, США – 150-е, Россия – 172-е (Marks et al., 2006).

Аналогичные данные были получены и в других исследованиях, продемонстрировавших весьма парадоксальную связь между объективным и субъективным качеством жизни (Diener, Suh, 1999). Широко известны также «парадокс Истерлина» и другие подобные феномены, состоящие в том, что субъективное благополучие не пропорционально уровню доходов в силу действия таких механизмов, как «гедонистический бег по кругу» (рост доходов сопровождается ростом уровня притязаний) и т. д. В результате, например, уровень доходов граждан США в период после Второй мировой войны непрерывно рос, а доля людей, считающих себя счастливыми, постоянно снижалась (Blanchflower et al., 2000). Во всех странах, где измерялись Индекс устойчивого экономического благосостояния (ISEW)

* Очень актуальным представляется и наблюдение Г.М. Заракковского о том, что с конца 1990-х годов к середине 2000-х в нашей стране существенно ухудшилась статистика заболеваний, в этиологии которых большую роль играют стрессогенные факторы (заболевания системы кровообращения и органов пищеварения), в то время как количество заболеваний инфекционными и паразитарными болезнями, напротив, снизилось. Автор объясняет этот феномен в свете двух возможностей: 1) расхождение адаптации к происходящему на сознательном и бессознательном уровнях, 2) психофизиологические издержки более активного образа жизни, в частности, многократной занятости и т. п., необходимые для адаптации к новым экономическим условиям (там же).

и Истинный индикатор прогресса (GPI), значения этих индикаторов обнаружили нелинейную связь с размерами ВВП, что породило «пороговую гипотезу», согласно которой ВВП и благосостояние растут параллельно до определенной точки, по достижении которой возрастание ВВП уже не сопровождается ростом благосостояния (Stiglitz et al., 2012). А в некоторых странах, например, в Швейцарии, даже выявлена обратная связь между размером доходов и уровнем субъективного благополучия.

Все сказанное, конечно, не означает, что путь к счастью населения России лежит через его тотальное обнищание, равно как и то, что нашей стране следует делать акцент на неэкономические пути повышения субъективного благополучия ее граждан, что регулярно происходило в ее истории (их подчинение общей цели и т. п.). Однако, во-первых, оно понуждает к менее прямолинейному видению взаимоотношения экономических и психологических показателей, во-вторых, служит очередным опровержением «экономического детерминизма», который был очень характерен для отечественных реформаторов начала 1990-х, убежденных в том, что главное – поднять экономику, а все остальное «приложится». Последующие годы развития России и опыт других стран убедительно показывают: «Экономический прогресс не сопровождается автоматически прогрессом социальным, политическим, духовным. Высокий уровень материального благосостояния в обществе часто сопровождается ростом бездуховности, аморализма, нарастанием социальных девиаций» (Осипов, 2011, с. 37). При этом «такие категории, как удовлетворенность жизнью, качество жизни, уровень развития человеческого потенциала, являются многофакторными и не связаны прямой зависимостью с ВВП» (там же).

Обобщая полученные данные и близкие по смыслу результаты других исследований, уместно вспомнить о том, что, когда общество становится более свободным, это приводит к высвобождению и в обществе, и в человеке не только лучшего, но и худшего, о чем систематически забывают реформаторы, осуществляющие либеральные реформы без должной осторожности. По-видимому, это произошло и с нашим обществом, ставшим более злобным, наглым, развязным и приобретшим другие описанные выше негативные психологические характеристики. Естественно (напомним об этом в очередной раз), общество в целом – это абстракция, одни его представители такими стали, другие – нет; но у тех, кто не поддался негативным

тенденциям, подобные изменения окружения вызвали значительное ухудшение психологического состояния в виде потери чувства психологической безопасности и т. п. Однако удивляет то, что и некоторые позитивные качества, которые, казалось бы, должны были проявиться в результате либерализации, согласно полученным нами данным, пошли на убыль. Например, интеллектуальность и креативность, которые, как показывает опыт других стран, обычно стимулируются рыночной экономикой, согласно экспертным оценкам, в нашем обществе снизились. В то же время это не выглядит неожиданным, если принять во внимание специфику отечественного варианта рыночной экономики, ее не инновационный, а спекулятивно-сырьевой характер, который не предъявляет высоких требований к интеллекту и креативности, хотя и такая характерная для нее махинация, как строительство финансовых пирамид, требует креативности, но тоже достаточно специфической. Не выглядит сенсационным и снижение уровня ощущаемой свободы после 1991 г.: если свобода сочетается с хамством, злобой, наглостью, то она перерождается именно в свободу хамства (а также публичного сквернословия и т. д.), которая не имеет ничего общего с истинной, цивилизованной свободой.

Обсуждая полученные данные, отметим также, что даже возможность повышения негативности восприятия экспертами психологического состояния российского общества *в результате улучшения его экономического состояния* не делает проблему менее актуальной, а лишь обуславливает необходимость ее постановки в новой плоскости. Приходится признать, что: 1) позитивные изменения в экономическом состоянии общества автоматически не влекут за собой улучшение его психологического состояния, а могут, напротив, сопровождаться его ухудшением; 2) повышение уровня жизни и общая стабилизация в стране не заменяет человеку психологического комфорта и часто делают его отсутствие еще более ощутимым; 3) именно психологические проблемы общества выходят на первый план при улучшении экономической ситуации; 4) в этих условиях их решение должно относиться к числу приоритетов государственной политики.

Вместе с тем, как показано, например, Г. М. Зараковским, наши властные структуры психологическому состоянию страны практически не уделяют внимания. В частности, «действующие сейчас национальные проекты и другие предпринимаемые властными институтами меры вряд ли будут достаточно эффективными, поскольку не подкреплены действиями, направленными на повышение психо-

логического качества населения, несмотря на то, что в выступлениях президента РФ, в программе фактически правящей партии „Единая Россия“ много говорится о человеке как основной движущей силе социально-экономического развития» (Зараковский, 2009, с. 275). В то же время было бы неверно и несправедливо во всем винить лишь власть, не учитывая, *каковы мы сами*, в какой мере мы выдержали испытание свободой и что именно она в нас высвободила, а также игнорируя вопросы о том, культивирует ли власть в наших согражданах склонность к хамству, сквернословию и т. п.

Эмигрировавший в США выдающийся российский социолог П. А. Сорокин выделил два основных типа личности, характеризующихся либо «созидательным альтруизмом», либо – «агрессивным эгоизмом» (Сорокин, 1992). Судя по изложенным в этой статье и другим подобным данным, наша страна движется в направлении «агрессивного эгоизма» – в плане и преобладающих ценностных ориентаций, и удельного веса личностей соответствующего типа. Это не только удручает в морально-нравственном отношении, но и создает серьезные и явно недооцениваемые стратегами отечественных реформ препятствия созданию инновационной экономики как нуждающейся в доминировании в обществе *созидательных, а не агрессивно-стяжательных установок*. В результате одним из главных условий инновационного развития России является радикальное изменение психологического состояния нашего общества.

Литература

- Балацкий Е. В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. №4. С. 42–52.
- Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №3. С. 73–81.
- Осипов Г. В. Измерение социальной реальности. М.: ИСПИ РАН, 2011.
- Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: ТЕРРА, 1992.
- Сочивко Д. В., Полянин Н. А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М.: МПСИ, 2009.

- Степашин С. В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.
- Сулакшин С. С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006.
- Татарко А. Н. Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: Макс Пресс, 2011.
- Чего делать нельзя, но иногда можно? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 235. URL: <http://wciom.ru/?pt=9article=1434> (дата обращения: 11.03.2012).
- Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник РА. 2009. Т. 79. № 2. С. 112–118.
- Biderman A. Social indicators – whence and whither? Wash.: Statistical Policy Division, 1970.
- Blanchflower D. G., Oswald A. J., Janoff-Bulman R. Well-being over time in Britain and USA. NBER Working paper. № 7487. Cambridge: Cambridge, Mass., 2000.
- Deci E. L., Ryan R. M. The “what” and “why” of global pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. № 11. P. 227–268.
- Diener E., Suh E. M. National differences in subjective well-being // Well-being. The foundations in hedonic psychology / Ed. by D. Kahneman, E. Diener. N. Y.: Russell Sage, 1999. P. 434–450.
- Giovanini E., Hall J. Morrone A., Rannuzi G. A framework to measure the progress of societies. OECD Working Paper, 2009.
- Keltner D., Locke K. D., Audrian P. C. The Influence of Attributions on the Relevance of Negative Emotions to Personal Satisfaction // Personality and Social Psychology Bulletin. 1993. V. 19. P. 21–29.
- Kimmel M. S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.
- Marks N., Aballah S., Simms A., Thompson S. The Happy Planet Index. An index of human well – being and environment impact. L.: New economics foundation, 2006.
- Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf (дата обращения: 4.03.2012).

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

М. И. Воловикова

Введение

Негативные процессы в нравственной сфере современного российского общества сейчас стали очевидностью. Происходит резкое («революционное») падение нравов, хорошо проанализированное множеством авторов, в том числе и психологами. А. В. Юревич даже выявил в нашем Отечестве новый тип личности – «развязно-агрессивный» (Юревич, 2012). Факты, собранные и приводимые им, производят удручающее впечатление*.

Мы долго и неуклонно продвигались к такому положению вещей, полагая, что наша «самая читающая», «самая высоконравственная» страна справится с любым количеством негативных воздействий. Не справилась. Воздействия были организованы на высоком уровне, а сопротивление им – на слабом. Как еще в 1990-е годы отмечала К. А. Абульханова-Славская, решение всех возникающих проблем перешло на уровень личности (Абульханова-Славская, 1997). Современная «российская личность» (термин К. А. Абульхановой) слишком долго воспитывалась в условиях, когда большую часть ответственности за нее брало на себя государство: всеобщее и бесплатное образование, медицина, воспитание, летний детский отдых, обеспечение работой, жильем и даже поддержание нравственных устоев и многое другое. Советские люди устали от такой опеки – свободы хотят все. Но то, что свалилось на неподготовленных граждан в 1990-е годы, должно было расширить их представления о подлинной свободе. Оказывается, ее оборотной стороной является необ-

* Кажется, мы наконец-то претворили в жизнь лозунг хрущевской эпохи – «догнать и перегнать Америку», только перегнали мы США не по количеству мяса и молока на душу населения, а по количеству убийств на ту же душу.

ходимость самим заботиться обо всем вышеперечисленном. В том числе, как выясняется уже теперь, к началу второго десятилетия двухтысячных годов, и о своей «моральной безопасности».

В своих известных работах по российской полиментальности В. Е. Семенов приводит высказывание философа А. Пятигорского, проживающего в Англии: «Главная беда России... в деморализации. В России не боятся разложения нравственности. А это страшно» (Семенов, 2008, с. 102). Пятигорскому в Англии страшно, а нам здесь не страшно? Возрождение страха* перед общим моральным падением могло бы стать серьезным вкладом в обеспечение моральной безопасности личности. А пока «бесстрашные» СМИ продолжают *ежeminутно* работать над ухудшением морально-нравственного климата в обществе – и тому есть причина: кто-то «заказывает музыку» (и оплачивает ее). В. Е. Семенов отмечает: «Пока можно констатировать, что тенденции в деятельности СМИ и в массовой культуре в основном совпадают с ценностными ориентациями и интересами индивидуалистско-капиталистического (в его самом вульгарном варианте) и криминально-мафиозного менталитетов, но противоречат ментальности наиболее духовной и нравственно здоровой части российского общества» (там же, с. 104). Эта наиболее здоровая часть российского общества, по крайней мере, в Санкт-Петербурге 2007 года (время проведения исследования), не была меньшинством. Семенов пишет: «Наши опросы показывают, что 80% населения Петербурга выступает за введение нравственного контроля за содержание телепередач и рекламы (там же, с. 103).

За прошедшие после опроса пять лет успели подрасти новые граждане Российской Федерации, а за двадцать лет агрессивного беспредела успело сформироваться новое поколение, представители которого не будут столь единодушны в отрицании порока.

Задача настоящей статьи – показать необратимость процессов в нравственной сфере, происходящих на уровне личности.

Нравственное становление личности

Все-таки по отношению к личности лучше говорить о становлении, а не о развитии. Слова близки по значению, но в первом есть оттенок чего-то постоянного, к чему личность должна подойти.

* У страха есть и охранительные функции. Так, страх обидеть или расстроить супруга сохраняет семью, страх нанести вред своей душе каким-то сомнительным удовольствием охраняет личность от разрушения.

По А. Ф. Лосеву, задача личностного бытия – «в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью» (Лосев, 1990, с. 562). Лосев выделяет «текущую эмпирию» личности и «лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза». Высшая задача личностного становления – в совпадении этих двух планов. «Это как бы второе воплощение идеи, одно – в изначальном, идеальном архетипе и парадигме, другое – воплощение этих последних в реальном историческом событии» (там же, с. 550). Хотя А. Ф. Лосев называет достижение такого «диалектического синтеза двух планов личности» чудом, но мысль о «высоком назначении»* каждого человека здесь ясно читается.

Представление о неизменных нравственных основаниях нашего постоянно меняющегося мира восходит к Библии. На камне (*скрижалях*) были даны народу *заповеди* (10 законов поведения, обязательных для исполнения). На *скрижалях сердца человеческого*, в совести, записан внутренний нравственный закон (не противоречащий десяти заповедям). Но голос совести часто бывает слишком тихим (а звук телевизора слишком громким). Слышать его (и руководствоваться им) учили обычно с самых ранних лет. Этот навык (и в первую очередь именно он) в прежней культуре назывался образованием.

Авторы книги «О воззрениях русского народа» М. М. Громыко и А. В. Буганов приводят воспоминания митрополита Вениамина (Федченкова) о своем крестьянском детстве (тогда, до монашеского пострига, его звали Иваном): «Даже с младенческих лет наши сердечки уже чувствовали, что хорошо, что худо – продолжает автор воспоминаний. И приводит случай осознанного осуждения себя ребенком: Ваня отказался выполнить просьбу мамы – посмотреть, что происходит с цыплятами, но вскоре мгновенно откликнулся на поручение соседки воротить теленка: „Моя маленькая совесть тогда же спросила: „Почему так?“ И я понял: перед чужим человеком мне хотелось выхвалиться, вот-де я какой хороший! Тщеславие уже

* «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший свет жизни» (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

сработало тогда... Воротился я опять под окно за „наградой“ и получил спасибо... А факт запомнился совестью на всю жизнь. И другие грехи детства помню ярко доселе...» (Громыко, Буганов, 2007, с. 74). Слово «грех» происходит от слова «огрех» – ошибка, искажение нравственного выбора. Нравственный выбор личности представляет собою путь, который может привести и в сторону добра, но может и уклониться в сторону зла. Постоянное внимание к своей внутренней жизни, проверка своих действий и поступков нравственными заповедями представляла собою подлинное творческое и ответственное отношение к своей жизни.

Говоря о представлениях русского дореволюционного крестьянства, М. М. Громыко и А. В. Буганов отмечают: «Тема греха постоянно присутствовала в мимолетных упоминаниях и разговорах и в серьезных обсуждениях событий, обстоятельств, поступков, а главное – в сознании каждого верующего. Общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с церковным православным учением. Но при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям эти представления могли несколько отклоняться от канонических» (там же, с. 91). Послабления в отдельных местностях могли касаться строгости соблюдения поста или выполнения необходимых работ в праздничные и воскресные дни. Однако когда речь шла о прямом нарушении заповедей, в народе обнаруживалось однозначное и нетерпимое отношение к греху. Авторы приводят свидетельства, собранные Этнографическим бюро князя Тенишева (конец XIX–начало XX в): «„До сих пор еще существует в народе убеждение, что ненаказанного преступника всегда покарает Бог, что Бог является мстителем оставшихся безнаказанными преступлений“, – сообщалось по материалам Ярославской губернии в 90-х годах XIX века» (РЭМ, ф. 7, оп. 1)» (с. 94).

Основываясь на анализе этнографических источников, авторы отмечают, что понятия греха и преступления стояли в народе до

* Такие взгляды можно было бы определить как детскую «веру в имманентную справедливость» (Piaget, 1977), однако сохранность веры в первичность нравственного закона в жизни людей подтверждают и данные современных исследователей. Так, В. Е. Семенов отмечает: «Живет в людях и интуитивное чувство справедливости, выражающееся в вере в возмездие за злые дела (55 % в Петербурге, 51 % в области) и в вознаграждение за добрые дела (соответственно 46 и 40 %) в этой жизни» (Семенов, 2007, с. 143).

вольно близко, но что не все преступления считались грехом (например, сбор ягод в чужих лесах или охота и рыбная ловля в чужих владениях хотя и были преступлением закона, но грехом не считались из-за отношения к лесу как к ничьей, Божьей земле). «Богохульство и кощунство оценивались в народе как преступления, подлежащие наказанию. В то время как грех вообще считался делом личным – „кто в грехе, тот и в ответе“, а ответ имелся при этом в виду перед Богом, а не перед обществом» (с. 95). Такое различие было связано и с представлением о том, что за грехи, совершенные против «общества» (против нравственных основ поведения общины, поселения или даже страны), ответственность и последующие неминуемые наказания падают на само «общество» (что ведет к засухам, наводнениям, пожарам и всяким нестроениям). За грех, совершенный против себя самого, расплачиваться человеку. Неминуемость наказания за нераскаянный грех не подвергалась сомнению и формировала в народе то качество, которое можно назвать «нравственные устои» – нравственную крепость и способность сопротивляться внешним негативным воздействиям. Однако, как видим, во многом эта нравственная устойчивость опиралась на общину, с разрушением которой и была связана трагическая для нравственного развития «ломка общественного уклада» (Рубинштейн, 1997), оставившая личность один на один с агрессивной в нравственном отношении внешней средой, как это происходило накануне октябрьской революции, после революции и уж особенно явно на наших глазах в 1990-е годы, сметая последние остатки «советского благочестия».

М. М. Громыко, описывая мир русской деревни, дает картину твердых основ крестьянской жизни дореволюционной России, основанных на незыблемых нравственных ценностях смирения, прощения, любви к Родине и близким людям, милосердия, чистоты, честности, верности и трудолюбия (Громыко, 1991). Дети, вырастая в таких условиях и подражая поведению взрослых, учились быть внимательными к себе, чтобы избегать главных пороков: гордыни, тщеславия, обмана, злости, жадности, жестокости, лени и всякой моральной нечистоты.

Когда принятые в обществе нормы поведения резко меняются, подрастающий человек оказывается в затруднительных обстоятельствах. Для формирования навыков нужна повторяемость и совпадение декларируемых взрослыми правил с их собственным поведением. По данным, полученным в одном из наших исследований 1980-х годов (Воловикова, 1987), здоровое развитие умственных

сил ребенка может нарушиться и получить искаженное направление под воздействием разрушения семьи и последующих после этого изменений. Так, предъявляя детям для решения задачи истории Ж. Пиаже (Piaget, 1977), а также некоторые составленные нами истории на нравственную тему, мы обнаружили с помощью микросемантического анализа, что процесс решения протекает по-разному в зависимости от этапа развития способности действовать в уме (СДУ)*. Дети с высокоразвитой (для их возраста) СДУ обычно демонстрировали когнитивно более сложные решения задач на нравственную тему. Но интерес вызвал не этот ожидаемый результат, а именно отклонения от данного правила.

В одном случае ребенок (девочка), от которой по результатам предыдущего исследования ожидался более высокий этап развития СДУ, не достигла его, но при решении задачи проявляла, скорее, хитрость, чем ум, перепроверя каждое слово или действие взрослого (экспериментатора). Разъяснение пришло из ее рисунка семьи. Оказалось, что родители развелись, мама вновь вышла замуж, а отношение ребенка к новому «папе» пока не складывается. Ничего ужасного или трагического не происходит, «все как у всех», но резкое изменение самого стабильного для подрастающего человека образования – семьи – привело, как следует из результатов наблюдения над развитием ребенка, к тому, что девочке приходится тратить усилия своего еще не сложившегося ума на перепроверку действий взрослых, что искажает нормальное развитие и достижение более высокой СДУ.

Анализ другого случая позволил обнаружить позитивную роль нравственных запретов на функционирование тех умственных способностей, которые сложились к данному возрасту (семь–восемь лет). Ребенок (мальчик) продемонстрировал тип решения, характерный для детей с более высоким, чем у него, этапом развития СДУ. Микросемантический анализ протокола решения показал, что ребенок ни разу не использовал нравственное правило в качестве «психологической переменной» (он даже мысленно не пытался лгать маме). Это самоограничение заставило его ум функционировать на таком высоком уровне, что был продемонстрирован тип решения,

* Способность действовать «в уме» (СДУ) или, по Я. А. Пономареву (Пономарев, 1967), внутренний план действий (ВПД), измеряла в рамках своего исследования Т. В. Галкина (Галкина, 1986). Поскольку дети были те же в наших двух исследованиях (моем и Т. В. Галкиной), то мы имели возможность сравнить данные, полученные по разным методикам.

по когнитивной сложности характерный для детей с более высоким развитием СДУ (Воловикова, 1987).

Анализ приведенных случаев позволяет строить гипотезы, для проверки которых также необходимы дальнейшие исследования. Но, по нашему убеждению, для нормального функционирования личности нужна не только всеобщая изменчивость, но и неизменность базовых нравственных норм. Лгать, завидовать, изменять, убивать опасно для жизни, непродуктивно для творчества и мешает здоровому становлению личности. Привычка ко лжи приводит к тому, что личность «расстраивается» и ее «текущая эмпирия» трагически удаляется от «задания первообраза» (по выражению А. Ф. Лосева).

Необходимым условием правильного и здорового развития человека является его нравственное совершенствование, поскольку всякое зло разрушает проявление личности, искажает лицо и в крайнем своем выражении делает его пустой личиной, лишенной содержания.

Подтверждение этой мысли мы находим в искусствоведческой работе священника Павла Флоренского «Иконостас» (Флоренский, 1994), где через понятия «лицо», «лик» и «личина» автор раскрывает разные состояния и проявления личности. На иконах изображен лик, отражающий осуществленный и проявленный вовне окончательный замысел Творца о человеке. Лицо есть у каждого живущего. Приведя анализ работы художника, Флоренский говорит о лице как «сырой натуре», которую портретист стремится типологизировать в соответствии со своим пониманием данного человека. Но это еще не есть окончательное знание об изображаемом, а только предварительный результат осмысления, несущий в себе и отпечаток личности самого художника. Онтологической природой обладает только лик. Человеку дана «способность духовного совершенства», то есть возможность «образ Божий, сокровенное достоинство наше, воплотить в жизни, в личности, и таким образом явить его в лице» (там же, с. 53). В лике нет ничего случайного: «Лик есть осуществленное в лице подобие Божие» (там же). Полной противоположностью лику является личина: «Первоначальное значение этого слова есть маска, ларва – larva, чем отмечается нечто подобное лицу, похожее на лицо, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое внутри, как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциальности» (там же, с. 54).

В психологии, особенно западной, есть работы, в которых говорится о «персоне» и «маске», причем авторы тесно связывают понятия личности и маски (см.: Родионова, 1977). Не так в отечественной

традиции. Флоренский говорит о «пустоте» личины и напоминает, что древнейшее сакральное значение масок нельзя использовать в том значении, как его использовали древние, «когда маски вовсе не были масками, а родом икон» (Флоренский, 1994, с. 54). После разложения сакрального назначения масок и «омирщения священной принадлежности культа» тогда же из этого «кошунства над античной религией» возникла маска в современном понимании этого слова – как пустота и обман: «Злое и нечистое вообще лишено подлинной реальности, потому что реально только благо и все им действующее» (там же, с. 55).

В народной культуре всегда с крайней осторожностью относились ко всему, связанному с масками и переодеванием (в отличие от западной культуры с ее традицией праздников-карнавалов^{*}). Те же авторы книги «О воззрениях русского народа» отмечают: «Для значительной части крестьянской молодежи с ряженьем была связана определенная религиозно-нравственная проблема: ношение масок нечисти, в первую очередь, а также масок вообще и, наконец, любое переодевание – воспринималось как грех, требующий очищения в освященной воде. Молодежь из семей со строгим религиозным воспитанием вовсе не принимала участия в карнавальной части развлечений» (Громыко, Буганов, 2007, с. 96).

Потребность в лице увидеть лик является экзистенциальной. Как показывают многочисленные (особенно в советской психологии) исследования по проблеме идеала, перед человеком на разных этапах развития остро встает проблема поиска нравственного идеала, и поиск этот ведется среди всего доступного окружения, а также в той культурной среде, в которой происходит его становление. Это образы близких родственников, наставников, литературных героев, известных исторических деятелей и т. п. В последние десятилетия такие образы приходят из СМИ. Те из подростков или молодежи, кто не имел опыта встречи с «настоящими людьми», могут обмануться предлагаемыми с экранов «масками»[†], но обмануться на время.

* См., например книгу Роберта Мандру по исторической психологии, где описаны в том числе и праздники средневековой Франции (Мандру, 2010). Картина, с нашей точки зрения, удручающая: будто люди настолько испуганы нечистой силой, что стараются ей уподобиться, чтобы обезопасить себя.

† В.Е. Семенов отмечает: «Телевидение искажает реальную действительность, и люди верят в эти „телемифы“. Современный человек живет в мире телевизионных химер и экранных грез, а принимает их за реальную жизнь» (Семенов, 2007, с. 345–346).

Неправда всегда даст о себе знать, таков закон жизни, ибо «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным». Более же всего неправда искажает лицо человека, хотя сам он этого может и не замечать.

Иконопись, житийная литература на определенный промежуток времени ушли из внимания нескольких поколений соотечественников, и это внесло свои коррективы в способы удовлетворения экзистенциальной духовной потребности.

К проблеме понимания духовности личности

В нравственной сфере возникла еще одна проблема, о которой пока говорят мало или недостаточно ясно. Касается она вопросов духовных.

В одном из современных исследований мы встретились с таким утверждением: «Во времена, когда общество переживает глубокий кризис, неизбежно появляются апокалипсические настроения, возникает болезненный интерес к различным формам пророчеств и предсказаний, мода на оккультизм, эзотерику, теософию» (Шутова, 2010, с. 460). Современные люди вплотную придвинулись к духовному миру, но подошли не к парадной лестнице, а как бы к «черному входу». На нашу, психологов, беду, объявления (и сайты) о «приворотях» и «отворотах», «снятии порчи» и проч. находятся в порталах «психологических услуг». Шарлатаны, называющие себя «психологами», пользуются общественным доверием к психологии и большим ожиданием от специалистов реальной помощи (и чаще всего – помощи, которая не требует усилий от самого человека).

В одном из недавних исследований изучались современные представления о нравственности и духовности (Комарова, 2011). Работа была «пилотной», хотя в ней использовались давно апробированные методики, например, анкета о «порядочном человеке» (Воловикова, 2005). Задание привести конкретный пример поступка, доказывающего, что описываемого человека действительно можно назвать порядочным, М. Н. Комаровой было дополнено таким авторским приемом, как клиническое интервью на тему: «*Что такое духовность? Какие качества присущи духовному человеку? Как соотносятся порядочность и духовность?*» Полученные данные показали нам столь интересными, что хотелось бы дать им свою интерпретацию (несколько отличную от интерпретации Комаровой).

Исследование проводилось на представительной выборке – и по числу участников (более 100), и по составу (приблизительно

в равных долях: 1) профессиональные психологи, 2) руководители различного уровня и представители творческих профессий).

Первый вывод, сделанный М. Н. Комаровой на основании анализа результатов клинического интервью, касается проблемы соотношения понятий «порядочность» и «духовность». Автор убедительно, на примерах, показывает, что респонденты считают духовность более широким понятием, чем порядочность, а иногда противопоставляют их.

Другое заинтересовавшее нас утверждение касается понимания соотношения духовности и религиозности. Приводимые ответы свидетельствуют: наша творческая элита (а такова выборка) в вопросах веры недалеко ушла от предреволюционной интеллигенции, но при этом имеет несопоставимо меньше познаний в этом вопросе*:

Духовность – это чистота помыслов, не включает религиозность.

Сильно религиозный человек – бездуховен.

Духовный человек может быть и неверующим.

Духовный человек – скорее, не религиозный человек.

Нет знака равенства между духовностью и религией, они дополняют друг друга.

Только один участник исследования определяет духовность через религиозность:

Духовность связана с верой в Бога. Это религиозное чувство.

В трудную минуту человек обращается за помощью к Богу (Комарова, 2011, с. 46).

Таким образом, общий вывод был таков: подавляющее большинство наших «лучших людей» (вся выборка успешна в социуме и в делах) «духовность» ставят выше нравственности (порядочности) и выше (вплоть до противопоставления) религиозности, и особенно рели-

* Чего стоит, например, этот ответ на вопрос, что такое духовность: «Духовность – состояние человека, сфера его чувств; воспринимает мир как единое целое, духовность вбирает в себя все религии. Религиозность – убеждения, которые меняются, это – интеллектуальная сфера» (Комарова, 2011, с. 46). Тут и «все религии», и про то, что удел религиозности (вообще-то всегда говорят – «религиозные чувства») – это интеллектуальная сфера. Можно только предположить, что такие сведения о религии были почерпнуты из романа Стендаля «Красное и черное». Там, действительно, религиозность (вернее, изображение ее) для героя была связана с интеллектуальным усилием к построению карьеры.

гиозности, связанной с церковностью. Можно также предположить, что «духовность» является как бы синонимом «интеллигентности» в специфически российском понимании этого слова. Еще пример высказывания из работы Комаровой, поясняющий это наше утверждение:

Духовность – это не церковь, духовный человек принципиален в определенных этических вещах, следует своей позиции, его отличительная черта – умение думать, уважение к своей Родине, знание ее истории, истории своего народа, у него трезвый взгляд на историю, он образован в широком смысле, это не обязательно диплом» (там же, с. 47).

Однако если сравнить с результатами заполнения анкеты, вырисовывается удивительный парадокс. Описывая поступки знакомого «порядочного человека», эти элитные респонденты дают образ православного идеала, но, несмотря на упомянутую *«образованность в широком смысле слова»*, не зная почти ничего о родном (по рождению) православии, они об этом не догадываются, продолжая мысленно бороться со всякой «церковностью», сковывающей «подлинное творчество». Это не только примеры бескорыстной помощи, самопожертвования и честности в отношениях, но проявления такого специфического качества, как умение прощать обиды (и даже забывать о них), обладая при этом всеми реальными возможностями (материальными и ситуационными), чтобы отомстить.

Исследование М. Н. Комаровой продолжается, и можно только пожелать, чтобы была возможность с помощью микросемантического анализа проверить высказанное предположение о гораздо большей, хотя и почти неосознаваемой, связи российской элиты с историческими основаниями и ценностями российского менталитета (пока собранные материалы такой возможности не дают).

Духовно-нравственное самоопределение личности

Мораль – преимущественно область этики. Духовность также не является территорией психологической науки, а намного превышает доступный ей уровень. Пограничное понятие «духовно-нравственный» к психологии имеет прямое отношение, особенно если речь идет о духовно-нравственном развитии или, лучше, становлении.

Как мы могли видеть в описании результатов исследования М. Н. Комаровой, представления о духовности и нравственности

наших современников отличает противоречивость и слабая осведомленность. Только этим можно объяснить высказывания, противопоставляющие духовность и нравственность (порядочность). Забытым является знание о том, что «духовность» бывает разной, что, например, состояния раздражения, гнева, зависти, жадности тоже имеют «духовную» природу. Только в связке «духовно-нравственный» понятие «духовность» в обыденном языке получает позитивную модальность, только на пути духовно-нравственного становления происходит овладение законами духовного мира. Путь этот очень труден, полон опасностей. В нем есть определенные ключевые моменты, имеющие отношение к выделенным психологами «возрастным кризисам».

Кризис ранней юности можно назвать «мировоззренческим». Мы полагаем, что в условиях идеологической нестабильности этот кризис протекает у молодого человека особенно тяжело. Однако даже и при относительно благополучных внешних условиях юношеская среда несет в себе эту способность к революционному изменению взглядов, чем часто пользуются политики для достижения своих целей.

Забытые в наше время студенческие волнения в России самого начала XX в. дают возможность посмотреть на проблему духовно-нравственного становления личности в историческом контексте: как истории России, так и конкретных судеб молодых людей. Сохранились свидетельства участников этих событий. Молодые люди, о которых идет речь в исследовании Т. А. Шутовой (Шутова, 2010), оставили заметный след в истории российской науки и культуры. Это одноклассники по 2-й тифлисской гимназии, а в 1901 году (время описываемых событий) – студенты Санкт-Петербургского (А. В. Ельчанинов) и Московского (В. Ф. Эрн, и П. А. Флоренский) университетов: «Владимир Эрн обращает свои устремления на изучение истории философии, Александр Ельчанинов – на педагогические учения, а Павел Флоренский, уже избравший свой дальнейший жизненный путь, продолжает свое образование в духе соловьевского всеединства, отдавая должное как математике, так и философии. Тем не менее молодые люди чутко реагируют на события, происходящие в столицах, пытаясь определить свою позицию в соответствии с теми принципами, которые были заложены в них в семье и в гимназии» (там же, с. 450–451).

Автор данного исследования отмечает, что университетские годы друзей были одним из самых драматических периодов и в истории

высшей школы, и в истории предреволюционной России: «В накаленном до предела обществе, подталкиваемом революционными радикалами к катастрофе, находясь в гуще событий, молодым людям того времени приходилось делать выбор в соответствии со своими убеждениями и моральными принципами в условиях активной антиправительственной агитации в студенческой среде. О неизбежности и сложности такого выбора ярко свидетельствуют события, которые происходят в феврале–марте 1901 г. в Москве» (там же, с. 458). В развитие событий, последовавших после первой волны студенческих волнений конца XIX в. и ответных мер государства, в Петербурге произошли столкновения протестующих студентов с жандармами. В Московском университете проходит студенческая сходка, призвавшая объявить всероссийскую забастовку во всех учебных заведениях. Сходка переходит в массовые манифестации, закончившиеся арестом зачинщиков, после чего радикально настроенные студенты призвали к бойкоту занятий.

В таких условиях общей эмоциональной взвинченности, подогреваемой непроверенными слухами, чувство товарищеской солидарности проявляется сильнейшими нравственными переживаниями. Ельчанинов принимает решение отложить экзамены на осень и возвращается в Тифлис, оставив в одном из своих писем этого периода описание переживаемого состояния кризиса: «Я давно уже сначала с ужасом, а теперь с тупым равнодушием замечаю в себе постепенную потерю интереса ко всему: к занятиям, книгам, философии, людям. Иногда такая тоска, что хочется биться головой об стену, напр[имер] это было в середине февраля: я метался по комнате как угорелый, бросался на кровать, для чего-то садился на пол... Потом, я с удивлением некоторым смотрел на себя» (с. 461).

Студент физмата Павел Флоренский был одним из немногих, кто продолжал посещать занятия в университете, и в этом сказались его гражданское мужество и любовь к науке. Тем не менее, как отмечает Т. А. Шутова, это «не могло заглушить в нем „мучительный голос совести и чувство товарищества“» (с. 459). Но кризиса, подобного тому, который пережил в этот период и описал Александр Ельчанинов, не случилось. Мировоззренческий кризис Флоренский переживал очень трудно и тяжело, оставив об этом свои воспоминания, но происходило все это раньше, до поступления в университет, в год окончания тифлисской гимназии, в самом конце XIX в. Начало революционного XX в. Флоренский встретил сложившейся

личностью, готовой к тем испытаниям, которые были во многом predeterminedены его выбором.

«Лето 1899 года было временем особенно быстрого внутренне-го изменения и потому представляется мне чрезвычайно длинным и полным событий, не в пример предыдущим и многим последующим» (Флоренский, 1992, с. 209). Этой записи, датированной декабрем 1923 г., предшествуют размышления Флоренского о некотором преимуществе воспоминаний перед дневниками, поскольку по прошествии времени яснее видится смысл событий и отделяется существенное от несущественного: «И то, что скажу я сейчас, представляет тогдашнюю жизнь иначе, чем представлялась она тогда, к выгоде правдивости» (там же).

Описываемое переживание было мистическим и никак непосредственно из происходящих событий не вытекало. Гениальный юноша был увлечен исследованиями, чтением и множеством других дел: «Время мое и силы были заняты до последней степени, а добавок преподаватели гимназии охотно накладывали на меня по несколько бесплатных уроков, которые я вел с непомерной ревностью. Эта занятость не только не останавливала /но и не могла остановить/ каких-то стремительно развивающихся событий в подсознательном, откуда доносились до меня лишь глухие гулы. Но несомненно, там было беспокойно» (там же, с. 210). На этом фоне во время глубокого сна без сновидений произошло «мистическое переживание тьмы, небытия, заключенности. <...> Применяя термины, тогда мной еще не употреблявшиеся, я сказал бы: это безобразное и невыразимое переживание, потрясшее меня, как удар, было мистическим, и притом – в чистом виде. <...> Это был мрак, пред которым кажется светлую самую темную ночь, мрак густой и тяжкий, – воистину тьма египетская; она обволакивала меня и задавливала. Было ощущение, что теперь никто не поможет, никто из тех, на кого я привык рассчитывать как на нечто незыблемое и вечное...» (там же, с. 211). Пришло ощущение бессмысленности всех занятий: «С острой, не допускающей никакого сомнения убедительностью я ощутил бессилие всего занимавшего меня до сих пор, в той новой для меня области мрака, куда я попал. <...> Мною овладело безвыходное отчаяние, и я осознал окончательную невозможность выйти отсюда, окончательную отрезанность от мира видимого. В это мгновение тончайший луч, который был не то зримым светом, не то – неслышанным звуком, принес имя **Бог**. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете. Но в этой вести давалась надежда и вместе

с тем бурное и внезапное сознание, что или гибель, или – спасение этим именем и никаким другим» (там же, с. 211–212).

Родительская семья Павла Флоренского не была религиозной. Более того, ребенка всячески оберегали от всего волшебного или чудесного, не читая ему даже сказок, с самого раннего детства формируя привычку к естественнонаучному мышлению и взгляду на мир. Может быть, поэтому духовная реальность прорвалась к его сознанию так внезапно и причиняя страдания. Главу воспоминаний, в которой Флоренский с научной точностью описывает этапы происходившего кризиса, он назвал «Обвал» и зафиксировал в ней по памяти день за днем этого периода, завершившегося выходом из кризиса и тем, что можно назвать «призванием».

Все происходит на фоне роскошной грузинской природы, и это не случайно. Природа лечит, утешает, помогает, но помогает неназойливо, а лишь создавая самые благоприятные условия для внутренней работы человека по своему духовному самоопределению.

Другое условие благополучного протекания кризиса – это постоянная занятость и то, что Флоренский называет «дисциплиной мысли». Мироззрение не может измениться «вдруг», на построение новой картины мира и определение своего места в нем нужно время, и лучше, чтобы другие потрясения не мешали такой ответственной внутренней работе.

По замечанию некоторых психологов, юношеский мироззренческий кризис приходится приблизительно на возраст 18–20 лет. Этот период для молодых людей часто связан с первыми жизненными испытаниями и службой в армии. Говорится также о необходимости психологического сопровождения новобранцев для предотвращения опасных для них и окружающих нервных срывов (примеров таких срывов, к сожалению, множество). Лучше и эффективнее было бы духовное сопровождение – повсеместное распространение института армейских священников. Но людей, готовых с доверием обратиться к священнику, пока не так много, особенно в определенных возрастных группах. Как видим из описанного выше, интеллигенция по своим воззрениям на законы духовной жизни если и отличается от предреволюционной, то в сторону еще большего доверия своим знаниям (очень противоречивым и поверхностным), своему мнению и своему опыту. Так что кризисы, необходимые для приведения в соответствие «текущей эмпирии» личности с «заданием первообраза», неизбежны. Неизбежны и возвращения кризисов на других этапах жизни человека, если по тем или иным причинам

предыдущий кризис не был результативен в духовно-нравственном аспекте.

Современной личности часто бывает неуютно в этом мире. Мир переживает революционные изменения (технические, экологические, информационные и др.), а у личности существуют свои чувствительные периоды становления, и эти две «переменные» могут не только не совпадать, но и вступать в противоречие друг с другом. Кратко, в схематичной форме, проследим последствия одной из революций – «сексуальной».

Еще в 1954 г. Питирим Сорокин, наблюдая процессы, происходящие в США (где он жил и работал), услышал первые раскаты будущего грома (в Европе революция разразилась в 1968 г., а к нам пришла в 1990-е). В своей книге, вышедшей в 1956 г., ученый описал негативные последствия будущей революции – для семьи, для экономики и для самой безопасности нашей страны (Сорокин, 2006). Логическая цепочка выстраивается очень просто и ясно. От обретенной и зафиксированной в общественном сознании свободы отношений между полами разрушается семья (в том числе и как хозяйственная и экономическая ячейка общества), страдает демография, нация вырождается и становится неспособной себя защитить. На нее наступает иная цивилизация, в которой хотя бы к женщинам предъявляются жесткие требования в отношении полового поведения, где рождается очень много детей, а этим подросткам детям нужно жизненное пространство, и они начинают приглядываться к опустевшим в демографическом отношении территориям соседей, «просвещенных» сексуальной революцией (со всеми ее последствиями).

Мы бы еще к этой печальной картине добавили угрозу срокам нормального созревания личности. Лишенный в детстве стабильной семьи, ребенок не получает всех нужных условий для здорового (то есть не в сторону хитрости) развития своих умственных сил. Например, опыт подростковой чистой дружбы может так «испачкаться», что вызовет защитные реакции, совершенно необходимые для сохранения личности, но мешающие процессу здорового духовного становления. Молодой человек окажется не готов к юношескому кризису, а в 30 и 40 лет уже привычным образом станет уходить от негативных переживаний с помощью смены партнеров. В старости же такой человек всеми силами будет стараться сохранить «молодежный образ жизни», поскольку к старости как времени окончательного духовного самоопределения он окажется не готов.

Личность лечат природа, труд и семья. Неловко напоминать эти простые истины в научной статье, но мир изменился настолько, что простые истины стали забываться, а напомнить о них сейчас могут именно психологи, всегда особенно трепетно относившиеся к личности и ее проблемам.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 7–38.
- Воловикова М. И. Моральные суждения младших школьников // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 40–47.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Галкина Т. В. Психологический механизм решения задач на самооценку: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
- Комарова М. Н. Представление о порядочности и духовности в современном российском обществе. Магистерская дис. М., 2011.
- Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
- Мандру Р. Франция раннего нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Родионова Е. А. Методологический анализ теорий личности в зарубежной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.
- Пономарев Я. А. Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Сорокин Питирим Американская сексуальная революция. М.: Науч.-практ. центр коммуникативных исследований «Проект барьер», 2006.

-
- Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Заветание. М.: Московский рабочий, 1992.
- Флоренский П. А. Иконостас. М.: Искусство, 1994.
- Шутова Т. А. Ельчанинов: университетские годы // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей СДС / Под общ. ред. архим. Тихона (Шевкунова). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Вып. 2. С. 449–478.
- Юревич А. В. Развязно-агрессивный тип личности как проявление нравственного состояния современного российского общества // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 125–146.
- Piaget J. Moral Judgement of the Child. London, 1977.

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

А. Б. Купрейченко

Введение

Феномен самоопределения личности, выделенный философами, главным образом, экзистенциального направления, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание российских исследователей (К. А. Абульханова-Славская, А. И. Акатов, Л. И. Божович, Е. М. Борисова, Т. М. Буякас, М. Р. Гинзбург, В. В. Гулякина, А. Л. Журавлев, С. А. Калашникова, Е. А. Климов, А. Б. Купрейченко, Е. Р. Миронова, Л. А. Наумова, А. К. Маркова, И. А. Оботурова, И. Г. Ожерельева, О. В. Падалко, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Н. С. Пряжников, С. Л. Рубинштейн, В. Ф. Сафин, А. А. Туровская, М. Г. Угарова, Д. И. Фельдштейн, Н. В. Шеколкина и др.). Исследователи обращают внимание и на отдельные высокозначимые виды самоопределения. Речь идет о *жизненном, личностном, социальном, культурном, духовном, нравственном, гражданском, профессиональном, политическом, экономическом, этническом, конфессиональном и т. д. самоопределении*. Необходимо отметить, что многие перечисленные виды самоопределения тесно связаны, пересекаются, а возможно и являются составными частями друг друга. Анализу их соотношения посвящена наша специальная работа, поэтому здесь мы лишь кратко обозначим свои позиции по этому вопросу.

В основе частных видов самоопределения лежат два базовых – духовное и витальное. Нравственное самоопределение, понимаемое нами как составная часть одного из этих базовых видов самоопределения, а именно духовного, занимает особое место в ряду других. Действительно, нравственные факторы нельзя рассматривать как рядоположенные экономическим, политическим и т. д. *Нравст-*

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 12-36-01099а1.

венность – целостная система воззрений на должную социальную жизнь, выражающая то или иное понимание сущности человека и его бытия. Она составляет ценностный базис общества и имеет всеобщее значение, регулируя жизнедеятельность человека во всех сферах жизни с целью достижения единства или согласованности общественных, групповых и личных интересов.

Соответственно, на нравственном самоопределении, как и на других составляющих базовых видов самоопределения, выстраиваются более частные виды самоопределения в различных сферах жизнедеятельности личности и общества: социальное, политическое, профессиональное, экономическое. На основе базовых нравственных эталонов и идеалов формируются нравственные оценки отдельных сфер жизнедеятельности, а также отношения нравственности (оценки, эмоции и готовность к нравственному поведению), связанные с отдельными объектами и явлениями этих сфер. Необходимо пояснить, что мы понимаем под отношениями нравственности. *Отношения нравственности* включают в себя 4 основных структурных компонента: отношение к нравственности как явлению, нравственные оценки отдельных объектов и явлений, взаимоотношения по поводу нравственности с другими людьми и отношение к себе как субъекту нравственности.

Например, на основании базовых представлений о должной и праведной жизни формируется моральная оценка как проявлений добра или зла отдельных сфер жизни: трудовой, учебной, досуговой и т. д. В соответствии с этим формируются нравственные оценки, эмоции и готовность к соблюдению нравственных норм в отношении объектов и людей, представляющих эти сферы. Данные элементы отношений нравственности являются одновременно компонентами самоопределения в конкретной сфере жизнедеятельности (трудовой, учебной и т. д.) и компонентами общего самоопределения личности.

В целом, *нравственное самоопределение* понимается нами как процесс ориентации личности в системе нравственных идеалов и ценностей, среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также как осознанный процесс поиска, выбора и создания личностью собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – создания принципов, ценностей, норм, правил и т. п.

Создание нравственных эталонов и идеалов может осуществляться в разных формах, дифференциация которых определяется по степени представленности в этом процессе внешней и внутренней

детерминации. Когда мы имеем в виду внешнюю обусловленность, то чаще называем это формированием, обучением, воспитанием, когда же речь идет о преобладании внутренней детерминации, то это обозначается как творение, созидание, конструирование.

Рассмотрение соотношения нравственного самоопределения с другими его видами закономерно приводит нас к вопросу о его содержании и структуре. Ниже будет выполнен анализ существующих подходов к анализу видов самоопределения и предложена структурно-динамическая модель нравственного самоопределения, которая была подтверждена в ходе эмпирического исследования.

Представления о структуре нравственного самоопределения

Современное состояние теоретических и эмпирических исследований самоопределения предоставляет широкие возможности для содержательного наполнения и развития этого понятия и работы над его структурой. Нами ранее обосновывались несколько подходов к структуре самоопределения. В частности, была разработана *уровневая модель самоопределения*, в ее конкретном варианте двухуровневой структуры, включающая относительно устойчивый «ценностно-нравственный стержень» и динамичную «оболочку» (Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 48–56). Главными основаниями для выделения этих компонентов самоопределения послужили различная *степень устойчивости* во времени образующих самоопределение психологических феноменов и *различные функции*, которые они выполняют в жизни субъекта.

Устойчивая составляющая самоопределения – «ценностно-нравственный стержень»; он может быть также обозначен как ценностно-смысловой, смысложизненный, нравственный; используется также близкое по содержанию понятие «мировоззренческая позиция» и т. п. Он объединяет в себе следующие составляющие: представления о принципах устройства мира («картина мира», или «образ мира») и организации человеческого сообщества, смыслы жизни, наиболее значимые ценности и ориентации личности, ценностные идеалы, ценностные табу (отвергаемые ценности и ориентации), основные жизненные способности (по С. Л. Рубинштейну), жизненные принципы (разрешающие – «я делаю всегда» – и запрещающие – «я никогда не делаю»), а также жизненные притязания.

Динамичная и пластичная составляющая самоопределения – «оболочка» – включает представления об окружающем социально-

психологическом пространстве, ценности, цели и мотивы различных этапов жизни, знания об актуальных способностях и своих возможностях на каждом из них. Кроме того, «оболочка» включает психологическую (прежде всего мотивационную) готовность личности к определенным действиям, связанным с достижением желаемой позиции в системе социальных отношений (психологические феномены «предповедения»). Ее содержание динамично, поскольку отражает ценностные и мотивационные особенности текущего этапа жизнедеятельности субъекта, а кроме того пластично, так как изменяется хотя и частично, но в соответствии с внешними условиями, с которыми взаимодействует субъект.

Устойчивая составляющая самоопределения – «ценностно-нравственный стержень» – выполняет функции системообразования, Эго-защиты, самосохранения, контроля, самопознания, преобразования личности, общей ориентации в жизни и мире, антиципации и т. д. Основные функции «оболочки» – инструментальные: адаптации, резервирования, накопления (аккумуляции), селекции, самореализации, апперцепции, преобразования среды, защиты элементов «ценностно-нравственного стержня» и т. п. В качестве общей теоретической гипотезы можно предположить, что строение самоопределения может быть значительно более сложным. В специальной работе ранее было сформулировано представление о пятиуровневом строении феномена самоопределения субъекта (там же, с. 50–51).

Еще в одной авторской модели структуры нравственного самоопределения (Купрейченко, 2010) выделены *четыре основных сегмента*, различающихся *категорией объектов самоопределения*. Первый сегмент – самоопределение *в отношении морали и нравственности как части общественного сознания и социального института*, то есть самоопределение в системе мировоззрений, философских концепций нравственности, а также в системах моральных ценностей различных эпох и культур. Самоопределяясь, субъект формирует свое отношение к этим явлениям, вырабатывает стратегию поведения в случае возникновения противоречий между различными системами мировоззрений или этических концепций, ценностей и т. д. (см. рисунок 1).

Второй сегмент нравственного самоопределения – нравственное самоопределение *в отношении объектов и явлений окружающего мира и бытия*. Эти составляющие самоопределения особо значимы в ходе самоопределения в тех сферах жизнедеятельности, где роль других факторов (политических, экономических и т. д.) более весо-

ма, по сравнению с нравственными. Содержанием этого сегмента является нравственная оценка различных феноменов и явлений данной сферы жизнедеятельности (например, нравственная оценка денег, собственности, политической власти и т. д.), формирование стратегий поведения в случае столкновения нравственных и иных мотивов личности (например, экономических, политических, профессиональных) и т. д.

Третий сегмент – *самоопределение в отношении других людей, групп и общества в целом как субъектов нравственности*. Содержанием этого сегмента нравственного самоопределения является формирование отношения к Человеку и ко всему человечеству, к людям и социальным группам, являющимся носителями определенных этических ценностей. Данный сегмент включает также наделение нравственными смыслами отдельных видов отношений между людьми, формирование стратегий поведения при взаимодействии с ними в различных, в том числе конфликтных, ситуациях и др. Эти процессы особо значимы в сфере отношений между людьми и в других сферах жизнедеятельности, в которых нравственным факторам принадлежит главная регуляторная роль. Четвертый сегмент нравственного самоопределения – *самоопределение в отношении самого себя как субъекта отношений нравственности*.

В нашей модели отдельные сегменты нравственного самоопределения тесно соприкасаются и имеют общий центр, общую точку опоры («нравственный стержень») – представления о принципах устройства мира (в частности, представления о происхождении нравственности, ее значимости для общества, ее абсолютности-относительности и т. д.) (см. рисунок 1). С ними тесно связаны смыслы жизни, ценностные идеалы и табу, базовые отношения к миру, людям и самому себе. Например, отношение к человеку как к достойному любви творению, созданному по образу и подобию Божьему, или же как к равному партнеру, ценность которого зависит от его поведения, или, наконец, как к средству достижения своих целей. От этого во многом зависят нравственные ценности и ориентиры личности – любовь, справедливость, эгоцентризм и т. д. Таким образом, нравственное самоопределение имеет сложную (по нашим представлениям, многосегментную) структуру.

В одной из работ мы выделили две основные совокупности характеристик самоопределения: *содержательные и формально-динамические* (Журавлев, Купрейченко, 2007). Согласно этой модели, в структуре самоопределения вообще и нравственного – в частности

Рис. 1. Четырехсегментная структура нравственного самоопределения

возможно рассмотреть большое число содержательных элементов (ценности, идеалы, представления, стратегии, потребности, способности, отношение к себе как субъекту нравственных отношений, нравственная оценка объектов и т. д.), а также формально-динамических (широта, степень сформированности, характер динамики процесса, устойчивость, успешность и т. д.). Подход к исследованию с позиций самоопределения позволяет перейти от разрозненного изучения нравственно-психологических феноменов (как это было до сих пор) к интегрированному и структурированному. Однако следует понимать, что при этом уже не может быть достигнута та глубина анализа отдельного элемента, как это было в конкретных исследованиях нравственных представлений (Воловикова, 2004; Емельянова, 2006). Микросемантический и символический анализ представлений о порядочном человеке, контент-анализ понимания справедливости позволяют выявить неожиданные для исследователя факты, которые невозможно получить при помощи закрытого анкетного опроса. Также предлагаемый подход, задавая определенную структуру феномена, ограничивает поиск составляющих его элементов, не предусмотренных исследователем в теоретической

модели. Такая возможность была, например, в подходе к исследованию нравственного сознания А. А. Хвостова (Хвостов, 2005), где составляющие нравственного сознания определялись путем факторного анализа неструктурированного эмпирического материала. Таким образом, мы осознаем не только достоинства, но и ограничения предлагаемой теоретической модели.

Учитывая требования моральной неподвзятости и многомерного подхода к исследованию нравственной сферы личности, о которых было сказано выше, а также опыт исследования нравственного сознания А. А. Хвостова и других авторов, в нашем эмпирическом исследовании был использован целый спектр *базовых представлений* о нравственности и морали, – в частности, представлений о происхождении нравственности, ее значимости для общества, природе нравственности личности и т. д. (Воробьева, 2010; Воробьева, Купрейченко, 2011а, 2011б; Купрейченко, 2011; Купрейченко, Воробьева, 2011).

Наряду с ними в структуре нравственного самоопределения были выделены такие крупные элементы, как *нравственные стратегии*. Анализируя исследования стратегий жизни К. А. Абульхановой-Славской, Г. В. Иванченко, Ю. М. Резника, Е. А. Смирнова и других авторов, можно сделать вывод, что стратегия жизни является одним из главных результатов жизненного самоопределения личности, показателем его сформированности. Это способ созидательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования ее будущего (Резник, Смирнов, 2002, с. 73). Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуации жизни в соответствии с ценностями личности, в отстаивании главного ценной уступок в частном, в преодолении боязни потерь и в нахождении самого себя (Абульханова-Славская, 1991, с. 67–68). В. Ф. Сафин и Г. П. Ников утверждают, что в ситуации нравственного выбора люди «предпочитают не нравственные принципы, которыми надлежит руководствоваться, а *линию поведения*, которая, с одной стороны, адекватна ситуации, а с другой – соответствует их нравственным принципам» (Сафин, Ников, 1984, с. 72). По нашему мнению, здесь речь также идет нравственных стратегиях.

Еще одним важным элементом нравственного самоопределения, включенным в исследование, являются *нравственные ориентации*. В современной литературе упоминается ряд близких понятий: 1) *ценностная ориентация нравственного сознания* (наиболее

устойчивое, глубинное выражение его нормативного содержания, поддерживается всеми сегментами нравственного сознания, подкрепляется общим трафаретом нравственной оценки, связывает между собой ряд исходных ценностей, составляющих основу нормативной позиции личности) (Титаренко, 1974); 2) *моральная ориентация* (направленность, избирательность сознания и поведения личности, детерминируемые ее представлениями о нравственных ценностях) (Бушелева, 1988). Под нравственными ориентациями мы будем понимать избирательность приложения личностью нравственных норм по отношению к различным по степени социальной или психологической близости группам объектов.

Мы определяем нравственные ориентации личности, основываясь на концепции Б. С. Братуся и современной этической философии (Г. Йонас). Б. С. Братусь выделяет четыре уровня личности: эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный (гуманистический), духовный (эсхатологический) (Братусь, 1993). Последний уровень предполагает рассмотрение себя и другого в связи с духовным миром. Таким образом, в традиционном подходе, наиболее распространенном в предыдущих столетиях, расширяющийся круг объектов нравственного отношения (Я – моя группа – человечество) не включал в себя других живых существ и природы в целом. В современной философии все чаще рассматриваются этические вопросы *ответственности человечества перед природой и будущими поколениями*. Создание единой, общепланетарной, глобальной нравственности представляется необходимым для выживания природы и человеческого. В целом, в исследованиях человека нарастает тенденция рассматривать его как сознательного, активного, самостоятельного, ответственного, способного к произвольной регуляции и рефлексии субъекта, который в силах познавать, сохранять и преобразовывать себя и окружающий мир. В последнем состоит *миросозидательная функция* современного человека.

Давним вопросом в психологической науке является проблема ситуативной изменчивости/устойчивости морального поведения (Анцыферова, 1999). Может ли личность с эгоцентрической направленностью совершать нравственные поступки? Да, может. Пример такого поведения приводит Л. И. Анцыферова в своем анализе исследований Л. Колберга (Анцыферова, 1999). Мотивом морального действия в рассматриваемом случае было желание одобрения со стороны окружающих, стремление подтвердить их ожидания. М. Хаузер отмечает, что возможности помогать другим возникают

у людей довольно часто, но они чаще игнорируются, чем служат поводом для альтруистичного поведения. К тому же альтруистичное поведение часто объясняется возможностью получить возмещение за свой хороший поступок или избежать наказания за уклонение от него (Хаузер, 2008). Поэтому, помимо оценки представлений, стратегий и ориентаций личности, в нашем эмпирическом исследовании использован дополнительный авторский методический прием – оценка неэтичных явлений (формулировок газетных заголовков и рекламных роликов). Это позволило выявить соответствие/несоответствие декларируемого и осуществляемого и, следовательно, охарактеризовать типы нравственного самоопределения как согласованные/несогласованные.

По нашему мнению, в целом результат нравственного самоопределения (нравственная позиция субъекта) может быть оценен как более или менее позитивный или негативный. Вслед за многими современными авторами позитивным в нравственности личности мы будем считать то, что способствует выживанию, сохранению человеческого сообщества: ориентацию на интересы общества, гуманистическую и миротворческую направленность (так, например, сохранение среды обитания способствует выживанию), способность к самопожертвованию, альтруизм, заботу и т. п. Характеристика самоопределения как позитивного встречается, в частности, в работах Л. И. Акатова и Е. Ю. Стрижова (Акатов, 2009; Стрижов, 2009). Выражением *позитивной нравственной позиции* мы считаем наличие гуманистических представлений, стратегий и ориентаций респондентов. Помимо общей оценки по степени позитивности, можно также выявить некоторые частные показатели, отражающие индивидуальные особенности нравственного самоопределения, а также наиболее типичные сочетания отдельных его характеристик, то есть *психологические типы нравственного самоопределения*.

Анализируя приведенные выше модели, можно заключить, что в целом нравственное самоопределение как специфический вид самоопределения характеризуют следующие особенности: 1) особая значимость отдельных структурных компонентов самоопределения, главным образом, первостепенная значимость эталонов и идеалов; 2) отчетливая выраженность уровневого строения; 3) особая устойчивость «стержня» и высокая мобильность «оболочки»; 4) наличие мощных внутренних регуляторов – совести и стыда; 5) базовая позиция по отношению к другим видам самоопределения: нравственное самоопределение выступает основой и неотъемлемой частью

большинства других видов самоопределения личности и группы; б) многоаспектность, или многосегментность (Купрейченко, 2010).

Представленные выше теоретические модели послужили основой для эмпирического исследования. Мы стремились также в процессе работы найти факты, подтверждающие или опровергающие эти модели. Результаты, полученные в ходе корреляционного и регрессионного анализа, позволили выявить наиболее значимые элементы нравственного самоопределения, оказывающие влияние на другие, а также взаимосвязи между отдельными элементами (Купрейченко, Воробьева, 2011), что стало эмпирическим подтверждением существования «стержня» и «оболочки» самоопределения. На основе этих данных нами была разработана объяснительная схема того, как процесс нравственного самоопределения разворачивается во времени, а точнее – в ходе чередования ряда основных его этапов (см. рисунок 2). Эта схема может быть названа *структурно-динамической моделью нравственного самоопределения*.

Зачатки нравственного самоопределения имеют место уже в раннем детстве. Так, согласно нашим теоретическим представлениям, описанным в специальной работе и нашедшим некоторое подтверждение в ходе эмпирических исследований, существует некоторая природная предрасположенность человека к тому или иному типу нравственного самоопределения (Купрейченко, 2011). Эта предрасположенность может быть как биологической (физиологической или инстинктивной), так и духовной. Именно она определяет некоторые *наиболее ранние проявления нравственной активности*, а также *нравственных эмоций и чувств*, например, доверия и любви к окружающим или страха и ненависти, сострадания и взаимопомощи или агрессии и жадности, восхищения или обиды. Эти эмоциональные и поведенческие реакции на начальном этапе жизни не осознаются и не являются результатом осмысленного выбора, поэтому не являются элементами самоопределения, так как самоопределение есть процесс по большей части осознаваемый. Однако позже, будучи приняты субъектом, они (наряду с убеждениями в том, что нравственность имманентно присуща человеческому обществу и значима для него) не только создают основу для более зрелых нравственных ориентаций, представлений и эмоций (например, гордости или стыда), но и сами на долгие годы сохраняют свою значимость. Об этом говорит их присутствие в эмпирически выделенном стержне нравственного самоопределения молодежи (Купрейченко, Воробьева, 2011).

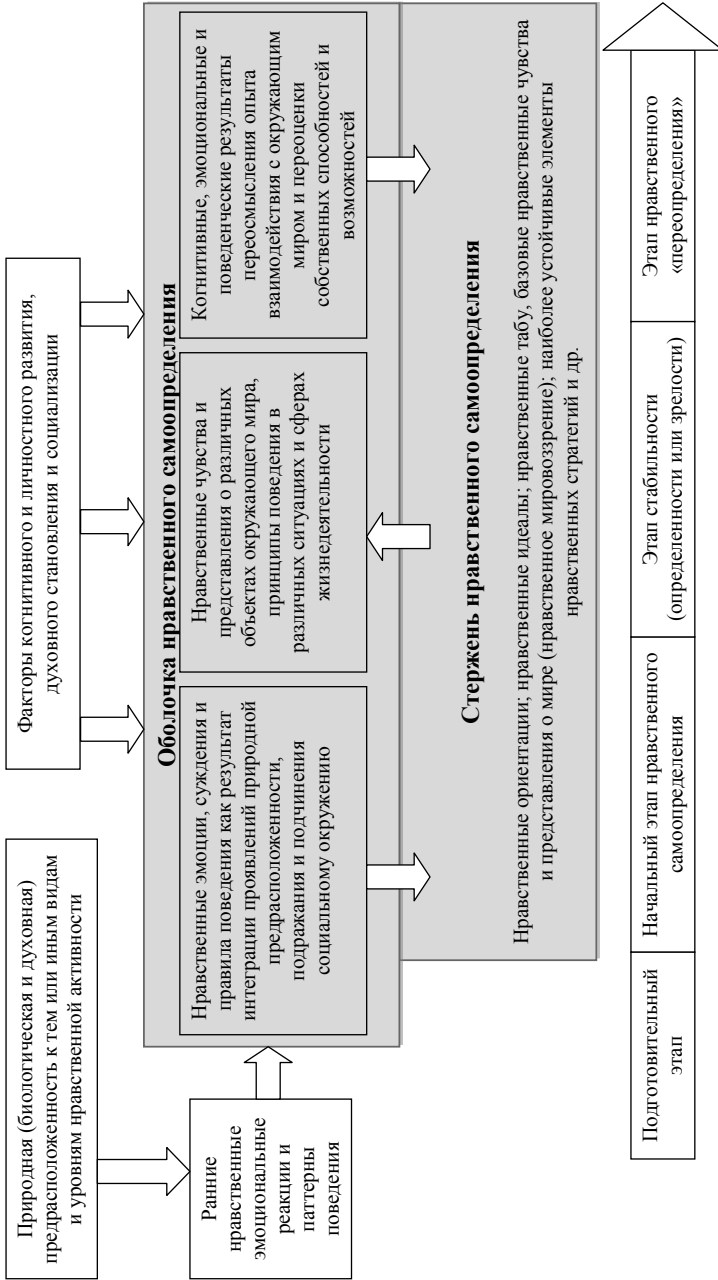

Рис. 2. Структурно-динамическая модель нравственного самоопределения

Кроме того, на первых этапах жизни личность находится под влиянием значительной совокупности факторов, определяющих ее формирование, – особенностей социализации, когнитивного развития, различных других детерминант духовного и личностного становления и т. д. Их воздействие обуславливает соответствующее нравственное поведение – подражательное или определяющееся страхом наказания. Такое поведение часто может быть не имманентно личности, поэтому, на наш взгляд, представления, на которых оно основано, относятся большей частью к оболочке нравственного самоопределения.

Позже их осмысление и принятие или непринятие на фоне природной предрасположенности формируют некоторые базовые нравственные чувства (например, благоговения и гордости или отвращения и стыда) и представления о должном нравственном поведении. Эти представления постепенно оформляются в нравственный идеал и соответствующие ему ориентации (эгоцентрическую, группоцентрическую, гуманистическую, мирозидательную). Как показал анализ наших эмпирических исследований, эти четыре ориентации являются относительно независимыми, то есть каждая из них в той или иной степени может быть выражена у одного и того же человека. Взаимоисключающими с высокой долей вероятности являются только гуманистическая и эгоцентрическая ориентации. Этап формирования базовых нравственных ориентаций, представлений и чувств может быть назван начальным этапом нравственного самоопределения (см. рисунок 2).

Согласно данным регрессионного анализа (Купрейченко, Воробьева, 2011), нравственные ориентации, в свою очередь, оказывают влияние на нравственные стратегии, и сильнее всего – на их когнитивный компонент, а также на представления о нравственности. При этом они влияют как на базовые представления, которые относятся к «стержню» (например, представления о значимости нравственности для общества), так и на некоторые частные, которые мы отнесли к «оболочке» нравственного самоопределения. Это является показателем вполне осознанного самоопределения в отношении различных объектов окружающего мира и категорий людей, в ходе которого личность вырабатывает принципы поведения в различных сферах жизни и ситуациях. Этап самоопределения, характеризующийся относительной ясностью, четкостью и упорядоченностью нравственных норм, может быть назван этапом стабильности. В зависимости от стадии развития личнос-

ти он может быть назван этапом определенности или же этапом зрелости.

Мы не случайно упомянули об относительности ясности и четкости норм – в системе нравственных принципов и правил поведения любого человека имеется целый ряд скрытых или явных противоречий, которые при определенных обстоятельствах могут привести к конфликту с социальным окружением, а также вызвать внутриличностный конфликт. Нравственные конфликты различного вида (внутриличностные, межличностные, межгрупповые) могут привести к кризису самоопределения и переосмыслению его основ. К переосмыслению основ самоопределения могут приводить также восприятие изменений внешних условий жизнедеятельности (например, резко улучшившихся или ухудшившихся), оценка человеком собственных жизненных достижений (успех или провал), осознание своего места в социуме (признание или отвержение), а также осмысление личностью обретения ею новых качеств в процессе становления (социальная компетентность и т. д.) и на разных этапах жизни (родительский статус и т. п.). Во всех этих случаях результатом переосмысления явится скачкообразное изменение содержания нравственного самоопределения. Подобный скачок является результатом следующего этапа нравственного самоопределения – так называемого «переопределения» личности (рисунок 2).

Так, наши исследования нравственного самоопределения в сфере СМИ показали, что негативное отношение к неэтичной рекламе и газетным заголовкам резко усиливается у молодых людей после вступления в брак и особенно – после рождения детей (Воробьева, 2010; Воробьева, Купрейченко, 2011а). С изменением семейного статуса меняются не только частные, но и общие показатели нравственного самоопределения, что является признаком нравственного «переопределения» этих групп молодежи.

На следующем после переопределения этапе вновь наступает этап стабильности самоопределения. Разумеется, данный этап не будет идентичен этапу стабильности нравственного самоопределения на предыдущей стадии жизни личности. Каждый новый этап нравственного самоопределения и переопределения будет иметь свою специфику у одной и той же личности. Например, с возрастом может снижаться чувствительность к влиянию внешней среды. Возможно также, что отдельные элементы «стержня» (например, нравственный идеал) или «оболочки» (например, правила разрешения нравственных конфликтов) будут сохраняться неизменны-

ми всю жизнь и на всех этапах самоопределения. Представленная структурно-динамическая модель не учитывает все возможные варианты развертывания процесса нравственного самоопределения и их детерминацию, – в частности, возможное сопротивление субъекта, его психологические защиты и т. д.

В целом процесс нравственного самоопределения личности на протяжении ее жизни характеризуется постоянной сменой детерминации: элементы, сформировавшиеся на предыдущем этапе под влиянием других, на следующей стадии сами становятся их детерминантами. И хотя нам удалось выявить наиболее значимые и устойчивые элементы нравственного самоопределения, которые с полным основанием могут быть отнесены к «ценностно-нравственному стержню» личности, данные регрессионного анализа показали, что эти элементы, тем не менее, испытывают воздействие элементов «оболочки» нравственного самоопределения, что, по нашему мнению, является признаком этапа «переопределения» (Купрейченко, Воробьева, 2011).

Таким образом, составляющие нравственного самоопределения имеют разную природу, могут быть биологически, духовно, социально или утилитарно обусловлены (Купрейченко, 2011). Кроме того, они выполняют различные функции в ходе жизнедеятельности. Это могут быть функции социального познания (в том числе апперцепции) и самопознания, самодетерминации, самопрезентации, регуляции поведения, обеспечения взаимодействия с социальным миром, психологической защиты и многие другие. При этом некоторые элементы нравственного самоопределения выполняют сразу несколько подобных функций. И наконец, элементы нравственного самоопределения различаются по своей значимости и степени влияния на другие элементы. Наиболее значимые и устойчивые элементы мы относим к «стержню» нравственного самоопределения, остальные – к его «оболочке». С течением времени отдельные элементы могут переходить из «оболочки» в «стержень» и наоборот, но есть и такие, которые сохраняют свою значимость на протяжении всей жизни человека.

Выводы

1. Современное состояние теоретических и эмпирических исследований самоопределения предоставляет широкие возможности для содержательного наполнения и развития этого понятия.

Прежде всего, должна быть продолжена теоретическая работа над структурой самоопределения. Сложную задачу представляет установление родо-видовых и иерархических связей различных видов самоопределения. Можно выделить некоторые *виды самоопределения*, которые являются базовыми, или более общими, по отношению к другим. Таковыми мы считаем *духовное* и *витальное* самоопределение. Нравственное самоопределение понимается нами как составная часть духовного самоопределения (наряду с гностическим и эстетическим компонентами). На нравственном самоопределении, так же как и на других составляющих базовых видов самоопределения (духовного и витального), выстраиваются более частные виды самоопределения в различных сферах жизнедеятельности личности и общества: социальное, политическое, профессиональное, экономическое. На основе базовых нравственных эталонов и идеалов формируются нравственные оценки самих отдельных сфер жизнедеятельности, а также отношения нравственности (оценки, эмоции и готовность в нравственном поведении), связанные с отдельными объектами и явлениями этих сфер.

2. *Нравственное самоопределение* понимается нами как процесс ориентации личности в системе нравственных идеалов и ценностей, среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также как осознанный процесс поиска, выбора и создания личностью собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – принципов, ценностей, норм, правил и т. п. Создание нравственных эталонов и идеалов может осуществляться в разных формах, дифференциация которых определяется по степени представленности в этом процессе внешней и внутренней детерминации. Когда мы имеем в виду внешнюю обусловленность, то чаще называем это формированием, обучением, воспитанием, когда же речь идет о преобладании внутренней детерминации, то это обозначается как творение, созидание, конструирование.
3. Предложены авторские модели нравственного самоопределения, а также рассмотрено применение некоторых ранее созданных моделей к нравственному самоопределению. Приложение уровневой модели к нравственному самоопределению позволяет в качестве основных элементов «ценностно-нравственного стержня» назвать нравственные ориентации, эталоны, идеалы и антиидеалы, базовые нравственные чувства и представления

(нравственное мировоззрение), наиболее устойчивые элементы нравственных стратегий и т. д. «Оболочку» же нравственного самоопределения составляют нравственные чувства по отношению к различным объектам окружающего мира и представления о них, нравственные принципы, нормы и правила поведения в различных ситуациях и с различными категориями людей и т. д.

4. В ходе теоретического анализа с опорой на данные эмпирического исследования нами разработана структурно-динамическая модель нравственного самоопределения. Согласно этой модели элементы нравственного самоопределения имеют разную природу (могут быть биологически, духовно, социально или утилитарно обусловлены). Кроме того, они выполняют различные функции в ходе жизнедеятельности. Наконец, элементы нравственного самоопределения различаются по своей значимости и степени влияния на другие его элементы. Процесс нравственного самоопределения на протяжении жизни субъекта проходит несколько этапов, характеризующихся изменением содержания нравственного самоопределения и его детерминации. Самоопределение предполагает активное саморазвитие личности, поиск собственной жизненной позиции, выбор решения в проблемной ситуации. Соответственно, в процессе нравственного самоопределения могут быть выделены подготовительный этап, начальный этап (этап первичного самоопределения), этап стабильности (определенности, или зрелости) и этап переопределения. В целом процесс нравственного самоопределения личности на протяжении ее жизни характеризуется постоянной сменой детерминации – элементы, сформировавшиеся на предыдущем этапе под влиянием других, на следующей стадии сами становятся детерминантами.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Акатов А. И. Социальное самоопределение старшеклассников: ретроспективный подход. Курск: Изд-во КГУ, 2009.

- Братусь Б. С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
- Бушелева Б. В.* Моральная ориентация и ее место в структуре социальной активности // Актуальные проблемы формирования социальной активности учащихся: Сб. науч. трудов / Под ред. Т. Н. Мальковской. М.: Изд-во АПН СССР, 1988. С. 68–80.
- Воробьева А. Е.* Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б.* Нравственное самоопределение различных социально-демографических групп молодежи // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 1. С. 22–33.
- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б.* Стадии нравственного самоопределения молодежи // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011б. С. 274–297.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010.
- Купрейченко А. Б.* Предмет и перспективы психологических исследований нравственности // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 56–74.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е.* Структура нравственного самоопределения молодежи // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 146–167.
- Сафин В. Ф., Ников Г. П.* Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 4. С. 65–73.
- Стрижов Е. Ю.* Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты: Монография. Тамбов: ИД «ТГУ им. Г. Р. Державина», 2009.
- Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания (Опыт этико-философского исследования). М.: Мысль, 1974.
- Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
- Хвостов А. А.* Структура и детерминанты морального сознания личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005.

КОГНИТИВНОЕ И АФФЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПОНИМАНИИ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ

В. В. Знаков

В современной психологии большое внимание уделяется анализу проблем, которые нельзя понять на основе только рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Именно к таким проблемам относятся моральные дилеммы.

Цель статьи – проанализировать роль неосознаваемых компонентов в понимании людьми моральных дилемм.

Для субъекта, оказавшегося в ситуации морального выбора, важным условием ее понимания становится актуализация экзистенциального опыта. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание.

В психологической литературе и новейшей истории описано немало событий и ситуаций, понимание которых невозможно без актуализации экзистенциального опыта субъекта. Одним из трех основных компонентов такого опыта является этический, имеющий непосредственное отношение к морали и нравственности (Знаков, 2009а). Многие ситуации человеческого бытия, относящиеся к экзистенциальной реальности (террористическая угроза, эвтаназия, пересадка органов и др.) можно лишь постигать, но нельзя понимать по типам понимания-знания или понимания-интерпретации (Знаков, 2009б). Например, как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. во-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-06-00073а.

еннопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это политическое, но, несомненно, и моральное решение не может быть объяснено никакими логическими выкладками, поскольку оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта. Понимание событий в таких областях осуществляется по типу понимания-постижения.

Сегодня человечество живет в условиях серьезных конфликтов между религиозными ценностями (в частности, христианскими и мусульманскими), в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением – и глубинными эмоциями, переживаниями. Напомню, что в XXI в., пожалуй, все началось в 2005 г. с карикатур на пророка Мухаммеда, сделанных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел одиннадцати исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. Некоторые из них, не получив извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангелист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посоветовавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция вызвала переживания, возмущение и протесты мусульман во всем мире (в частности, в Афганистане, были жертвы). Наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 г. прошла акция феминистской группы «Pussy Riot» в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма.

Все эти случаи явились поводом для возникновения негативных эмоций у миллионов людей и острых дискуссий в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные рациональные объяснения при-

чин описанных выше поступков. Однако факты таковы, что во всех этих случаях участники массового возмущения с самого начала не слушали рациональных доводов, а основывались на плохо осознаваемых невербализуемых аргументах и обращались к экзистенциальным переживаниям и по-прежнему продолжают это делать.

Из этого я делаю вывод, который очевиден, но трудно научно доказать. Вывод такой: в нашей жизни есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Описанные протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции, к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы «Pussy Riot»: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Приведу четыре аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания моральных дилемм в экзистенциальных сферах человеческого бытия, подобных описанным выше.

Во-первых, осознаем мы это или нет, хотим мы этого или не желаем, следует признать, что в психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008, с. 32). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т. п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006; и др.). «Экспериментальные данные показывают, что индивиды оценивают события с моральной точки зрения „автоматически“ (Moll et al., 2005, с. 803), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их (Бобнева, 1978) и не формулируя каких-либо обоснований (Hauser, 2006)» (Александров, Александрова, 2009, с. 178). Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, считающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора.

Хаузер полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования (Хаузер, 2008, с. 33). В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросс-культурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно делают сходный выбор (там же).

Во-вторых, анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о «коллективном бессознательном» К. Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена я как академический психолог вынужден отказаться от обсуждения этой категории.

Несомненно, более научно обоснованными являются представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). За почти полвека с тех пор, как Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» (Аллахвердов и др., 2008, с. 10).

Что касается Пиаже, то он пишет о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, – ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающим понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформу-

лирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (то есть принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание – это следствие реконструкции на высшем – сознательном – уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

В-третьих, мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре (Александров, Александрова, 2009). Психолог Ю. И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила. «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211). Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли

внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы «они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличие ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива» (там же, с. 215). Ясно, что малодифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. Это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

Наконец, в-четвертых, необходимо ответить на вопрос: почему на сожжение Корана или поступок участниц группы «Pussy Riot» у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Подобные реакции всегда имеют интерсубъектный характер, потому что являются поведенческим проявлением имплицитного интерсубъектного содержания экзистенциального опыта людей. Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его внутреннего мира. Вот как об этом пишет Т. Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Характерно, что имплицитное содержание экзистенциального опыта включает неосознаваемые элементы не только бессознательного, но и надсознательного. Во второй половине XX в. М.Г. Ярошевский писал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей – союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998).

Аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, коллективно-надсознательное являются непременными компонентами понимания человеком моральных дилемм, особенно экзистенциально значимых для субъекта. Одной из общечеловеческих экзистенциальных моральных проблем является необходимость срочного принятия решения о прерывании неожиданной и нежелательной беременности. Такая ситуация для женщины или пары оказывается критической. Психологам хорошо известно, что в кризисных ситуациях, особенно связанных с моральными дилеммами, люди становятся более подверженными внешним влияниям. В таких ситуациях субъект начинает меньше доверять своему мнению и способности принять правильное решение. В результате он в большей степени полагается на мнение других, особенно авторитетных лиц. В кризисных ситуациях люди колеблются, меняют свою точку зрения на другую, иногда прямо противоположную. Кроме того, «они часто ощущают усталость, безразличие, безнадежность, несостоятельность, замешательство, тревогу и неспособность к самоорганизации. Именно поэтому они чаще отказываются от своей точки зрения и позволяют решать за себя другим вместо того, чтобы защититься от решений, которые принимаются без учета их интересов» (Бёрк, Риардон, 2010, с. 263). В результате женщины нередко делают аборт, не дав себе времени осознать пробуждающиеся материнские чувства. И только прервав беременность, они понимают, насколько сильно хотели ребенка. Это влечет целый комплекс психологических последствий, называемых «постабортным синдромом». Следовательно, нельзя не признать, что в понимании ситуации аборта бессознательные компоненты играют важную и далеко не последнюю роль.

Осуществляя психологический анализ нравственного сознания субъекта, решающего и понимающего моральные проблемы, необ-

ходимо ответить на вопрос о том, какое отношение имеют ситуации искусственного прерывания беременности к морали и нравственности? На него невозможно ответить без рассмотрения другого вопроса: какие психологические и мировоззренческие особенности людей определяют различия в понимании ими моральной допустимости или, наоборот, недопустимости аборт?

Определение понятия «моральной допустимости» искусственного прерывания беременности в современной науке является одной из важнейших проблем психологических исследований абортов. В этой проблеме выделяется два главных аспекта: совокупность представлений людей о начале жизни (Hess, Rueb, 2005) и о моральном статусе плода (Little, 2005). Одни считают началом жизни момент зачатия или достижения плодом определенного уровня развития, а аборт приравнивают к убийству человека. Другие полагают, что аборт нельзя рассматривать как убийство, потому что плод до рождения не является человеческим существом и не обладает правами, не имеет морального статуса. С. К. Крейг с соавторами, анализируя сложившуюся ситуацию, утверждает, что, обсуждая возможность аборта, мы попадаем в амбивалентное, неоднозначное положение. Одни говорят о геноциде против нерожденного ребенка, а другие (сторонники прав человека) сразу же вспоминают о нарушении прав женщины, которые завоевывались в течение десятилетий (Craig et al., 2002).

М. О. Литтл, отстаивающая моральную допустимость аборта на ранних сроках беременности, пытается смягчить или даже обесценить первый аргумент (Little, 2005). Она считает, что моральный выбор должен оцениваться не только с точки зрения решения прервать жизнь, но и продолжить ее. Нужно проанализировать, является ли аборт активным прекращением жизни, то есть, по существу, убийством, или же представляет собой лишь отказ в продолжении снабжения неавтономного плода всем необходимым для жизни (пассивное прекращение жизни).

Другой аргумент апеллирует к правам человека: женщина имеет право распоряжаться своим телом и, следовательно, обладает свободой выбора. Однако «идея беспрекословной „свободы выбора“ при принятии решения об аборте является очень опасной. Она основана на образе идеальной женщины, которая обладает всей необходимой информацией, независима и эмоционально устойчива. Таковую женщину невозможно встретить в реальной жизни. На самом деле большинство женщин не имеют достаточной информации о том,

какой вред может нанести аборт их душевному и физическому здоровью. Более того, многие женщины не являются по-настоящему „свободными“. Напротив, они эмоционально зависимы от родителей, любовников, мужей, психиатров, работодателей и многих других людей и легко поддаются их влиянию. Иногда решение сделать аборт намного больше соответствует интересам окружающих, нежели желанию самой женщины. И, наконец, многие женщины, принимающие решение об аборте, недостаточно эмоционально устойчивы и из-за этого склонны к спешным, непродуманным и губительным решениям» (Бёрк, Риардон, 2010, с. 260–261).

В контексте обсуждаемых в статье проблем безусловное достоинство приведенной цитаты состоит, во-первых, в том, что из нее явно следует, что ситуацию аборта невозможно понять по типу понимания-знания или понимания-интерпретации; единственно возможный вариант – понимание-постижение. И во-вторых, в ней перечислен обширный перечень психологических качеств, в совокупности образующих нравственное сознание субъекта, принимающего решение о прекращении или продлении беременности.

Таким образом, суждения о моральной допустимости или недопустимости аборта содержат ответы на два главных вопроса. Первый: можно ли считать, что с момента зачатия зародыш является человеческим существом? Положительный ответ на этот вопрос означает, что целью аборта является убийство существа, уже имеющего право на жизнь и, соответственно, на моральный статус. Второй вопрос: имеет ли беременная женщина исключительное право контроля над своим телом? Иначе говоря, может ли она только по своему усмотрению делать аборт, рассматривая его как удаление кусочка ткани из организма, подобно тому как поступают все люди, подстригая ногти и волосы? В этом случае положительный ответ основан на убеждении в том, что плод можно считать человеком, имеющим право на жизнь, только тогда, когда он превращается в ребенка, живущего вне организма матери.

Многочисленные психологические исследования говорят о том, что ответы на указанные вопросы, в которых отражается отношение людей к абортам, зависят от их пола, возраста, личностных особенностей, религиозных убеждений, представлений о моменте зарождения жизни человека и многого другого. Кратко опишу основные результаты одного из них, проводившегося под моим руководством Д. А. Рёбрушкиной. В исследовании приняли участие 157 испытуемых (88 женщин и 69 мужчин). Испытуемыми были

студенты и преподаватели Мордовского государственного университета, медицинские работники, педагоги, экономисты, инженеры в возрасте от 17 до 55 лет. Цель исследования – выявление психологических и социально-демографических факторов, от которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов.

Результаты показали, что мужчины чаще, чем женщины, понимают ситуацию аборта по типу понимания-принятия (проще говоря, мужчины чаще согласны с тем, что аборт делать можно и нужно). Выявлены значимые возрастные различия: молодые люди чаще, чем взрослые, понимают аборт по типу понимания-отвержения, что особенно отчетливо проявляется применительно к таким ситуациям, в которых велика вероятность рождения ребенка с ментальными или физическими отклонениями. Эти данные согласуются с результатами исследования, проведенного в Великобритании Э. Ли, в котором акцент был сделан на понимании моральной допустимости аборта при нарушении в развитии плода (Lee, 2000).

В исследовании выявлены интересные личностные различия между оценками испытуемых, понимающих ситуации искусственного прерывания беременности по типам понимания-принятия и понимания-отвержения. Испытуемые, у которых высокий (выше медианы) суммарный показатель по тексту «Против абортов», имеют более низкие значения оценки по методике «Личностный дифференциал», чем испытуемые с низким показателем. В соответствии с методикой, это означает, что у них низкая самооценка себя как носителя позитивных нравственных качеств и социально желательных характеристик, они проявляют неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями своей личности. Кроме того, у таких испытуемых по «Шкале базисных убеждений» ниже оценки «справедливости» (убежденности субъекта в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости и каждый человек получает то, что заслуживает). У них также ниже «способность контролировать ситуацию» (убеждение субъекта в том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу). Следовательно, у людей, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, в меньшей степени, чем у испытуемых, понимающих ситуацию аборта по типу понимания-принятия, выражены социально одобряемые личностные характеристики. Они ниже оценивают свои нравственные ка-

чества, у них нет уверенности в справедливости окружающего мира и своей способности справиться с возникающими трудностями и препятствиями на жизненном пути.

Выявлены также различия в мировоззренческих установках двух групп испытуемых. Те, кто в меньшей степени принимает аборт, более согласны с тем, что Бог существует, они чаще посещают церковь. С тем, что Бог существует, в большей степени согласны и те испытуемые, которые имеют более низкие оценки по общему показателю методики Хилл (то есть в большей степени отвергающие аборт). Результаты и методики Хилл, и методик «За аборты» и «Против абортов» показали, что те испытуемые, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, являются в большей степени религиозными, чем те, кто понимает искусственное прерывание беременности по типу понимания-принятия. Это неудивительно, потому что для подлинно верующего человека в вопросе о возможности аборта вообще нет никакой моральной дилеммы. Ответ на этот вопрос однозначно отрицательный: жизнь человеку дана Богом, и не человеческое дело – принимать решение о ее продолжении или прерывании.

Объясняя полученные данные, следует соотнести результаты понимания аборта с тремя типами понимания, описанными в настоящее время в психологической и философской литературе (Знаков, 2009б). Теоретико-эмпирический анализ показывает следующее. Понимание аборта – это не понимание-знание, которому соответствует оценка истинности суждений о моральной допустимости или, наоборот, недопустимости искусственного прерывания беременности. Результатом понимания такого ненормативного критического события оказывается понимание-интерпретация, соотносимое с оценками правильности-неправильности полярных мнений людей. Большую роль в понимании играет также актуализация интуитивных образований, глубинных личностных смыслов и ценностей, в результате которой возникает понимание-постижение. Оно основано на представлениях общающихся людей о правдивости или неправдивости высказываний о моральной допустимости аборта.

Я полагаю, что данные о личностных и мировоззренческих различиях людей, принимающих или отвергающих искусственное прерывание беременности, имеют прямое отношение к бессознательным компонентам понимания моральных дилемм. Очевидно, что далеко не все свои личностные качества мы осознаем и сознательно контролируем.

Однако было бы неправильным считать, что психологический анализ аффективного бессознательного, когнитивного бессознательного и коллективно-надсознательного актуален только для понимания человеком моральных дилемм. Это важно для понимания многих событий и феноменов экзистенциальной реальности. Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать и сложные, и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует говорить о его понимании на основе постижения.

Научный анализ, завершающийся пониманием-постижением, представлен, в частности, в публикациях, посвященных образу «экзистенциального Другого» (Шапинская, 2009). Другой, утверждающий свой субъектный статус путем противопоставления окружающим (членам коллектива, представителям власти и т. п.), – это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию „Я“ и „Не-Я“, этот субъект рассматривает весь мир как тотальное „Не-Я“, являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой – личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам, – всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция „Мы“ и „Я“, коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (там же, с. 49).

В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального Другого» является выдающийся российский математик Г. Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от «Медали Филдса», в 2010 г. – от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет в одной квартире с матерью, ведет замкнутый образ жизни,

игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. Недавно М. Гессен была предпринята интересная и весьма правдоподобная попытка описания личности и объяснения мотивов поступков Г. Перельмана (Гессен, 2011). Однако ее книга только подтвердила очевидное: имея дело с «экзистенциальным Другим», невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным пониманием-постижением.

Итак, сложные для понимания экзистенциальные моральные дилеммы никогда не смогут пониматься людьми только на основе достоверного верифицируемого научного знания. Такие дилеммы в принципе не имеют однозначного решения. Понимая их, разные люди обращаются к принципиально различным компонентам своего тезауруса, неявного знания и актуализуют индивидуально-личностное аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, а также коллективно-надсознательное. Очевидно, что дальнейшее изучение названных феноменов значимо и перспективно как для психологии понимания, так и для психологии человеческого бытия.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 2. С. 10–18.
- Бёрк Т., Риардон Д. Запрещенные слезы: О чем не рассказывают женщины после аборта. СПб.: Каламос, 2010.
- Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М.: Астрель, 2011.
- Знаков В. В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. С. 211–225.

- Знаков В. В.* Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009б. №4. С. 14–23.
- Марцинковская Т. Д.* Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 33–44.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. С. 80–98.
- Пицже Ж.* Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 125–131.
- Хаузер М.* Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Шапинская Е. Н.* Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 49–55.
- Craig S. C., Kane J. G., Martinez M. D.* Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't: Citizens' ambivalence about abortion // Political Psychology. 2002. V. 23. №2. P. 285–301.
- Hess J. A., Rueb J. D.* Attitudes toward abortion, religion, and party affiliation among college students // Current Psychology: Developmental. Learning. Personality. Social. 2005. V. 24. №1. P. 24–42.
- Lee E.* Young people's attitudes to abortion for abnormality // Feminism and Psychology. 2000. V. 10. №3. P. 396–399.
- Little M. O.* The moral permissibility of abortion // Contemporary Debates in Applied Ethics / Eds Cohen A. I., Wellman C. H. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 27–39.
- Waldmann M. R.* A case for the moral organ // Science. 2006. V. 314. P. 57–58.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ РАЗРАБОТОК И АВТОРСКИЕ ПРИЕМЫ

А. Е. Воробьева

Введение

Общее движение наук о человеке привело к необходимости разрабатывать комплекс нравственных и духовных компонентов личности, различных социальных групп, человечества в целом. Исследователи обозначают фундаментальную теоретическую задачу для современной психологической науки – формирование нравственно и духовно ориентированной научной парадигмы. В настоящее время происходит становление новых отраслей психологической науки, и в первую очередь – этической психологии, или психологии нравственности.

Нравственное состояние современного российского общества требует *активного* участия психологической науки в изменении сложившейся ситуации, в разработке конкретных практических рекомендаций (Резников, 2009; Соснин, 2009). Практически важной представляется диагностика особенностей нравственного самоопределения личности, позволяющая прогнозировать ее поведение. Существует немалое количество методик, направленных на оценку нравственной сферы личности. Анализ этих методик показывает наличие потребности в методическом инструментарии, направленном на оценку нравственного самоопределения личности как комплексного феномена. Необходима многомерная методика, доступная для широкого применения, охватывающая всю нравственную сферу, использующая реалистичные ситуации морального выбора.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Нравственно-психологические и социально-экономические факторы самоопределения личности» № 12-36-01099а1.

Состояние разработанности методического инструментария для оценки нравственной сферы личности

Для начала хотелось бы дать обзор обнаруженных нами методик, обозначить их сферу применения, достоинства и ограничения. Дискуссии с коллегами на конференциях показали, что в научном сообществе существует высокая потребность в обобщении и систематизации информации об уже разработанном методическом инструментарии для изучения нравственной сферы личности.

Сразу отметим, что зачастую не удается найти полную информацию о той или иной методике. Некоторые методики доступны в виде полных текстов со структурой шкал и ключами, по другим можно ознакомиться только с бланками для опроса, а есть и такие, о существовании которых встречаются только упоминания. Не всегда удается установить автора той или иной методики. Нами проведен сравнительный анализ более 70 методик для оценки нравственной сферы личности, упоминания о которых удалось обнаружить в доступной литературе (Воробьева, 2010). В силу указанных ограничений этот анализ может быть не столь полным и объективным, как нам бы хотелось. Фокус настоящего анализа смещен в сторону отечественных разработок по нескольким причинам: во-первых, зарубежные методики культурно специфичны и требуют адаптации, прежде чем стать полезными российским специалистам, во-вторых, данный анализ в некоторой мере восполнит недостаток научной коммуникации между российскими специалистами по поводу разработок отдаленных научных центров.

Начнем с формальных характеристик инструментария. Большинство методик являются *опросниками* («Шкала диспозиционного эгоизма» К. Муздыбаева, «Опросник нравственной надежности личности» Е. Ю. Стрижова, тест «Добро–Зло» Л. М. Попова и А. П. Кашина, «Отношение предпринимателей к соблюдению нравственных норм» (ОСНН) А. Б. Купрейченко, «Шкала совестливости» В. В. Мельникова и Л. Т. Ямпольского, «Методика диагностики морального сознания» А. А. Хвостова, опросник, направленный на изучение особенностей правового и морального сознания на основе анализа морально-правовых суждений Дж. Тапп в адаптации О. П. Николаевой, «Методика многомерного исследования нравственности» (ММИН) В. Подоляк, анкета «Нравственная характеристика личности подростка» Л. Э. Орбан, «Опросник моральных аттитюдов» и «Анкета о моральных вопросах и качествах людей» А. Ф. Терешкина, опросник В. Лефевра,

опросник «Ответственность» В. П. Прядеина и А. И. Крупнова, методика исследования нравственно-психологических отношений личности» (НПОЛ) А. Н. Бражниковой, опросник «Нравственный потенциал личности» А. Н. Антилоговой, опросник структуры нравственной сферы личности Э. Р. Гизатуллиной, методика для изучения профессиональной ответственности М. В. Мукониной, тест «Отношение к другому» Ю. В. Александрова, анкета на выявление представлений студентов Э. Н. Ольшевской, опросник «Изучение уровня развития нравственных ценностей студентов вуза» А. С. Герасимовой).

Популярным методическим приемом является использование *моральных дилемм*: это моральные дилеммы Л. Колберга, модифицированные моральные дилеммы А. И. Подольского и С. В. Молчанова, задачи О. П. Николаевой, задачи М. А. Якобсон, методика «Моральные дилеммы. Эмпатия. Компетентность» А. И. Подольского и О. А. Карабановой, методика моделирования этически сложных деловых ситуаций «Прошу совета» М. В. Редькиной, методика «Незаконченные истории» Г. А. Урунтаевой, моральные дилеммы Д. В. Малугина, Тест морального чувства М. Хаузера, методика «Деловой совет другу» Г. А. Токаревой.

Реже используются *рисунки* (методика «Сюжетные картинки», рисуночный тест «Доброе–Злое» В. С. Мухиной), *беседа* (вовлечение в диспуты на этические темы, привлечение студентов к участию в разработке методик В. А. Токаревой, беседы на нравственные темы по рассказам Л. Толстого, В. Осеевой, Л. Воронковой, С. Михалкова и др.), *экспертная оценка* (нравственных знаний личности, нравственных умений личности, этико-психологической готовности будущего специалиста осуществлять нравственное воспитание подростка Л. Э. Орбан). Совсем редко – *моделирование реальных ситуаций* (наблюдения в ситуациях «Лекция», «Семинар», «Субботник», «Собрание», «Экзамен», «Дежурство ДНД», «Подготовка и проведение диспута на моральную тему», «Студенческая научно-практическая конференция», «Практика», «Апробация методик», «Столовая», «Общественное» и т. д. В. А. Токаревой – создание затруднительных жизненных ситуаций с нравственным содержанием, в которых сталкивались два противоборствующих мотива: общественно значимый, моральный – и сугубо личный, эгоистический; сюжетно-ролевая игра «Страна чудес»). Часто в одном исследовании комбинируется несколько приемов оценки нравственной сферы личности: опросник дополняют моральные дилеммы, экспертные оценки или моделирование реальных ситуаций, что позволяет авторам получить

более полную информацию о нравственных характеристиках исследуемой группы людей.

Можно выделить методики, оценивающие нравственно *негативные качества* («Шкала диспозиционного эгоизма» К. Муздыбаева) и нравственно *позитивные* («Опросник нравственной надежности личности» Е. Ю. Стрижова, «Методика исследования альтруистической позиции» А. Л. Коммьюниан в адаптации Д. А. Подольского, «Методика диагностики честности» лаборатории психодиагностики ЮрГУ, опросник «Справедливость–Забота» С. В. Молчанова, «Шкала совестливости» В. В. Мельникова и Л. Т. Ямпольского, опросник «Ответственность» В. П. Прядеина и А. И. Крупнова, методика для изучения профессиональной ответственности М. В. Мукониной, бланковый тест А. И. Крупнова), причем последних нам удалось найти больше, что соответствует общей тенденции в современных исследованиях – переходу от анализа негативных явлений (выгорания, обмана, стресса и т. д.) к анализу позитивных (счастья, совести и т. д.).

Отечественными психологами разработано много методик узкого применения: *только для детей* (комплексная «Методика исследования нравственной сферы личности дошкольника на основе усвоения базисных этических понятий» (МИНСЭП) Н. В. Мельниковой и Р. В. Овчаровой, методика «Сюжетные картинки», задачи О. П. Николаевой, задачи М. А. Якобсон, рисуночный тест «Доброе–Злое» В. С. Мухиной, беседы на нравственные темы по рассказам Л. Толстого, В. Осеевой, Л. Воронковой, С. Михалкова и др.), *только для подростков* («Методика изучения этических характеристик» Р. Р. Исмагиловой, анкета «Нравственная характеристика личности подростка» Л. Э. Орбан, «Методика исследования моральных суждений» Д. А. Подольского, методика «Моральные дилеммы. Эмпатия. Компетентность» А. И. Подольского и О. А. Карабановой, «Опросник моральных аттитюдов» и анкета о моральных вопросах и качествах людей А. Ф. Терешкина, опросник для изучения нравственного сознания и предполагаемого поведения подростка и ситуационный опросник И. А.-Ш. Мунзера), *только в сфере бизнеса* («Отношение предпринимателей к соблюдению нравственных норм» (ОСНН) А. Б. Купрейченко, «Тест на этику бизнеса» Э. А. Уткина, «Методика оценки организационной культуры и этики» П. Кадет, методика моделирования этически сложных деловых ситуаций «Прошу совета» М. В. Редькиной, Поведение в этически неоднозначных ситуациях В. В. Латынова, «Рейтинговая шкала поведения» Р. Л. Карди

и Т. Т. Селвараджьяна (Behaviorally Anchored Rating Scale R. L. Cardy, T. T. Selvarajan), «Опросник моральной компетентности» Д. Ленник и Ф. Кайл (Moral Competency Inventory D. Lennick, F. Kiel).

Таким образом, в зависимости от целей исследования можно выбрать специализированную и адаптированную для конкретной группы людей методику. В этом достоинство перечисленных методик. С другой стороны, невозможно будет сравнить результаты, полученные на одной группе, с другими группами, для которых использованная специализированная методика не подходит. Использование разных методик на разных выборках в рамках одного исследования даст трудно сопоставимые данные. В этом недостаток узкоспециализированного подхода.

Теперь обратимся к содержательным характеристикам методик. Большинство измеряет *когнитивные феномены*: это опросник «Справедливость–Забота» С. В. Молчанова, методика диагностики морального сознания А. А. Хвостова, моральные дилеммы Л. Колберга, методика «Духовный дифференциал» и методика само- и взаимооценки духовно-нравственных качеств Х. Х. Валиахметова, «Шкала морального поведения» Крисман, Реттиг и Пасаманик (The Moral Behavior Scale of Crissman, Rettig and Pasamanick), Шкалы морально спорного поведения Хардин и Филипс (The Morally Debatable Behaviors Scales from Harding and Phillips), опросник, направленный на изучение особенностей правового и морального сознания на основе анализа морально-правовых суждений Дж. Тапп в адаптации О. П. Николаевой, задачи М. А. Якобсон, задачи О. П. Николаевой, тест «Решающего довода» Д. Рест, методика «Социоморальной рефлексии объективная диагностика», «Тест моральных суждений» (ТМС) Г. Линда, анкета «Нравственная характеристика личности подростка» Л. Э. Орбан, методика исследования альтруистической позиции А. Л. Коммьюниан в адаптации Д. А. Подольского, методика исследования моральных суждений Д. А. Подольского, методика «Моральные дилеммы. Эмпатия. Компетентность» А. И. Подольского и О. А. Карabanовой, опросник «Ответственность» В. П. Прядейна и А. И. Крупнова, методика исследования уровня развития моральных суждений личности (МИУРМСЛ) Н. А. Чикалова, беседы на нравственные темы по рассказам Л. Толстого, В. Оseeвой, Л. Воронковой, С. Михалкова и др., методика «Медицинская этика» З. М. Гаджимурадовой, опросник «Изучение уровня развития нравственных ценностей студентов вуза» А. С. Герасимовой, анкета на выявление нравственных представлений студентов Н. Э. Ольшевой.

Нравственные эмоции позволяет оценить куда меньшее число методических приемов: это прежде всего методика «Сюжетные картинки», а также методика «Кинотеатр» О. А. Прохорова.

Обращение к поведению респондентов – и вовсе редкость: наблюдения в ситуациях «Лекция», «Семинар», «Субботник», «Собрание», «Экзамен», «Дежурство ДНД», «Подготовка и проведение диспута на моральную тему», «Студенческая научно-практическая конференция», «Практика», «Апробация методик», «Столовая», «Общежитие» и т. д. В. А. Токаревой; сюжетно-ролевая игра «Страна чудес». Косвенным методом оценки нравственного поведения можно считать обращение к нравственным стратегиям, стилям взаимодействия, решения проблем. Однако это является предметом дискуссий: не все коллеги согласны с таким подходом.

Целый ряд методик *измеряет только одно нравственное качество* («Шкала диспозиционного эгоизма» К. Муздыбаева, «Шкала совестливости» В. В. Мельникова и Л. Т. Ямпольского, «Методика изучения совестливости» Е. П. Ильина, опросник «Ответственность» В. П. Прядеина и А. И. Крупнова, «Методика диагностики честности» лаборатории психодиагностики ЮрГУ). Однако есть и *комплексные методики*: «Опросник нравственной надежности личности» Е. Ю. Стрижова, «Методика многомерного исследования нравственности» (ММИН) В. Подоляк, «Опросник моральных аттитюдов» и анкета о моральных вопросах и качествах людей А. Ф. Терешкина, опросник «Нравственный потенциал личности» Л. Н. Антиловой, комплексная «Методика исследования нравственной сферы личности дошкольника на основе усвоения базисных этических понятий» (МИНСЭП) Н. В. Мельниковой и Р. В. Овчаровой.

В качестве *теоретической основы* при создании методик наиболее распространенной является *теория Л. Колберга*: это опросник «Справедливость–Забота» С. В. Молчанова, ИОМС Ю. В. Синягина, опросник, направленный на изучение особенностей правового и морального сознания на основе анализа морально-правовых суждений Дж. Тапп в адаптации О. П. Николаевой, тест «Решающего довода» Д. Реста, диагностика социоморальной рефлексии (короткая форма) Д. Джиббса, К. Бэсинджера и Д. Фуллера, «Тест моральных суждений» (ТМС) Г. Линда, «Методика исследования моральных суждений» Д. А. Подольского, методика «Моральные дилеммы. Эмпатия. Компетентность» А. И. Подольского и О. А. Карабановой, методика моделирования этически сложных деловых ситуаций «Прошу совета» М. В. Редькиной, «Методика исследования уровня развития

моральных суждений личности» (МИУРМСЛ) Н. А. Чикалова, моральные дилеммы Д. В. Малюгина.

Зачастую авторы опираются на *собственные концепции* («Шкала диспозиционного эгоизма» К. Муздыбаева, тест «Добро–Зло» Л. М. Попова и А. П. Кашина, задачи М. А. Якобсон, «Опросник моральных аттитюдов» и анкета о моральных вопросах и качествах людей А. Ф. Терешкина, активизирующий опросник «Самооценка нравственности и гражданственности (СНГ)» Н. С. Пряжникова, опросник «Ответственность» В. П. Пряжина и А. И. Крупнова, методика исследования нравственно-психологических отношений личности (НПОЛ) А. Н. Бражниковой, опросник «Нравственный потенциал личности» Л. Н. Антиловой, комплексная «Методика исследования нравственной сферы личности дошкольника на основе усвоения базисных этических понятий» (МИНСЭП) Н. В. Мельниковой и Р. В. Овчаровой, методика исследования духовно-нравственного самосознания личности И. В. Ежова, «Тест морального чувства» М. Хаузера, методика для изучения профессиональной ответственности М. В. Мукониной, анкета на выявление нравственных представлений студентов Н. Э. Ольшевской) или на *комплексный анализ* нескольких российских и зарубежных концепций, подходов, направлений теоретических и эмпирических исследований («Опросник нравственной надежности личности» Е. Ю. Стрижова, «Отношение предпринимателей к соблюдению нравственных норм» (ОСНН) А. Б. Купрейченко, «Методика диагностики морального сознания» А. А. Хвостова, методика «Духовный дифференциал» и методика само- и взаимооценки духовно-нравственных качеств Х. Х. Валиахметова, опросник для изучения нравственного сознания и предполагаемого поведения подростка и ситуационный опросник И. А. Ш. Мунзера, методика «Медицинская этика» З. М. Гажимурадовой).

Также нельзя не отметить факты заимствования некоторыми авторами формулировок утверждений из ранее созданных методик для создания собственных. При этом первоначальное авторство не всегда указывается (конкретные примеры приводить не будем из моральных соображений). Отчасти этот факт может быть обусловлен нежеланием «изобретать велосипед» – переформулировать утверждения, отражающие общеизвестную этическую концепцию, при наличии удачных и емких формулировок у предшественников, отчасти – спецификой российской научной культуры.

Теперь перейдем к критической части. Наиболее распространенные недостатки среди проанализированных методик: большой

объем вопросов, риск получения социально желательных ответов, непереносимость в иную культуру, отсутствие адаптации.

Одна из первых методик оценки моральных суждений – моральные дилеммы Л. Колберга – базируется на этическом абсолютизме, не учитывающем культурные особенности различных обществ, измеряет установки, которые далеки от реального поведения (Журавлев, Купрейченко, 2003). Сам автор не претендовал на анализ всей сферы нравственности человека, а ограничился феноменом справедливости (Анцыферова, 1999). Исследования Л. Д. Уокер показали, что гипотетические ситуации не учитывают мотивационную и эмоциональную сторону нравственного суждения, делают возможным рассуждение без какого-либо личного риска, поэтому респонденты дают ответы, соответствующие более высокой стадии морального развития, чем при решении повседневных дилемм (Берк, 2006).

Анализ имеющегося психодиагностического инструментария для оценки нравственной сферы личности дошкольника, проведенный Р. В. Овчаровой и Н. В. Мельниковой, показал, что «подавляющее большинство методик не имеют четкого методологического обоснования и не валидизированы. Они направлены на исследование конкретного параметра одного из компонентов нравственной сферы личности дошкольника, не затрагивают этот компонент полностью. Нет методик, которые охватывали бы нравственную сферу в единстве всех ее компонентов и обеспечивали представление об общем уровне нравственного развития ребенка» (Овчарова, Мельникова, 2008, с. 156).

Анализ методик диагностики индивидуальной морали (Defining Issues Test, Sociomoral Reflection Measure, Sociomoral Reflection Objective Measure, Sociomoral Reflection Objective Measure – Short Form, Ethical Styles, Protestant Ethic Scale, Sociomoral Reflection Measure-Short Form), проведенный А. А. Хвостовым (Хвостов, 2005), показал, что получаемые с их помощью результаты несопоставимы. Автор объясняет это спецификой предметной области и заданностью морального типа концепцией авторов. А. Ф. Терешкин в своем анализе опросных методов измерения моральных установок отмечает распространенность одномерного подхода (морально/аморально), исследований отношения к отдельному моральному требованию или основанию морального выбора (нормативность, честность, ответственность и т. д.), что сужает возможности анализа моральных установок (см., например: шкала совестливости В. В. Мельникова, М. Т. Ямпольского) (Терешкин, 2005). Е. Ю. Стрижов, анализи-

руя группы разнотипных отечественных и зарубежных методик для определения их пригодности к психодиагностике нравственно-смысловой сферы личности, заключает, что «суждения носят общий характер, не учитывают культурно-исторические особенности ситуации и взаимодействующих субъектов, часто не являются значимыми для испытуемого, перенос и адаптация зарубежных методик затруднены, поскольку восприятие социальных объектов различается в различных культурах» (Стрижов, 2009, с. 142). Г. Линд утверждает, что до сих пор (публикация 2004 г.) «между понимаемым содержанием и измерением моральной компетентности существует большой разрыв», из чего О. А. Подольский делает вывод о необходимости продолжения поисков адекватного инструмента для измерения моральной компетентности (Подольский, 2007, с. 55).

Таким образом, разными авторами отмечается недостаточность существующего инструментария для оценки нравственности. Необходима многомерная методика, доступная для широкого применения, охватывающая всю нравственную сферу, использующая реалистичные ситуации морального выбора. В связи с этим нами совместно с А. Б. Купрейченко была разработана программа исследования нравственного самоопределения личности, включавшая в себя методику «Нравственное самоопределение личности» и авторские методические приемы, предполагающие оценку респондентами неэтичных явлений СМИ (реклама, газетные заголовки), что позволило изучить нравственное самоопределение личности по отношению к явлениям окружающего мира и выявить неосознаваемую нравственно-психологическую регуляцию.

Структура методики

«Нравственное самоопределение личности»

Структура опросника «Нравственное самоопределение личности» (Воробьева, 2010) основана на ключевых элементах самоопределения, представленных в уровневой модели самоопределения личности и группы, предложенной А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2007), на понимании нравственного самоопределения, введенном А. Б. Купрейченко (Купрейченко, 2008), на наиболее принципиальных, по нашему мнению, положениях психологических концепций нравственности Б. С. Братуся, К. Гиллиган, Дж. Джиббса, Л. Колберга, К. К. Платонова, А. А. Хвостова и других авторов (Gilligan, 1982; Kohlberg, 1963; Братусь, 1993; Платонов,

1984, 1986; Синягин, 1996; Хвостов, 2000, 2001, 2005), на основных религиозных и светских (утилитаризм, прагматизм, натурализм, аморализм и т. д.) этических концепциях. Некоторые формулировки утверждений были заимствованы из опросника А. А. Хвостова (Хвостов, 2005). Отбор утверждений осуществлялся семью экспертами-психологами, специализирующимися в области психологии нравственности. Опросник содержит *три смысловых блока*: «Представления о нравственности, морали», «Нравственные стратегии» и «Нравственные ориентации личности».

Блок «Представления о нравственности, морали» включает следующие шесть шкал: происхождение нравственности; значимость морали, нравственности для общества; абсолютность/относительность нравственности, морали; воздаяние за добро или зло; нравственность личности – проявление ее силы или слабости; природа нравственности личности.

Блок «Нравственные стратегии» оценивает когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты психологического отношения личности к различным сторонам нравственного поведения. Блок представлен тремя следующими шкалами: обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм; активность/пассивность нравственного поведения; взаимность/невзаимность нравственного поведения. В пилотажном исследовании оценивался только когнитивный компонент нравственных стратегий. В результате апробации опросника в него были включены утверждения, направленные на оценку эмоционального и конативного компонентов.

Блок «Нравственные ориентации личности» содержит следующие четыре шкалы: эгоцентрическая ориентация; группоцентрическая ориентация; гуманистическая ориентация; мирозидательная ориентация.

Данная методика апробируется исследователями из Казани (Закирзянова, 2009), Курска (Еремина, 2008), Самары (Аборина, 2009), Тамбова (Стрижов, 2009) и вошла в Компендиум психодиагностических методик России и СССР (http://www.ht.ru/press/events/spisok_metodik.php).

Также нами совместно с А. Б. Купрейченко разработан и апробирован методический прием для изучения нравственного идеала и нравственного ориентира – высокозначимых компонентов нравственного самоопределения, которые трудно изучать при помощи стандартизованного инструментария и которые ранее не были включены в программу исследования нравственного самоопре-

деления личности. Данный прием представляет собой вопросы, на которые респонденты отвечают в свободной форме: «Есть ли у вас нравственный идеал? Если есть, то кто этот человек? Перечислите нравственные качества, которые делают его нравственным идеалом. Есть ли у вас нравственный ориентир? Если есть, то кто этот человек? Перечислите нравственные качества, которые делают его нравственным ориентиром».

Методические приемы для изучения отношения к неэтичным явлениям

Как правило, для оценки уровня нравственности личности используются сюжеты (текстовые или визуальные), содержащие в себе ситуации моральных дилемм (столкновения разных норм) или нарушения норм. Эти сюжеты должны быть релевантны индивидуальному опыту и современному состоянию общества, иначе они воспринимаются участниками исследования как примитивные и архаичные. Поэтому в современных исследованиях (Подольский, 2006; Подольский, 2007; и др.) используются новые авторские сюжеты моральных дилемм, релевантные социальной ситуации участников исследования. В известных нам работах обосновано, что использование видеоматериалов для оценки нравственной сферы личности обладает рядом преимуществ по сравнению с использованием описания моральных дилемм, а именно: обеспечивает включенность участников исследования в задачу и отображает весь контекст ситуации, включая эмоциональные состояния героев (Подольский, 2007). Перед нами стояла задача использовать в исследовании неэтичные объекты/явления окружающего мира, но с учетом большого объема применяемого методического инструментария, поэтому стимульный материал должен был быть кратким и емким.

В современном индустриальном обществе избежать контакта с продукцией СМИ, рекламой практически невозможно, реклама и заголовки «желтой» прессы коротки и емки, поэтому в качестве стимульного материала в данном исследовании было решено использовать неэтичные формулировки газетных заголовков и телевизионные рекламные ролики. Такой стимульный материал имеет свои достоинства и недостатки: ролики динамичны, наглядны, представляют некоторую ситуацию взаимодействия персонажей; заголовки же статичны, абстрактны, являются всего лишь обезличенным высказыванием, обеспечивают гораздо меньшую эмоцио-

нальную включенность респондентов. Однако ролики весьма вариативны по своим формально-динамическим характеристикам, а заголовки могут быть представлены единообразно и в этом смысле являются более строгим стимульным материалом. Таким образом, чтобы компенсировать указанные недостатки достоинствами каждого из видов стимульного материала, они используются в исследовании совместно.

Современные печатные СМИ характеризуются нарушениями не только языковых, но и этических норм, однако, хотя и бессознательно, продолжают считаться показателем нормы (Фатина, 2005). Для «желтой» прессы характерным является эпатазирующее изложение табуированной тематики (особенно большой интерес к интимным отношениям, смерти, насилию, преступлениям, скандалам и сплетням о личной жизни известных персон). Отличительной особенностью подачи материала является сочетание несочетаемого, отсюда – легкомысленное и даже циничное отношение к трагедии (Полякова, 2007). Поведение, отличное от общепринятого, безусловно, привлечет внимание аудитории. Этим в последнее время злоупотребляют и рекламисты, создающие рекламные сообщения с нарушением норм морали. Сцены насилия и агрессии чаще всего преподносятся с юмором, что ослабляет контроль сознания и уменьшает возможности противостоять такой рекламе (Гордякова, 1999; Кнорре, 2002). А. Н. Лебедев отмечает также, что у большинства потребителей в отношении рекламы снижены «барьеры» нравственной и социальной приемлемости и допустимости (Лебедев-Любимов, эл. ресурс). Это позволило нам надеяться, что оценки респондентами неэтичной рекламы будут достаточно искренними.

Несмотря на высокую привлекательность и запоминаемость неэтичной рекламы, следует отметить, что она далеко не всегда психологически эффективна. Наиболее значимый *показатель психологической эффективности* рекламы – отношение потенциального потребителя к ней и рекламируемому объекту. Было высказано следующее предположение: если неэтичная реклама воспринимается аудиторией негативно, то это найдет отражение в когнитивных, эмоциональных и конативных показателях психологической эффективности рекламы. Если же целевая аудитория относится к такой рекламе позитивно, то она может считаться психологически эффективной, но, по меньшей мере, социально спорной (Байкова, Купрейченко, 2005). Поэтому нами были разработаны две методики: 1) методика оценки психологических показателей эффективности

газетных заголовков и 2) методика оценки психологических показателей эффективности рекламы. При их создании за основу была выбрана методика, предложенная Л. В. Матвеевой и Т. Я. Аникеевой для оценки восприятия телевизионных передач (Матвеева, Аникеева, Мочалова, 2002), также учитывалось современное понимание психологической эффективности рекламного сообщения, предложенное Е. Ю. Байковой и А. Б. Купрейченко (Байкова, Купрейченко, 2005). В качестве теоретической модели психологической эффективности рекламы и газетных заголовков была выбрана модель, включающая когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. Для оценки психологической эффективности был разработан семантический дифференциал. С целью решения специальных задач данного исследования в методике были также включены шкалы оценки степени идентификации респондентов с персонажами рекламы и газетных статей и шкалы оценки этичности/неэтичности сообщения (Купрейченко, Воробьева, 2004).

Структура методики оценки психологических показателей эффективности газетных заголовков

Когнитивный компонент: Непонятный–Понятный, Оригинальный–Неоригинальный, Реалистичный–Нереальный, Современный–Несовременный, Привлекает внимание–Не привлекает внимание, Запоминается–Не запоминается, Предполагает интересную статью–Не предполагает интересную статью.

Эмоциональный компонент: Притягивающий–Отталкивающий, Огорчающий–Радующий, Раздражающий–Успокаивающий, Вызывает страх–Не вызывает страх, Вызывает сочувствие–Не вызывает сочувствия.

Поведенческий компонент: Возникает желание прочесть статью–Не возникает желание прочесть статью, Вызывает желание обсудить с другими–Не вызывает желание обсудить с другими, Хочется дать почитать другому–Не хочется дать почитать другому.

Идентификация: Тема близка–Не близка, Заголовок понравится моим друзьям–Не понравится моим друзьям.

Этичность/неэтичность: Пошлый–Порядочный, Такая формулировка противоречит нравственным нормам–Такая формулировка не противоречит нравственным нормам, Заголовок понравится моим родителям–Не понравится моим родителям.

В нашем исследовании при помощи данной методики оценивались неэтичные формулировки заголовков газетных статей (из газет

«Аргументы и факты» и «Московский комсомолец», которые могут быть отнесены к «желтой» прессе) следующих видов: вызывающе-сексуальные, агрессивные, циничные, то есть подрывающие наиболее значимые отношения и общечеловеческие ценности, – в частности, доверие к окружающим людям (по 3 каждого вида). Отбор эмпирического материала осуществлялся семью экспертами, занимающимися исследованием нравственно-психологических феноменов. Экспертам был предложен список из 39 заголовков с краткими аннотациями статей. Их задача состояла в том, чтобы классифицировать эти заголовки по 4 группам: 1) вызывающе-сексуальный; 2) агрессивный; 3) циничный; 4) не относится ни к одной из трех категорий. В итоге для использования в исследовательских целях в каждой из трех категорий были отобраны те заголовки, которые получили наибольшее число голосов экспертов.

Структура методики оценки психологических показателей эффективности рекламы

Когнитивный компонент: Непонятная–Понятная, Оригинальная–Неоригинальная, Реалистичная–Нереальная, Современная–Несовременная, Дешевая–Дорогая, Привлекает внимание–Не привлекает внимания, Соответствует товару–Не соответствует товару, Запоминается продукт–Не запоминается продукт, Товар кажется хорошим–Товар не кажется хорошим, Вызывает доверие–Не вызывает доверия.

Эмоциональный компонент: Притягивающая–Отталкивающая, Огорчающая–Радующая, Раздражающая–Успокаивающая, Сексуальная–Асексуальная, Смешная–Несмешная.

Поведенческий компонент: Хочется повторять слова и действия–Не хочется повторять, Возникает желание приобрести товар–Не возникает желание приобрести товар, Хочется досмотреть рекламу–Не хочется досмотреть рекламу, Рекомендую другим посмотреть этот ролик–Не рекомендую другим посмотреть этот ролик.

Идентификация: Персонажи близки–Не близки, Герои вызывают симпатию–Герои вызывают антипатию, Ролик понравится моим друзьям–Не понравится моим друзьям, Понимаю чувства героев–Не понимаю чувства героев.

Этичность/неэтичность: Приличная–Неприличная, Пошлая–Порядочная, Одобряю поведение героев–Осуждаю поведение героев, Поведение героев неприемлемое в обществе–Поведение героев приемлемое в обществе, Ролик понравится моим родителям–Не понравится моим родителям.

При помощи данной методики оценивались неэтичные рекламные ролики из российского телевизионного эфира следующих видов: вызывающе-сексуальные, агрессивные, циничные (по 3 каждого вида). Отбор эмпирического материала осуществлялся тремя экспертами, занимающимися исследованием нравственно-психологических феноменов. Экспертам было предложено 26 рекламных роликов, которые нужно было классифицировать по 4 группам: 1) вызывающе-сексуальный; 2) агрессивный; 3) циничный; 4) не относится ни к одной из трех категорий. В итоге для использования в исследовательских целях в каждой из трех категорий были отобраны те ролики, которые получили наибольшее число голосов экспертов.

В связи с тем, что реклама и газетные заголовки – стимульный материал, который затруднительно использовать другим исследователям и который со временем может утратить привлекательность для респондентов, на данный момент идет апробация нового приема для оценки нравственного самоопределения в отношении неэтичных явлений окружающего мира – рисунков с сюжетами поведения, взаимодействия персонажей тех же самых видов: вызывающе-сексуальных, агрессивных, циничных. Результаты будут отражены в наших последующих публикациях.

Выводы

Существует значительное число методик, направленных на оценку нравственной сферы личности. Среди них доминируют опросники и моральные дилеммы, но есть и рисуночные методы, метод экспертных оценок, беседы, моделирования ситуаций. Многие из них предназначены для решения узкого спектра задач, их результаты касаются только определенной возрастной группы, сферы жизнедеятельности человека, конкретного параметра нравственной сферы личности. Большая часть методик способна дать информацию только о когнитивной составляющей нравственности личности. Критический анализ существующих методик, выполненный разными авторами, приводит к выводу о необходимости разработки многомерного методического инструментария для широкого применения, охватывающего несколько аспектов нравственной сферы и использующего реалистичные ситуации морального выбора.

Нами совместно с А. Б. Купрейченко предложена программа исследования нравственного самоопределения личности, состоящая из методики «Нравственное самоопределение личности», методи-

ки оценки психологических показателей эффективности газетных заголовков и методики оценки психологических показателей эффективности рекламы. Методика «Нравственное самоопределение личности» оценивает нравственное самоопределение в отношении морали как части общественного сознания и социального института, в отношении себя как субъекта нравственности, в отношениях с другими, а методики оценки психологических показателей эффективности газетных заголовков и рекламы – самоопределение в отношении явлений окружающего мира. Таким образом, охвачены все сегменты нравственного самоопределения, согласно концепции А. Б. Купрейченко (Купрейченко, 2008).

В настоящее время ведется работа над дополнительными методическими приемами, позволяющими оценивать нравственный идеал и нравственный ориентир, нравственное самоопределение по отношению к явлениям окружающего мира (более строгий и универсальный вариант).

Литература

- Аборина М. В. Возрастные особенности типов взаимодействия в профессиональной категории «менеджер» // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющемся мире: Материалы международной научной конференции. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2009. С. 65–68.
- Анциферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Байкова Е. Ю., Купрейченко А. Б. Психологическая эффективность рекламного воздействия // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 368–398.
- Берк Л. Е. Развитие ребенка. СПб.: Питер, 2006.
- Братусь Б. С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
- Воробьева А. Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Гордякова О. В. Влияние личностной агрессивности и тревожности подростков на эмоциональное отношение к агрессии в телевизионной рекламе // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4. С. 96–101.

- Еремина А. Н. Взаимовлияние социально-психологической зрелости учебных групп и нравственного самоопределения старшеклассников // Психология – наука будущего: Материалы II международной конференции молодых ученых 30–31 октября 2008 г. / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. С. Обухова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 144–147.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Кноре К. Наружная реклама. М.: Бератор-Пресс, 2002.
- Купрейченко А. Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: Материалы II Всероссийской научно-практич. конференции. Самара, 30 июня–1 июля 2008 г. / Отв. ред. А. В. Капцов. Самара: СГА, 2008. С. 10–15.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Психологические факторы восприятия неэтичной рекламы молодежью // Научный поиск: Сб. научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под общ. ред. А. В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2004. С. 194–202.
- Лебедев-Любимов А. Н. Влияние рекламы на социальные нормы поведения. URL: http://www.lebedevlubimov.ru/index.php?start_from=5&archive=&subaction=&cnshow=news&id=& (дата обращения: 10.10.2011).
- Матвеева Л. В., Анিকেева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2002.
- Овчарова Р. В., Мельникова Н. В. Развитие нравственной сферы личности дошкольника. СПб.: Амалтея, 2008.
- Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984.
- Платонов К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
- Подольский Д. А. Особенности альтруистической позиции в подростковом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Подольский О. А. Моральная компетентность современных подростков: психологическое содержание и методы оценки: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Полякова Е. В. Газетный заголовок в качественной и некачественной прессе. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2007.

- Резников Е. Н.* Оптимизация исследований психолого-нравственного состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №4. С. 98–99.
- Синягин Ю. В.* Руководитель организации и его команда (теоретическая модель). М.: РАГС, 1996.
- Соснин В. А.* Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №4. С. 102–105.
- Стрижов Е. Ю.* Психология нравственной надежности и мошенничества. М.: Юнити-Дана–Закон и право, 2009.
- Терешкин А. Ф.* Моральные установки в системе отношений субъекта: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ПроСофт-М, 2005.
- Фатина А. В.* Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете: стилистико-синтаксический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Хвостов А. А.* Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // Развитие личности. 2000. №3–4. С. 75–100.
- Хвостов А. А.* Сравнительный анализ моральных суждений – от подростков до среднего возраста в России и США // Развитие личности. 2001. №1. С. 26–47.
- Хвостов А. А.* Структура и детерминанты морального сознания личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005.
- Gilligan C.* In a different voice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
- Kohlberg L.* Moral development and identification // Child psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1963. P. 277–332.

ПСИХОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ И ПРОЦВЕТАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЗЛА

А. Н. Поддьяков

В последние 20–30 лет интенсивно развивались психологические подходы, изучающие счастье, благополучие, процветание и разрабатывающие практические рекомендации, как стать счастливей. Это достойные задачи.

При этом, в зависимости от степени благополучия/конфликтности отношений, доминирующих в обществе и в окружающем мире, возникает проблема такой организации благополучия и счастья, которой не страшны действия негативно, враждебно настроенных субъектов (грабителей, международных террористов, внешних оккупантов и т. д.), активно мешающих процветанию.

Цель данной статьи – проанализировать, как относятся к преднамеренному злу и к его носителям сторонники психологических подходов, изучающих счастье и процветание, каковы особенности и динамика этого отношения.

Общие представления о благосклонности/неблагосклонности мира в психологических подходах к изучению счастья и благополучия

Начиная, по крайней мере, с исследований Бенедикт Рут в первой трети XX в., в психологии развиваются представления о двух типах отношения людей к миру. Предельно четко эти типы сформулиро-

Статья написана в рамках исследовательского проекта РГНФ № 10-06-00294а «Аксиологические основания позитивной психологии: философско-психологический анализ». Данный текст является значительно расширенной и дополненной версией статьи: *Поддьяков А. Н. Позитивная психология и проблема зла // Психологические исследования. Электронный журнал. 2012. № 2(22). С. 1. URL: <http://psystudy.ru>. 0421200116/0013 (дата обращения: 20.10.2012).*

ваны в «Учении о трех мирах», озвученном одним из персонажей романа С. Лема (Лем, 1990, с. 207):

«В благосклонном мире:
легче творить, чем уничтожать;
легче осчастливить, чем мучить;
легче спасти, чем погубить;
легче оживить, чем убить.

В неблагосклонном мире:
легче уничтожать, чем творить;
легче мучить, чем осчастливить;
легче погубить, чем спасти;
легче убить, чем оживить.

В нейтральном мире одинаково легко (трудно) и то, и другое».

Аналогично в работах психологов рассматриваются и сопоставляются:

- отношение к миру как в целом гармоничному, с низкой конфликтностью, где преступления и даже серьезные конфликты – отступление от нормы;
- отношение к миру как к наполненному противоречиями и конфликтами, недружественностью, которая если и не доминирует, то не может быть проигнорирована (Дружинин, 2000; Ениколопов, 2011; Поддьяков, 2007; Lee, 1995; Werner, 2004; Zabielski, 2007).

Так, С. Н. Ениколопов анализирует концепцию С. Эпштейна, в соответствии с которой люди автоматически конструируют имплицитную «теорию реальности» (Epstein, 1991). В нее входят следующие основные блоки: теория собственного Я, теория окружающего мира и теория отношений между Я и миром. Личностная теория реальности задает отношение к миру как к доброжелательному или несущему угрозу; как к осмысленному, предсказуемому, контролируемому, стабильному и справедливому – или же наоборот; отношение к другим людям как к доброжелательным, не несущим угрозы, или же как к потенциально угрожающим.

Далеко не во всех работах по психологии счастья и процветания можно найти формулировки, в которых явно выражено отношение к проблеме добра и зла. Мы отобрали те работы, в которых авторы занимают по отношению к этой проблеме рефлексивную позицию и стремятся донести свое мнение до читателя.

С точки зрения двух представленных типов отношения к миру, взгляды психологов, занявших эту рефлексивную позицию, можно разделить на несколько групп, в зависимости от того, как они оценивают:

- ныне существующий мир;
- необходимость и возможность его изменения;
- способы этого изменения (если оно вообще необходимо).

Первая позиция: «Мир просто идеален, поэтому не надо его улучшать, все ваши усилия напрасны».

Четче всего ее сформулировал Н. Д. Линде, автор книги «Основы современной психотерапии» (Линде, 2002), в своей «Сутре о счастье». Он пишет: «Как говорил мой гуру, „Врата ада заперты изнутри“. А если они заперты изнутри, то как Бог может вывести оттуда людей? Им хочется там находиться, и они держат круговую оборону, чтобы только не попасть в рай. Как может попасть в рай гневный человек? Как может попасть туда подавленный человек? Как может это сделать пораженный страхами и тревогами человек? Как может попасть туда вечно сражающийся человек? В раю нет атомных боеголовок! Но есть люди, которые так держатся за боеголовки, что не могут пролезть в рай! Самый лучший способ избавиться от войны и боеголовок – научиться жить в раю и научить этому своих врагов. Если все будут жить в раю, не нужны будут боеголовки и не будет никаких врагов. А если враги – такие дураки, что не хотят жить в раю, то им же хуже, хотя и жаль» (Линде, 2009).

Про преступность и преступников Н. Д. Линде ничего не говорит, но позиция, если рассуждать логически, и здесь должна быть такая же. Если не хотят жить в раю, то пусть насилуют, грабят, убивают и делают все остальное, что считают нужным, – хотя и жаль.

Н. Линде пишет: «Те, кто хочет „раскорючить“ этот мир, пытаются все разложить по полочкам, все проконтролировать, все спланировать. Они хотят превратить мир в идеально работающий механизм, соответствующий их представлениям о правильной жизни. Это стремление имело огромное значение для жизни всего человечества. Коммунисты хотели „раскорючить“ мир по-своему, а фашисты – по-своему. Что из этого получилось – всем известно, но ведь они исходили из гуманистического стремления людей XVIII века все подчинить разуму, отказаться от Бога и от бессознательного!» (там же).

Отношение Н. Линде не к фашистам, а к антифашистам остается неизвестным. Они тоже должны были оставить мир в покое и ничего не пытаться раскорючить?*

Вторая позиция: «Мир не идеален, но закономерно идет к лучшему». Стремясь к счастью и совершенству себя, мы работаем не просто на будущее благоденствие человечества, а на его всемогущество, всезнание и праведность.

Эту позицию отстаивает один из основателей позитивной психологии М. Селигман. Он пишет, что по мере развития человечества количество и значимость бесприигрышных, а не антагонистических игр все более нарастает. Это перекликается с аргументацией А. П. Назаретяна, что физическое насилие по мере развития цивилизации применяется все в меньшей степени (Назаретян, 2010), и К. Бенсона, что представления об отвратительности преднамеренно причиняемых страданий получают, очень медленно и постепенно, все большее распространение (Benson, 2001).

Сочувственно пересказывая положения Б. Райта, М. Селигман пишет: «Исторический прогресс – это не скорый поезд, а, скорее, упрямый осёл: иногда он отказывается тронуться с места, а иногда и вовсе поворачивает назад. Но, несмотря на такие „остановки“, как холокост, инфекционный терроризм и геноцид тасманских аборигенов, мы все-таки движемся в направлении бесприигрышности» (Селигман, 2006, с. 329). «Процесс усложнения преследует ни много ни мало, а обретение всезнания, всемогущества и праведности. Мы до этого не доживем, как не доживет и все современное человечество. Лучшее, что мы можем сделать, – способствовать прогрессу. Благодаря этому у нашей жизни появится смысл. Осмысленной жизни становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, – и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь. Стремление постичь Бога, наделенного всезнанием,

* Выглядит отчасти похожим на рассуждение случайно выжившего узника концлагеря, персонажа романа С. Лема, о попытках перестроить мир. «Последствия гуманистических систем были, в сущности, нулевыми, а последствия тех, других, наподобие ницшеанской, были кошмарны, и даже заповедь любви к ближнему, а также программу построения земного рая удалось переделать в довольно-таки массовые могилы» (Лем, 1990, с. 245). Но вывод у этого персонажа принципиально другой: «Конечно, сделать невозможным причинение зла – тоже зло для многих людей, тех, которые очень несчастны без несчастья других. Но пусть уж они будут несчастны» (там же).

всемогуществом и праведностью, делает нашу жизнь частью огромного целого... Полноценная жизнь – в том, чтобы идти к подлинному счастью, неизменно применяя свои индивидуальные достоинства. Но жизнь, исполненная высшего смысла, требует соблюдения еще одного условия – использования лучших своих качеств во имя человеческого знания, могущества и праведности. Такая жизнь воистину исполнена высшего смысла, а если, в конце концов, в ней появляется Бог, то и священна» (там же, с. 335–336).

Третья позиция такова: «Вселенная не враждебна и не дружелюбна к нам, она просто безразлична» (Дж. Холмс, цит. по: Чиксентмихайи, 2011, с. 32). Состояние потока, позитивные эмоции, «как и все на свете, не являются чем-то хорошим в абсолютном смысле» (там же, с. 118). «Оптимальные переживания – это энергия, которая может быть использована во благо или во зло. Огонь способен как греть, так и испепелять; атомная энергия может генерировать электричество, а может уничтожить весь мир. Энергия – это сила, но сила – это лишь средство. В зависимости от того, на какие цели она направляется, жизнь становится неисчерпаемым кладом богатства или же страданий» (с. 116–117). «Наша задача – научиться получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же» (с. 119).

Это позиция другого основателя позитивной психологии – М. Чиксентмихайи. Позитивные психологи ссылаются на него очень избирательно и осторожно, подчеркивая одни фрагменты его подхода (например, рассмотрение потока как источника позитивных ощущений) и тщательно, даже искусно, обходя, как мы покажем ниже, другие составляющие этого подхода, – в том числе и явное внимание к негативным сторонам человеческого бытия и к проблеме преднамеренного зла, мало свойственное большинству позитивных психологов.

Он пишет, что в состоянии потока, позитивных эмоций и даже счастья пребывали, вероятно, и маркиз де Сад, и простой китайский рубщик мясных туш, и зрители гладиаторских боев, и воины Золотой Орды, прославившиеся своей жестокостью, а также пребывают ныне современные солдаты, уничтожающие противника; преступники, угоняющие машины; участники массовых актов вандализма и т. д. (с. 116–119). Чиксентмихайи считает, что необходимо учитывать общий баланс порядка и хаоса, создаваемого разными людьми и социальными группами, стремящимися к достижению противоположных целей. Общество должно способствовать максимально

возможному достижению целей всех его членов, минимизируя хаос. При этом, как подчеркивает М. Чиксентмихайи, и это не гарантирует этичности происходящего, поскольку может достигаться за счет других обществ (нацизм).

Наконец, четвертая позиция: «Вы не можете быть здоровым на больной планете» (Servan-Schreiber, 2009, с. 81; цит. по: Wong, 2011, с. 77). «Вы не можете жить здоровой и наполненной жизнью в больном мире, зараженном преступлениями, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой^{*}. Это зло может разрушать индивидов и общества, подобно раковым клеткам» (там же).

Это позиция П. Вонга, развивающего проекты «Радикальная позитивная психология для радикальных времен» (Wong, 2007) и «Позитивная психология 2.0» (Wong, 2011). Он подчеркивает необходимость способствовать развитию хороших и достойных людей, как и гражданского общества в целом, а также преодолению и трансформации негативных явлений. Чтобы понять жизнь во всей ее сложности, надо изучать парадоксальные эффекты взаимодействия негативного и позитивного. Проект «Позитивная психология 2.0» дополняет критикуемую П. Вонгом американскую ветвь позитивной психологии М. Селигмана, создавая основу для развития добрых, хороших людей и психологически здоровых институтов – развития вопреки негативу и конечности человеческого существования (там же, с. 77–78).

Следует подчеркнуть: процитированные суждения относятся к уровню базовых, философских представлений о мире (из которых, заметим, вытекают те или иные конкретные практики). Соответственно, допускают серьезную ошибку те исследователи позитивной психологии, которые настаивают на том, что она является одновременно и научно-позитивистской в традиционном значении, то есть интересуется лишь фактами и методами и не претендует на философствование и построение определенного образа мира. Вышеприведенные высказывания – это именно философские суждения о добре (о «праведности будущего человечества», «святости жизни, в которой появляется Бог») и зле (геноциде, терроризме, преступности и т. д.) и о динамике этих явлений. (Подробная критика необоснованных претензий позитивной психологии на ста-

* Эмпирические исследования подтверждают это общее положение: у жертв ограблений ощущение субъективного благополучия значительно снижается, психологические потери очень велики (Kuroki, 2012).

тус позитивистской науки дана также в исследовании Х. Фридмена и Б. Роббинса (Friedman, Robbins, 2012)).

Для понимания того или иного подхода важны не только его явные формулировки, но и их операционализация в методических подходах, отборе примеров и ситуаций для анализа, купюрах при цитировании и т. п. Нас, соответственно, будут интересовать особенности, связанные с высказанным или невысказанным отношением психологии счастья и процветания ко злу и его носителям.

Читая книгу И. Бонивелл «Ключи к благополучию: Что может позитивная психология», можно найти цитату М. Чиксентмихайи о том, что переживание потока не является абсолютным добром, его последствия надо обсуждать и оценивать, исходя из более общих критериев, а также два подтверждающих примера: игровая зависимость подростков и трудового менеджеров (Бонивелл, 2009, с. 18). Ничего более серьезного. Даже если считать, что И. Бонивелл решила отобрать лишь часть примеров, исходя из соображений краткости, приходится поставить вопрос: почему она выбрала именно эти?

«Что может позитивная психология» – так называется книга И. Бонивелл. Ответ – она может срывать ключевые положения и примеры («кейсы») своего отца-основателя, если они не укладываются в позитивную картину. Это, видимо, часть позитивной работы – особой деятельности по созданию оптимистического образа мира.

При этом И. Бонивелл совершенно справедливо пишет, что «в серьезных травматичных ситуациях (таких как смерть, пожар, наводнение или изнасилование) оптимисты могут показаться неподготовленными, и тогда их прекрасный розовый мир рискует разбиться вдребезги (хотя оптимисты, по сравнению с пессимистами, лучше приспособлены к тому, чтобы выстроить его заново)» (там же, с. 33). Но ни в этой книге, ни в других книгах по позитивной психологии не найти указаний на то, что способы совладания в ситуациях, вызванных чужими преднамеренными действиями (убийство, поджог, предательство), могут (и часто – должны) быть особыми. В заключение статьи мы покажем, что совладание с преднамеренно созданными кем-то трудностями существенно отличается от совладания с трудностями, возникшими в силу естественных, ни от кого не зависящих причин.

Позитивная психология, вероятно, может дать рекомендации жертве изнасилования, как ей справиться с произошедшим и счастливо жить дальше, но она не дает рекомендаций, что делать, если на твой поселок набеги бандитов совершаются регулярно и изби-

ения, грабежи, насилие продолжают постоянно при попустительстве тех, кто призван тебя защищать. Ведь возможный совет «Немедленно обратитесь в полицию» рассчитан на социальные институты, работающие в позитивном ключе. Именно такие институты интересуют позитивных психологов. Отклонения в работе этих институтов (свидетельством чего и являются набеги банд) не просто не интересуют, но даже само внимание к этим отклонениям со стороны представителей «просто психологии» кажется чрезмерным и вызывает сожаление у части позитивных психологов.

Интересно, что в тех весьма редких случаях, когда позитивные психологи пишут не вообще о жизненных неприятностях, стоящих на пути к счастью, а о столкновении с активным злом, описываемые ими примеры совладания отличаются одной своеобразной особенностью. В этих примерах люди не борются со злом, а занимаются собой – находят себе отвлекающее занятие. М. Чиксентмихайи подобрал следующие истории. Американский летчик во вьетнамском плену бесконечно разыгрывает мысленные партии в гольф и благодаря этому после освобождения блестяще играет реальную партию; венгерские политзаключенные в тюрьме организовали конкурс на лучший поэтический перевод; Ева Цезел, сидевшая в тюрьме на Лубянке, мысленно собирала настенные светильники из подручных материалов; А. Солженицын, в отличие от тех, кто пытался спастись, бросаясь на колючую проволоку, периодически впадал в состояние мысленного полета, «унесенности» прочь; и т. п. (Чиксентмихайи, 2011, с. 116–150).

После этих описаний следует очень интересный абзац: «Ричард Логан проанализировал записи многих людей, переживших невыносимые ситуации, в том числе работы Виктора Франкла и Бруно Беттельгейма, размышлявших об источниках внутренней силы людей в экстремально тяжелых обстоятельствах. Оказалось, что всех „выживших“ объединяла одна общая черта: „неэгоцентричный индивидуализм“, то есть наличие важной цели, стоящей выше личных интересов^{*}. Такие люди не оставляют усилий, даже оказавшись

* Заметим, что когда М. Чиксентмихайи пишет через запятую «неэгоцентричный индивидуализм, то есть наличие важной цели, стоящей выше личных интересов», он смешивает весьма разные вещи. «Неэгоцентричный индивидуализм» означает, по Чиксентмихайи, что человек умеет «получать радость от повседневности, не мешая другим заниматься тем же». Но наличие важной цели, стоящей выше личных интересов, предполагает нечто иное. Эта важная цель может быть позитивной

в практически безнадежных обстоятельствах. Внутренняя мотивация делает их стойкими перед лицом внешних опасностей. Обладая достаточным количеством свободной психической энергии, чтобы объективно анализировать ситуацию, они имеют больше шансов обнаружить новые возможности для действий» (там же, с. 150).

Итак – объективный анализ и обнаружение возможностей для действий. Но где же, где сами эти действия, ради которых были необходимы мысленный улет и фантазии? Здесь обрыв – примеров и описаний таких действий нет! Полемически заострим суждение: советский летчик М. П. Девятаев, проведший больше полугода в нацистском плену, сумевший собрать группу из других пленных и захватить немецкий самолет, за минуты разобраться в устройстве этой неизвестной ему системы (он тоже мысленно предварительно проигрывал – но не партии в гольф, а действия в самолете), сумевший уйти от воздушной погони и долететь до советской стороны, для М. Чиксентмихайи менее интересен, чем другой летчик, все время нахождения в плену мысленно игравший в гольф, кем-то освобожденный и затем продолжающий играть уже на свободе. Может быть, М. Чиксентмихайи и не знает конкретно про М. П. Девятаева, но он, что по-настоящему удивительно, как бы не знает и про другие случаи такого же рода, в которых был не только мысленный «улет».

Аналогично М. Селигман предваряет свою книгу замечательным эпиграфом (стихотворение Марвина Левина «Трансцендентность»), в котором есть такие строки: «И мы сумеем изменить себя // И, руки протянув через решетки, // Друг друга вызволить из плена». Но и у М. Селигмана нет примеров такой взаимопомощи, которая была бы связана с реальным сопротивлением насилию, – речь у него идет о вызволении друг друга из духовного плена прежних стереотипов.

Наиболее адекватную позицию, как представляется, занимает П. Вонг. Он выдвигает в качестве одного из положений своего манифеста радикальной позитивной психологии принесение свободы – находящимся в заточении, справедливости – притесняемым. Но и он ничего не пишет о том, как к этому требованию отнесется противоположная сторона – притесняющие и угнетающие, а также как с ними поступать, если они по-доброму на убеждения не поддаются и не хотят меняться.

или же негативной, но в любом случае это не цель неэгоцентричного индивидуалиста.

В целом, на протяжении ряда лет создавалось впечатление, что про жизнестойкость и гибкость (resilience) позитивные психологи знают, а вот про сопротивление (resistance) – как бы нет или же настолько мало, что писать им не о чем и незачем.

Однако по мере изменения международного положения (первые работы, позиционирующие позитивную психологию как самостоятельное направление, появились на рубеже 1990–2000-х годов, когда это положение для США было весьма благополучным) изменялись и подходы позитивной психологии.

От позитивной психологии процветания к позитивной военной психологии

Обоснование позитивной психологии на начальных этапах

В своих первых текстах, посвященных созданию позитивной психологии, М. Селигман вводил ее как противовес той психологии, которую он называл негативной. Так, в одной из своих статей 2000 г. он писал: «В первую очередь я собираюсь обсудить представления негативной психологии и негативной социальной науки и противопоставить их представлениям позитивной психологии и позитивной социальной науки»* (Seligman, 2000, с. 415). Он рассуждал о том, что, например, политические лидеры Флоренции XV в., богатейшей страны Европы, решили вкладывать прибыль не в возрастающую

* Позднее, под влиянием резкой критики, представители позитивной психологии отказались от использования оценочного понятия «негативная психология» и стали употреблять словосочетание «просто психология» («psychology as usual»). Но, как пишет Б. Хэлд, выражения М. Селигманом задним числом своего сожаления по поводу того, что он использовал термин «негативная психология», принципиально вопроса не решают: исследовательница доказывает, что произведенная замена создает новые методологические проблемы (Held, 2005). При этом в настоящее время часть позитивных психологов (возможно, не знакомых с первыми текстами отцов-основателей этого направления) просто отрицает факт использования позитивной психологией оценочного словосочетания «негативная психология» и факт резкого противопоставления: а) позитивной психологии, призванной стать «научным монументом», и б) психологии негативной (психологии прошлого), основанной на «медицинской» модели. Более того, это противопоставление временами подается ими как изобретение самих противников позитивной психологии, приписывающих ей то, чего она никогда не делала, и пытающихся ее дискредитировать.

военную мощь, а в создание прекрасного. США, по мнению Селигмана, переживают сходный всемирно-исторический момент: они могут выбрать ориентацию на оборону или же на созидание, но не памятников – произведений искусства, а памятника другого типа. Цель – создать «научный монумент: позитивную психологию» (там же, с. 417)*.

«Негативная» же психология, по Селигману, реализует «медицинский», «клинический» подход: она чрезмерно озабочена депрессиями, шизофренией, алкоголизмом и прочими отклонениями. «Последние полвека наука психология, по существу, занималась одной-единственной проблемой – психическими расстройствами человека» (Селигман, 2006, с. 9). Аналогично, по Селигману, обстоит дело и в других социальных науках. «Крепкая семья, здоровое окружение, демократия, гражданские свободы, экономическая стабильность – все это примеры позитивных институтов. Их изучением должны бы заниматься социология, политология, антропология и экономика, но эти дисциплины (подобно академической психологии) в настоящее время заняты в основном явлениями отрицательными – расизмом, дискриминацией полов, макиавеллизмом, монополизмом и т. п. Эти общественные науки выполняют грязную работу – ищут средства для борьбы с явлениями, затрудняющими нашу жизнь, – ну а пока, в лучшем случае, учат, как избежать подобных явлений или свести их действие к минимуму. Майк, Рей и я пришли к выводу, что людям необходима позитивная наука, изучающая явления положительные» (там же, с. 342)†. Поскольку высказывание о «гряз-

* Этот фрагмент о позитивной психологии как «научном монументе» («памятнике») дословно включен также и в статью Селигмана и Чиксентмихайи в ведущем психологическом журнале США «American psychologist» (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000), что свидетельствует о его значимости.

† Позитивные психологи подчеркивают: даже простой подсчет публикаций по психологии личности показывает, что значительно большее их число посвящено негативным эмоциональным состояниям и различным отклонениям, чем позитивным состояниям и норме, и этот дисбаланс настоятельно требует корректировки. Данный подсчет, вероятно, страдает неполнотой. Как указывает С. Дак, исследования в другой области – психологии межличностных отношений – демонстрируют противоположную тенденцию: значительно больший перевес текстов о позитивных сторонах этих отношений, чем о негативных, что должно служить обоснованием более детального изучения именно последних (Duck, 1994).

ной работе», которой занимались социальные науки до позитивной психологии, является важным, во избежание разночтений приведем и оригинальный английский текст: «Sociology, political science, anthropology and economics are the proper home of such investigations, but these disciplines (like psychology) are also pervaded by the study of the disabling institutions, such as racism, sexism, Machiavellianism, monopolies and the like. These social sciences have been muckraking, discovering a good deal about the institutions that make life difficult and even insufferable. At their best, these social sciences tell us how to minimize these disabling conditions» (Seligman, 2002, с. 266). В оригинале используется английское разговорное слово *muckraking*, означающее «разгребание грязи, мерзости», «копание в навозе».

Итак, на рубеже тысячелетий М. Селигман выражал критическое отношение к общественным наукам, изучающим различные проявления преднамеренно совершаемого зла (расизм, макиавеллизм и т. п.) и методы борьбы с этими явлениями, как к таким наукам, которые выполняют грязную работу, хотя сейчас актуально позитивное отношение к миру.

«Счастье и благополучие – цель позитивной психологии... Понятия *счастье* и *благополучие* мы используем как взаимозаменяемые термины, определяющие задачи нашей науки. Эти понятия включают в себя как положительные чувства и ощущения (восторг, комфорт), так и позитивные виды деятельности, связанные с поглощенностью и увлеченностью и совершенно лишенные чувственного компонента», – писал М. Селигман (Селигман, 2006, с. 337).

Аналогично И. Бонивелл отмечала: «Западный мир уже давно „перерос“ те причины, которые лежали в основе исключительно медицинской модели психологии» (Бонивелл, 2009, с. 16). Настало время «узнать о нормальной и успешной жизни нормальных и успешных людей, а не только о жизни тех, кто нуждается в помощи», «о великом искусстве жизни, которой живут люди в каждом уголке планеты» (там же).

Однако позднее риторика и практика позитивной психологии существенно изменилась.

Современное состояние: гибкая адаптация позитивной психологии к ведущейся войне

Есть открытая официальная информация на сайте Центра позитивной психологии Мартина Селигмана (<http://www.authentic happiness.sas.upenn.edu/newsletter.aspx?id=1552>), что его центр последние годы ве-

дет программу психологической подготовки солдат и офицеров действующей армии США *Comprehensive Soldier Fitness* («Всесторонняя солдатская подготовка») и *Resilience Training* («Тренинг жизнестойкости»). Как пишут Х. Фридмен и Б. Роббинс, эта программа является самой масштабной за всю историю психологии: с 2009 г. Министерство обороны выделило на нее 120 миллионов долларов, и через нее уже прошло около миллиона солдат, а в будущем планируется, что пройдут все (Friedman, Robbins, 2012). Значит, она высоко (во всех смыслах: финансовом, административном и т. д.) оценивается донорами.

Год назад был опубликован номер журнала «*American psychologist*», целиком посвященный этой программе. М. Селигман – приглашенный редактор и соавтор ряда статей, в том числе заключительной статьи под названием, которое само по себе заслуживает внимания «Всесторонняя солдатская подготовка и будущее психологии (Seligman, Fowler, 2011), не говоря уже о содержании. Обратимся к этому содержанию.

Данная статья является очень важной, методологически установочной. В ней коротко излагается история военной психологии в США, даются установки деятельности на ближайшее время и делаются прогнозы на отдаленное будущее.

Прежде всего важно подчеркнуть: полностью отходя от своей прежней критики апелляции к болезням, теперь Селигман с соавтором пишет о том, что потребность в данном проекте вызвана стрессом, накапливающимся у военных в боях, большим числом случаев посттравматических синдромов и прочими патологиями. Стоит напомнить, что здесь он воспроизводит именно ту «медицинскую» логику, за которую он же, но как передовой, «позитивный» психолог, в более ранних текстах критиковал психологов «негативных».

В статье также поставлены принципиально важные ценностные ориентиры. Авторы пишут: американские военные выполняют боевые задачи, исходящие от правительства, исполняют волю нации. Было бы ошибкой отказывать в научной и профессиональной поддержке военным, обеспечивающим национальную оборону. И Американская психологическая ассоциация никогда не отказывала им в этой поддержке.

Как пишут Селигман и Фаулер, предлагаемые меры психологической подготовки для действующей армии исходят из принципов позитивной психологии, и в будущем, как они прогнозируют, подобная подготовка будет проводиться и для всего общества – для его гражданской, невоенизированной части (!).

В статье перечислены известные Селигману и Фаулеру возражения критиков по поводу этой программы и даны ответы на них.

Одно из основных возражений таково: психологическая подготовка бойцов помогает им чувствовать себя лучше во время убийства, помогает лучше делать эту работу. Ответ: если, к примеру, наши военные выполняют операции в регионе, зараженном малярией, москитами и т. п., должны ли врачи отказывать им в помощи на том основании, что эта медицинская помощь делает военных здоровее, а значит, эффективнее в убийстве? Разумеется, не должны отказывать. Долг – лечить. То же и с психологической поддержкой. Три идеологии, зародившиеся в XX столетии, – фашизм, коммунизм и исламский джихад – угрожали демократии. Без мощных вооруженных сил и воли использовать их в целях самообороны невозможна защита от нынешних и будущих угроз. Мы горды нашей помощью вооруженным силам в защите нации сейчас, и мы с гордостью поможем нашим солдатам и их семьям в мирное время, которое наступит (там же, с. 86).

От изложения перейдем к анализу.

В этих абзацах Селигман фактически отвечает, насколько он верит в благосклонность мира и в беспроигрышные игры для всех участников на нынешнем этапе: без практического использования мощных вооруженных сил невозможна защита от нынешних и будущих угроз.

Это совершенно правильно, и следует безусловно согласиться, что государству нужна мощная военная защита. В более ранних текстах Селигмана меня как раз удивляло то, насколько искусно он обходит темы самозащиты счастливых и процветающих от не-позитивно настроенных субъектов. Ведь реальность такова, что если напали убийцы, то зачастую надо убивать убийц. Если на ваш поселок регулярно совершаются набеги банд, надо что-то делать. Вооруженным силам, безусловно, нужны разработки психологов. Отечественные психологи, и я в том числе, тоже гордятся вкладом, которые внесли их предшественники в победу во Второй мировой войне, – будь то средства, повышающие эффективность адаптации зрения к темноте (что принципиально важно для разведчиков и часовых), или методы лечения и восстановления военнослужащих с мозговыми ранениями, и т. д.

Но интерес представляет не просто военная психология, а такая военная психология, которая декларирует свою позитивность.

При чтении Мартина Селигмана возникает (безусловно, ложное) впечатление, что он – как автор текстов по позитивной военной психологии – словно не вполне догадывается, что в условиях военных действий, на поле боя, действует совершенно иная, по сравнению с обычной, логика принятия решений, и там совершенно иная цена даже абсолютно правильных решений. Там люди убивают людей. Если там и есть позитивное мышление, то позитив этот очень особый, специфический.

Начнем объяснение особых условий принятия решений на поле боя с примеров такого типа, который в текстах по позитивной военной психологии почему-то не встречается.

Физиолог, академик РАН О. Г. Газенко, служивший в годы Отечественной войны начальником войскового лазарета, описывал следующую проблему. «Как поступить врачу на линии фронта с ранеными, если ситуация на этом участке фронта очень тяжелая? Если я сниму всех раненых и отправлю в тыл, то прорвут фронт и погибнут и раненые, и все остальные. Значит, раненому в руку я обработаю рану и отправлю в госпиталь. А раненого в ногу я оставлю около пулемета. Я не могу его снять. Это огромный риск: у него может начаться сепсис, он погибнет... (Кроме того, раненый в ногу боец не может маневрировать во время боя, что повышает риски. – А. П.) Эта плата за то, чтобы не случилось худшее, то есть перед нами задача с неопределенностью вопроса, и ответ в ней такой: я поступлю вот так, в результате выиграю то-то и то-то такой-то ценой. Врач должен каждый раз думать: какой ценой?» (цит. по: Фейгенберг, 2009).

Подчеркнем: военный психолог, осуществляющий всестороннюю психологическую подготовку военнослужащих, должен готовить командиров и врачей к необходимости принятия в ряде ситуаций и таких решений, как описанное выше, а солдат – к необходимости подчиняться соответствующим приказам.

Также в военных столкновениях командир может принимать решение о том, чтобы пожертвовать частью подразделения (например, группой, прикрывающей отход) с целью выполнения боевой задачи или спасения другой части подразделения. (На этой ситуации построена одна из моральных дилемм Л. Колберга, диагностирующих уровень нравственного развития.) К этим ситуациям тоже нужно психологически готовить.

Наконец, о самой общей проблеме пишет В. Н. Дружинин, излагая часть книги А. Коупленда «Солдат и война»: «Большинство активных участников боевых действий признается, что убить врага, которого

встречают лицом к лицу, крайне трудно. У нормального, „среднего“ человека, что бы о том ни говорили специалисты-этологи, последователи К. Лоренца, существует пресловутый психологический барьер, который препятствует убийству представителя своего вида. Другое дело, что этот барьер может быть сломан» (Дружинин, 2002, с. 118).

Остается неизвестным, как конкретно решаются названные и другие подобные задачи. (А они не могут не решаться, поскольку и отказ от их решения – это тоже сознательное решение.) Тонкие знатоки работ М. Селигмана, возможно, способны подсказать, где эти проблемы если не обсуждаются, то хотя бы ставятся им, но мне эти публикации неизвестны. Декларируется лишь, что все решается в позитивном ключе.

Как это возможно? Как возможна позитивная военная психология? Это сущностные вопросы. Насколько я знаю, сам М. Селигман словосочетание «позитивная военная психология» тактично не употребляет, ведь оно рисковало бы стать в один ряд с оруэлловским «минимиром» – «министерством мира», обозначающим министерство войны, или же с лемовским «Товариществом насаждателей общественного добросердечия». Но я не вижу иного логичного способа называть военную психологию, построенную на принципах позитивной, чем позитивная военная психология.

При этом я могу хорошо представить себе по отдельности позитивную психологию (психологию счастья и процветания) и военную психологию. В частности, например, можно представить статьи под названием «Террористический акт в (указание населенного пункта): подходы военной психологии» или «Геноцид и военное мышление». Но крайне трудно представить статьи «Геноцид и позитивное мышление», «Террористический акт в ...: подходы позитивной психологии».

Если говорить об умолчаниях о неприятном, являющихся типичной чертой ряда текстов по позитивной психологии, то для позитивной военной психологии характерно умолчание об отношении к врагу*. Даже когда статьи по позитивной военной психологии посвящены отношению к другому человеку, в них рассматриваются

* Интересно, что во многих текстах по позитивной психологии есть ссылки на необходимость понимания другого и развитие социального интеллекта. Но вы не найдете там примеров работы социального интеллекта, связанной с пониманием чужих недобрых намерений и действий. Максимально напряженная ситуация – взаимное непонимание, но не недоброе намерение.

отношения внутри ингруппы – отношения принятия, эмпатии, уважения, доверия, открытости, толерантности (и т. д., и т. д.) в самом подразделении, но не отношение к членам аутгруппы – к противнику, конкретным врагам, о которых авторы умудряются не сказать ни слова (см., например: Casiorro et al., 2011). Но тогда ради чего военные там, в зоне боевых действий, собрались? Для демонстрации эмпатии друг к другу?

Речь идет о сущностных вопросах. Убийство представляется выражением крайне негативного отношения (за исключением очень немногих случаев типа эвтаназии). Может ли отношение к врагу быть позитивным в условиях боевых действий и непосредственно в ходе боя? Как можно позитивно относиться к субъекту, видимому в прорези прицела перед выстрелом, к наблюдаемому в виде отметки на мониторе перед пуском ракеты и т. д.?

Необходимо еще раз повторить: если в этих ситуациях и есть позитив, то особый. Он отражен, например, в песне «Я люблю кровавый бой» героя войны 1812-го года Дениса Давыдова («Пусть французишки гнилые к нам пожалуют назад! За тебя на черта рад, наша матушка Россия!» и т. д.), в карикатурах Кукрыниксов времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с изображением врагов, в серии современных плакатов, созданных российской ассоциацией подразделений особого назначения «Витязь» с надписями: «Терроризм – это болезнь. Встречайте доктора», «Спецназ предупреждает: захват заложников опасен для здоровья» и т. д.

Кстати, этому позитивному черному юмору по отношению к противнику вовсе не чужды и американские военные. Например, в период военной операции против террористической организации Аль-Каиды по телевидению показали кадры с подготовкой американской боевой ракеты, на которой написано «Здравствуй, Усама». Среди прочего, такой показ по ТВ – это и средство формирования отношения, необходимого бойцам для боя, а всем остальным – для поддержки бойцов.

Можно быть уверенными, что победа в войне достигается очень во многом благодаря этому сплаву, с одной стороны, позитивного оптимистического отношения к миру, а с другой – резко негативного отношения (вплоть до готовности физически уничтожить) к врагам, убийцам, к тем, кто разрушает мир*. При этом такая позитивная

* «Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу,

психология счастья для угнетаемых – это психология несчастья для врагов. Здесь надо еще раз процитировать С. Лема: «Конечно, сделать невозможным причинение зла – тоже зло для многих людей, тех, которые очень несчастны без несчастья других. Но пусть уж они будут несчастны» (Лем, 1990, с. 247).

Но где анализ и формирование этого отношения к другому в позитивной военной психологии Селигмана? Не обязательно формирование отношения «я люблю кровавый бой» или «науки ненависти». Может существовать позиция и более отстраненная эмоционально. Но в любом случае она не вполне позитивна по отношению к противнику и требует анализа, если уж исследователь пишет о реальной подготовке к боевым действиям.

Возможным воплощением идеи реальной военной позитивной психологии может служить Анка-пулеметчица из фильма «Чапаев». В одном из ключевых эпизодов этот положительный персонаж выкашивает пулеметными очередями шеренги наступающей пехоты белых – выкашивает умело и сосредоточенно, находясь в том самом состоянии потока, о котором пишет Чиксентмихайи, но почему-то не пишет Селигман.

Между тем, можно не сомневаться, что как военный психолог, осуществляющий психологическую подготовку военнослужащих действующей армии, он вполне успешен, раз с ним заключает большие контракты Министерство обороны; на снижение боевой эффективности жалоб не поступало. С моей точки зрения, это освещает новые, пока не вполне эксплицированные возможности позитивной психологии Мартина Селигмана. Эти достижения надо институционализировать и закрепить: издать книги «Тактика рукопашного боя и аутентичное счастье» (раз уж 10 лет назад Селигман опубликовал основополагающую книгу «Аутентичное счастье»), а также «Боевое наставление позитивного психолога» и т. п. И на очередном съезде позитивной психологии может прозвучать такое представление: «С пленарным докладом выступает такой-то, общество позитивной психологии, отдел процветания и психологической подготовки военных операций».

чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу всегда мы носим на кончиках штыков» (Шолохов, эл. ресурс).

Это, конечно, гротеск, но много ли здесь преувеличения, мы не знаем.

Поясню свою позицию. Я уважаю позитивную науку, которая помогает делать позитивные чувства счастливого процветающего субъекта еще более позитивными. Я уважаю военную психологию – военные психологи совершенно необходимы, они решают принципиально важные задачи, связанные с защитой страны. Более того, читая фрагменты отзывов сержантов, цитируемые Селигманом с соавт. (Reivich, Seligman, McBride, 2011), я готов поверить, что Тренинг жизнестойкости – по-настоящему нужная программа психологической подготовки военных.

Впрочем, Х. Фридмен и Б. Роббинс в эту эффективность не верят – они доказывают, что последствия программы могут быть вполне аморальными, несмотря на все декларации, поскольку в ней игнорируется этическая составляющая, и, кроме того, она не обоснована научно. Эти исследователи подробно анализируют ее принципиальные недостатки как этического, так и научного характера (Friedman, Robbins, 2012).

Предметом особого разбора стало само понятие жизнестойкости (resilience). По мнению Х. Фридмена и Б. Роббинса, оно совершенно напрасно возведено М. Селигманом в ранг добродетели без учета контекста и связи с другими качествами. Ярчайший пример – жизнестойкость Гитлера, которую он успешно демонстрировал в течение значительной части жизни. Это крайний пример, подчеркивают авторы, но следует понимать, что понятие жизнестойкости солдата (они цитируют армейское полевое руководство) имеет иную смысловую нагрузку, чем понятие жизнестойкости, используемое в большинстве психологических работ (по изучению детских травм, которые необходимо изживать, и т. п.). Ключевой смысл понятия солдатской жизнестойкости в соответствии с цитируемым армейским руководством – выполнение боевой задачи, миссии, несмотря на какие бы то ни было трудности и препятствия. Как указывают авторы, тренировка жизнестойкости в этом ключе – без формирования четко прописанной этической составляющей – может привести к катастрофе. Солдаты Третьего рейха обладали отличной жизнестойкостью в указанном смысле и отлично (до поры до времени) справлялись с поставленными задачами. При этом Х. Фридмен и Б. Роббинс выражают свое уважение к армии США и веру в то, что открытый диалог по критически важным вопросам необходим для достижения оптимальных результатов (там же). Подробный исторический анализ концептуа-

лизации явления жизнестойкости в психологии и анализ различных вариантов его использования дает также П. Кессман с соавт. (Kessman et al., 2012a). Эти исследователи полностью солидаризируются с Х. Фридменом и Б. Роббинсом: они считают, что деконтекстуализация данного понятия крайне опасна с нравственной точки зрения.

На основании всего изложенного в этом разделе можно сделать вывод, что когда Мартин Селигман, сидя одновременно на двух стульях – позитивной психологии процветания и военной психологии, – убеждает критически настроенную общественность, что он находится в органичной и изящной позе, он ошибается.

Подведем промежуточный итог. При изменении общественно-политической ситуации возглавляемая М. Селигманом ветвь позитивной психологии сумела:

- гибко и почти незаметно вернуться к пафосу «клинической модели», апеллирующей к чрезмерно большому числу отклонений;
- обратиться к той работе (войне), которую, по Селигману, следует отнести к грязным; напомним, что он корил прежние, «допозитивные» общественные науки за то, что они «выполняют грязную работу – ищут средства для борьбы с явлениями, затрудняющими нашу жизнь» (Селигман, 2006, с. 342);
- нечувствительно добавить к изучению счастливого процветающего субъекта исследование человека, занимающегося физической ликвидацией врагов и требующего в связи с этим специфической психологической подготовки, поддержки, последующей реабилитации.

Но кое-что фактически остается неизменным. Это грандиозная цель создания научного монумента современности – позитивной психологии, строящейся уже, правда, не на основе прекрасных образцов искусства процветающей Флоренции XV столетия, так нравившихся Селигману 12 лет назад, а на основе программы Всесторонней солдатской подготовки армии США – краеугольного камня психологии будущего; той программы, достижения которой, по Селигману и Фаулеру, можно будет распространить на все общество. Это кажется неправдоподобным фарсом, не так ли? Читателей, которые так считают, я очень прошу прочесть статью Селигмана 2000 г. «Позитивная психология» в сборнике «Наука оптимизма и надежды: исследовательские эссе в честь М. Селигмана» (Seligman, 2000) и сразу вслед за ней – статью «Всесторонняя солдатская подготовка и будущее психологии» (Seligman, Fowler, 2011).

Заключение

По словам М. Селигмана, по ночам он размышляет «о том, как, образно говоря, подняться с уровня плюс два до плюс семь, – вместо того, чтобы изыскивать способ от минус пяти доплюс до минус трех и почувствовать себя хоть немного менее несчастным» (Селигман, 2006, с. 9).

Согласимся: довести +2 до +7 – это отличная задача. Но насколько легко и возможно ли вообще довести +2 до +7, не анализируя ситуации перехода от 0 до –50 (ориентировочное, косвенно установленное по найденным трупам, число девушек, убитых одной из российских банд за отказ заниматься проституцией), перехода от 0 до –???? (неизвестное число пожилых людей, продавших свои квартиры и не доехавших до места нового проживания), до –937000 (официально признанное число жертв геноцида в Руанде) и т. д.?

Как пишет С. Лем, «тот, кто занимается человеческим бытием, не может исключить из порядка этого бытия массовое человекоубийство. Иначе он отрекается от своего призвания» (Лем, 1990, с. 448). К. Бенсон доказывает, что психологическое и моральное неразрывно связаны и что важнейшей чертой человеческого Я является способность как к целенаправленной и осознанной работе по расширению и развитию человеческих миров, так и к их целенаправленному аморальному сужению и разрушению. Психология человека не может быть раскрыта вне данной способности (Benson, 2001).

Приняв это, надо признать и то, что психология счастья и процветания, если она претендует на познание реальности во всей ее полноте, а также и на помощь всем нуждающимся и страдающим, с неизбежностью должна как-то отнестись или даже, может быть, напрямую заняться теми, кто несет страдание и смерть, представляя злокачественную агрессию, по Э. Фромму, или «активно атакующее зло» (Прокофьев, 2008, 2009), кто реализует вариант жизни «жизнь против жизни», по В. Н. Дружинину. Здесь следует повторить высказывание П. Вонга о том, что «зло может разрушать индивидов и общества, подобно раковым клеткам» (Wong, 2011, p. 77).

При этом, говоря о позициях П. Вонга, И. Бонивелл и некоторых других исследователей, нужно отметить их отличие от позиции М. Селигмана. Еще в 2005 г. Б. Хэлд констатировала появление «второй волны» позитивных психологов, больше ориентированных на интеграцию, чем на разделение психологии на позитивную и негативную (Held, 2005). Видимо, к этой второй волне принадлежит

И. Бонивелл, которая, цитируя жесткую критику оппонентов позитивной психологии – Р. Лазаруса (Lazarus, 2003a, 2003b), Х. Теннена и Г. Аффлека (Tennen, Affleck, 2003), соглашается с ними относительно необходимости синтеза, интеграции позитивной и негативной психологии и их знаний о человеке. Ряд исследователей также обращает внимание на то, что современная позитивная психология представляет все более дифференцирующуюся область с различными подобластями. Среди этих подобластей есть те, которые все больше внимания уделяют темам страдания, жизнестойкости и позитивного совладания в тяжелых условиях (Леонтьев, 2012; Hart, Sasso, 2011)*. В настоящее время полемика с позитивной психологией М. Селигмана, начатая Р. Лазарусом и Б. Хэлд в начале-середине 2000-х годов, продолжается. Делаются доклады на конференциях (Kessman et al., 2012b), публикуются методологические статьи внешних критиков (Фридмен и Роббинс), рассматривающих позитивную психологию как упрощенную, но успешно продвигаемую с помощью активного маркетинга версию гуманистической психологии, а также статьи критиков внутренних (Вонг), не согласных с положениями Селигмана. При этом позиции Фридмена, Роббинса и Вонга совпадают в нескольких ключевых пунктах: позитивная психология игнорирует целостный, холистический подход, упрощает реальность, и выделяемые ею добродетели могут носить деструктивный характер. Но, как коротко замечает П. Вонг, проблема для позитивной психологии заключается в том, что если она займется проблематикой страдания (а также, добавим, проблематикой «негативных индивидов», несущих страдание), то потеряет свою идентичность. Надо отдать должное П. Вонгу как позитивному психологу: к сформулированной им самим теме «негативных черт, ведущих к негативным результатам» он старается обращаться минимально, лишь указывая на то, что это не предмет позитивной психологии.

В целом, в настоящее время можно выделить следующие типы отношения представителей психологии счастья и процветания к преднамеренно совершаемому злу и его носителям (возможно, список неполон, но представление об их позиции по этому вопросу дает).

* При этом нельзя не отметить прагматичный комментарий К. Харта и Т. Заззо: «Уделение большего внимания трудным обстоятельствам поможет заглушить критиков (например, Held, 2005), обвиняющих позитивную психологию в элитаризме» (Hart, Sasso, 2011, с. 91).

1. Перевоспитание врагов и игнорирование тех из них, кто не хочет перевоспитываться («Самый лучший способ избавиться от войны и боеголовок – научиться жить в раю и научить этому своих врагов. Если все будут жить в раю, не нужны будут боеголовки и не будет никаких врагов... А если враги – такие дураки, что не хотят жить в раю, то им же хуже, хотя и жаль» (Линде, 2009)). Можно быть вполне счастливым, несмотря на них.
2. Понимание того, что «нельзя жить здоровой и наполненной жизнью в больном мире, зараженном преступлениями, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой» (Wong, 2011, с. 77). При этом тема изучения данных негативных явлений, которые являются причиной невозможности полноценного благополучия, не обсуждается, поскольку не входит в предмет позитивной психологии и способна размыть ее идентичность.
3. Прагматическое отношение к постановке и обсуждению проблемы зла, основанное на возможностях гибкого практического интеллекта, а именно: в условиях благополучия декларируются ценность беспрюигрышных игр и отсутствие интереса к динамике в зоне неположительных чисел (интересуют только переходы от положительных к еще большим положительным). В условиях же обострения общественно-политической и экономической ситуации осуществляется быстрый переход к риторике обоснования глобальных угроз, возврат к клинической модели и создание системы подготовки профессиональных борцов со злом, физически уничтожающих носителей угроз, – но в рамках передовой позитивной психологии, монумента психологии будущего (М. Селигман).

При этом психологический анализ структуры деятельности по физическому уничтожению противника и анализ ее центрального отношения – отношения к этому противнику – по видимости, не проводится. Также не проводится анализ целей, отношений, стратегий тех субъектов, которые противостоят «нашим» бойцам (хотя эффективная борьба без этого анализа невозможна). Точнее говоря, на основе открытых статей о практической эффективности развернутой программы можно предполагать, что указанные проблемы вряд ли игнорируются на уровне реальной подготовки – но замалчиваются в текстах, поскольку их обсуждение тоже неприятно размывало бы идентичность позитивной психологии.

Между тем, совладание с преднамеренно созданными противником трудностями (а именно они – основные на войне) радикально отличается от совладания с трудностями, возникшими в силу естественных, ни от кого не зависящих причин. И даже если мы работаем только с людьми, совладающими с трудностями, то для того, чтобы понять особенности этого совладания и поведения в целом, надо понять особенности тех трудностей, которые этим людям созданы, понять поведение того, кто эти трудности создает, – понять, пусть даже это и не входило в исходные задачи позитивной работы (Поддьяков, 2008, 2011).

Соответственно, представляется интересным проследить, как в исследованиях позитивной психологии, расширяющихся сейчас, по выражению П. Вонга, словно лесной пожар, будут в дальнейшем ставиться, обсуждаться и решаться (или не ставиться, не обсуждаться и не решаться) проблемы взаимодействия с носителями активно атакующего зла.

В своей книге «Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии» В. Н. Дружинин писал: «Три роли достойны человека: роли спасателя, защитника и созидателя. Созидатель, конструктор, рабочий, художник, ученый, ученик и учитель, мать и отец, друг и подруга – они воспроизводят и обновляют жизнь. Защитник, полицейский, солдат, пожарный и сторож защищают жизнь от внешних угроз. Спасатель, врач, психолог, священник продлевают физическую и духовную жизнь. В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования единственный смысл индивидуального бытия не является иллюзорным: продолжение жизни человечества» (Дружинин, 2002, с. 133–134).

Но роль защитника от деструктивной агрессии часто предполагает альтернативный альтруизм: человечность по отношению к одним (защищаемым) за счет бесчеловечности по отношению к другим (нападающим), – бесчеловечности, поскольку убийство человека бесчеловечно по отношению к нему (а в экстремальных ситуациях речь идет об убийстве) (Поддьяков, 2007). В альтернативный альтруизм может входить также и бесчеловечность по отношению к себе. Защита Родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т. п. – примеры такой деятельности. Сможет ли психология счастья и благополучия отказаться от этих проявлений человечности, чтобы не размывать свою идентичность, или же сохранит и даже разовьет их – вот в чем вопрос.

Литература

- Бонивелл И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология. М.: Время, 2009.
- Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Пер Сэ, 2000.
- Ениколопов С. Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 308–335.
- Лем С. Осмотр на месте // Лем С. Из воспоминаний Ийона Тихого. М.: Книжная палата, 1990. URL: <http://lib.rus.ec/b/290909/read> (дата обращения: 17.10.2012).
- Леонтьев Д. А. Выступление на дебатах «Проблема зла и позитивная психология: Александр Поддьяков vs Дмитрий Леонтьев». Москва, НИУ ВШЭ. 18 мая 2012 г. URL: <http://video.hse.ru/video/925> (дата обращения: 17.10.2012).
- Линде Н. Д. Основы современной психотерапии. М.: Академия, 2002.
- Линде Н. Сутра о счастье. 2009. URL: <http://www.voppsy.ru/Linde.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
- Назаретян А. П. Физическое и виртуальное насилие: перспектива взаимовлияния реальностей // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 418–438.
- Поддьяков А. Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. № 3. С. 98–107 URL: http://creativity.ipras.ru/texts/Poddyakov_4-03pp98-107.pdf (дата обращения: 17.10.2012).
- Поддьяков А. Н. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования. Электронный журнал. 2008. № 1. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1.html> (дата обращения: 17.10.2012).
- Поддьяков А. Н. Компликология – изучение субъектов и управление ими путем создания трудностей: от биологических механизмов к нравственной рефлексии // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 435–479. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/11/21/1272684575/compliology.doc> (дата обращения: 17.10.2012).

- Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5. С. 60–90.
- Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль: Ежегодник. М.: ИФ РАН, 2009. Вып. 9. С. 122–145.
- Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Фейгенберг И. Воспоминания // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 2. URL: <http://www.npar.ru/journal/2009/2/feinverg.htm> (дата обращения: 17.10.2012).
- Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011.
- Шолохов М. А. Наука ненависти. URL: <http://victory.mil.ru/lib/books/prose/sholohov2/01.html> (дата обращения: 20.12.2012).
- Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. London; N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.
- Cacioppo J. T., Reis H. T., Zautra Alex J. Social resilience: the value of social fitness with an application to the military // American Psychologist. 2011. V. 1. P. 43–51.
- Csikszentmihaiyi M. Legs or wings? A reply to R. S. Lazarus // Psychological Inquiry. 2003. V. 14 (2). P. 113–115.
- Duck S. Strategems, spoils, and a serpent's tooth: on the delights and dilemmas of personal relationships // The dark side of interpersonal communication / Eds W.R. Cupach, B.H. Spitzberg. N.J., Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 3–24.
- Epstein S. Cognitive-experiential self-theory: An integrative theory of personality // The relational self: convergences in psychoanalysis and social psychology / Ed. R. Curtis. N.Y.: Guilford Press, 1991. P. 111–137.
- Friedman H. L., Robbins B. D. The negative shadow cast by positive psychology: Contrasting views and implications of humanistic and positive psychology on resilience // The Humanistic Psychologist. 2012. V. 40 (1). P. 87–102.
- Hart K. E., Sasso T. Mapping the contours of contemporary positive psychology // Canadian Psychology. 2011. V. 52 (2). P. 82–92. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/features/cap-52-2-82.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
- Held B. S. The negative side of positive psychology // Journal of Humanistic Psychology. 2004. V. 44. P. 9–46. URL: <http://www.bowdoin>

- edu/faculty/b/bheld/pdf/JHP-held-2004.pdf (дата обращения: 17.10.2012).
- Held B. S.* The “virtues” of positive psychology // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. 2005. V. 25 (1). P. 1–34.
- Kessman P., Howe K., Arcangeli B., Goodman D.* “Resilient” terminology: a genealogy of the wellness literature. Paper presented at the Fifth Annual Humanistic Psychology Conference of the Society for Humanistic Psychology, Division 32 of the American Psychological Association. March 29–April 1. Pittsburgh, PA, USA, 2012a.
- Kessman P., Howe K., Goodman D. M.* Sifting through the “Good Life”: The Downside of Positive Psychology. Paper presented at the Third Biennial Midwinter Meeting Society for Theoretical and Philosophical Psychology. March 1–3. Austin, Texas, USA, 2012b.
- Kuroki M.* Crime victimization and subjective well-being: Evidence from happiness data // *Journal of happiness studies*. Online First, 30 May 2012. URL: <http://www.springerlink.com/content/r55115333134r841/fulltext.pdf> (дата обращения: 17.10.2012).
- Lazarus R. S.* Does the positive psychology movement have legs? // *Psychological Inquiry*. 2003a. V. 14 (2). P. 93–109.
- Lazarus R. S.* The Lazarus Manifesto for positive psychology and psychology in general // *Psychological Inquiry*. 2003b. V. 14 (2). P. 173–189.
- Lee R. M.* *Dangerous fieldwork*. London: Sage, 1995.
- Reivich K. J., Seligman M. E. P., McBride S.* Master Resilience Training in the U. S. Army // *American Psychologist*. 2011. V. 1. P. 25–34.
- Seligman M. E. P.* Positive psychology // *The Science of Optimism and Hope: Research Essays in Honor of Martin E. P. Seligman* / Ed. J. E. Gillham. Radnor, PA: Templeton Foundation Press, 2000. P. 415–430.
- Seligman M. E. P.* *Authentic happiness*. N. Y.: Free Press, 2002.
- Seligman M. E. P., Csikszentmihalyi M.* Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*. 2000. V. 55 (1). P. 5–14.
- Seligman M. E. P., Fowler R. D.* Comprehensive Soldier Fitness and the Future of Psychology // *American Psychologist*. 2011. V. 1. P. 82–86.
- Seligman M. E. P., Pawelski J. O.* Positive psychology: FAQs // *Psychological Inquiry*. 2003. V. 14 (2). P. 159–163.
- Servan-Schreiber D.* *Anti-cancer: A new way of life*. N. Y.: Viking, 2009.
- Tennen H., Affleck G.* While accentuating the positive, don’t eliminate the negative or Mr In-Between // *Psychological Inquiry*. 2003. V. 14 (2). P. 163–169.
- Werner H.* *Comparative psychology of mental development*. N. Y.: Percheron Press, 2004.

Wong P. T. P. Radical positive psychology for radical times // Keynote address at the International Council of Psychologists. San Diego, 2007. August 13. URL: http://www.meaning.ca/archives/archive/art_radicalPP2_P_Wong.htm (дата обращения: 17.10.2012).

Wong P. T. P. Positive psychology 2.0: towards a balanced interactive model of the good life // *Canadian Psychology*. 2011. V. 52 (2). P. 69–81.

Zabielski S. Deception and self-deception in qualitative research // Paper presented at the conference “Psychology of the coping behavior”. 2007. May 16–18. Kostroma, Russia.

ПОСТУПОК КАК ВОСХОЖДЕНИЕ К СУБЪЕКТНОСТИ

Н. Я. Большунова

Категория поступка, несмотря на ее общеупотребительность, остается в психологии пока не разработанной ни по содержанию, ни по месту поступка в жизни человека. Обычно указываются такие его атрибуты, как осознанность, связь с нравственным самоопределением, понимание поступка как целостного акта, в котором интегрированы мотивация, действие, результат и оценка; указывается также, что личность (характер) в поступке проявляется и развивается. Поступок понимается как единица социального поведения, как особое действие в структуре деятельности, направленное на других людей или самого себя. Этих общих положений явно недостаточно для того, чтобы понять подлинное значение поступка. Данная категория, по-видимому, не случайно появляется именно в отечественной психологии. Г. Л. Тульчинский считает, что поступок «специфически русское понятие», он полагает, что «для российского духовного опыта характерно именно поступочное представление бытия, с позиции которого понять явление значит представить его как вменяемое действие – разумное и ответственное, имеющее замысел и назначение», а значит – как свободное действие (Проективный философский словарь..., 2003). В этом отношении интересна позиция ряда лингвистов (Потебня, 1993; и др.) и особенно представителей современной лингвокультурологии (Воробьев, 2008; Маслова, 2004; и др.), согласно которым концептосфера языка содержит в себе ценности, в которых представлено своеобразие и уникальность каждой национальной общности (Лихачев, 1994). И действительно, в традициях русской духовной культуры совершенствование внутреннего мира (домостроительство) неотделимо от делания (сорботничества с Богом) (Кирилл, митрополит, 2000), «производства нравственных деяний» (Феофан Затворник, святитель, 2002, с. 100), то есть поступка.

Одним из наиболее эвристичных является понимание поступка С. Л. Рубинштейном, который определяет его следующим образом: «Поступок – это действие, которое воспринимается и осознается самим действующим субъектом как общественный акт, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям» (Рубинштейн, 1946, с. 543).

В контексте этого определения психологический смысл поступка мы рассматриваем прежде всего в связи с реализацией потребности человека в целостности и подлинности. Встает вопрос: что, собственно, дает человеку основание переживать целостность, самоидентичность, временную устойчивость в изменяющемся мире? Как человек узнает о том, что он собой представляет, каков он подлинный? Рефлексия, переживание, самосознание, являясь неизменными атрибутами самопознания и самопонимания, оставляют человека незавершенным, актуализируют принципиальную неполноту, нецелостность самоощущения, уводят в «дурную» бесконечность «заикленности» на себе самом, создают условия для воспроизводства себя неизменного и неспособного к самоизменению, защищающегося от изменений посредством более или менее конструктивных психологических защит. Трансгрессиентность по отношению к себе, прерывание этой «дурной» бесконечности приспособления к себе самому, достижение конгруэнтности осуществляется в поступке как способе, с одной стороны, реализации себя в мире, способе достижения момента завершенности; с другой стороны, как способе «нахождения мира» для себя, делания себя «причастным» к «конкретному, единственному» миру, который «для моего участного поступающего сознания... как архитектурное целое расположен вокруг меня как единственного центра исхождения моего поступка» (Бахтин, цит. по: Пешков, 1996, с. 133). Такое понимание поступка отличается от интересного, но недостаточного для ответа на вопрос о целостности человека представления В. В. Столина, в котором не разведены категории поступка и проступка и все деяния человека оказываются потому однопорядковыми, безотносительными к системе ценностей (поступок понимается здесь как действие, обладающее конфликтным смыслом, возникающее на перекрестке, пересечении деятельностей) (Столин, 1983, с. 108). Анализ поступка здесь ограничивается психологическим пространством конкретных деятельностей, а его содержание утрачивает социокультурный смысл. Ценность поступка становится относительной, она обусловлена переживаниями, психологическими

защитами и прочими психологическими феноменами. Создается впечатление, что поступок совершается главным образом в самосознании, что его реальная бытийственная составляющая не имеет смысла. Таким образом понимаемый поступок не столько актуализирует причастность к «конкретной единственности мира» (цит. по: Пешков, 1996, с. 57), сколько отчуждает от этого мира, сужает и поступок, и мир до коллизий, осуществляющихся в сфере самосознания. Тогда как, согласно словарю В. Даля, «поступок – всякое дельное дело или действие человека; подвиг, деяние, дея, исполнение чего» (Даль, 1907, с. 907), где выделяется несколько важных аспектов: это действие; действие исполненное, завершённое; это дельное действие, то есть имеющее позитивную ценность и смысл.

«Потребность внутренней целостности... как одного из существеннейших фактов духовного развития» (Зеньковский, 1996, с. 129) можно реализовать путем психологической адаптации, приспособления к миру или к себе самому, посредством наращивания психологических «защит» в форме жизненных сценариев, коммуникативных игр, поведенческих программ и т. д. Этот путь достижения суррогата целостности хорошо иллюстрируется образом чеховского «человека в футляре» или «премудрого пескаря» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Данный способ предлагается различного рода манипулятивными психотехнологиями, ориентированными на успех, обусловленный достижением самодостаточности, самопрезентации, имиджа. По словам М. М. Бахтина, это путь «представительства», «самозванства» в жизни, «безответственного самоотдания бытию, одержания бытием» (цит. по: Пешков, 1996, с. 119). Еще один путь достижения суррогата целостности представлен образом Родиона Раскольникова, который ищет завершения своей незавершенности в «поступке». В нем он видит средство достижения покоя и целостности и самоощущения достоинства («Тварь ли я дрожащая или право имею?»). Здесь «поступок» представляет собой окончательную и однозначную завершенность абстрактного человека в моральном идеале – человека, лишённого переживания события как со-бытия. Он выступает как безоговорочное обретение некоего качества личности, характера, которое теперь становится средством самоупоевания, самолюбования и, как следствие, непричастности, нейтральности, отчуждения себя от само-бытия.

Такой ложный способ достижения завершенности преодолён самим же Родионом Раскольниковым посредством поступков же, поскольку поступок всегда представляет собой не только достиже-

ние завершенности, но и преодоление ее. Ведь, по словам Бахтина, в «ответственном акте – поступке отвлечения от себя или самоотречения... я максимально активно и сполна реализую единственность своего места в бытии. Мир, где я со своего единственного места ответственно отрекаюсь от себя, не становится миром, где меня нет, индифферентным в своем смысле к моему бытию миром, самоотречение есть обымающее [?] бытие-событие свершение» (там же, с. 62). Поступок – это мгновение, момент связи, соединения себя, своей индивидуальной жизни, судьбы, с жизнью Мира, момент свершения себя в Мире. И в то же время это момент достижения своей человеческой подлинности, которая и обозначает, и ограничивает индивидуальность данного человека. *Индивидуальность явлена в подлинности и причастности поступка.* Жизненный путь человека, его судьба и представляет собой череду поступков, в каждом из которых осуществлен момент одновременно и соединения человека с Миром, с абсолютным в нем, с образом человека вообще, и обретения своей индивидуальности и личной призванности вследствие переживания «участности» в событии Мира (термин М. Бахтина)*. В поступке человек предстает как двойной субъект: субъект собственной жизни и субъект социокультурный, исторический. Одновременно он и отчуждается от себя самого, становится трансгредиентным самому себе, актуализируя свою субъектность в Мире, и обретает себя самого, свою подлинность и индивидуальность. В поступке, таким образом, происходит развитие и осуществление субъектности.

Последнее означает, что действие может быть по своему смыслу антиподом поступка, выступать как «не-поступок» или «антипоступок». «Не-поступок» есть отказ от самостоятельного, субъектного действия, как в отношении себя, так и в отношении Мира, то есть отрицание себя как субъекта, что актуализируется в подмене стремления к завершенности, индивидуальности стремлением к самодостаточности «человека в футляре». Это отказ, в терминах А. В. Петровского и В. А. Петровского, от «надситуативной активности», дезавуирование возможности «инобытия» человека в другом, переживание зависимости от внешних обстоятельств, что и ведет к уплотнению вокруг себя различного рода психологических защит – «футляров».

* Так и Раскольников приходит к себе подлинному, к человеческому в себе не актами осознания, а «поступками», постепенно возвышаясь до открытия, что то, что он принимал за поступок, на самом деле таковым не было, а все подлинное в человеке свершается поступком любви.

Не-поступок является моментом отказа от себя, трагичным выбором зависимости, несвободы. Мотивом такого шага может быть страх перед миром и самим собой, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью за себя, свою судьбу. Глубинным смыслом, в контексте которого совершается не-поступок, является отсутствие у человека надежды и веры в возможность самоосуществления; в более широком плане речь идет об отсутствии у человека веры в Добро, Правду, Истину как в неких абсолютных сущностей. Ведь если этих сущностей нет, то есть ли смысл в Совести, есть ли смысл в совершении усилий причастного действия? Не «умнее» ли, не прагматичнее ли защититься не-действием, или, что одно и то же, корпоративным действием, которое, на первый взгляд, является еще более надежной защитой, чем не-действие?) Человек, находящийся в состоянии не-поступка, вероятно, может быть отнесен к группоцентрическому уровню отношения к себе и другим, по терминологии Б. С. Братуся (Братусь, 2000), или описан в терминах низведения личности до состояния «агента», по С. Милгрему. Подобный уровень существования личности как нижний этап восхождения человека к самому себе в контексте определенного типа культуры (духовности) описан в различных антропологических социокультурных системах (например, уровень «смуты» в древнекитайской культуре, «невежества» в индуизме и т. д.) (Абаев, 1983; Психологические аспекты буддизма, 1986; Мудрецы Китая, 1994).

Другой тип не-поступка связан с утратой своей целостности посредством ухода в абстракцию идеала, омертвления себя и другого в идоле долженствования. Этот тип отношения и действия особенно выражен в некоторых педагогических концепциях, например, в концепции воспитания всесторонне и гармонически развитой личности. Здесь идол хорошего ребенка, идеального ребенка поглощает подлинность действительного ребенка, лишает его возможности совершать поступок, в котором и свершается его целостность, реализуется его «не-алиби бытие». В этом смысле ошибка участного действия не является не-поступком или антипоступком. Это всего лишь ошибка, на которую имеет право каждый, ищущий своей подлинности и завершенности. И наоборот, ритуальная правильность действий «представителя» идеального ребенка, родителя, учителя, политика и т. д. становится содержанием не-поступка.

В обоих случаях человек утрачивает свою субъектность, он превращается в функцию, в вещь, в элемент некоего абстрактного целого.

Антипоступок также представляет эрзац-попытку достижения целостности, однако эта попытка оборачивается для человека целостностью самоизоляции, поскольку антипоступок мотивирован сугубо эгоцентрическими побуждениями, то есть он, по-видимому, характерен для человека несоциализированного или утратившего по каким-либо причинам причастность к некоторому Мы. Речь идет здесь как раз о том, что М. М. Бахтин обозначал как «самозванство» в жизни, «одержание бытием» (Бахтин, 1986). Если в поступке человек выступает как двойной субъект: субъект собственной жизни и субъект исторический (социокультурный, Мира), если в непоступке человек утрачивает свою субъектность, то в антипоступке он становится эгоцентрическим субъектом, его эрзацем, противопоставляющим себя Миру и потому ограниченным в своей субъектности. Мир представлен эрзац-субъекту как объект манипуляций. Эрзац-субъектность порождается в том числе психотехнологиями, призывающими клиента «любить себя», «гордиться собой», поскольку этот совет равнозначен призыву любить себя во всем своем эгоцентризме, в потакании своим пристрастиям, своей «свободе от», в то время как подлинная субъектность есть реализация «свободы для» ответственного принятия решения участным сознанием и совершения ответственного поступка в своем не-алиби бытии.

Еще одна категория, применяемая в контексте представлений о поступке, – проступок. В этом слове подчеркивается нечаянность, непреднамеренность действия, при котором человек переступает через Благо или преступает его. Оно синонимично слову «оступить-ся». «Совершить проступок – то есть провиниться, погрешить в чем, сделать недолжное» (Даль, 1907, с. 1347). «Проступок – вина, прегрешение, нарушение долга, правил, законов, запрещенное властью действие», – пишет В. Даль (там же). И в другом месте он говорит: «Проступок есть легкое нарушение закона, а преступление – более важное» (там же, с. 1033). Проступок ситуативен, это ошибка неопытности, апробирования своих возможностей. Он может быть обусловлен неумением владеть собой, может быть следствием страсти и т. д. Совершая проступок, человек может испытывать стыд, досаду, он может и оправдывать себя неопытностью или особенностями характера, но при этом он продолжает испытывать недовольство собой. Иначе говоря, в проступке человек не утрачивает субъектности и не превращает Мир в объект манипуляций.

Иная картина наблюдается при не-поступке или антипоступке. Здесь происходит, как правило, вполне сознательный выбор позиции,

жизненной установки. В качестве модели выделенных нами типов поступков и отношений представляет интерес психологический анализ поведения героев трагедии Софокла «Антигона». Исмена, сестра Антигоны, в ответ на предложение Антигоны разделить с ней «труд и кару» (похоронить мертвого брата Полиника вопреки запрету царя Креонта) говорит: «Я не бесчещу заповедей Божьих, но гражданам перечить не могу», и в другом месте: «Смириться надо: в женской мы родились доле. Сверх сил бороться – подвиг безрассудный» (Древняя Греция, 1995, с. 114). Решения здесь принимаются рассудком, по выгоде или на основе корпоративной морали, конформистски. Человек как бы заранее отказывается от возможности быть собой, от субъектности, отчуждает себя от действия и принятия решения. Антигона же, принимая решение похоронить брата, произносит: «Кто уличить в измене долгу нас посмеет... Меня и он (Креонт) не может прав моих лишить» (там же). В конфликте между Земным и Небесным, между Совестью и страхом перед нормой, правилом, последствиями Антигона выбирает поступок, Исмена – не-поступок. Выбор же Креонта – антипоступок: «Кто круто горд, тот скоро упадет. И малая узда смиряет пылкого коня: не следует кичиться тем, кто сильному подвластен», – внушает он Антигоне; и затем обращается к старцам: «Раз провинилась, мой закон поправ; гордясь содеянным и надо мной глумясь вторично. Нет, не отдам ей власть мою на поруганье» (там же, с. 118). Подлинным мотивом действий Креонта (отказа признать неразумность своего запрета на погребение Полиника) является вовсе не восстановление справедливости («Нельзя злодеев с добрыми равнять» (с. 119)), но то, что «Она, одна из всех, осмелилась нарушить мой приказ» (с. 121). Здесь решение принимается на основе сугубо эгоцентрических побуждений, выбор Креонта откровенно циничен, и этот цинизм антипоступка неизбежно прорывается сквозь флер якобы отстаивания справедливости. Только страх перед последствиями, перед гневом богов, вестником которого является пророк Тиресий, вынуждает Креонта одуматься... Но поздно. Попытки Тиресия и Гемона, сына Креонта, обратить Креонта к «Разуму», к «завету Правды» не могут прорваться сквозь «спесь» и «разнузданный произвол».

Действия же Гемона («убил себя в укор отцу» (там же, с. 128), узнав о гибели Антигоны) – это, скорее, проступок. Побуждения его благородны, однако гнев и отчаянье приводят к трагическим последствиям. «Его шаги торопит гнев, советник лютый» (с. 122), – провожает уходящего Гемона Корифей.

Конечно, в реальной жизни поступки людей не столь однозначны и схематичны, однако в трагедии Софокла обнаженно представлена модель отношений между людьми, смыслы и мотивы их выборов и поступков: участности в со-бытии, или нейтралитета, или одержания бытием, самозванства в Мире.

Еще одна важная сторона анализа поступка в контексте восхождения к субъектности представляет собой понимание его как момента онтологизации универсальных ценностей.

В психологической теории поступок часто отождествляется с действием в структуре деятельности. Однако он не вписывается в известную структуру деятельности хотя бы потому, что трудно обозначить цели или задачи поступков. У поступка нет цели в общепризнанном значении этого слова. Поступок, скорее, реализует чистый мотив, он осуществляется в контексте смыслов. Он совершается в каком-то смысле сам для себя, в этом отношении он близок к творчеству, причем речь идет о прокладывании своей судьбы, реализации своего призвания, о возделывании, со-творении собственной жизни.

Можно, например, согласиться с представлениями В. В. Столина о том, что поступок – это всегда выбор внутри определенной системы противоречащих друг другу мотивов, можно также отчасти согласиться с тем, что в результате этого выбора и собственно поступка происходит порождение конфликтных смыслов (Столин, 1983). Однако остается непонятным, зачем человек осуществляет выбор, что побуждает его делать этот выбор вновь и вновь, тем более что выбор этот неизбежно сопряжен с появлением конфликтных личностных смыслов, то есть сопровождается разнообразными негативными переживаниями.

В поступке происходит преодоление «вещественного начала мира» и свершается свобода, поскольку он принципиально не прагматичен и цели его лежат не в вещном мире, а мире духа, системы ценностей. Поступок совершается для того, чтобы утвердить в мире, обозначить в нем, в каком-то смысле отчуждая при этом от себя, некую ценность, некие смыслы, так же как в картине художника или открытии ученого реализуется, обозначается и отчуждается образ мира или научная концепция автора (происходит «энтелехия» смыслов и ценностей). Причем в качестве материала для такого утверждения и обозначивания выступает жизнь самого субъекта поступка. Таким образом, именно в поступке мы имеем дело с авторским созиданием собственной жизни и судьбы. Человек

становится автором своей жизни. (Например, основания духовной жизни, которыми и актуализируется возможность поступка как свободного выбора субъекта, изложены апостолом Павлом: «Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира. <...> Ныне же познавши Бога, или лучше, получивши познание от Бога, для чего возвращаетесь к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? <...> К свободе призваны вы, братия, только бы свобода (ваша) не была поводом к угодению плоти; но любовью служите друг другу. <...> Я говорю: поступайте по духу. <...> Если же вы духом водитесь, то вы не под законом. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны (Гал. 4: 3–5: 25).

В поступке акт свободы свершается через авторское преломление вещного в духовном, через «вобрание» в себя духовным вещного. При этом поступок подчиняется не общепризнанным правилам, приличиям, нормам, но преодолевает их смыслами (смыслами приличий, норм, правил) и Совестью. Поступок может совершаться даже в ущерб собственной выгоде или вопреки общему мнению, поскольку он всегда, в конечном счете, есть деяние, осуществляемое наедине с собой (с Совестью) и само для себя, то есть результатом, продуктом поступка является сам человек и его Мир, «домостроительство», а не только изменения в самосознании. Модели полноценно функционирующей и самоактуализирующейся личности, например, в большей мере описываются через специфику переживаний, состояний, а не действий, тогда как «человек – сумма своих действий и поступков, а не сумма намерений» (Рождество..., 1996).

В то же время поступок всегда есть действие, а не только стремление, или мысль, или переживание. Поступок может быть представлен в форме слова, произведения или собственно действия, однако в любом случае все формы поступка выполняют «иллокутивную» функцию, поскольку поступок всегда явление «знаковое», он содержит в себе некоторую силу воздействия как на самого поступающего, так и на мир вокруг него. Поступок воспроизводит вновь и вновь базовые ценности человека и его мира, он заставляет их быть, восстанавливает онтологичность ценности.

В этом и состоит сила поступка как для самого человека, так и для мира – в поступке ценности становятся зримыми, очевидными, онтологичными. Причем эта сила обусловлена не только вещным или технологическим содержанием поступка, не только его веществ-

венным результатом, но, скорее, социокультурным его контекстом, социокультурным смыслом. Например, поступок (или не-поступок, антипоступок) состоит не в том, что некто пишет (или не пишет) свою фамилию и ставит свою роспись под некоторым текстом: заявлением, докладной, доносом, то есть не в том, что этот некто оставляет следы на бумаге в форме определенного рода графем, и не только в том, какие вещественные результаты достигаются в итоге. Поступок – в том, что некто осуществляет данное действие, имеющее определенный смысл и социокультурный контекст.

Значение отдельного поступка может быть чрезвычайно велико как для всей последующей жизни и судьбы самого человека, так и для сообщества людей. Согласно исследованиям в области синергетики (Князева, Курдюмов, 1992; Пригожин, 1986; и др.), в определенные моменты, в моменты неустойчивости системы (именно в подобных условиях поступок оказывается востребованным), «малые возмущения, флуктуации могут разрастаться в макроструктуры.... В особых состояниях неустойчивости социальной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы» (Князева, Курдюмов, 1992, с. 4–5). По-видимому, механизм этого влияния обусловлен прежде всего тем, что поступок вводит в систему, онтологизирует ценностные основания, смыслы, и они начинают выступать в качестве ориентиров развития, с которыми оно соизмеряется. С точки зрения синергетики, цели, идеалы могут иметь значение структур-аттракторов: представляя собой возможные будущие состояния системы, среды, они притягивают, организуют, изменяют ее наличное состояние. Малые события и действия могут оказывать, таким образом, решающее влияние на общее течение событий (там же). «Будущее „временит“ настоящее» (Рефтер, 1993).

Таким образом, поступок – это и материал, из которого вырастают следующие поступки, и продукт, и деяние, и смысл (мотив), и действие, обладающее «знаковостью» и имеющее «иллокутивную» силу. В нем представлены, объединены мировоззрение (образ мира) и авторская позиция – и собственно делание, свершение. Это и дает возможность поступку быть тем, в чем актуализируется потребность в целостности, что осуществляет момент завершенности и переживается как подлинность своего бытия, что сопровождается порождением или актуализацией новых смыслов. Поступок, таким образом, выступает как такое событие, в котором человек осуществляет восхождение к субъектности.

Человек, способный на поступок, характеризуется, следовательно, стремлением к подлинности, переживанием собственной индивидуальности, опосредованных Совестью и верой в онтологичность Истины, Правды, Красоты, Добра. Человека, совершающего поступки, отличает авторское отношение к собственной жизни, которое существует посредством диалога с Миром: позиции человека – и состояния, факта (события) Мира, и которое реализуется в ответственном действии (со-бытии). Через это действие и происходит созидание своей индивидуальности и личной судьбы как проекции Мира, и в то же время в поступке Мир становится проекцией индивидуальности и личной судьбы. Такого человека отличает также потребность в целостности и полноте собственной жизни и себя как человека, которая реализуется посредством приближения, восхождения к социокультурному образцу, образу человека, представленному в культуре*. (В христианской культуре, на наш взгляд, таким посредником между человеком и Миром, носителем образа человека является Иисус, вернее, собственно сама Его жизнь как протяженность поступков и переживаний Иисуса Христа как Богочеловека.)

Однако как человек может узнать о том, что он совершил именно поступок? По-видимому, это происходит через переживание подлинности события поступка; быть критерием подлинности (или не подлинности) – это одна из функций переживания. Переживание подлинности не отягощено страхом, завистью, местью, стыдом, то есть при подлинности поступка человек переживает состояния чистой совести, бесстрашия и любви, что собственно и может быть расценено как полнота и целостность жизни.

Психологическая структура поступка такова, что он свершается на перекрестье желания (потребности), долженствования (правила, нормы) и духа (ценности), то есть поступок трехмерен, он имеет психологическую, социальную и социокультурную детерминанты. Разрыв между желаемым и должным (между «хочу» и «целесообразно») актуализирует всю гамму переживаний от страха перед последствиями и гнева до тщеславия и наслаждения выгодой. Разрыв между «хочу» и «ценно» рождает спектр переживаний от мести, зависти, «нечистой совести» до вины и стыда. Разрыв между нормой

* Социокультурный образец есть структура, композиция ценностей как мер, в соответствии с которыми организуется и выстраивается путь человека в культуру: осуществляется его восхождение к самому себе и одновременно к тому типу духовности, который явлен ему как представителю данного типа культуры.

и ценностью порождает гамму переживаний, связанных с чувством безысходности, безнадежности. Поступок в этом контексте – такое действие, при котором обозначенные разрывы минимальны и между хотением, должным и ценностным существует в идеале согласие или же при котором данные отношения тяготеют к согласию, приближаются к нему. Соответственно, поступок переживается человеком как бесстрашие, надежда, вера, чистая совесть и любовь (сострадание к человеку, делу, вещи и т. д.). Если в основании действия лежит страх (перед последствиями, перед другим человеком и т. д.), зависть, месть, безысходность, если оно сопровождается чувством стыда и «нечистой совести», то такое действие нельзя назвать собственно поступком.

Вообще поступок возможен только в том случае, если событие стало пережитым, то есть приобрело личный смысл, стало внутренне значимым для человека. Однако само наличие переживания не всегда влечет за собой поступок (действие, активность) и совсем не любое переживание может актуализировать поступок. Например, тщеславие, гнев, безысходность, скорее, провоцируют не-поступок или антипоступок. Переживание же стыда, вины, нечистой совести может при определенных условиях востребовать поступок. Вообще, по-видимому, поступок может возникнуть в ситуации разрыва между хотением и ценностным, или нормативным и ценностным, причем тогда, когда полюс ценностного доминирует над полюсами хотения и целесообразности. Так, несоответствие своих желаний и переживаний норме (житейской целесообразности) нередко порождает страх, а несоответствие нормы своим желаниям – гнев; несоответствие ценностей норме проявляет себя безысходностью и отчаянием, а несоответствие нормы ценностям уже может переживаться как боль, сострадание к миру (человеку), который по каким-либо причинам оказался в пространстве бессмысленности; несоответствие своих желаний ценностям может порождать переживание нечистой совести, а ценностей желаниям – стыд и вину. Потому сомнительными, на наш взгляд, являются рассуждения об исключительно негативном влиянии на развитие личности таких переживаний, как стыд и вина. Они могут актуализировать поступок-испытание, но могут и породить новые психологические защиты, то есть обусловить выбор человеком стратегии приспособления либо детерминировать цинизм антипоступка. Поступок в этом отношении есть – преодоление: страха перед последствиями – «страхом Божиим», совестью; безысходности – надеждой, смирением;

зависти, тщеславия, мести – любовью, состраданием. Поэтому поступок всегда есть усилие, сопряженное с испытанием своей человеческой подлинности, и одновременно шаг к ней. Можно сказать определеннее: готовность к поступку есть готовность к испытанию. Причем это готовность к такому испытанию, в отношении которого вовсе не обязателен благоприятный для человека исход в житейском смысле. Поступок с этой точки зрения есть действие, противоположное житейскому здравому смыслу, рассудочному, прагматичному отношению к жизни. В русских народных сказках, например, поступки совершаются именно Иванушками-дурачками. В сказках и былинах герой вполне осознанно вступает на путь, заведомо ведущий к испытанию и противоречащий житейскому здравому смыслу: Илья Муромец выбирает «дорожку прямоезжую», где сидит Соловей-разбойник, а не «окольную», которая хотя и длиннее, но спокойнее; Иван-царевич из трех дорог выбирает ту, где «голову и жизнь потеряешь», и т. д. Иначе говоря, здесь происходит дискредитация житейского здравого смысла поступком, который совершается не ради выгоды и даже вопреки ей, актуализируя новые смыслы и ценности, которые вводят человека в мир культуры и духа. В этом состоит, в частности, одно из важнейших образовательных и культуральных значений русской народной сказки. Истоки «загадочности русской души», можно думать, лежат в русской народной сказке, на которой, собственно, и воспитывается ребенок с самого раннего детства. «Загадочность» ее явлена европейскому человеку в непредсказуемости поступков «русских» с точки зрения житейской логики благоразумия и индულгенций. Это преодоление бессмыслицы благоразумия смыслом Истины и Правды (подлинности) лежит в основании поступка и является одновременно архетипическим основанием русской культуры.

Психологическое исследование поступка и способности к поступку трудно осуществить в парадигме объективности, поскольку он по определению актуализируется самой жизнью, происходит тогда, когда он ею востребован. Поступок лишь косвенным образом может быть изучен с помощью опросников, анализа продуктов деятельности, автобиографического метода. Но он также может быть «подсмотрен» и описан в самой жизни. В качестве примера приведем здесь исследование, в котором рассматривается возникновение и протекание поступков у дошкольников.

Мы полагаем, что впервые у ребенка способность к поступку обнаруживается уже как минимум в старшем дошкольном возрасте,

причем это происходит в определенных социокультурных обстоятельствах – в условиях организации детской жизни в соответствии с требованиями детской субкультуры. Наши исследования, а также материалы педагогов-практиков, работающих по программе «Жар-птица» (Организация образования в формах детской субкультуры), свидетельствуют, что такие условия появляются при организации развития детей дошкольного возраста в формах игры средствами сказки. Специфика этой программы состоит в том, что занятия с дошкольниками проходят в форме игры-драматизации сказки, в сюжет которой вписано необходимое образовательное содержание. Нами созданы и апробированы программы и технология работы по развитию элементарных математических представлений, развитию речи, сенсорному воспитанию, социокультурному развитию. Разработаны также примерные сценарии занятий для всех дошкольных возрастов.

Таким образом, в наших дошкольных учреждениях практически все образование по содержанию и форме деятельности, средствам освоения мира, общения выстроено в контексте детской субкультуры (формой организации деятельности является сюжетно-ролевая игра, средством организации – сказка, которой представлена специфика детского мышления и детской картины мира, средством общения – диалог, что обуславливает коммуниотарный тип общения), то есть в формах близости, в свободе и любви, по Н. А. Бердяеву (Бердяев, 1995). Исследования происхождения сказки свидетельствуют, что она представляет собой превращенную форму мифа, ритуала (Аникин, 1977; Еремина, 1991; Пропп, 1969). С нашей точки зрения, сказка – это особая форма мифа, специально обращенная к ребенку, выполняющая функцию введения ребенка в пространство культуры. В то же время сказка включает в себя все определения, в которых отражается специфика детской субкультуры: она содержит систему ценностей, представленную в формах, соответствующих специфике детского сознания и мышления, систему знаний о мире, она может адекватными для ребенка способами решать задачу развития детских видов деятельности и общения.

Результатом такой организации образования дошкольников является для большинства из них более быстрое и основанное на понимании освоение знаний, умений, навыков; более продуктивное интеллектуальное развитие; развитие игровой деятельности; благополучное эмоциональное развитие; становление таких качеств личности, как автономность, открытость в общении, и т. д. Однако наиболее значимыми являются результаты, свидетельствующие

о том, что при организации образования в формах детской субкультуры к концу дошкольного детства появляется способность к поступку как к такому действию, в котором ребенок пока еще спонтанно, непосредственно, но уже актуализирует свою субъектность, становится автором (пока еще в условиях игры-драматизации) поступка, реализуя в нем потребность в своей подлинности и одновременно исполняя свой первый нравственный выбор, делая нравственное содержание сказки явлением своей жизни и реализуя это нравственное содержание в своих выборах и поступках. (О становлении у дошкольников «моральных инстанций» как об одном из новообразований этого возраста, как известно, пишет Л. И. Божович (Божович, 1968)).

Приведем один из наиболее ярких примеров, полученных на основе наблюдений за поведением детей в ситуации драматизации сказки. Занятие проводится в подготовительной группе. Основная цель занятия – развитие математических представлений. Сюжет игры основан на том, что дети (акванавты) совершают путешествие на дно океана в поисках древнего корабля, который затонул по неизвестным причинам. Необходимо, преодолевая различные препятствия (движение по морскому лабиринту в соответствии с планом, зарядка мыслительной энергией – счет сложных примеров – двигателя подводного корабля и т. д.), попасть на корабль и выяснить причины его гибели. По ходу игры акванавты находят пиратскую «Книгу злых дел», где описаны все дурные дела пиратов, в том числе захват этого корабля. Затем дети возвращаются на подводный корабль, чтобы всплыть на поверхность. Однако сюжет предварительно выстроенной воспитателем игры был прерван двумя мальчиками, которые с возгласом: «Мы забыли спрятать „Книгу злых дел!“» – бросились к «древнему кораблю», несмотря на то что воспитатель, не сразу сориентировавшись в ситуации, пыталась вернуть их на «уже всплывающий» подводный корабль. Мальчики нашли книгу пиратов, тщательно завернули в бумагу, завязали и спрятали за батареею, разговаривая друг с другом о том, что если книгу не спрятать, то «кто-нибудь найдет ее, и научится по этой книге делать злые дела и появится много злых людей». В этом эпизоде действия детей самостоятельны, самоценны и совершенно непрагматичны – дети нарушают ход и правила игры, что может быть неодобрительно оценено сверстниками и воспитателем. Мальчики принимают решение, касающееся «спасения» не себя лично, даже не самых близких людей, но вообще всех, они пытаются избавить мир от зла. При чем их действия имеют очень цельный, вдохновенный характер: дети бы-

ли полностью захвачены деятельностью, не нуждались во внешней оценке, не обращали внимания на окружающее. После завершения своей миссии мальчики вернулись на подводную лодку и продолжили игру. Таким образом, в данном действии наблюдаются все основные особенности поступка. Следует отметить также, что поступки, осуществляемые в рамках игры-драматизации, имеют тенденцию к переносу в реальные взаимоотношения со сверстниками.

Это наблюдение показывает, что дети дошкольного возраста отзывчивы к ситуации востребованности поступка, причем в их поведении все существенные особенности поступка можно наблюдать в достаточно яркой форме. Можно думать также, что сказка в варианте ее драматизации создает особые условия для актуализации способности к поступку у дошкольников. Во-первых, вследствие двухуровневого строения игры ребенок одновременно находится в пространстве реальности и в пространстве воображения, что позволяет ему свободно, не ограничивая себя реальностью, принимать собственные, самостоятельные решения по ее преодолению в игровом пространстве. Во-вторых, сказка всегда содержит в себе базовые человеческие ценности, представленные в определенном типе культуры. Соответственно, драматизация сказки неизбежно востребует от детей необходимость соизмерения действий героев сказки (а значит, и своих собственных) с ценностями добра, красоты, правды, причем в композиции, свойственной тому социокультурному образцу, который представлен сказкой. Так, на наших занятиях практически в каждой драматизации сказки дети встают перед выбором: помочь героям сказки в ситуации опасности или отказаться от такой помощи из осторожности, прагматических соображений и т. д. В-третьих, игра (драматизация сказки) создает некое интимное, неотчужденное от ребенка пространство, где все его решения и действия значимы, имеют смысл и влияют на развертывание сюжета и содержания игры, он выступает здесь, в этой модели мира, его подлинным автором, субъектом, наполняя его важными для себя ценностями и смыслами, обустроивая его в соответствии со своим видением. В то же время игра для ребенка и является его подлинной жизнью, именно посредством сказки ему становится доступен образ мира в его целостности и полноте (Большунова, 1999). Поэтому именно в пространстве игры, средством организации которой является сказка, у дошкольника актуализируется его способность к поступку.

Подводя итог, можно дать следующее определение. Поступок есть такое деяние, которым осуществляется онтологизация базо-

вых ценностей, человек проявляет себя одновременно и как субъект социокультурный, и как субъект собственной жизни, способный к нравственному, ценностному выбору; в поступке совершается событие – обнаружение человеком себя в своей подлинности и целостности, и реализуется созвучная индивидуальности и одновременно социокультурным образцам форма духовности. Поступок выступает как момент достижения человеком своей подлинности и утверждения онтологичности ценностей в контексте авторского отношения к собственной жизни и судьбе. Поступок представляет собой форму осуществления субъектности и способ восхождения к ней.

Литература

- Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1983.
- Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники: Ежегодник. М., 1986.
- Бердяев Н. Н. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
- Большунова Н. Я. Организация образования дошкольников в формах игры средствами сказки. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999.
- Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология: конспективное изложение. М.: Флинта, 2000.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. В 4 т. Т. 3. СПб–М.: Т-во М. О. Вольфа, 1907.
- Древняя Греция. СПб.: Саба; Александр ПРИНТ, 1995.
- Еремينا В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991.
- Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа-Пресс, 1996.
- Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Лишь близость к Богу дает человеку силы... // Комсомольская правда. 2000. 12 июля (№ 125). С. 8–9.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.

- Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта–Наука, 2004.
- Мудрецы Китая.* СПб.: Петербург–XXI век–ТОО «Лань», 1994.
- Пешков И. В. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка.* М.: Лабиринт, 1996.
- Потебня А. А.* Язык и народность // Мысль и язык. Киев, 1993. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml (дата обращения: 12.09.2012).
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Проективный философский словарь: Новые термины и понятия /* Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. М.: Алетейя, 2003.
- Психологические аспекты буддизма.* Новосибирск: Наука, 1986.
- Рефтер М. Я.* История – позади? Историк – человек лишний? // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 5–15.
- Рождество: точка отсчета. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем.* М.: Независимая газета, 1996.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Столин В. В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Феофан Затворник, святитель.* Начертание христианского нравоучения. М.: Лепта, 2002.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВСТВЕННОГО АСПЕКТА РАЗВИТИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА С КОНЦА X ПО XVII ВВ.

А. В. Сухарев

В настоящем кратком исследовании приведены результаты этнофункционального анализа тех изменений в развитии ментальности высших слоев русского общества, которые, с позиций этнофункционального подхода, на наш взгляд, определили не только основные характеристики русской ментальности «переломного» XVII в. (Сухарев, 2011б), но и специфику развития России как цивилизации. Предметом нашего исследования были этнофункциональные характеристики ментальности, определяющие, с одной стороны, регуляцию общественного развития на различных этапах, а с другой – нравственность человека как важнейшую форму нормативной регуляции его поведения, опосредствованную природными, мифологическими, религиозными, научными представлениями, оказывающими влияние на его поведение.

Этнофункциональный историко-психологический подход в анализе развития ментальности

В исторической науке, начиная с середины XX в., произошел методологический сдвиг от исследования «истории фактов», экономической и интеллектуальной истории к изучению «истории ментальностей» как «картин мира», отображающих представления людей о мире (Блок, 1986; Гуревич, 2005, с. 407–427). Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о конструктивных «синтезирующих» тенденциях сближения исторической и психологической наук, вносящих необходимый баланс в чрезмерную как внутреннюю, так и междисциплинарную специализацию различных отраслей знаний.

Напомним содержание основных для данной работы понятий – «ментальность» и «этнофункциональная методология».

Ментальность общества или личности мы определяем как типическую совокупность вторичных образов (Гостев, 2008) и связанные с ними отношения, эмоциональные состояния, особенности психических процессов.

Важным является то, что в психологическом понятии ментальности мы объединяем вторичные образы культуры и психические процессуальные характеристики (Сухарев, 2009б), хотя некоторые исследователи разделяют сферы психики и культуры, относя к ментальности только «культурное содержание» (Шкуратов, 1997, с. 120). Образы ментальности являются не перцептивными, а вторичными (образами памяти, представления, воображения и пр.) и регулируют поведение общества и личности (посредством мотивов, идеалов, ценностей). Данные характеристики ментальности (ее элементы), включая вторичные образы, мы обозначаем как ментальные категории. Ментальность мы рассматриваем как психологическое понятие, характеризующее как личность, так и общество, в которой во всей полноте может быть представлено историческое развитие российской цивилизации (Сухарев, 2011а).

Центральным инструментом нашего анализа ментальности является исторически актуальная (Сухарев, 2009а) в современной культурно-исторической ситуации этнофункциональная методология, включающая определенные принципы и методы исследования (Сухарев, 2008). По сути, данная методология исходит из представления о том, что любой человек так или иначе исторически связан с одним или несколькими народами, что отражено практически во всех известных сакральных текстах древнейших религий. В частности, в психологическом плане ментальность человека или общества может быть этнически неоднородной. Мы акцентируем тот факт, что в современном мире все более нарастает «смешение народов и культур», которые своими гранями вносят определенную лепту в поведение каждого человека или общества.

Базовым в этнофункциональной парадигме является принцип этнофункциональности, который предполагает, что каждый элемент ментальности (образ, мотив, отношение, суждение и пр.) наделяется этноинтегрирующей и этнодифференцирующей этнической функцией, объединяющей или разъединяющей общество или человека с тем или иным этносом или этнической системой. С данных позиций идеал российской цивилизации (этносреды) в реальности представлен как этнофункциональная среда, то есть как исторически сложившаяся в ментальности отдельных людей и общества

«мозаика» всего многообразия этнических признаков. Этносреда представляет собой идеальную этническую систему, а в реальности – более или менее разнородное смешение элементов различных этносов. Этносреду мы характеризуем не только как систему принятых в науке климато-географических (включая животных и растения), антропо-биологических, культурно-психологических этнических признаков (Бромлей, 1983; Гумилев, 1993; и др.), но дополнительно вводим трансцендентные характеристики (боги, духи природных стихий и явлений). Ментальность общества в конкретной этносреде (или ментальность этносреды) является ее психическим отображением.

«Этнофункциональная мозаичность», мультикультурность или мультиэтничность ментальности человека и общества являются их существенными характеристиками в современном мире. В процессе исторического развития любой этносреды вследствие технологического прогресса и расширения коммуникаций роль указанных характеристик возрастает.

Помимо принципа этнофункциональности, в данную парадигму включены еще пять взаимосвязанных принципов: этнофункциональной системности, единства микро- и макрокосма, развития, детерминизма и субъектности.

Принцип этнофункциональной системности постулирует, что, во-первых, ментальность личности и общества в определенной этносреде является единым целым и, во-вторых, то, что на разных этапах (стадиях) развития она может описываться едиными ментальными категориями.

Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма постулирует аналогию между этнофункциональным развитием ментальности личности и общества. Согласно данному принципу, типические ментальные категории, описывающие конкретное общество (или его определенный слой), существенно характеризуют и личность, а личностные характеристики, в свою очередь, во многом определяются ментальностью общества.

Принцип этнофункционального развития ментальности личности и общества означает наличие определенной последовательности и содержания стадий (для личности) или этапов (для этносреды) данного процесса. Этнодифференцирующие изменения в содержании и/или последовательности этапов развития ментальности общества в определенной этносреде являются нарушением его развития. В различных этносредах этапы развития ментальности об-

щества отличаются не только по этнической функции содержания, но и по их количеству и последовательности (Сухарев, 2008, с. 100), что также рассматривается в качестве специфической этнофункциональной характеристики конкретной этносреды.

Принцип этнофункционального детерминизма, в свою очередь, постулирует, что нарушение принципов этнофункциональной системности и развития является существенным условием разрушения личности или общества в нравственном (духовном), социальном, культурном, психическом и природно-биологическом аспектах. Применение данного принципа в нашем исследовании предполагает, например, что возникновение у личности состояния тревоги может быть обусловлено этнодифференцирующими изменениями в ментальности общества на любом этапе его исторического развития.

Наконец, шестой принцип – этнофункциональной субъектности – ставит акцент на том, что как отдельный человек, так и общество являются субъектами этнофункционального познания и взаимодействия, в процессе которого нужно учитывать обязательное искажение предмета познания («предпосылочность» познания) и деятельности, обусловленное этнической функцией содержания ментальности исследователей. Например, в процессе исторического исследования необходимо всегда отдавать себе отчет, какова этническая функция исходной позиции исследователя или даже анонимного автора исторического источника, его мотивов, ценностных ориентаций. Еще в конце XIX в. М. О. Коялович отмечал, в частности, что когда в русской истории начинают искать что-то «объективное», то обязательно находят «что-то немецкое»; поэтому необходимо исследовать именно субъективное, русское в нашей истории (Коялович, 1997). Данному «субъективному» методу в историческом познании аналогичен «метод субъективного анамнеза» в клиническом исследовании личности, в котором на первый план выдвигается субъективный самоотчет пациента о развитии своих чувств, представлений, мышления, по сравнению с так называемым «объективным анамнезом» (суждения родственников, знакомых пациента и т. п.) (Мясищев, 1995). Отметим, что перенесение результатов психологических наблюдений и теоретических положений на исторический материал, проведение аналогии между психическими и историческими феноменами уже с 1912 г. последовательно осуществлял З. Фрейд (Фрейд, 1991). Перенесение клинического метода на познание исторического процесса с психоаналитических позиций в психологической науке предпринималось в концепции «психоистории» Э. Эриксона (Erik-

son, 1975). Явление исторического «пресоногенеза» как процесса исторического формирования личности в ту или иную историческую эпоху исследовал основоположник французской школы исторической психологии, психолог И. Мейерсон (*Problemes...*, 1973). Основной задачей психолога, занятого историческими исследованиями, является адаптация аппарата своей науки к потребностям совершенно необычного для экспериментального познания материала (Шкуратов, 1997, с. 127).

С позиций методологического принципа этнофункциональной субъектности в методическом плане мы оцениваем *любые* тексты, на которые могут опираться исторические исследования. Летописи, хроники, мемуары, письма и др. всегда несут на себе отпечаток ментальности субъекта – автора того или иного текста. С учетом сказанного, например, как авторский текст, так и анонимные летописи субъективны и в значительной мере отображают специфику ментальности всего общества или социального слоя, группы, к которой принадлежит автор. Другими словами, любой текст отражает субъективную оценку автора – даже, например, простое перечисление фактов связано с тем, что именно они осознанно или неосознанно были отобраны автором из всей полноты бытия.

Установочное (субъектно предпосылочное) этнофункциональное восприятие и мышление будет представлять собой, выражаясь языком О. Тоффлера и А. А. Сусоколова, «этнокультурный информационный фильтр», разделяющий этноинтегрирующие и этнодифференцирующие элементы объекта познания (Тоффлер, 1972; Сусоколов, 1990).

История России с древнейших времен до настоящего времени освещалась и освещается различными учеными с различных идеологических позиций. На современном этапе исторического развития России актуальным является стремление не к разделению, а конструктивному синтезу идеологически различных ментальностей. Конечно, неизбежно встает вопрос о ценностях, включенных в структуру ментальностей. Целостный анализ исторического развития предполагает взвешенное рассмотрение содержания всех его этапов и присущих им идеологий. Поэтому для того, чтобы отделить «зерна от плевел», на начальном этапе следует представить все основные, пусть даже взаимоисключающие позиции и, возможно, оценки событий и явлений. Исходя из принципа исторической актуальности (Сухарев, 2009а), необходимо определить ведущий принцип системной интерпретации исторических событий, содержания

ментальности общества. Мы полагаем, что в современной культурно-исторической ситуации таким системообразующим принципом, исторически актуальным для познания и эффективного прогноза развития ментальности личности и общества, является этнофункциональная парадигма (там же).

В связи со сказанным, в настоящем исследовании мы сопоставляли, например, субъективные оценки официальных христианских историков до 1917 г. (Н. М. Гальковский и др.), историков духовной культуры России из числа эмигрантов «первой волны» (С. В. Зеньковский, Н. Ф. Каптерев, А. В. Карташев и др.), советских историков-материалистов, относившихся и к язычеству, и к христианству более или менее одинаково как к явлениям культуры и даже критически (А. И. Клибанов), российских историков, стоящих на православных позициях (Я. Н. Щапов и др.), сторонников относительно взвешенного, комплексного историко-культурного анализа (И. Я. Фроянов и др.), историка, открыто стоящего на старообрядческих позициях (Б. П. Кутузов), а также историка «языческой ориентации», кандидата исторических наук А. Р. Прозорова и некоторых других исследователей.

На различных этапах исторического развития мы исследовали ментальность общества и личности, поэтому для сопоставительного анализа мы полагали возможным сравнение субъективных оценок и выводов не только признанных ученых-историков, но и филологов, искусствоведов и др. (А. М. Панченко, А. А. Панченко, Г. М. Прохорова и др.) или авторов исторических исследований с выраженной (порой, возможно, чрезмерно) оценочной идеологической позицией (Б. П. Кутузов, А. Р. Прозоров). Справедливости ради отметим, что в нашем исследовании мы использовали только те фактические данные, повторяющиеся у различных авторов, которые не противоречат общепринятым представлениям. Для нас существенными были субъективные оценки, интерпретации различными авторами исторических явлений, главным образом те оценки, которые повторялись у различных авторов.

Принцип субъектности в нашем подходе определяется этнофункциональной методологией, для нас существенна этническая функция различных ментальных категорий. В целом, используя историко-психологический метод реконструкции ментальностей (Шкуратов, 1997, с. 111–122), мы понимаем ее не как *искусство герменевтики* (Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 119–120) смысла текста или чужой индивидуальности. Мы ограничива-

ем возможный субъективизм в познании объективным критерием определения этнической функции исторического явления.

С позиций этнофункционального подхода, истоки различных «кризисообразующих» влияний на ход исторического процесса в любой стране так или иначе являются этнодифференцирующими (на практике часто – зарубежными; вопрос только в степени давности данных влияний). Объективным этнофункциональным критерием сравнения «силы» влияния этноинтегрирующих и этнодифференцирующих воздействий может являться *величина этнической функции* данных возмущений ментальности. Величина этноинтегрирующей функции того или иного элемента ментальности (ментальной категории) тем больше, чем старше возраст первого появления данного элемента в ментальности того или иного общества или личности. Например, ландшафтно-природные образы в истории ментальности общества любой этносреды являются самыми древними – соответственно, у них наибольшая величина этнической функции. Затем следуют анимистические образы духов природных стихий и явлений, за ними (в русской этносреде) христианские представления о мире и в последнюю очередь – научные.

Для обозначения идеального прообраза развития, по аналогии с эйдосом Платона, рассматриваемым в развитии, мы вводим философское понятие *архегии* (Сухарев, 2008, с. 83–93). С позиций этнофункционального подхода рассматривается *этнофункциональная архегения этносреды*. В психологическом аспекте степень приближения ментальности общества к данному идеальному прообразу определяется суммарной величиной этноинтегрирующих функций ментальных категорий, описывающих данную этносреду. Наибольшую степень удаления реальной этнофункционально неоднородной ментальности общества от ее идеального прообраза обеспечивают изменения этнической функции образов природных стихий и явлений, как наиболее древних этнических параметров.

Теоретически стадии развития ментальности личности в конкретной этносреде аналогичны этапам развития ментальности (общества) данной этносреды (на основе принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма). В различных этносредах этапы развития ментальности общества различаются не только по содержанию, но и по их количеству, последовательности. Например, в кхмерской этносреде (Камбоджа) можно выделить восемь этапов развития: доисторический, природно-анимистический и культ предков, брахманизм, эпоха нагов (люди-змеи), буддизм махаяны,

буддизм хинаяны и современный этап модернизации, связанный с проникновением в Камбоджу протестантской европейской культуры (Миго, 1973). В истории ментальности русской (российской) этносреды можно выделить следующие пять этапов развития: доисторический, «языческий», христианский, этап просвещения и др. По аналогии с этапами развития русской этносреды мы выделяем следующие стадии развития ментальности личности: 1) пренатальная стадия, определяется по ментальности матери (по аналогии с «доисторическим» этапом); 2) природная стадия (по аналогии с этапом поклонения природным стихиям и явлениям, или с «фетишизмом» – по А. Ф. Лосеву) (Лосев, 1977); 3) сказочно-мифологическая стадия (по аналогии с эпохой «анимизма» и «героической» – по Лосеву); 4) религиозно-этическая (по аналогии с этапом христианизации); 5) стадия просвещения (по аналогии с этапом Просвещения); 6) стадия «смешения», или «синтеза» – как задачи (по аналогии с современным этапом нарастающей «поликультурности» и «полиэтничности»); 7) возможная будущая, идеальная стадия «мудрости», на которой методологический синтез предыдущих стадий уже осуществлен; она является ориентировочной для оптимизации развития как личности, так и общества.

Для нашего исследования важно, что нарушения этнофункционального развития, приводящие к психической дезадаптированности (и инфантилизации) личности, могут обуславливаться появлением этнодифференцирующих образов на любой из стадий или «выпадением» каких-либо детских воспоминаний у личности (образов природы, сказок и пр.). Если, например, в обществе и, соответственно, в характере системы образования преобладают те или иные этнодифференцирующие представления, отношения, суждения и пр. или же какое-либо этноинтегрирующее содержание ментальности находится под запретом, то это влияет на развитие личности. В частности, подавление языческого компонента в ментальности общества политическими средствами, транслируемое через систему образования и микросоциальное окружение отдельной личности, может приводить к нарушению ее этнофункционального развития на «сказочно-мифологической» стадии и, соответственно, к определенным проявлениям ее психической дезадаптированности.

В обобщенном виде можно резюмировать, что этнофункциональная методология, применяемая в данной работе, позволяет анализировать историю ментальности общества по аналогии с результатами психологических и клинико-психотерапевтических ис-

следований развития ментальности отдельного человека. На основе базовых принципов этнофункциональной парадигмы в психологии мы применяем результаты наших экспериментально-психологических исследований для анализа исторических явлений и личностей.

Основной результат этнофункциональных теоретических и экспериментальных исследований развития ментальности личности, используемый для анализа истории ментальности общества, можно сформулировать следующим образом. Нарушения последовательности и содержания стадий развития ментальности личности снижают степень ее этноинтегрированности, адаптационный потенциал, задерживают развитие (эволюцию) личности или разрушают психику (инволюция, возвращение к онтогенетически более ранним, незрелым формам поведения, реагирования – «инфантилизация» личностных реакций). Различные признаки личностной незрелости, как следствие нарушений развития, могут проявляться в нравственном, социокультурном, психологическом, психосоматическом аспектах (Сухарев, 2008). В качестве психологических признаков личностной незрелости можно рассматривать общую психическую неустойчивость, несамостоятельность в поведении и мышлении, внушаемость, слабый эмоциональный контроль в сочетании с силой эмоциональных реакций, снижение качества взаимодействия мышления, чувств и эмоций, интенсивные вспышки гнева; в интеллектуальном плане – недостаточную способность к обобщению и пр. Данные проявления не исключают наличие хитрости в достижении своих целей, недоразвитие высших эмоций, связанных с прочностью усвоения моральных норм, способностью испытывать чувство стыда (Марковская, 1995, с. 46–62, 70–73).

На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма мы предположили, что нарушение последовательности и содержания этапов развития ментальности общества (по аналогии со стадиями развития ментальности личности) может обуславливать снижение его адаптационного потенциала, проявляющееся в показателях развития как общества в целом, так и, в первую очередь, его властных слоев (княжеского и духовного сословий), и в ряде случаев – обуславливать особенности развития «исторических личностей» соответствующей эпохи (Сухарев, 2011б). В рамках настоящего исследования данное предположение можно сформулировать так: особенности этнофункционального развития ментальности княжеского и духовного сословия в русском обществе X–XVI вв. могли послужить условием возникновения деструктивных явлений

в ментальности русского общества XVII в. (там же). Данные нарушения характеризуют личностный аспект развития ментальности среди представителей властных сословий Московского государства XVII в. В частности, они могут проявляться в психологической незрелости представителей власти и во многом определять их ценности, мотивы, мышление и, как следствие, внешнюю и внутреннюю политику государства. В целом мы полагаем, что в процессе развития русской (российской) ментальности ее изменения, изначально происходившие во властных сословиях, все более распространялись на все общество, вплоть до самых низших его слоев.

Существенно, что с позиций этнофункционального подхода ментальность общества является неоднородной по определению. В период X–XVII вв. в русской этносреде не отмечалось системных природных катаклизмов, способных оказать достаточно мощное этнодифференцирующее воздействие на ее развитие. Однако в социокультурном плане этнодифференцирующие воздействия, имеющие характер «вызова», по А. Дж. Тойнби (Тойнби, 1991, с. 358–415), несомненно, имели место. По-видимому, можно принять за основу, что наиболее значительными этнодифференцирующими влияниями, обуславливавшими возникновение кризисов в ментальности русского общества и предшествовавшими ее состоянию на первую половину XVII в., были крещение Руси, татаро-монгольское завоевание и начальные проявления идеологии Просвещения.

В социально-историческом аспекте еще С. М. Соловьев писал, что в Московском государстве к XVII в. «преобразования сильно стучались в двери» (Соловьев, 1989, с. 249). В то же время А. И. Клибанов отмечал «неожиданность» скачка русского общества XVII в. в «мир гуманизма» (Клибанов, 1960, с. 396), а М. П. Алексеев констатировал, что «Никто не объяснил еще вполне удовлетворительно, почему в московские библиотеки XVII в., как официальные, так и частные, хлынули широким потоком не только лучшие издания античных писателей XVI–XVII вв., но, наряду с ними, также важнейшие труды... крупнейших европейских ученых того времени, по всем областям знания» (Алексеев, 1958, с. 275–330). Указанные явления в рассматриваемый период имели этнодифференцирующую функцию. Отметим также, что церковный раскол по существу основывался на этнодифференцирующих элементах поздневизантийской и западноевропейской ментальности и, кроме того, на очередной волне этнодифференцирующих гонений на остатки язычества (Сухарев, 2011а). На наш взгляд, данные «неожиданные» изменения в мен-

тальности общества коренились прежде всего в достаточно резких изменениях ментальности княжеского и духовного сословий, сложившихся в период X–XVII вв.

В связи со сказанным, перед нами встает задача показать, каким образом в развитии ментальности высших слоев русского общества до XVII в. определились приоритеты, способные оказать влияние на становление личности у представителей власти и, как следствие, обусловить внутреннюю и внешнюю политику Московского государства. Попытаемся охарактеризовать общую картину тенденций этнофункциональных изменений ментальности в указанный период.

Этнофункциональные изменения в ментальности русского общества с конца X в. до первой половины XII в., связанные с крещением Руси

Мощному этнодифференцирующему воздействию, оказанному христианской культурой, ее идеологией и ценностями, подверглось прежде всего княжеское и дружинное сословие. Кроме того, как непосредственный источник христианских ценностей, возникло новое, близкое к властным духовное сословие.

Борьба Церкви с дохристианской культурой, в целом поддерживаемая княжеской властью, продолжалась достаточно долго. Дохристианская культура Руси («язычество») традиционно проявлялась в быту, музыке, песнях, скоморошестве, народной медицине, питании (употребление таких сакральных напитков, как меды, пиво, квас, березовица и др.). Специфическими носителями данной культуры, помимо служителей культа (волхвов), были, в частности, скоморохи. Дохристианская русская культура включала особое отношение к природным объектам, стихиям, явлениям, взаимодействие человека с духами родной природы. По замечанию Н. Я. Шапова, в домонгольский период Церковь не смогла распространить влияние христианского культа на всю территорию страны, ограничиваясь центральными территориями, включая в свою сферу города и округи, связанные с вотчиной (Шапов, 1989а, с. 190). До начала татаро-монгольского завоевания в Древней Руси в ментальности общества, а зачастую, видимо, и на уровне отдельной личности, имелись два взаимно этнодифференцированных блока («языческий» и «христианский»), выбор между которыми, особенно в отдаленных и сельских областях, был относительно свободен (за исключением

великокняжеского окружения и части городского населения и духовенства). Несмотря на то, что имел место церковный и княжеский суд языческих обычаев, он не был тотальным и был не вполне строг. В частности, в XII в. Церковью допускались традиционные дохристианские свадебные обряды (там же, с. 99, 116).

Сложившаяся ситуация позволила И. Я. Фроянову говорить о существовании на Руси в XI в. и до первой половины XIII в. «двоеверия» как оязыченного христианства и, наряду с ним, язычества. Причем мировоззрение древнерусского общества, по его мнению, в большей степени определяло язычество. Лишь только со второй половины XIII, в XIV и XV вв. «русские люди стали (во всяком случае, формально) христианами, а язычество как самостоятельное вероисповедание отошло в прошлое» (Фроянов, 2007, с. 221–222).

В целом, можно заключить, что в домонгольский период в ментальности древнерусского общества имело место длительное (около 250 лет), без резких изменений (хотя и достаточно жесткое) взаимодействие дохристианского мировоззрения и мироощущения с этнодифференцирующим христианским, способствуя возникновению компромисса в форме «народного православия» (Панченко, 1998). При этом, по мере медленно нарастающего политического усиления Церкви, сдерживалось взаимодействие Древней Руси с этнодифференцирующей культурой католического Запада, которая в будущем, по-видимому, могла бы облегчить для нее более органичное вступление в эпоху Просвещения.

Этнофункциональные изменения в ментальности русского общества в эпоху татаро-монгольского завоевания с XIII до первой половины XIV в.

После ряда поражений, нанесенных русским войскам, в XIII в. сложилась особая форма взаимодействия власти монгольского хана с великокняжеской и церковной властью Древней Руси. В первые десятилетия своего владычества монголы не умаляли значения великокняжеского стола. В 1252 г. после отказа в союзническом договоре с папой Иннокентием III Александр Невский был поддержан Батыем и посажен на княжение во Владимире, а после проведенной монголами переписи в 1257 г. татаро-монголы даже поддерживали общерусские притязания Владимирского стола на северо-востоке Руси.

А. Н. Насонов отмечал, что на Руси имела место активная монгольская политика – в том смысле, когда завоеватель направляет

внутриполитические отношения в завоеванной стране в своих интересах. Это продолжалось в течение более полутора столетий. Основная линия такой политики выражалась в стремлении препятствовать консолидации, в поддержке взаимной розни отдельных политических групп и княжеств. Образование централизованного государства явилось уже результатом борьбы с монголами в более поздний период ослабления Золотой Орды. Неблагоприятно сказались монголо-татарское завоевание и на культурных и торговых связях Руси с зарубежными странами – Литвой, Польшей, Германией, Францией, Арменией, Грузией и Византией (Карагалов, 2010, с. 124–127). Повидимому, это имело значение для будущего расширения русских хозяйственно-географических связей на Восток.

В то же время русские князья и войска в составе многонациональных золотоордынских войск использовались ханом и для походов «на Немцы», и на Литву в 1275 г. (опустошая по дороге и ряд русских земель), и др. (Насонов, 2006, с. 217, 219, 246, 265). Данное обстоятельство, естественно, не могло не отразиться на взаимоотношениях княжеско-дружинного сословия и простых людей – князья и монголы часто действовали заодно и отнюдь не в интересах простого народа.

Если великокняжеская власть в начальный период монгольского завоевания легитимизировалась ханским ярлыком, то и деятельность митрополита, проводившего ханскую политику и, в частности, обеспечивавшего регулярные молитвы за великого хана и его войско, также осуществлялось не без монгольского влияния (там же, с. 249–251). Князья поддерживали баскаческие отряды, руководимые монголами и состоящие из воинов русских и других покоренных народов, а также иностранцев. Усмирять взбунтовавшихся против переписи 1257 г. жителей Новгорода вместе с татарами приходилось и князю Александру Невскому (с. 222–231).

Налоговое бремя городского и сельского населения Руси оказалось двойным. Помимо княжеской доли в налогах вследствие монгольского завоевания прибавилось бремя ханское – историки насчитывают 14 видов даней и «ордынских тягостей», наложенных ханами Золотой Орды на Русь (Карагалов, 2010, с. 121). Сбор даней осуществлялся если не с благословения, то с молчаливой поддержки Церкви и с военной поддержкой великого князя. Существенно, что непосредственно против монголов происходили «полустихийные», в частности, «вечевые» выступления, но они подавлялись совместными усилиями монголов и княжеских войск (Насонов, 2006, с. 339, 344).

В целом, после монгольского завоевания характер взаимодействия княжеско-дружинного сословия, духовенства и большинства населения существенно изменился. Ментальность русского общества начала обретать дополнительные этнодифференцирующие линии раскола. С позиций нашего подхода мы полагаем, что княжеская власть обрела в глазах простых людей некоторую этнодифференцирующую функцию вследствие своих действий «заодно» с монголами. Также и духовенство приобрело для простого народа определенную, в данный период дополнительную, этнодифференцирующую функцию, наряду с христианской идеологией «чужеземного» византийского происхождения.

Этнофункциональные изменения отношения на Руси к земле и дохристианской культуре в период монгольского завоевания

До монгольского завоевания этнодифференцирующее воздействие христианства, поддерживаемого великокняжеской властью, противопоставлялось дохристианскому мировоззрению и культуре Руси. После завоевания данный раскол усилился вследствие двух причин.

Во-первых, на Руси признали, что Русская земля стала землей Батя и каана (верховного монгольского хана) и что «не подобает» на ней «жити, не поклонившись има» (Насонов, 2006, с. 221). Теперь в представление древнерусского человека о том, что земля принадлежит князю (Ключевский, 1937, ч. III, с. 53, 56), включился дополнительный этнодифференцирующий образ – «земля Батя и каана». Данный факт оказался существенным для дальнейшего развития русской ментальности – как мы уже отмечали, изменение отношения к образу родной земли, природы обладает наибольшей величиной этнодифференцирующей функции.

Во-вторых, в отношении дохристианской веры и культуры в ментальности Руси произошли не менее существенные сдвиги. Г. М. Прохоров отмечает, что «вплоть до Нового, если не Новейшего времени, русский фольклор так и не был допущен народом в материалы письма. В то время как в Скандинавии процесс записи песен скальдов и саг достиг своего апогея (в XIII в. – А. С.), на Руси всяческая культурная жизнь оказалась сильно заторможена. В существовании на Руси богатого фольклора и до этого, и после сомневаться не приходится. И некоторое его влияние продолжалось в XIV–XV вв. Но это влияние уже несколько иного, нежели прежде, характера. Вместе с оконча-

нием XIII в. ушла из жизни значительная часть языческих традиций, имевших наибольшее отражение в письменной литературе, – традиций княжеского рода... Остаткам языческой культуры на Руси золотоордынское „иго“ причинило, кажется, более серьезный урон, чем церковной вере. Само это бедствие воспринималось как наказание за грехи. А одним из грехов должно было представляться современникам как раз то, что и составляло особенность предыдущей эпохи, – сближение художественного Прошлого с художественной Вечностью, языческой и церковной культур почти до исчезновения пропасти между ними» (Прохоров, 2010, с. 131). И. Я. Фроянов утверждал, что до первой половины XIII в., «если поставить вопрос, что в большей степени определяло мировоззрение древнерусского общества – язычество или христианство, то можно без преувеличений сказать: язычество» (Фроянов, 2007, с. 221). Не только все крупные города безраздельно и окончательно стали христианскими – к концу XV в. ни в письменных, ни в археологических источниках после монгольского периода на Руси уже не встречается упоминаний или материальных следов городских капищ. Ордынское завоевание, по его словам, «переломило хребет дружинно-городскому слою» (Прозоров, 2006, с. 270). Похоже, что Церковь, воспользовавшись предоставленными ордынскими ханами льготами, расправилась со своим давним врагом – языческой верой Руси. Я. Н. Щапов отмечает, что благодаря поддержке ханов «церковь стала значительной идеологической и политической силой, получившей возможность активно вмешиваться в жизнь общества и осуществлять строгую религиозную цензуру» (Щапов, 1989б, с. 69).

По замечанию Н. М. Гальковского, вполне официального христианского историка конца XIX – начала XX в., «греки и римляне в течение многих веков после принятия христианства еще помнили свое старое язычество, а в эпоху возрождения наук и искусств в Италии в некоторой мере возродилось и старое язычество...». В то же время на Руси «через два-три века после князя Владимира помнили, да и то плохо, имена своих древних богов, тогда как в Италии через тысячу с лишним лет после официального торжества христианства память о древнем язычестве была достаточно сильна. Русские значительно скорее забыли свое язычество» (Гальковский, 2000, т. 1, с. 130–131).

Здесь уместно вспомнить и замечание В. С. Иконникова, существенно важное для последующего изложения: «в то время как на Западе остатки древней (дохристианской. – А. С.) образованности по-

служили основанием, из которого развилась культура новой Европы, а латинский язык, распространенный религией, облегчил доступ к пониманию древней науки, Россия не имела подобных условий» (Иконников, 1989, с. 1). Имеются ввиду не только языческие представления, но и образы позднего античного искусства и культуры (Варбург, 2008).

Обобщая сказанное с позиций этнофункционального метода, можно заключить, что в итоге татаро-монгольского завоевания произошли следующие изменения в ментальности русского общества.

Во-первых, в само отношение к Русской земле вклинилась этнодифференцирующая составляющая – не только как к земле русского князя, но как к иноземной, земле «Батыя и каана». Этот факт, как будет показано ниже, является весьма существенным для дальнейшего развития русской ментальности.

Во-вторых, перелом, произошедший в данный период в отношении к дохристианской (языческой) вере и культуре, означал расщепление в структуре русской ментальности этнической функции образа самой земли, природы, и подавление языческих представлений о духах природных стихий и явлений, а также традиционного бытового и сакрального содержания взаимоотношения человека с дохристианским «миром невидимого». Данное подавление, наряду с изменением отношения к земле, также имело этнодифференцирующий смысл. Оно способствовало последующему углублению тенденций раскола в развитии ментальности русского общества, в особенности – людей власть предержащих, в первую очередь подверженных новым иноземным влияниям и в большей мере христианизированных, чем низшие слои городского и сельского населения.

Этнофункциональный аспект конфликта между церковной и княжеской ментальностью в XV–XVI вв.

В результате разделения Церкви на Восточную и Западную нарушилась близость Руси и Запада. Если Русские в начале своей истории были «народом вполне европейским», то к концу домонгольского времени, под влиянием религиозного разделения с Западной Европой, следы близости к ней русских людей почти совершенно исчезают (Карташов, 1992, т. 1, с. 266). Фактор политического усиления русской Церкви во время татаро-монгольского завоевания обеспечил ей возможность активно вмешиваться в жизнь общест-

ва и осуществлять строгую религиозную цензуру, способствовал ее укреплению в противостоянии Западу и ослаблению влияния на нее Византии.

Последовательными этапами снижения авторитета Константинополя и Византии можно считать Флорентийскую унию 1439 г. и взятие Константинополя турками-османами в 1453 г. Вследствие этого в России конца XV в. сошел на нет живой культурный прообраз Византии и получила развитие идея преемственности ее статуса ведущей православной державы, нашедшей свое воплощение в идеологии «Москва – третий Рим». Эта идея была основана, по-видимому, на сочиненной митрополитом Геннадием «Повести о белом клобуке» как символе преемственности Православия от Константинополя к Москве, тесно связанной с версией о происхождении московских великих князей от римских императоров (Зеньковский, 1995, с. 31). Официальная Церковь использовала концепцию «Москва – третий Рим» для сохранения и укрепления своей политической власти и социально-идеологической перспективы. В тезисе о третьем Риме звучит обоснование не только мирового значения Русского государства, но и исключительного значения Церкви.

Вследствие стремления Церкви к политическому усилению своего влияния в обществе, а также из-за окончательного разрыва с живым «византийским образцом» среди духовенства произошла неизбежная формализация отношения к вере, а внешняя обрядовость и наружное благочестие стали в большей степени содержанием, но не формой представлений и чувств православного человека. Сложившаяся ситуация способствовала возникновению среди духовенства злоупотреблений (мздоимства), общему падению нравов, снижению стремления к повышению образованности и общей грамотности. Церковь путем реформ «сверху» пыталась преодолеть указанные тенденции, что способствовало укреплению великокняжеской власти и служило интересам политической централизации. С другой стороны, как реакция на отмечавшееся современниками падение нравов среди высшего духовенства в XIV–XV вв., среди низших слоев населения, включая некоторых представителей «белого духовенства» и крестьянства, возникли реформационные движения (Клибанов, 1960, с. 92–94).

Протестные антицерковные взгляды, унаследованные от дедов и прадедов конца XIII – начала XIV вв. и вылившиеся во второй половине XIV в. в идеологию стригольничества, находили широкий отклик в разных слоях городского населения Новгорода и Пскова.

В процессе анализа различных источников конца XIV в. подчас невозможно разделить взгляды стригольников и новгородцев всех званий (Рыбаков, 1993, с. 250, 318). Б. А. Рыбаков пишет, что стригольники, похоже, были лишь выразителями общего городского умонастроения (там же). Таким образом, новая протестная идеология начала зарождаться в различных социальных слоях именно в период развития золотоордынского налогообложения и ханской политики в целом, которая подкреплялась ярлыками на княжение и для митрополитов, что отнюдь не только формально способствовало увеличению гнета на различные слои населения.

Анализируя критику стригольников у Стефана Пермского, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что объектом их возмущения была лишь недобросовестность духовенства – невежество, пьянство, поставление в сан по мзде (симония), но не основы православия (там же, с. 258). На этом основании стригольники утверждали, что невозможно исповедоваться и причащаться у погрязших в грехах священников и монахов. Поэтому исповедь у стригольников осуществлялась «небу и земле» – в соответствии с более ранним дохристианским мироощущением в изначальной структуре русской православной ментальности. Дело в том, что средневековые люди католического Запада, по словам того «философа», который разъяснял Владимиру I сущность христианства, сохранили древнее почтительное отношение к земле и небу: «они землю глаголют м терию. Да аще им есть земля матери, то отць им есть небо» (Шахматов, 1916, с. 145). По замечанию Б. А. Рыбакова, в произведениях русского фольклора земля устойчиво называлась «Мать сыра земля», то есть земля, напоенная небесной влагой. Стригольники не отвергали одного из важнейших христианских таинств – исповеди. Они исповедовались непосредственно Богу, и местами такой исповеди являлись природа, открытое пространство, где можно мысленно или словесно обратиться к Матери-земле и «от земли к воздуху зряще» поведать свои грехи Отцу Небесному (Рыбаков, 1993, с. 98–99). По-видимому, «философ», просвещавший Владимира I в своем отношении к земле-матери и отцу-небу, передавал ему дохристианское мироощущение в структуре ментальности католической Италии, которая относительно более бережно, как мы уже упоминали, сохраняла свои языческие древности (Гальковский, 2000, с. 130–131). Это мироощущение было созвучно в тот момент язычнику князю Владимиру. Такое дохристианское отношение к природе, небу и земле как вечным сакральным сущностям в своем протесте против ис-

каженной нравственности духовенства возродили в своей идеологии стригольники.

А. И. Клибанов отмечает, что становление реформационного (антицерковного) движения в конце XIV – начале XV вв. совпадает с активными народными выступлениями, происходившими в Новгороде, Ярославле, Курске, Ростове, Суздале, Твери и других местах и направленными прежде всего против татаро-монгольского ига. В этой борьбе, в ее непосредственной практике ясно различимы «мотивы социального протеста, прежде всего против сотрудничавших с оккупантами бояр и верхов духовенства» (там же, с. 85). Среди протестовавшего низшего духовенства (в «Написании» Анкидина и других церковных документах) характерно стремление так или иначе связать в один узел «поганское насилие» и пороки Церкви (Клибанов, 1960, с. 85–86). Это, несомненно, являлось фактором укрепления этнической идентичности русского народа, способствующим дальнейшей консолидации государства.

Таким образом, в движении стригольничества, с одной стороны, вполне различим протест против этнодифференцирующего взаимодействия золотоордынского ханства и высшего духовенства. С другой стороны, стригольники возродили дохристианское непосредственное отношение к этноинтегрирующим сакральным сущностям – Матери-земле и Небу-отцу.

В антицерковной литературе в целом и в учении стригольников древнерусские авторы опираются на вполне доступную им патристическую литературу. Например, в трудах Псевдо-Дионисия Ареопагита для «изучивших словеса книжные» стригольников были доступны не одни лишь православно-ортодоксальные идеи. Русский читатель конца XIV в., воспитывавшийся церковно-аскетической проповедью и письменностью в духе умерщвления греховной и брэнной плоти, узнавал из ареопагитских сочинений, что «не в материи пресловутое зло, как это говорят, потому, что материя и та красоте, добру и форме причастна» (там же, с. 319, 325). Из сочинений Псевдо-Дионисия, в частности, можно было узнать, что Бог «есть в духах, и в душах, и в теле, и в небесах, и на земле, во всех вместе [что он есть] в мире, о мире, над миром, над небесами, над существенным; что он – солнце, звезда, огонь, вода, ветер прохладный, облако, что он камень основополагающий – все, что существует и ничто из существующего» (там же, с. 319). Подобное мирочувствование было сходно в то же время и с русским дохристианским чувством, связанным с одухотворением природы, – и живой, и неживой.

Такая форма антицерковного движения в XV–XVI вв., как антиринитаририи («ересь жидовствующих») не только опиралась на основной принцип стригольников – нестяжательство, но шла дальше и, можно сказать, пришла к некоей противоположности стригольникам в весьма существенном вопросе – в отношении к Ветхому Завету. Официальная Церковь обвиняла их в «субботстве» и, как отрицающих троичность Бога (тринитаризм), в «жидовстве», то есть в склонности к ветхозаветному пониманию Бога. А. В. Карташов отмечал западное происхождение ереси жидовствующих и считал его «новинкой западного еврейства» (Карташов, 1993, с. 489, 491).

«Церковь, придерживаясь Евангелия на словах, в действительности вдохновлялась ветхозаветными лозунгами религиозной нетерпимости, законничества и, конечно, ветхозаветной концепции о приоритете духовной власти над светской» (Клибанов, 1960, с. 339). А. И. Клибанов со ссылкой на дореволюционные исследования Библии (Н. И. Ефимова), отмечал, что «на Руси необходимо регистрировать одну важную сторону: наблюдающееся приравнение Ветхого Завета Новому, смешение „закона“ и „благодати“» (там же). Это послужило причиной возникновения полемики между «нестяжателями» (противниками поставления в сан за мзду, проповедниками евангельских идей (Нил Сорский и др.)) и официальной церковью, склонной к ветхозаветным принципам, – «иосифлянами», сторонниками Иосифа Волоцкого. В частности, заволжские старцы обвиняли уже Иосифа Волоцкого в «субботстве», то есть в ветхозаветном смешении «закона» и «благодати» (там же).

Возможность духовенства отстаивать свои интересы в Орде независимо от княжеской власти, что сделало его активным участником политической борьбы на Руси в XIV–XV вв., позволила Церкви в XV в. стать крупнейшим землевладельцем (Щапов, 1989а, с. 63–64, 84). Она клеймила как «научения диаволом» выступления различных слоев населения против княжеской власти, практически поддерживая существенно выросший (двойной) гнет налогообложения. Часть налога – князю и духовенству, а часть – хану (там же, с. 90). Церковь в XIV–XV вв. как ненасильственными, так и насильственными методами боролась также с язычеством, в том числе и среди нерусского населения (там же, с. 87). Кроме того, церковь по мере возможности осуществляла этнодифференцирующую провизантийскую политику (Борисов, 1986, с. 137) и в ряде случаев шла на «прямое сотрудничество с противниками объединения страны» (там же, с. 187). Поэтому политическая самостоятельность церкви

в рассматриваемый период зачастую порождала и ее конфликты с княжеской властью.

Противодействие настойчивому стремлению церкви к руководству в государственных делах в конце XV в. оказывал в своей политике Иван III: он сам стремился использовать ее в качестве орудия своей политики. Иван III в известном противостоянии с автором «Повести о белом клобуке» новгородским митрополитом Геннадием использовал ересь жидовствующих в своих политических интересах. Однако существенно, что, по-видимому, в основе великокняжеских действий (защита еретиков от казни) лежала не только политико-хозяйственная необходимость, но и ментальный, мировоззренческий компонент. Мировоззрение жидовствующих опиралось не только на нестяжательство и антитринитаризм. Они в рамках занятий астрологией пользовались таблицами для определения лунных фаз и затмений, им был известен ряд отрывков из произведений античной философии, «Логика» еврейского философа XII в. Моисея Маймонида, компиляции работ арабского ученого аль Газали, содержащие сведения об основах математики, логики – в целом мировоззрение жидовствующих содержало много того, что в последующем стало необходимой составляющей ментальности эпохи Просвещения в России.

Этнофункциональный анализ позволяет нам выделить в конфликте ментальности официальной Церкви, княжеской и простых людей постепенное формирование к XVI в. следующих линий раскола.

Княжеская власть в целом нейтрально/благожелательно относилась к проявлениям этноинтегрирующей русской дохристианской культуры (язычества). В то же время в княжеском сословии проявлялся интерес и к этнодифференцирующим проявлениям западноевропейской и античной культуры, позднее влившимся в культуру эпохи Просвещения.

Официальная церковь в данный период постепенно и по возможности усиливала этнодифференцирующие гонения на остатки язычества среди русского населения, противостояла Западу – как католицизму, так и светской западноевропейской культуре (охранительная позиция), но в то же время склонялась к существенно этнодифференцирующему, ветхозаветному пониманию примата духовной власти над светской и провизантийской политике.

В целом в рассматриваемый исторический период наиболее этнодифференцирующие и дезинтегрирующие русскую ментальность

влияния исходили от официальной Церкви: это подавление дохристианской народной культуры (главное) и ветхозаветная тенденция к примату духовной власти над светской. Оба эти явления оказали, как будет показано далее, деструктивное влияние на дальнейшее развитие ментальности России.

Россия и Запад: приоритеты хозяйственно-технологического развития в XIV–XVI вв.

По мере ослабления золотоордынского влияния на Московское государство усиливалось более или менее равноправное взаимодействие русских и татар. В частности, в XV в. им приходилось неоднократно объединяться в борьбе против новгородских ушкуйников на Волге, опорным пунктом которых была Новгородская колония Вятка (Бердинских, 2002, с. 32). Именно волжский торговый путь продолжал успешно развиваться в XIV–XV вв., и Новгород, соединявший его с балтийскими странами, не только богател, но и начинал играть разбойно-паразитическую роль. В XIV в. торговля по пути через Волгу в Персию, а также по Дону в Крым, во владения генуэзцев, шла через ордынские земли. Поэтому своего рода «окно в Европу» – связь с богатым Средиземноморьем – находилось под контролем татар. К XVI в., с ослаблением ордынского влияния, началось завоевание Поволжья Московским государством – Волга становится «русской рекой». Однако в тот момент, когда волжский путь полностью и окончательно переходит под власть Москвы, мировые торговые пути смещаются на запад (Смирнов, 1980).

Для понимания дальнейшего изложения важно, что, по замечанию Б. Ю. Кагарлицкого, имевшее место в XV и XVI вв. приглашение иностранных мастеров могло свидетельствовать об отставании, но не о технологической отсталости, так как приглашение мастеров из Италии и Германии в различные страны (например, Швецию, Англию) было тогда общеевропейской нормой (Кагарлицкий, 2009, с. 15). В. О. Ключевский отмечал, что заимствование Россией в Западной Европе «плодов просвещения» в XV и XVI вв. являлось «общением», а «влияние», как осознание «превосходства» западноевропейской культуры и заимствование не одних только «житейских удобств», но и «самых основ житейского порядка», началось именно в XVII в. (Ключевский, 1988, с. 241).

Дело в том, что открытие Америки и западного морского пути в Индию в эпоху Великих географических открытий вносит су-

щественные изменения в европейскую ментальность и в то же время дает толчок к формированию новой мировой экономической системы. На Запад, прежде всего из Ост-Индии, хлынуло огромное количество материальных и финансовых ресурсов, что на первом этапе создало чрезвычайно благоприятные условия для развития торговли, промышленности и новых технологий во всех сферах жизни. Правда, вскоре именно приток в Европу драгоценных металлов в итоге обесценил деньги.

Хотя Московское царство активно торгует и развивается, все же речные пути уступают тем новым возможностям, которые открылись Западу с морской торговлей эпохи географических открытий. «Ничего не получая от расцвета европейской торговли, начавшейся после открытия Америки, Россия неизбежно оказывалась и на периферии мирового экономического развития... Таким образом, именно конец XV–начало XVI в. стали решающим рубежом, предопределившим дальнейшую судьбу России – борьбу с отсталостью и изоляцией» (Кагарлицкий, 2009, с. 135). Включение России того времени в европейскую экономику осуществлялось в основном за счет поставок на Запад сырья для развивающейся кораблестроительной промышленности, а чуть позже она начала заниматься производством и экспортом зерна (там же, с. 138, 150–152). Однако в целом взаимодействие России с Западом было взвешенным, равноправным, хотя Россия была крайне заинтересована в западных технологиях. В чем же причина смены «общения» России с Западной Европой на «влияние» последней на нее? Причину мы видим прежде всего в достаточно резком вытеснении к XVII в. из русской ментальности дохристианской культурной составляющей, что повлияло на становление личности представителей высших слоев русского общества и, соответственно, на восприятие ими определенных западноевропейских технологических «новин».

Скоморохи, Церковь и западноевропейское барокко в XVI–XVII вв. на Руси

К XVII в. постепенно назревало противоречие между следующими взаимно этнодифференцирующими тенденциями в ментальности русского общества:

1. Нарастанием в официальной Церкви этнодифференцирующей тенденции к ветхозаветному приоритету духовной власти над светской.

2. Сохранением дохристианского компонента (скоморошество и пр.).
3. Нарастанием влияния западноевропейской культуры.

Наряду со свидетельствами о протестных явлениях в церковных кругах, с XIV по XVI в. возрастало количество письменных свидетельств об общем увлечении скоморошеством (Клибанов, 1960, с. 353). В рассматриваемый исторический период скоморошество, несомненно, осознавалось в древнерусском обществе как проявление традиционных дохристианских верований. Отметим, что конец XIV в. и весь XV в. – это время последовательного ослабления татаро-монгольского гнета и, следовательно, ослабление поддержки «антиязыческих» действий духовенства золотоордынскими ханами. Этим, по-видимому, и объясняется относительная свобода проявлений народного искусства на языческой основе в данный период. А. М. Панченко отмечает, что до 1470 г. (дата условная) имело место поразительное явление – «золотой век скоморошества» (Панченко, 2008, с. 161).

Такие выдающиеся правители, как Иван III и Иван IV, также в определенной мере не чуждались антицерковных взглядов. Иван III, известный своим покровительством ереси жидовствующих, сам, например, замечен был в клятве «небом и землей» (Клибанов, 1960, с. 192), что совершенно неприемлемо с позиций официального православия.

Интересно отношение Ивана Грозного к игрищам и «глумлениям» в аспекте развития личности, которое мы находим в его ответе Курбскому, упрекавшему его в попирании ангельского образа, бесовских трапезах, кошунничестве и глумлении. Грозный пишет, что он предается играм, «сходя немощи человечестей... *яко же мати детей пуцает глумления ради младенчества*, и егда же совершени будут, тогда сия отвергнут, или убо от родителей разумом на уншее возведутся... (курсив наш. – А. С.)» (цит. по: Панченко, 2008, с. 176–177). В наших клинических и психолого-педагогических исследованиях показано, что наличие в онтогенезе образной сферы личности (до 5 лет) волшебных сказочных образов, открывающих таинственный мир духов и явлений природы, народных игр и т. п. очень важно для формирования здорового и нравственного человека (Сухарев, 2008). А. М. Панченко полагает, что народу не нравились церковные строгости, и Иван IV, «заботясь о популярности», стал вести себя в соответствии с исконными народными обычаями

(Панченко, 2008, с. 177). На наш взгляд, вряд ли такое поведение Грозного было следствием политизированной «заботы о популярности», – скорее, это было проявлением «двойничества» его личности, о чем упоминает сам А. М. Панченко (там же, с. 246).

А. М. Панченко анализирует «Временник» участника и историка событий Смуты Ивана Тимофеева, где он один из первых русских авторов пишет «о раздвоении и прямо о двойничестве» – теме, широко известной в России по сочинениям Гоголя и Достоевского, – царя Ивана Грозного. Иван Тимофеев усматривал в деятельности Грозного разделение предшествующей культуры на две противоположные, каждая из которых осмысляет противостоящую как антипод, – имеется в виду опричнина и земщина. Тимофеев изображал опричников почти как иноверцев – они давали клятву не общаться с земскими. Грозный пляшет со скоморохами, при этом хвалит немецкие обычаи, позволяет лютеранам завести в Москве церковь и т. д. и т. п. Вместе с тем есть сведения и о предоставлении иностранцам особых льгот, – они, по сравнению с коренными русскими, имели существенные судебные льготы (там же, с. 246–247, 249).

Хотя официальная традиция того времени осуждала и считала крайне неприличными любовь царя Ивана Грозного к пляскам, игрищам со скоморохами в кругу близких друзей – это было лучшее для скоморохов время. А. М. Панченко отмечает, что в народном сознании того времени скоморохи как бы конкурируют с попами (там же, с. 161). Можно сказать, что царь Иван Грозный был последним из великих князей, личность которого еще отражала дохристианскую русскую ментальность народа. Первые государственные акты, враждебные скоморохам, под влиянием Церкви появляются в XV в. (с. 201), то есть в период окончания золотоордынского влияния и, соответственно, ослабления реальных возможностей Церкви в борьбе с проявлениями русского язычества.

Репрессии против скоморошества и других дохристианских традиций, проводимые после Смутного времени и подготовленные кружком «боголюбцев» при дворе царя Алексея Михайловича, были признаком не силы, а слабости Церкви. Она, по словам А. М. Панченко, «впервые испугалась мирской культуры как способного к победе соперника» (с. 201).

Теоретическую же программу оцерковления жизни и быта русского общества создали именно «боголюбцы», в число которых, помимо самого царя, входили и такие различные фигуры, как протопоп Аввакум и будущий автор церковных реформ Никон. Поэтому

первым русским царем, свадьбу которого «не играли», а осуществляли обряд венчания исключительно по церковному обычаю, был царь Алексей Михайлович.

Строгой «старомосковской» церковной политике (как старообрядцев, так и сторонников Никона) внутри церковной и светской верхушки противостояли «латинствующие» – Симеон Полоцкий (воспитатель царевичей), Сильвестр Медведев и др. В целом, не выходя за рамки православия, они пропагандировали современную схоластическую науку – во главе ее стояли иезуиты, которые учили некоторые уроки Реформации и пытались приблизиться к практическим запросам эпохи (с. 353).

Характер западных («латинствующих») влияний на ментальность высших слоев русского общества XVII в., помимо ее ортодоксально-церковной и дохристианской составляющей, хорошо иллюстрирует содержание произведения Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный». Характеризуя данное произведение, А. М. Панченко относит его к жанру барокко именно по его хаотичности, всеохватности – целью данного произведения было охватить все сюжеты, которые должен был знать просвещенный человек того времени (Панченко, 2007, с. 357). Симеон Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний византийской и римской истории, включая исторические анекдоты о Цезаре и Юстиниане, Диогене и Аристотеле и пр. В данном произведении содержатся сведения о вымышленных и экзотических животных (птице феникс, плащущем крокодиле и т. д.), драгоценных камнях. Здесь же имеется изложение космогонических воззрений, сведения о христианской символике, многочисленные фрагменты из античной мифологии, различные «раритеты» и «курьезы». Книга иллюстрирована произведениями живописи, графики – то есть поистине похожа на «разноцветный сад» (там же). «Вертоград многоцветный» являлся, таким образом, крайне неоднородным, «этнофункционально мозаичным» источником образов, прежде всего, для властных сословий русского общества XVII в. Содержание данного произведения было внутренне крайне этнодифференцированным, по сравнению с гораздо более однородными ортодоксально-церковной и дохристианской составляющими в ментальности русского общества.

Характеризуя ментальность русского общества конца XVI–начала XVII вв., А. М. Панченко говорит о «двойничестве», противопоставляя дохристианскую и христианскую народную культуры новым западноевропейским влияниям (барокко). В то же время

в середине XVI в. двойничество царя Ивана Грозного, в его представлении, заключалось в противоречии языческой и христианской составляющих его личности. С другой стороны, может иметь место и противоречие между дохристианской (языческой) и православной культурой. Для доказательства этого у нас есть аргументы, связанные с различной ролью данных двух типов ментальности в развитии личности даже в настоящее время (Сухарев, 2008). Дохристианская и православная русская культура могут быть противопоставлены и соотноситься с культурой западноевропейской каждая по-своему.

Кроме того, в самой православной ментальности к середине XVII в. отчетливо обозначилось противоречие между «народным православием» и сторонниками «ревнителей древлего благочестия», – не случайно протопоп Аввакум и патриарх Никон, поначалу вместе участвовавшие в кружке «боголюбцев», впоследствии стали заклятыми врагами. Их идейное расхождение было обусловлено тем, что, под влиянием идущей с Запада ментальности ветхозаветного папоцезаризма, опосредованного личностью царя Алексея Михайловича, Никон осуществил церковную реформу, окончательно оформив тем самым еще одну линию раскола ментальности русского общества середины XVII в. – внутрицерковную. В результате в структуре ментальности Московского государства возникло, как мы уже показали ранее, *четыре линии раскола* между четырьмя взаимно этнодифференцированными типами ментальности – «народным православием» (сторонников «древлего благочестия», во главе с Аввакумом), ментальностью сторонников никонианских церковных реформ, дохристианской (языческой) ментальностью и ментальностью западноевропейского барокко (Сухарев, 2011б, с. 83–118).

Этнофункциональный анализ динамики ментальности русского общества в XIV–XVII вв.

В целом, изменения в ментальности княжеского и духовного сословий русского общества в XIV–XVI вв. с позиций этнофункционального подхода можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, важнейшим следствием татаро-монгольского завоевания было привнесение в ментальность всего русского общества (всех сословий) этнодифференцирующего образа родной земли, этнофункциональное расщепление образа земли как принадлежащей и русскому князю, и хану. Этнодифференцирующие изменения в отношении к земле, природе являются, согласно нашим клиническим

исследованиям, сильнейшим дискриминантом, отделяющим норму от патологии, деструктивным и дезадаптирующим фактором. Данное этнофункциональное изменение отношения к земле не только снижает энергетический потенциал личности, но и способствует росту тревоги (Сухарев, 2008).

Во-вторых, успешная, благодаря золотоордынской помощи, борьба церкви с русской дохристианской культурой в значительной мере «выдавила» из ментальности русского общества (особенно княжеского и духовного сословия) представления о духах природных стихий и явлений, языческое мировоззрение и мирочувствование. Данное подавление также обладало значительной величиной этнодифференцирующей функции ввиду относительной древности язычества, что обуславливает ослабление контроля эмоций и чувств, снижение качества взаимодействия мышления, эмоций и чувств, инфантилизацию побуждений, мотивов (там же).

В-третьих, усиление политического влияния церкви «сверху», тем более с опорой на власть хана, следует рассматривать как этнодифференцирующую тенденцию («ветхозаветный» папоцезаризм) в развитии ментальности. Христианские представления как относительно более позднее историческое явление на Руси, по сравнению с образами и духами природы, имеют хотя и меньшую по величине, но также этнодифференцирующую функцию, что способствует повышению тревоги. В процессе политического усиления церкви, с одной стороны, сама Церковь стремилась к возвышению духовной власти над царской, что является этнодифференцирующим отходом от сформулированного в XI в. митрополитом Илларионом первенства евангельской благодати над ветхозаветным Законом. С другой стороны, политическое усиление церкви породило в русском обществе, кроме прочего, такие явления, как этноинтегрирующее стригольничество и этнодифференцирующую ересь жидовствующих (антитринитариев).

В идеологии стригольничества возродилось этноинтегрирующее язычески-сакральное отношение к земле, небу, природе в целом – в форме возможности исповеди Матери-земле. Восстановление в идеологии стригольничества сакрального отношения к природе среди простых людей характеризуется очень большой величиной этноинтегрирующей функции, что, по-видимому, до сих пор является важнейшим фактором сохранения целостности России.

Ересь жидовствующих (антитринитариев), помимо протеста против мздоимства и политического усиления Церкви, уже под влиянием

янием западноевропейских иудеев выдвигала фундаментальные этнодифференцирующие возражения основам православия – отрицание троичности Бога.

С позиций этнофункционального анализа в процессе сложившейся к моменту завершения золотоордынского влияния ситуации в ментальности русского общества возникли две линии ее раскола: первая – определяемая фактором подавления церковью дохристианской русской культуры и вторая – обусловленная политическим движением церкви к приоритету ветхозаветного «закона» и духовной власти над светской; причем необходимость приоритета «благодати» в значительной мере лишь декларировалась. Этнодифференцирующие западноевропейские влияния усилились позже и привели к возникновению дополнительных линий раскола, с одной стороны, с православием, с другой – с дохристианской культурой.

Мы уже отмечали, что вследствие специфики географического и политического положения Руси в период монгольского завоевания ее политико-экономическое развитие было сориентировано на Восток. Поэтому из-за изменений, произошедших в Европе в эпоху Великих географических открытий, – развитие торговли, промышленности, возникновение новых технологий, – Россия, столкнувшаяся в XVI в. с западноевропейским «вызовом» (Тойнби, 1991), вынуждена была ассимилировать в собственную ментальность много нового в различных областях: технике, экономике, искусстве, культуре в целом. Это было обусловлено, в частности, и тем, что в русской ментальности (в отличие от западноевропейской) еще с домонгольских времен сохранялось представление о своей стране как о европейской, и это всегда являлось этноинтегрирующим фактором. Интеграция этнодифференцирующих «новин» в любой стране Западной Европы – дело обычное. В эпоху Возрождения, например, тон задавала Италия, и у нее учились Англия, Швеция и др. В эпоху Великих географических открытий торгово-политические приоритеты определялись Испанией и Португалией. Однако особым было именно отношение (прежде всего, властных сословий) к ассимиляции новых этнодифференцирующих западноевропейских представлений, технологий, необходимых для развития Московского государства.

Как мы уже упоминали, этнофункциональное развитие ментальностей западноевропейских стран (в частности, Италии) проходило в гораздо более щадящей по отношению к дохристианской культуре атмосфере, по сравнению с развитием ментальности Древней Руси в период татаро-монгольского завоевания. Специфика развития мен-

тальности русского общества в данный период состояла в силовом подавлении Церковью дохристианской культуры с опорой на золо-тоордынскую военно-политическую поддержку.

Данная специфика развития ментальности Древней Руси породила, преимущественно среди властного княжеско-дружинного и духовного сословия, особые этнофункциональные условия воспитания и становления личности. Детское развитие и воспитание представителей властных сословий в начале XVII в. в значительной мере было лишено дохристианских, языческих традиций, игр и т. п. В то же время в нем преобладал более или менее строгий христианский дух и высокий авторитета священства. Ввиду незначительного в то время экологического разрушения природы и др., собственно общение с живой природой практически у всех представителей русского общества вряд ли было как-то ограничено. Возможность непосредственного общения с живой природой («природная стадия» развития личности) способствовала формированию у личности высокого энергетического потенциала, силы (напряженности) потребностей и мотивов. Ограничено было именно общение с сакральной дохристианской идеологией, духами природы и т. п. Данное ограничение (нарушение развития на сказочно-мифологической стадии), согласно нашим исследованиям, обуславливает недостаточный контроль эмоциональной сферы и снижение качества взаимодействия мышления и эмоциональной сферы, то есть определенную незрелость (Сухарев, 2008). Вследствие нарушения развития на более раннем «сказочно-мифологическом» этапе возникает существенный риск недостаточно органичного и поэтому формального усвоения христианских норм поведения (там же; Чулисова, 2010, с. 107). Вместе с тем этнодифференцирующее воздействие западноевропейских влияний порождало рост тревоги по отношению ко всему западноевропейскому, которое незрелая личность не могла адекватно ассимилировать. Другими словами, западноевропейские представления, образы культуры не могли органично усваиваться незрелой психикой. По отношению к ним формировалось наивное, некритичное, но, вследствие высокой тревоги, крайне мотивированное (заинтересованное) отношение, а усвоение христианской нравственности данной личностью сохранялось на декларативном уровне и оставляло желать лучшего.

В XVII в. царь Алексей Михайлович, используя патриарха Никона в качестве инструмента, осуществил церковную реформу, согласно С. А. Зеньковскому, исходя из внутреннего тщеславного стремления

быть царем всего православного мира (в духе концепции «Москва – третий Рим») (Зеньковский, 1995). Вместе с тем, ввергнув в опалу «великого государя» патриарха Никона, царь, вероятно, сам того не желая, отверг и этнодифференцирующие ветхозаветные устремления официальной церкви к папоцезаризму, сменив их на менее этнодифференцирующий (и поэтому относительно более конструктивный) поздневизантийской церковный обряд и книжную справку.

Проиллюстрируем вышеприведенные выводы примерами реконструкции некоторых этнофункциональных проявлений ментальностей исторических личностей XVII в. – царя Алексея Михайловича и патриарха Никона – в быту, мировоззрении и мироощущении.

Этнофункциональные особенности ментальности царя Алексея Михайловича

Государь Алексей Михайлович был центральной исторической фигурой Московского царства, внутренним двигателем реформ, хотя они и остались в истории как «никонианские». Это и проявлялось в дальнейшем в его разрыве с патриархом и определенных изменениях в курсе реформ (там же, с. 223).

С одной стороны, с детства царь воспитывался в грекофильских воззрениях и был грекофилом. О пристрастии царя к культуре поздней Византии явствует из письма к нему протопопа Аввакума: «О царю Алексею!.. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по русскому языку: «Господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелейсон-от оставь; так елленя говорят, плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах» (Аввакум, 1927, т. 39, с. 475).

С другой стороны, приверженность греческой церкви и поздневизантийским обычаям современного царю Константинополя, находящегося с 1453 г. под властью османов, сочеталось в его душе с приверженностью вообще ко всему иностранному. Воспитателем царя, родившимся в 1629 г., был боярин Борис Иванович Морозов, известный своей привязанностью к иностранцам и иностранным обычаям. До пятилетнего возраста молодой царевич Алексей оставался на попечении у царских «мам». С пяти лет под надзором Морозова он стал учиться грамоте по букварю, затем (до 6 лет) приступил к чтению Часослова, Псалтири и Деяний святых апостолов, в семь лет начал обучаться письму, а в девять – церковному пению. С течением времени у ребенка (11–12 лет) составила маленькая библио-

тека; из книг, ему принадлежавших, упоминаются, между прочим, Лексикон и грамматика, изданные в Литве, а также Космография. В числе предметов «детской потехи» будущего царя встречаются: конь и детские латы «немецкого дела», музыкальные инструменты, немецкие карты и «печатные листы» (картинки). Таким образом, наряду с прежними образовательными средствами, заметны и нововведения, которые сделаны были не без прямого влияния Б. И. Морозова (Берх, 1831; Каптерев, 2004; Платонов, 1913). Последний, как известно, одел в первый раз молодого царя с братом и другими детьми в немецкое платье. Даже благожелательный к царю Алексею историк В. О. Ключевский пишет: «Царь во многом отступал от старозаветного порядка жизни, ездил в немецкой карете, брал с собой жену на охоту, водил ее и детей на иноземную потеху, «комедийные действия» с музыкой и танцами, поил допьяна вельмож и духовника на вечерних пирушках, в трубы трубил и в органы играл; дал детям западно-русского ученого монаха (Симеона Полоцкого), который учил царевичей латинскому и польскому» (Ключевский, 1957, т. 3, с. 329).

Описания психологического облика царя Алексея Михайловича, осуществленные в работах С. А. Зеньковского и историка-старообрядца Б. П. Кутузова, сходятся прежде всего в утверждении, что у царя преобладало безусловное и подчас наивное подражание западным культурным образцам, опосредованное польским влиянием. «В модах, одежде и украшениях польское влияние быстро проникает и растет с каждым годом... близкий родственник царя Никита Романов одевает своих слуг в польское и немецкое платье. В 1654–1657 гг. дворец царя украшается мебелью западного стиля, а на троне Алексея Михайловича делается не славянская или греческая, а латинская надпись. К концу царствования этого второго Романова дворцовые порядки уже напоминают скорее будущие петровские ассамблеи» (Зеньковский, 1995, с. 254). Уже в юности царь знал польский и латинский языки (но не греческий. – А. С.), чем приводил в восторг западноевропейцев. Государь и его приближенные на бытовом уровне были ориентированы на немецко-польские образы культуры. «Сам царь одевает польское платье, зовет во дворец польских актеров, которые, по всей вероятности, были еще менее церковны, чем русские скоморохи» (там же, с. 256). Заграница была для царя «страной светлых чудес» и безграничных возможностей (Кутузов, 2002, с. 204). В частности, мастерам-иноземцам и садовникам царь платил в два, а то и в десять раз больше, чем русским (там же, с. 213). Царь хотел

иметь даже просто деревья или растения, о которых знал одно: они должны быть непохожи на свои, московские. Предписывалось, например, царскому комиссионеру Гебдону купить «дерев немецких мерою по сажени» (Заозерский, 1937, с. 268).

В быту, пишет В. О. Ключевский, царь Алексей Михайлович был крайне невыдержан и своенравен (Ключевский, 1957, с. 326). Многие историки, включая С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, отмечают, что он легко поддавался чужому влиянию. Ближайшее окружение царя составляли, с одной стороны, личности польско-латинской ориентации – А. С. Матвеев, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, а с другой – ортодоксальные грекофилы: Стефан Вонифатьев, Никон (Кутузов, 2002).

Имея грекофильско-христианскую и западноевропейскую ориентации, царь весьма жестко пресекал проявления дохристианской народной культуры. Царская грамота, разосланная по русским городам и волостям в 1648 г., строго предписывала: «В домах, на улицах и в полях песен не петь... не плясать... в хороводы не играть, на свѣтбах песен не петь», органникам и гусельникам не играть, «на святках в бесовское сонмище не сходитья, игр бесовских не играть, песен не петь, загадок не загадывать, сказок не сказывать (курсив наш. – А. С.), личины и платье скоморошеское на себя не накладывать... в карты и шахматы не играть... на досках не скакать, на качелях не качаться, скоморохом не быть, с гусями, бубнами, зурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, медведей не водить... кулачных боев не делать» (цит по: Лабутина, 2011, с. 254). «Ослушников» указа ждали «батоги», кнут, штрафы и ссылка. Музыкальные инструменты, как «бесовские сосуды», а также «хари» (маски скоморохов) подлежали изъятию и сожжению «без остатку» (там же, с. 255).

Подводя итог реконструкции некоторых этнофункциональных проявлений ментальности царя Алексея Михайловича, отметим отсутствие в ней даже проблесков русской дохристианской культуры, грекофильство и жесткую ориентацию на поздневизантийское православие (напомним, что он был первым царем, свадьбу которого не «играли», а устроили лишь венчание по строгим церковным канонам). И кроме того ментальность царя была сформирована в духе обесценивания всего русского и наивного преклонения перед всем иностранным. Похоже, что все перечисленные характеристики оказывали на его личность мощное этнодифференцирующее воздействие с раннего возраста. Непосредственное общение

с природой у царственного ребенка вряд ли было нарушено и, соответственно, у него была достаточно высокая энергия личности, напряженность потребностей и мотивов. Мы полагаем, что сказочно-мифологическая стадия, содержание которой включает, в частности, анимизацию природных стихий и явлений, вследствие специфики ментальности властных слоев русского общества середины XVII в. и ближайшего окружения юного царя, была, скорее всего, вытеснена. Данное обстоятельство и послужило впоследствии возникновению у него проявлений психической незрелости: зависимости от чужого мнения, наивного преклонения перед всем иностранным (как проявления дисгармоничности взаимодействия мышления и чувств), крайней эмоциональной невыдержанности, склонности к гневу, упрямству (Сухарев, 2008, с. 177–193).

Ряд проявлений психической незрелости царя (вовсе не исключаящих наличие интеллектуальных способностей), обусловленных указанными факторами, подтвердили наше предположение об их наличии среди представителей властных сословий Московского государства XVII в.

Этнофункциональные особенности ментальности патриарха Никона

В данном психологическом описании личности патриарха Никона мы не будем касаться церковно-политической стороны его деятельности, которая признана неправомерной в богословско-историческом аспекте многими авторитетными исследователями – Н. Ф. Каптеревым, Е. Е. Голубинским, С. А. Зеньковским и др. Отметим лишь нехристианские методы насаждения реформ, использованные Никоном, помимо введения необоснованной «книжной справки»: жгли, душили, пытали и пр. (Зеньковский, 1995).

Н. Ф. Каптерев отмечал склонность Никона к роскоши и женолюбию (Каптерев, 1996, т. 2, с. 156), а современники Никона единогласно заявляли, что он всю свою огромную церковную власть, свое влияние на царя употребил как средство скопления в своих руках громадного имущества, которое приобретал, не считаясь со способами (там же, с. 166–167).

Однако внешне в области церковной политики Никон боролся с пьянством и прочей безнравственностью, стремился восстановить строгость церковных служб. Жесткое гонение на скоморошество и языческие традиции также было важной стороной его деятельности.

С. А. Зеньковский отмечает, что у Никона, этнического мордвина, византийская ментальность буквально сквозила в его духовном облике. Вся одежда его, в том числе знаменитый белый клобук русского патриарха, была заменена греческой, а «грекомания патриарха зашла так далеко и была так наивна, что он даже завел в патриаршей кухне греческую еду. Теперь он мог думать, что выглядит и действует так же, как патриархи восточные, и что в случае освобождения православного Востока Россией он сможет возглавить весь православный мир без того, чтобы греки косились на его, как ему казалось, смешные провинциальные русские замашки и обряды. Комплекс неполноценности и провинциальности, желание стать «как все патриархи», выглядеть и служить, как служили блестящие и столь соблазнительные византийцы, несомненно, играли очень значительную роль в развитии обрядовой политики патриарха из простых крестьян, пробывшего почти всю свою жизнь в глубокой провинции. Весь его «эллинизм» вытекал не из преклонения перед греческой культурой и греческим богословием, а из мелкого тщеславия и легковесных надежд на вселенскую роль» (Зеньковский, 1995, с. 223). Превращению простодушного провинциального Никона в грекофила способствовали царь Алексей Михайлович и его духовник Стефан Вонифатьев – истинные авторы реформ, приведших к церковному расколу.

Психологический портрет патриарха Никона включает определенные характеристики, повторяющиеся у различных авторов. Это страстность, жестокость, склонность к плотским удовольствиям, стяжательство – все это попирает самые основы христианской нравственности. В личности Никона отсутствовали механизмы контроля эмоций, потребностей, опирающиеся на истинно православные ценности. Наивное стремление Никона быть «как все патриархи» и мелочное подражание греческим патриархам даже в быту и одежде свидетельствуют о его определенной психической незрелости.

Психическая незрелость и сниженный контроль эмоциональной сферы, с позиций этнофункционального подхода, свидетельствует о нарушении этнофункционального развития личности на сказочно-мифологической стадии. Жестокое обращение мачехи с юным Никитой (будущим патриархом Никоном) в детстве с 3-х лет, буквально борьба за существование в данный период, рвение к духовным книгам и самостоятельное решение уйти в монастырь в возрасте 12 лет (Севастьянова, 2003) вряд ли способствовали счастливому детству, восприятию ребенком от кого-либо народных сказок, детских пе-

сен и т. д. На первый план выступали, скорее, моральные проблемы. Вполне вероятно, что в данном случае это могло являться следствием отсутствия в ранне-детском периоде развития ментальности Никона образов языческого одухотворения природы, присущих дохристианской русской культуре. Отсутствие сказочно-мифологических образов в раннем онтогенезе личности до 5 лет (при наличии образов природы) обуславливает напряженность потребностно-мотивационной сферы (энергии личности) при отсутствии сформированных когнитивных механизмов контроля эмоций и чувств (страстность, жестокость патриарха Никона) (Сухарев, 2008, с. 93–97, 177–193, 258, 302 и др.). На этом фоне этнодифференцирующие поздневизантийские церковные установления, согласно результатам наших клинических исследований, могли обуславливать возникновение тревоги (там же), излишне мотивирующей заинтересованное отношение ко всему греческому.

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович – две ключевые фигуры, которые надолго определили содержание дальнейшего развития ментальности властных слоев – светского и духовного – в русском обществе. Психологически их объединяет одно – незрелость личности, проявлявшаяся прежде всего в снижении качества эмоционального контроля, взаимодействия сферы мышления, чувств и эмоций и, как следствие, наивное ожидание волшебных перемен от чего-то далекого, иностранного. Данные особенности в преобладающей мере обусловлены вытеснением из ментальности властных сословий язычески одухотворенных образов природы русской дохристианской культуры. Можно предположить, что вытеснение одухотворенных образов русской природы из русской ментальности вследствие усиления церковной политики при поддержке золотоордынских ханов является отличительной спецификой развития русской ментальности в XIII–XVII вв., по сравнению с относительно сохранным языческим наследием в западноевропейских странах – прежде всего Италии, а также Германии, Англии и др.

С позиций этнофункционального подхода данное вытеснение создало условия для нарушения этнофункционального развития личности, прежде всего, у представителей княжеского и духовного сословий Московского государства. Это нарушение обусловило определенную психическую незрелость личности при наличии объективно существующего этнодифференцирующего «вызова» западноевропейских влияний в XV–XVII вв. (в том числе как следствие

эпохи Великих географических открытий), обусловило резкий рост тревоги, снижение гармоничности взаимодействия эмоциональной и мыслительной сфер и, соответственно, неадекватное повышение интереса (то есть «детски-восторженное» отношение) к несущественным бытовым и внешним проявлениям данной культуры. Незрелое отношение к церковной внешне-обрядовой унификации на основе поздневизантийских установлений – собственно, церковная реформа – также, по-видимому, обусловлены вытеснением русских языческих сказочно-мифологических образов у детей княжеского и церковного сословий в процессе их воспитания.

В целом, вытеснение русской дохристианской культуры из ментальности высших слоев русского общества обусловило возникновение у их представителей наивного, дисгармоничного и чрезмерно аффектированного «бездумного» интереса, даже увлечения не столько существенной (новыми технологиями), но и внешней стороной новой западноевропейской культуры (барокко в быту и т. д.), а среди духовного сословия – грекофильства, тщеславного подражания поздневизантийским церковной обрядности и внешним проявлениям духовности.

В перспективе хотелось бы отметить необходимость этнофункционального исследования причин недостаточно зрелого отношения ко всему иностранному – при отрицании наличия в России собственных источников развития – у ряда представителей властных сословий от эпохи Петра I до современности. Современный этап развития российской ментальности мы рассматриваем как кризисный, переломный. Фундаментальные тенденции ее развития, заложенные в рассмотренных семи веках существования Руси и России, совершают свою работу и в настоящее время.

Некоторые направления этнофункционального анализа развития современной российской ментальности

Этнофункциональный анализ развития ментальности русской этносреды направлен на выявление связи особенностей и преемственности этапов ее развития с возникновением возможных личностных проявлений среди высших сословий (и не только): психопатологических, асоциальных и др. Анализ современной российской ментальности вновь открывает взаимодействие тех же линий раскола российской ментальности, которые, как мы показали выше, в основном сформировались уже к XVII в. Данные линии обозначают

так и не разрешившийся раскол ментальности между а) никонианством; б) старообрядчеством; в) дохристианской русской культурой (русским «язычеством»); г) западноевропейской культурой (барокко, включающим также этнодифференцирующие восточные и другие культурные элементы).

Результаты кризисов исторического развития, как мы уже говорили, могут отражаться и на специфике современной общественной и индивидуальной ментальности. Этнофункциональный анализ культурно-исторической ситуации в России ХХ–начала ХХI вв. и результаты эмпирических исследований показывают, что развитие ментальности общества и, как следствие, процесс психического и духовного развития огромного числа людей, нарушены. В частности, при очень высокой скорости революционных информационных сдвигов, потрясавших Россию в ХХ в., естественный ход развития ментальности ее народов подвергся болезненному изменению. После 1917 г. из общественного самосознания было в значительной мере вытеснено традиционное содержание основ образования молодежи на религиозно-этической стадии и замещено этнодифференцирующими идеалами западноевропейского «либерального» и «классового сознания», вследствие деятельности «воинствующих безбожников» и пр. К природе отношение также изменилось: оно стало бездуховным, более прагматичным, в еще большей степени нивелировалось то, что С. Д. Дерябо обозначил как «субъектификацию природных объектов» (Дерябо, 2002). В то время даже предлагалось отказаться от сельскохозяйственного производства и «делать хлеб в лабораториях» (М. Горький).

Постепенно произошла частичная подмена и в системе воспитания молодежи на сказочно-мифологической стадии – был заметно выхолощен сакральный смысл народных сказок и мифов, многие из которых трансформировались в «пионерские истории» и другие образы новой советской и западноевропейской мифологии (напрашивается аналогия с действиями «боголюбцев» в XVII в., запретом царя Алексея Михайловича на «сказывание сказок» и пр.). В начале ХХ в. авторитетный советский психолог Л. С. Выготский утверждал, что «традиционный взгляд на сказку – глубочайшее неуважение к действительности», «значительная часть наших сказок, как основанных на... вредной фантастике... должна быть оставлена и забыта как можно скорее». Он отмечает, что так как «ребенок не дорос до научного понимания действительности, а потому нуждается в известных суррогатах мирообъяснения», ему можно слушать сказки, но при этом

ребенку «важнее знать, что этого в действительности никогда не было» (Выготский, 1991, с. 295, 297–298). С течением времени сказочно-мифологическая стадия развития пополнялась экзотическим содержанием (африканскими и южноамериканскими сказками и пр.). Влияние изменения ментальности современной России на развивающуюся психику молодого поколения проявилось в нанесении существенного ущерба развитию личности на природной и сказочно-мифологической стадиях, на которых формируются энергетическая, потребностно-мотивационная сфера и способность к когнитивному контролю эмоций и чувств (Сухарев, 2008).

Радикальные изменения в отношении условий воспитания молодежи на религиозно-этической стадии произошли в новейший исторический период дважды – в первые годы советской власти и в течение десятилетия после свержения этой власти оппозицией в 1991 г. И в том, и в другом случае возник диссонанс в преемственном взаимодействии указанных стадий развития личности. После политически инспирированной дискредитации коммунистических идеалов в самосознании населения России образовалась идеологическая пустота. В «постперестроечный» период прежняя коммунистическая идеология в самосознании людей довольно быстро замещается традиционным религиозно-этическим содержанием. Однако революция 1917 г. и перестройка с реформами конца XX в. нанесли психике людей несомненный ущерб.

Традиционное для русской этносреды сказочно-мифологическое содержание ментальности в указанный период российской истории вновь подверглось изменениям, подобным тем, которые произошли в XVII в.: государственное притеснение, например, народных свадебных и календарных обрядов, народного искусства в форме скomorошества, игрищ, «сказывания сказок», при насаждении «сверху» (среди «властных» сословий) весьма фривольных обычаев, практики пьяных застолий, театральных представлений и т. д., привнесенных, наряду с «польской модой» в одежду и быту, из Европы (Гальковский, 2000). Аналогично в 90-е годы XX в. традиционные народные сказки, фольклор и т. п. были вытеснены в СМИ и системе образования потоком «неоязычества», рекламой природы экзотических стран и продуктов питания (киви, манго и др.). Содержание этих информационных потоков, наряду с «экзотикой», до настоящего момента в нарастающей степени составляют порнография, культ насилия, видеообразы всевозможных «телепузиков», «покемонов», «мутантов», «космических демонов» и т. д. Нарушение развития эмоционально-

мотивационной сферы может обуславливаться, как уже отмечалось, сочетанием «выпадения», «замещения» и/или этнодифференцирующего образного содержания природной и сказочно-мифологической стадии развития личности с «перегрузкой» неподготовленной, эмоционально незрелой психики директивным введением религиозных этических норм.

Этнофункциональное развитие личности у большинства современных представителей духовенства, науки, интеллигенции и власти, призванных заниматься проблемой содержания образования и деятельностью СМИ, воспитанных в описанных выше кризисных условиях, вследствие указанных причин нарушено. Речь идет о поколении, детство которого (приблизительно с 2 до 9 лет) проходило в кризисный период после 1917 г. Это поколение в своих решениях и действиях будет с большой степенью вероятности руководствоваться осознанными и неосознанными мотивами, ориентированными на формальное восприятие «западных» ценностей, языка, «экзотических» культур «для пользы дела», что наблюдается в настоящее время. Аналогичных изменений в ментальности общества и личности следует ожидать, на наш взгляд, тогда, когда в период социальной зрелости вступит поколение, родившееся в самом конце 1980-х и начале 1990-х годов. Ослабление направленности российской ментальности на идеальный прообраз развития русской этносреды – *архегению* (Сухарев, 2008, с. 83–93), усиление ее внутренней неоднородности, «скачки», «замещение» и «выпадения» в коллективной памяти содержания ее этапов, как показывает приведенный выше беглый этнофункциональный анализ современной российской ментальности, может привести как к нежелательно резким системным общественным трансформациям, так и негативным последствиям для отдельной личности.

Экспериментально-психологические этнофункциональные исследования выявили связь между описанными явлениями в российской ментальности (и, соответственно, в содержании образования) – и определенными психопатологическими и социально отклоняющимися проявлениями личности, криминальным поведением (Чулисова, 2010, с. 103–113).

Эмоциональная незрелость личности (как следствие резких нарушений развития ментальности ее этносреды) неспособна обеспечить органичное усвоение нравственных норм на религиозно-этической стадии развития. В результате может возникнуть лишенное душевности, эмоционально выхолощенное и лишь внешне правильное

религиозное морализирование. И действительно, в постперестроечный период, например, православная этика зачастую усваивались людьми всех возрастных категорий недостаточно прочувствованно, без необходимой предварительной подготовки и зрелости чувств. Это могло проявляться либо в поверхностном, либо, напротив, в гипертрофированном отношении к религии. К. Г. Юнг отмечал, что невротические расстройства так или иначе всегда имеют в своей основе нерешенные мировоззренческие проблемы. Таким образом, нарушение конфессиональной идентичности личности, как следствие нарушения ее развития на религиозно-этической стадии, согласно эмпирическим исследованиям, может обуславливать психические расстройства, как минимум, невротического уровня.

Этнофункционально искаженное содержание природной и сказочно-мифологической стадии и слишком раннее начало этического воспитания (период после 1917 г.) связано с ростом личностной тревоги и депрессивных тревожных расстройств (Сухарев, Степанов, 2006, с. 102–103) и с нарушением развития личности (Выдрина, 2007; Шапорева, 2007). Рост тревоги является фактором риска возникновения не только аффективных и психосоматических расстройств, но и никотиновой и алкогольной зависимостей, опийной наркомании (Пятницкая, 1994; Сухарев, Тимохин и др., 2007), криминального поведения (Антонян, Еникеев, Еминов, 1996). Резкое «размывание» системы этических норм в общественном самосознании в начале 1990-х годов обусловило соответствующие деформации в системе образования и создало почву для обвального роста употребления наркотических средств и психоактивных веществ современными подростками 12–16 лет и молодежью в целом (Шустова, 2007).

В свою очередь, например, сорокалетние люди, воспитывавшиеся в эпоху хрущевской «оттепели», – учителя, представители СМИ, сотрудники Министерства образования и науки и даже священнослужители, – как правило, не видят ничего плохого в том, что детские книжки, мультфильмы и содержание воспитательных программ в значительной мере состоят из этнодифференцирующих элементов: экзотических сказок и образов природы, иностранной лексики, фразеологии, интонирования и пр. У представителей интеллигенции часто не вызывает тревоги и слишком раннее (до 5 лет) активное приобщение детей к религии, к изучению иностранных языков или чтение им авторских сказок, появившихся в России в конце XVIII в. и соответствующих стадии Просвещения в развитии лич-

ности, перед которой должны идти природная, сказочно-мифологическая и религиозно-этическая стадии. А от священнослужителей очень часто приходится слышать о «неполезности» сказок о леших, водяных и пр. – персонафицированных образах эйдосов природных стихий (Флоренский, 1994, с. 27–60) – для детей в православных семьях вследствие их «языческого происхождения». Неправомерность приведенных выше положений подтверждается нашими эмпирическими исследованиями (ссылки указаны выше).

В целом, результаты этнофункционального анализа развития ментальности в системе «личность–этносреда», на наш взгляд, указывают на перспективность использования данного подхода для анализа и прогноза поведения человека в различных аспектах – как в общественно-историческом, так и в личностном.

Литература

- Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Еминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
- Авакум Книга толкований и нравочений // РИБ. Т. 39. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология: Сб. статей. Т. 1. М.: АН СССР, 1958. С. 275–330.
- Бердинских В. А. История города Вятки. Киров: Вятское книжное издательство, 2002.
- Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831.
- Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
- Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Варбург А. Великое переселение образов. СПб.: ИД «Азбука-классика», 2008.
- Выдрина Е. А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Репринт. Т. 1. М.: Индрик, 2000.
- Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993.
- Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005.
- Давыдов Ю. Н. Номотетический метод // Современная западная социология: Словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 227–228.
- Дерябо С. Д. Феномен субъективизации природных объектов: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
- Заозерский А. Н. Царская вотчина XVII века. М.: Соцэкгиз, 1937.
- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М.: Церковь, 1995.
- Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1989.
- Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009.
- Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
- Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004.
- Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. М.: Терра, 1992. Т. 1.
- Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV–первой половине XVI века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. В 8 т. М.: Изд-во политической литературы, 1957. Т. 3.
- Ключевский В. О. Курс русской истории: Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
- Коялович М. О. История русского самосознания. Минск: Лучи Софии, 1997.
- Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века. М.: Третий Рим, 2002.
- Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011.
- Лосев А. Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
- Марковская И. Ф. Задержка психического развития (клинико-невропсихологическая диагностика). М.: Компенс-центр, 1995.
- Миго А. Кхмеры (история Камбоджи с древнейших времен). М.: Наука, 1973.
- Морозов П. О. Очерки по истории русской драмы XVII–XVIII столетия. СПб., 1888.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.

- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., Наука, 2006.
- Панченко А. А. Народное православие. СПб.: Алетейя, 1998.
- Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: ЗАО «Журнал „Звезда“», 2008.
- Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович. СПб., 1913.
- Прозоров Л. Р. Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006.
- Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010.
- Пятницкая И. Н. Наркомании: Руководство для врачей. М.: Медицина, 1994.
- Рыбаков Б. А. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М.: Наука, 1993.
- Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Смирнов В. Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
- Сусоколов А. А. Структурные формы организации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сухарев А. В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009а. №3 (59). С. 123–132.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. №3. С. 118–127.
- Сухарев А. В. История ментальности общества: этнофункциональная парадигма // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К. В. Хвостова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011а. С. 45–89.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный анализ русской ментальности XVII века // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К. В. Хвостова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011б. С. 83–118.

- Сухарев А. В., Степанов И. Л. Этнофункциональный аспект особенностей развития депрессивных расстройств // Журнал прикладной психологии. 2006. № 3. С. 102–103.
- Сухарев А. В., Тимохин В. В., Щербакова О. Ф., Иванова Е. В., Латышева А. С., Рошупкина Т. Г. Исследование связи нарушений этнофункционального развития личности с химической зависимостью от некоторых психоактивных веществ // Наркология. 2007. № 1 (61). С. 45–54.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Тоффлер О. Футуршок. М.: Прогресс, 1972.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Флоренский П. А. Оправдание космоса. СПб.: РХГИ, 1994.
- Фрейд З. Я и Оно: Труды разных лет. В 2 т. Тбилиси: Мерани, 1991.
- Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007.
- Чулисова А. П. Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в психокоррекционной работе с осужденными за насильственные преступления // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 103–113.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989а.
- Щапов Я. Н. Церковь в Древней Руси // Русское православие / Под науч. ред. А. И. Клибанова. М.: Издательство политической литературы, 1989б.
- Шапорева А. А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук, М., 2007.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет. Петроград, 1916.
- Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
- Шустова В. О. Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y.: Harper and Row, 1975.
- Problèmes de la personne / Ed. I. Meyerson. Paris-La Haye, Mouton, 1972.

ЭТИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. И. Коннов

Тот факт, что психологи как профессиональная группа обладают набором этических норм, отличным от этики научного сообщества, частью которого они являются, указывает на то, что представители этой науки вынуждены строить отношения с социумом на иных основаниях, нежели ученые, представляющие другие дисциплины. Сам же факт существования особой научной этики, отличной от общепринятой, является индикатором того, что между наукой и институтами, выступающими от лица всего общества (речь идет в первую очередь о государстве, хотя и не только о нем) существует конфликт, скрытый за достигнутым в определенный исторический момент компромиссом. Система норм научного сообщества, расходящаяся по ряду направлений с универсальными моральными ориентирами, могла приобрести легитимность только при условии, что ее существование соответствовало интересам более широкой группы, внутри которой функционирует сообщество. В противном случае эта этика могла бы претендовать лишь на статус контркультуры. Более того, данные этические нормы должны быть нацеленными на обеспечение устойчивости достигнутого компромисса: наука не настолько закрыта от общества, чтобы можно было рассчитывать на невмешательство в ее внутренние дела просто на условиях выполнения ею своих обязательств. Возникновение же отдельной психологической этики, также как и биоэтики, экоэтики и других подобных систем, является отражением того, что условия «общественного договора» с наукой, сформировавшиеся во времена, когда она ассоциировалась главным образом с физикой и химией, не соответствуют задаче урегулирования конфликтов нового рода, возникающих в последнее время вокруг наук о жизни и о человеке.

Классическое изложение сути «договора» между обществом и наукой содержится в работах социолога Р. Мертон. Причины, по которым общество согласно признать автономию науки и оказывать ей поддержку, Мертон находит лежащими на поверхности: «Возрастающие удобства и преимущества, источником которых является технология и в конечном счете наука, призывают к социальной поддержке научных исследований. Кроме того, они удостоверяют чистоту помыслов ученого, поскольку абстрактные и сложные теории, которые не могут быть поняты и оценены обывателем, предположительно обретают доказательство, понятное для всех, а именно – свое технологическое применение. Готовность к признанию авторитета науки в значительной степени опирается на повседневную демонстрацию ее могущества. Не будь таких косвенных доказательств, устойчивая социальная поддержка науки, остающейся интеллектуально непостижимой для публики, вряд ли смогла бы подпитываться одной лишь верой в нее» (Мертон, 2006, с. 758). Общество все время требует новых доказательств могущества науки, а добыть их можно, лишь обеспечив стабильное поступление знания, годного к превращению в технологии: «Институциональная задача науки – приумножение достоверного знания. Технические методы, используемые для достижения этой цели, дают релевантное определение того, что такое знание: это эмпирически подтвержденные и логически согласованные предсказания. Институциональные императивы (нравы) вытекают из этой задачи и этих методов» (там же, с. 770). Мертон выделяет четыре основных императива такого рода: универсализм, «коммунизм», незаинтересованность и организованный скептицизм. «Универсализм находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены *заранее установленным безличным критериям*: должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием. Согласие или отказ внести эти притязания в анналы науки не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника; его раса, национальность, религия, класс и личные качества сами по себе нерелевантны» (с. 770–771). Императив «коммунизма» подразумевает, что «фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена... Право собственности в науке сводится рациональными основаниями научной этики к самому минимуму. Притязания ученого на „свою“

интеллектуальную „собственность“ ограничиваются притязаниями на признание и уважение, которые, если данный институт функционирует хотя бы с минимальной степенью эффективности, приблизительно соразмерны значимости того нового, что он внес в общий фонд знания» (с. 775). В свою очередь, норма незаинтересованности, или бескорыстности, как переводят «disinterestedness» некоторые отечественные авторы, «предписывает ученому строить свою деятельность так, как будто кроме постижения истины у него нет никаких других интересов. Р. Мертон излагал требование бескорыстности как предостережение от поступков, совершаемых ради достижения более быстрого или более широкого профессионального признания внутри науки» (Этос науки, 2008, с. 126). И наконец, организованный скептицизм – императив, «требующий по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключающий возможность некритического приятия» (там же, с. 127).

Императивы не обладают безусловным значением для ученых; напротив, их фактическое влияние ограничивается целым рядом условий. Во-первых, они представляют собой идеал, который далеко не всегда воплощается в жизнь: «В определенной мере, эти нормы можно сравнить с библейскими заповедями (не убий, не укради и т. д.), которые тоже постоянно нарушаются в реальной жизни, но сохраняются как нравственная основа возможности функционирования человеческого общества» (с. 131). Во-вторых, они имеют характер идеологии, которую гораздо чаще стремятся навязать другим, чем соблюдать. Этос науки нужен прежде всего научному сообществу как целому, которое может сохранить свой общественный статус только при условии, что императивы будут соблюдаться в достаточной мере, чтобы не подорвать приток достоверных знаний, в то время как для многих ученых уклонение от их соблюдения может нести ощутимые выгоды. В-третьих, эти нормы относятся главным образом к фундаментальной, «чистой» науке, существующей в той самой башне из слоновой кости. Чем ближе конкретный исследователь к прикладной сфере, к разработке непосредственно технологий, тем сложнее становится следовать этосу.

Приведенные оговорки ограничивают сферу применения императивов Мертона, но, с учетом этих ограничений, его описание остается на сегодняшний день наиболее последовательным выражением научной этики. В то же время Мертон не скрывал, что за каждым из императивов стоят противоречия между учеными и обществом. Так, научный универсализм может расходиться с требованиями

демонстрировать патриотизм, исходящими от политических структур. Чем жестче звучат эти требования и чем сложнее ситуация в международных отношениях, тем выше напряжение между политикой и наукой. Критических показателей оно достигало, например, в 1930-е годы в СССР, в политическом руководстве которого преобладало представление о стране как «осажденной крепости», замкнутой в кольцо врагов. Эти настроения выразились в кампании против «космополитизма» и «сервильности» перед западной наукой, главный смысл которой заключался в том, чтобы установить разные критерии оценки для научных результатов, полученных в Союзе и за рубежом.

Вряд ли может вызвать удивление, что норма «коммунизма», напротив, пользовалась в СССР широкой политической поддержкой. Однако сам этот термин, автоматически вызывавший мощный поток политических ассоциаций, возможно, был выбран Мертоном именно для того, чтобы подчеркнуть отличие научной этики от норм, господствовавших в американском обществе: «Коммунизм научного этоса несовместим с определением технологии как „частной собственности“ в капиталистической экономике» (Мертон, 2006, с. 777). За последние десятилетия, которые можно охарактеризовать как эпоху практически безраздельного господства идеологии свободного рынка, эта несовместимость стала гораздо более заметной, а конфликт вокруг нее – острее. Процесс нарастания напряжения в научном сообществе был охарактеризован группой авторов из Аризонского университета, считающих, что в науке устанавливается режим «академического капитализма», явно противоречащий мертоновскому этосу (Slaughter, 2009).

Незаинтересованность, в принципе, выглядит императивом, накладываемым на ученых чрезмерно жесткие ограничения, которые вряд ли могут полностью соблюдаться. Никто не может всерьез рассчитывать на то, что сегодняшнее многомиллионное научное сообщество будет состоять сплошь из энтузиастов, обладающих какой-то уникальной любознательностью и альтруизмом, которые полностью вытесняют их эгоистические побуждения. Тем не менее сообщество вынуждено заявлять о своей приверженности этому идеалу. Помимо надежды на новые технологии, ценность которых перекроет любые предшествовавшие затраты, основанием безвозмездной поддержки научной работы является представление об ученых как о людях особого склада, отличительная черта которых – пренебрежение материальной выгодой. Человек науки обладает статусом

глашатая объективных истин, притом проверка этих истин часто недоступна дилетанту и может быть осуществлена только столь же хорошо подготовленным и оснащенным специалистом. Понятно, что право сообщать сведения, заведомо получающие статус объективных, открывает широкое поле для злоупотреблений, которые, будучи выявленными, подтачивают авторитет науки и способны лишить ее общественной поддержки. Противопоставить подозрениям, что ученые используют свой экспертный статус в личных целях, можно лишь заверения в том, что корыстным людям нет места в научном сообществе, подкрепленные существованием механизма перепроверки исследовательских результатов: «в социальной организации науки есть целый ряд элементов, которые принудительно обеспечивают добропорядочность. Научное исследование, если и не всегда, то как правило, проводится под тщательным наблюдением коллег-экспертов и за исключением редких случаев предполагает возможность сторонней проверки результатов. Научный поиск является объектом столь тщательного контроля, который, возможно, не встречается ни в какой другой сфере человеческой деятельности» (Merton, 1973, p. 311). Но даже и такой контроль далеко не всегда позволяет исключить манипулирование данными и откровенные подлоги, как, например, в случае с известным английским психологом К. Бертом, после смерти которого выяснилось, что колоссальная часть его работ, публиковавшихся в авторитетных научных изданиях, представляла собой от начала до конца – вплоть до вымышленных соавторов – сфабрикованный материал. Подобные истории дают основания для давления на науку с целью сокращения ее автономии, ради сдерживания которого ученым приходится раз за разом заявлять о своей приверженности в общем-то чрезмерно строгому идеалу бескорыстности.

Императив организованного скептицизма дополняет императив незаинтересованности в качестве механизма обеспечения последнего, но в то же время сам оказывается причиной для практически неизживной враждебности к науке со стороны общественных институтов: «Наука как будто бросает вызов „удобным властным допущениям“ других институтов, просто подчиняя их беспристрастному анализу... Большинство институтов требует беспрекословной веры; институт науки, напротив, возводит скептицизм в ранг добродетели. Каждый институт в этом смысле предполагает сакральную область, которая противится профанному исследованию средствами научного наблюдения и логики. Институт науки и сам предполагает

эмоциональную приверженность определенным ценностям. Однако независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя в обращении с ней предписанным некритическим и ритуалистическим образом. Он не устанавливает заранее никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует некритического почтения, и тем, что можно объективно анализировать» (Мертон, 2006, с. 763–764). Постоянно раздражаемые возможностью такого вторжения институты смиряются с существованием науки исключительно благодаря тому, что тот же самый скептицизм обеспечивает поступление технологических новшеств. Любое же сомнение в ее способности поддерживать устойчивый поток новинок или в их полезности сразу же высвобождает стремление лишить науку закрепленного за ней статуса, вернув к роли «служанки теологии, экономики, или государства» (там же, с. 758).

При этом наука неоднородна, ее дисциплины заметно различаются как по характеру получаемых результатов, так и по своему общественному статусу. Утверждение единой организационной схемы (общие степени кандидата и доктора наук, общая структура НИИ и лабораторий, объединение всех специальностей в рамках союзной и республиканских академий и т. д.) для всех дисциплин, при которой все они признавались в равной мере научными – от физики до юриспруденции, – является особенностью отечественной научной культуры, во многом связанной с особым статусом марксистской философии, признанной в советский период одновременно и наукой (то есть дисциплиной, которая способна получать результаты не менее достоверные, чем естественнонаучные), и господствующей идеологией, которая охранялась с помощью политических инструментов. Таким образом, заявление о марксистском характере любого исследования позволяло ему претендовать на научность, в то время как оспаривание этой претензии заводило любого критика в опасное поле идеологических споров, в котором даже приверженность строго научной позиции с опорой исключительно на опытные данные могла навлечь на него встречные обвинения в «буржуазном» позитивизме. Связь гуманитарной науки с господствующей идеологией вовсе не является уникальным советским феноменом и в той или иной степени существует всегда и везде, но в случае с СССР данная связь позволила гуманитарным дисциплинам значительно повысить свой статус относительно естественнонаучных. Напомним при этом, что,

в соответствии с логикой рассуждений Мертона, только естественные науки являются науками в строгом смысле этого слова и только к ним применима научная этика, а интеллектуальная деятельность, не имеющая связи с созданием новых технологий, не может претендовать на те же привилегии и ту же защищенность.

В отличие от технологий, которые основаны на закономерностях, открытых естественными науками, интеллектуальные продукты, создаваемые с помощью гуманитарных дисциплин, не обладают столь же очевидной ценностью: породить что-либо сопоставимое с электроэнергетикой, авиацией или современной медициной они не способны. Это не означает, что все они сводятся к идеологии, придающей наукообразную форму классовым интересам, просто большинство предлагаемых ими новаций оказываются полезны только отдельным группам. В качестве примера таких новаций можно упомянуть изначально возникший в рамках социологии анкетный опрос, который заметно изменил организацию как публичной политики, так и массового производства, но при этом остающийся для большинства людей не более чем любопытным источником информации, слабо влияющим на повседневные решения. Другой пример – психоаналитическая терапия, ставшая важной частью жизни для многих европейцев и американцев, однако проникновение которой ограничивается кругом людей с доходами не ниже западных стандартов для среднего класса и которая с точки зрения массового потребления стоит ближе к предметам роскоши, чем к необходимым продуктам. В принципе, даже открытия, которые совершает историческая наука, редко бывают интересны всем, гораздо чаще раскалывая общество на тех, кто приветствует установление «новых фактов истории», и тех, кто возмущен «историческими манипуляциями». Таким образом, гуманитарные дисциплины, неспособные предложить технологии, преобразующие жизнь «снизу доверху», имеют гораздо меньше оснований претендовать на привилегированный статус, связанный с «научностью», и вынуждены строить свой компромисс с обществом на других началах. В свою очередь, поддерживаемая сообществом тех или иных специалистов этика отражает условия этого компромисса.

История психологии как особой научной специальности начинается именно с ее утверждения в качестве экспериментального направления. Ее отправной точкой принято считать основание лаборатории В. Вундта, использовавшего две основные методики – хронометрирование различных психических операций и «экспе-

риментальное самонаблюдение», в соответствии со строго прописанной процедурой и под контролем экспериментатора. Последний подход предполагал описание внутренних переживаний, возникавших в лабораторных условиях под воздействием стимулов, которым можно было присвоить численную величину и, таким образом, сопоставлять самонаблюдения с определенной шкалой. Изучению с помощью вундтовских методик были доступны только простейшие психические феномены: скорость реакции, изменение ощущений, вызванных различными стимулами, скорость воспоминаний и т. п. Более сложные интеллектуальные операции Вундт считал лежащими за пределами экспериментальных возможностей и в принципе за пределами строго научного изучения. Психология вундтовского формата могла претендовать на место нового ответвления физиологии, оставаясь при этом академичной и не слишком увлекательной для широкой публики дисциплиной, – об измерительной психологии того периода В. Джеймс позже заметил, что такое направление могло возникнуть только в стране, жители которой в принципе не способны испытать скуку. Но уже современники Вундта попытались выйти за очерченные им пределы. К примеру, О. Кульпе модифицировал технику самонаблюдения, с тем чтобы исследовать логические умозаключения и принятие решений, – попытка, встреченная решительной критикой самого Вундта.

Так или иначе, к началу XX в. психологические эксперименты стали заметной частью университетской жизни по обе стороны Атлантики, породив огромное количество математических данных, публикуемых в виде пространственных таблиц и графиков, – материал как нельзя более подходящий для применения быстро развивавшихся методов статистической обработки. В результате в сообществе психологов выделилось направление, нацеленное на исследование индивидуальных различий преимущественно на основе статистического сопоставления выборок. Такой подход означал отступление от научности в строгом понимании этого слова: коэффициенты корреляции, получаемые в подобных исследованиях, не могли служить однозначным свидетельством причинно-следственной связи. Однако математический характер получаемых таким образом результатов работал в пользу наукообразности проводимых исследований, а здравый смысл во многих случаях подталкивал к тому, чтобы игнорировать теоретические проблемы, связанные с каузальностью, и рассматривать корреляты в ракурсе причинно-следственных отношений.

Если в Европе эти новации оставались достоянием университетских психологов и, в меньшей степени, медиков, то в Новом Свете, где наука не пользовалась тем уровнем государственной поддержки, который существовал в ведущих европейских державах, они стали предпосылкой настойчивых попыток психологии выйти в сферу практического применения. Первым направлением психологической практики стало школьное образование: ученик Вундта С. Холл оказался главной фигурой американского движения за изучение ребенка, развернувшегося в последнее десятилетие XIX в. Задачей этого движения было добиться исчерпывающего понимания детской психологии, с тем чтобы полностью перестроить систему образования на новой научной основе. Движение приобрело национальный характер и оказало существенное влияние на американские школы и дошкольную подготовку. Однако многие выводы Холла, преподносившиеся как результаты научных исследований, имели достаточно спорный характер. К примеру, по его мнению, положение единственного ребенка в семье оказывает разрушительное влияние на его личность, значительно затрудняя дальнейшую социальную адаптацию, а совместное обучение мальчиков и девочек сокращает учебные возможности обоих полов.

Примерно в это же время началось взаимодействие психологов и предпринимателей: Х. Гейл приступил к исследованию рекламного дела в 1895 г., а в 1903 г. В. Скотт опубликовал монографию по психологии рекламы. Другим направлением сотрудничества, опиравшимся на психологию индивидуальных способностей, был подбор кадров. Одной из главных фигур в этой области стал Х. Мюнстерберг, заявлявший, что психология способна определить необходимые психические характеристики, востребованные на том или ином рабочем месте, и на этой основе подобрать идеально подходящего для него работника. К 1914 г. психологические тесты стали распространенным инструментом оценки кандидатов при приеме на работу, штатные психологи появились в кадровых службах целого ряда крупных компаний, а консультанты по подбору профессии, работавшие на рынке труда со стороны «предложения», успели создать собственную национальную ассоциацию.

Все эти попытки найти психологии практическое применение, хотя их и нельзя назвать безуспешными, характеризовались завышенными ожиданиями и неисполненными обещаниями в духе известного заявления Дж. Уотсона, что он может вырастить из любого младенца специалиста какого угодно профиля, при условии, что ему

предоставят полный контроль над ситуацией его взросления. Ненамного менее амбициозными были планы Холла по реформированию образования и Мюнстерберга касательно повышения эффективности экономики за счет психологического подбора кадров. То, что эти грандиозные планы не были полностью реализованы, конечно же, не означает, что усилия их авторов были бесполезны, и психология все же постепенно завоевывала авторитет в обществе, хотя и далеко не теми темпами, на которые эти авторы, возможно, искренне рассчитывали.

Перелому ситуации способствовала Первая мировая война, в ходе которой психология приобрела прочные связи с государственными структурами. За военные годы Американская психологическая ассоциация (АПА) успешно провела для американских вооруженных сил две программы – по тестированию интеллекта, в которой участвовали около 2 млн мобилизованных, и по профессиональному подбору, которую прошли около 3 млн военнослужащих различных родов войск. По оценке историков психологии, «участие психологов в работе, развернутой в связи с участием США в войне, имело важное значение как для широкой общественности, так и для психологической дисциплины. Усилия психологов, особенно в программе профессионального подбора, были признаны в высшей степени успешными и в государственных структурах, и в обществе в целом. После окончания войны столь высокая оценка открыла перед психологами новые перспективы в области консультирования, и они не замедлили воспользоваться возможностями, открывшимися перед ними в прикладной сфере» (Benjamin, 2003, с. 33). Годы между мировыми войнами были отмечены ростом психологии по всем направлениям – и в качестве науки, и как направления бизнес-консультирования, и в сфере клинической практики. К началу Второй мировой она была представлена уже гораздо более многочисленным и организованным сообществом, участие которого в обеспечении боевых действий оказалось еще более масштабным: «Вклад психологов был заметно разнообразнее и включал набор служащих, подбор должностей, профессиональную подготовку, разработку оборудования, пропаганду, опросы населения в США и за рубежом, наблюдение и тестирование военнопленных, исследование морали, разведку и персонологические исследования, включая анализ Адольфа Гитлера» (там же, с. 35).

Весь период с 1914 по 1945 гг. был отмечен практически полным игнорированием вопросов этики в психологии: «Обсуждение этичес-

ких вопросов было редкостью, хотя исследования, в которых имели место манипулирование с помощью обмана, вторжение в частную жизнь, разглашение относящихся к ней сведений и нарушение норм конфиденциальности, встречались повсеместно и не вызывали вопросов с точки зрения их соответствия традиционным научно-исследовательским подходам. Более того, любой инициатор дискуссий по поводу этики рисковал навлечь на себя подозрения в том, что он не перерос свое донаучное состояние и пытается перетянуть в науку вопросы, которые в ней неуместны. Другими словами, озабоченность этичностью общепринятой и всеми используемой научной методологии могла рассматриваться как признак недостаточной зрелости, препятствующей участию в научном предприятии» (Kimmel, 2007, с. 10).

Однако после завершения войны психология, как и вся наука в целом, столкнулась с резко возросшими антинаучными настроениями. И если для физиков и химиков главной причиной перемен в отношении общества к их работе стало оружие массового поражения, в первую очередь, конечно же, атомное, то на отношении к наукам о человеке прямо сказались чудовищные факты опытов над людьми, вскрывшиеся при расследовании военных преступлений нацистского режима. В ходе Нюрнбергских процессов также выяснилось, что в правовом обороте отсутствуют специальные нормы, регулирующие проведение опытов с участием людей. В частности, защита подсудимых по делу Карла Брандта и других («Делу врачей»), которое рассматривалось уже после завершения работы Международного военного трибунала американским военным судом, указала на то, что незаконное экспериментирование не имеет законодательного определения и, соответственно, обвинение не может строиться на факте нарушения несуществующей нормы. В свою очередь, главный консультант суда по медицинским вопросам Л. Александер предложил определение законного и этического эксперимента, содержащее шесть пунктов, которые в ходе работы трибунала были дополнены еще четырьмя. Вместе эти положения составили так называемый Нюрнбергский кодекс, который в дальнейшем послужил основой для нормативных актов, устанавливающих требования к исследованиям с участием людей. Первое и главное положение кодекса заключалось в необходимости получения добровольного согласия испытуемого: «Добровольное согласие человека, выступающего испытуемым, является безоговорочно необходимым. Такое согласие подразумевает, что данное лицо должно обладать правоспособно-

стью выразить согласие; должно располагать возможностью сделать свободный выбор, защищенный от влияния силы, мошенничества, обмана, принуждения, завышенной оценки возможностей или иных скрытых форм ограничения свободы, или насилия; и должно обладать необходимыми знаниями и пониманием элементов предмета исследования, которые позволяют ему принять осознанное решение, основанное на верном понимании ситуации. Из последнего аспекта вытекает требование, согласно которому прежде чем испытуемый примет положительное решение, ему необходимо сообщить цель эксперимента, разъяснить его природу, предупредить о его продолжительности, осведомить о методах и технических средствах, которые будут использоваться в эксперименте, а также проинформировать о влиянии на его здоровье или его личность, которое может оказать участие в эксперименте. Обязанность получить подтверждение подлинности согласия лежит на лице, которое инициировало эксперимент, управляет им или участвует в нем в качестве экспериментатора; данное лицо также несет ответственность за неисполнение этой обязанности. Данная обязанность имеет личный характер, и ее делегирование другому лицу не влечет за собой прекращение ответственности» (The Nuremberg code, 2012).

В соответствии с другими положениями Нюрнбергского кодекса, эксперименты с участием людей должны быть нацелены на результаты, способные принести пользу обществу, которые невозможно получить каким-либо другим путем (п. 2), притом что риск, сопряженный с экспериментом, должен быть оправдан «гуманитарной важностью» задачи, которую он решает (п. 6). При этом эксперименты такого рода должны осуществляться только после тщательного изучения проблемы, включая предварительные опыты на животных (п. 3), и при условии принятия всех мер предосторожности, защищающих испытуемых от любой угрозы жизни или здоровью (п. 4, 5, 7), а в роли экспериментаторов могут выступать исключительно специалисты высшей научной квалификации (п. 8). Наконец, и испытуемому, и экспериментатору должна быть доступна возможность прекратить эксперимент в любой момент: первому в случае «достижения физического или психического состояния, в котором продолжение эксперимента представляется ему невозможным» (п. 9), последнему – если он видит угрозу испытуемому (п. 10) (там же).

Резонанс от Нюрнбергского процесса и влияние разработанного военным судом свода довольно быстро затронули психологию: АПА

начала разработку собственного этического кодекса уже в 1947 г. Однако предпосылки этого шага не исчерпывались Нюрнбергом. В ходе Второй мировой американским психологам удалось вывести практическое применение психологии на новый уровень: массовое тестирование военнослужащих и распределение кадров на основе результатов тестов, разработка пропагандистских методик и методов психологического давления на противника, работа с разведкой и т. д. – после окончания войны все это оставило в руках у психологов множество обкатанных инструментов, в применении которых были заинтересованы как правительственные структуры, так и предприниматели. Как отмечал Р. Мертон, массовое продвижение ученых в практическую сферу логичным образом влечет за собой рост риска злоупотреблений: «Стимулы к уклонению от соблюдения нравов науки развиваются в той мере, в какой отношение „ученый–обыватель“ становится главенствующим. Когда структура контроля, осуществляемого квалифицированными коллегами, оказывается неэффективной, вступают в игру злоупотребление экспертной властью и создание псевдонаук» (Мертон, 2006, с. 779). Именно этот эффект – расширение взаимодействия психологов с другими профессиональными группами, часто на коммерческой основе, – послужил предпосылкой для резкого роста внимания к вопросам этики: «Таким образом, запрос на этический кодекс возник, по крайней мере, отчасти как результат роста внимания к проблемам профессиональной психологии. Выдвижение прикладной психологии, по большому счету, разрушило существовавшую ранее уверенность, что психологические исследования не вызывают этических противоречий, являются ценностно-нейтральными и, в конечном счете, нацелены на рост доступных человеку благ» (Kimmel, 2007, с. 28).

Разработкой стандартов, ставших в новых условиях необходимыми, занялась АПА, принявшая в 1953 г. после длительной работы, которая включала опросы членов ассоциации, широкое обсуждение предложений и публикацию нескольких предварительных версий, «Этические стандарты психологов». В отношении экспериментов с участием людей «Стандарты» устанавливали требование конфиденциальности, допускающее разглашение личностей участников только в случае их явно выраженного согласия, а также принцип ответственности экспериментатора перед испытуемыми, из которого следовала возможность предъявления претензий со стороны последних, хотя и не дополненная никакими механизмами реализации этого принципа. В следующей версии кодекса, подготовленной

к 1959 г., к ним добавились требования добровольного информированного согласия и исключения любых негативных последствий для испытуемых.

Документы АПА набирали влияние постепенно, параллельно с ростом популярности психологии и психологических экспериментов. Важным моментом для расширения влияния этического контроля явилась критика исследований, которые по тем или иным причинам оказывались в центре внимания как психологического сообщества, так и широкой общественности, и при этом были этически небезупречны. Наиболее известным среди них стал эксперимент С. Милграма. Так сложилось, что задача этого эксперимента заключалась как раз в том, чтобы определить, в каких условиях обычные люди могут совершать бесчеловечные преступления, подобные тем, которые совершали нацистские экспериментаторы. В ситуации, срежиссированной Милграмом, добровольцам сообщалось, что им предстоит принять участие в изучении влияния наказания на обучение. В соответствии с указаниями экспериментатора, им следовало зачитывать пары слов другому испытуемому (на самом деле – сотруднику Милграма), которые тому нужно было повторять. Каждая ошибка в повторении наказывалась ударом током, напряжение которого постепенно увеличивалось, достигая высшей отметки в 450 В. Несмотря на то, что все происходящее было постановкой и действия добровольцев никому никаких страданий не причиняли, вся ситуация была построена таким образом, чтобы убедить их, что они действительно наносят удары током другому человеку, которые заставляют его вскрикивать, которые он требует прекратить, и от которых он в итоге теряет сознание. Наблюдая за людьми, оказавшимися в ситуации, когда им дают указание причинить боль другому человеку, Милграм пытался выяснить, что именно предопределяет готовность человека исполнить явно жестокое и, в принципе, не необходимое действие.

Результаты эксперимента показали неожиданно высокую готовность людей подчиняться в подобной ситуации: в базовом варианте эксперимента из 40 человек 26 (65%) выполнили все указания экспериментатора, включая два удара с разрядом 450 В человеку, который, как они думали, уже был в обмороке. При этом участники эксперимента демонстрировали самые разные признаки стресса – истерически смеялись, вскакивали с места, просили прекратить процедуру и т. д., но, тем не менее, большинство из них продолжало подчиняться указаниям (Milgram, 1974).

В 1964 г. исследование Милграма было удостоено премии Американской ассоциации содействия развитию науки, а со временем было признано одним из главных социально-психологических экспериментов XX в. Одновременно Милграм подвергся атаке целого ряда критиков, указывавших на недопустимость использованной им экспериментальной процедуры. Их главные аргументы сводились к тому, что, во-первых, эксперимент не предусматривал никаких мер, чтобы защитить участников от вреда; во-вторых, он продолжался вопреки тому, что участники явно демонстрировали признаки моральных страданий, после чего его следовало немедленно прекратить; и, в-третьих, эксперимент принес психологии меньше пользы, чем нанес вреда: то, что пережили участники, по мнению критиков, навсегда отвратило их от участия в психологических исследованиях, а в целом эксперимент явно способствовал дискредитации психологов.

Сам Милграм не пытался отмахнуться от этой критики, а подробно отвечал на все опубликованные претензии. По его мнению, условия эксперимента исключали какую-либо реальную угрозу участникам, а значит и не требовали никаких особых процедур обеспечения безопасности. Эксперимент также не создавал никаких ограничений свободы – каждый из участников мог в любой момент отказаться от продолжения или просто уйти. Что же касается мнений, которые сложились у них в результате этого опыта, Милграм приводил в свою защиту результаты проведенного после завершения опроса, в котором участники, каждому из которых подробно объяснялись ранее неизвестные им подлинные цели эксперимента, в основном отзывались о нем как об интересном и полезном предприятии и не выражали каких-либо предубеждений против психологии. Милграм не ограничивался защитой и указывал на то, что, по его мнению, основной причиной возмущения является вовсе не этическая несостоятельность эксперимента, а его результаты, прямо указывавшие на обманчивость многих базовых представлений о свободе воли и ответственности, на которых в обществе строится нормативное регулирование поведения. Для многих расставание с иллюзией того, что поведение человека определяется преимущественно его моральными установками, а не ситуативными факторами, означало разрушение всей привычной картины социального мироустройства.

Итоги дискуссий вокруг этически неоднозначных исследований, подобных милграмовскому, нашли отражение в новом кодексе «Этические принципы психологов» 1973 г., содержащем уже более раз-

вернутые положения по вопросу экспериментов с участием людей. В первую очередь, они предусматривали необходимость этической оценки эксперимента на этапе планирования (п. 9А–9С). На новый уровень было выведено требование информированного согласия: полное информирование о содержании эксперимента принималось за общее правило (п. 9D). Использование же обмана требовало соблюдения дополнительных условий: исследование должно было быть полезным с научной, образовательной или практической точек зрения, экспериментатор должен был предварительно убедиться в отсутствии альтернативных процедур, не требующих вводить кого-либо в заблуждение, а по окончании эксперимента – в кратчайшие сроки предоставить участникам разъяснения о его подлинных целях (п. 9Е и 9Н). Особо оговаривалось право человека на отказ от участия в эксперименте или на прекращение участия в любой момент, причем на экспериментатора возлагалась обязанность исключить любые ограничения этого права, связанные с зависимым положением студентов, сотрудников или клиентов (п. 9F). На экспериментатора также возлагалась обязанность защитить участников от любого потенциального вреда, возникшего в ходе или по завершении эксперимента (п. 9I). Наконец, закреплялся общий принцип конфиденциальности участия в эксперименте – в качестве исключения предусматривались случаи, когда согласие на разглашение информации получено заранее (п. 9J). Заметной новацией кодекса стала замена термина «subject», что можно перевести как «испытуемый», на «participant» – «участник». Этот шаг рассматривался как признание равноправного положения экспериментатора и участников эксперимента (Ethics in research..., 2000).

Результатом принятия кодекса 1973 г. стало отнюдь не разрешение этических проблем, связанных с психологическими исследованиями, а, скорее, извлечение их на обозрение публики и их классификация. Одним из следствий появления такой классификации стало ее активное применение, которое проблематизировало аспекты экспериментов, ранее как проблемные не воспринимавшиеся. Например, встал вопрос о том, следует ли считать вредом снижение самооценки в результате участия в эксперименте: если ранее разъяснение участникам подлинных целей эксперимента считалось достаточным для устранения негатива, возникшего вследствие того, что их обманули, то теперь появилась возможность подвести под категорию вреда неприятные эмоции, связанные с положением «одуроченного».

Кодекс 1973 г. просуществовал до 1992 г., когда был принят новый документ – «Этические принципы и профессиональный кодекс психологов». В свою очередь, его положения дважды подвергались пересмотру: в 2002 г., а ныне действующая версия была утверждена в 2010 г. Все три редакции имеют общую структуру, предусматривающую разделение кодекса на две части – декларативную и регулятивную. Первая включает идеалы психологической ассоциации, которые должны служить ориентиром для ее членов. Их пять: добронамеренность и непричинение вреда (*beneficence and nonmaleficence*), добропорядочность и ответственность (*fidelity and responsibility*), профессиональная порядочность (*integrity*), справедливость (*justice*) и уважение к правам человека и человеческому достоинству (*respect for people's rights and dignity*). Кодекс не предусматривает никаких механизмов реализации этих принципов или ответственности за их нарушение.

Вторая же часть, напротив, включает нормы, обязательные для членов АПА, предусматривает механизм рассмотрения нарушений и ответственность за них. Эта часть имеет десять разделов: «Рассмотрение этических вопросов», «Профессиональная компетенция», «Отношения между участниками психологической деятельности» и т. д. Положения, устанавливающие требование профессиональной компетентности исследователей, содержатся в разделе 2 (п. 2.04, 2.05). Раздел 3 устанавливает общие принципы взаимодействия профессиональных психологов с людьми, не имеющими такой подготовки. Среди них – требование прилагать разумные усилия, нацеленные на предотвращение вреда (п. 3.04), исключать конфликты интересов (п. 3.06) и действовать на условиях информированного согласия (п. 3.10). Главные же положения, регулирующие проведение исследований, содержатся в разделе 8 – «Исследования и публикации».

П. 8.02 детализирует требование информированного согласия и возлагает на экспериментаторов обязанность сообщать участникам, какие цели преследует эксперимент, сколько он продлится и какие методики будут использоваться; об их праве прекратить участие, даже после начала эксперимента, а также о возможных последствиях отказа от участия; о предвидимых факторах, которые могут повлиять на решение об участии, – рисках, дискомфорте, вреде; о потенциальной пользе исследования; об условиях конфиденциальности; о вознаграждении за участие. Также участнику необходимо сообщить координаты лица, к которому можно будет обратиться

за разъяснениями после завершения эксперимента. П. 8.05 определяет круг возможных исключений из правила информированного согласия: правило не применяется в случае проведения исследований, неспособных причинить вред или осуществляемых без нарушения привычного хода жизни испытуемых, – во всех других случаях исключения должны быть специально установлены законом.

В отношении обмана редакция 2010 г. подтверждает принцип предварительного сопоставления обманных процедур как заведомо наносящих вред с потенциальной пользой исследования, а также необходимость убедиться, что они являются единственным доступным способом получения искомых результатов (п. 8.07). После же завершения такого эксперимента экспериментатор обязан в кратчайшие из возможных сроки проинформировать участников о подлинном смысле проведенного исследования (п. 8.08) (*Ethical principles...*, 2012).

Нарушения обязательных норм кодекса рассматриваются Комитетом по этике АПА, который может принять решение об исключении нарушителя из ассоциации. Помимо этого, АПА может проинформировать другие организации или индивидов о нарушениях, причем в том числе и о тех, которые были совершены лицами, в ассоциации не состоящими. Понятно, что для психологов, работающих в научном секторе, подобная информация может оказать прямое влияние на перспективы трудоустройства.

Тем не менее, главным защитник этических норм в США – это отнюдь не АПА, а комитеты по этике при научных организациях. Комитеты такого рода стали появляться в середине 1960-х годов в соответствии с рекомендациями Департамента здравоохранения и социальных услуг, а в дальнейшем необходимость их создания была закреплена Законом о научных исследованиях 1974 г. Изначальной целью комитетов был контроль над медицинскими опытами, однако со временем, в том числе под влиянием дискуссий вокруг эксперимента Милграма, их влияние распространилось и на психологию. В настоящее время комитеты образуют разветвленную сеть, охватывающую практически все научные центры, которые ведут исследования с участием людей. Главный механизм, обеспечивающий их существование, – это требование согласовывать с комитетом по этике исследования, получающие финансирование от федеральных ведомств, которые являются основным источником средств для научных исследований как в области медицины, так и в области психологии. По общему правилу комитеты не могут

состоять из представителей одной научной специальности, в числе их членов должны присутствовать представители общественности. От последних ожидается, что они будут выражать точку зрения дилетантов, то есть собственно тех, кому предстоит стать участниками экспериментов. В силу этого в составе комитетов можно встретить представителей самых разных профессий – юристов, предпринимателей, социальных работников и т. д. Помимо этого, в комитетах удалось утвердиться разного рода специалистам по этике: профессорам литературы, философам и даже священникам. Комитеты выносят решения не только о соответствии рассматриваемых проектов правилам разъяснения участникам содержания исследования и получения информированного согласия, но и об их оправданности с точки зрения соотношения потенциального вреда и пользы. Именно в применении этой нормы в полной мере проявилась общественная оценка психологии, на которой отразилось падение авторитета науки. Причем психология, не имеющая возможности предъявить обществу созданные ею безотказно действующие технологии, оказалась в особенно уязвимом положении. Антинаучные тенденции лишь усилились в 1990-е годы после завершения «холодной войны» – в отсутствие значимого военного противника исчезло общедоступное обоснование необходимости продвигать науку широким фронтом. Суть этого обоснования заключалась в том, что, поскольку невозможно предсказать, открытия в какой области окажутся в будущем ключевыми для развития техники (в первую очередь, конечно же, военной), необходимо опережать потенциального противника по всем исследовательским направлениям. Лишившись данного аргумента, ученые-естественники оказались открыты критике со стороны представителей гуманитарных дисциплин, обвинявших их в абсолютизации позитивистского подхода к природе, в преувеличении своих возможностей и в пособничестве военно-промышленному комплексу. Разлом прошел по территории социологии: с «научной стороны» оказалась эмпирическая социология, ориентирующаяся на стандарты естественных наук, с гуманитарной – «культурные исследования», представители которых видели главную задачу социолога в критике существующих несправедливых порядков, выражающихся в дискриминации различных социальных групп – женщин, африканцев, сексуальных меньшинств и т. д. Психология оказалась на «научной» стороне этого спора и, соответственно, также не избежала критики.

Подоплека этого конфликта во многом скрывалась в том колоссальном уровне финансовой поддержки, которую естественные

науки получали от правительственных структур, в том числе относящихся и к Департаменту обороны США. Эти структуры поддерживали самые разные, иногда чрезвычайно далекие от военных технологий, направления, – например, финансировавшиеся по линии военно-морского флота психологические исследования русской культуры. При этом правом участвовать в большинстве конкурсов на исследовательские гранты, которые проводили федеральные ведомства, обладали только те проекты, которые соответствовали критерию научности, что в англо-американской традиции подразумевает необходимость предъявления эмпирических результатов. Это ставило дисциплины, ориентированные преимущественно на аналитические и спекулятивные методики – филологию, философию, искусствоведение и др. – в неравное положение: претендовать на финансирование из тех же источников они не могли. Однако в ситуации 1990-х в американской научной политике естественным образом встал вопрос о перераспределении средств, который послужил, по крайней мере, одной из причин «научных войн», развернувшихся между философами, социологами, литературоведами и другими сторонниками новых «культурных» или «критических исследований», с одной стороны, и учеными-естественниками – с другой.

Психологию этот конфликт затронул именно через комитеты по этике, в которых специалисты стали сталкиваться с совершенно неожиданными претензиями, предъявляемыми к их проектам. Примеры таких претензий приводит А. Киммел: запрет на включение в анкету вопроса о городе проживания романтического партнера, который расценен как неоправданное вторжение в частную жизнь; признание скучности экспериментальной процедуры в качестве наносимого участнику вреда; требование пересмотреть экспериментальную методику под предлогом того, что неудача экспериментатора может негативно сказаться на самооценке участников эксперимента, и т. д. (Kimmel, 2007). Он же приводит опубликованные психологами и социологами характеристики комитетов по этике: их процедура описывается как «откровенно унижительная», работа комитетов сравнивается с работой палача, орудующего топором, а сами комитеты ассоциируются с образом «адских врат». Киммел, в отличие от цитируемых им авторов, дает деятельности комитетов более взвешенную характеристику: «Возросшее влияние внешней экспертизы привело к росту обеспокоенности тем, что комитеты по этике или не обеспечивают должную защиту участников экспериментов от вреда или же, наоборот, выходят за рамки предписанной

им роли, пытаясь поместить поведенческие и социальные исследования в рамки, установленные для биологических и медицинских экспериментов, и превращая осуществление планов многих исследователей во все более сложную задачу» (там же, с. 282).

Конечно же, американская ситуация сформирована набором уникальных для этой культуры факторов. Чрезвычайно короткий путь от любого столкновения интересов до судебного разбирательства делает научно-исследовательские организации очень внимательными к любым возможным нарушениям, которые могут совершить их сотрудники в отношении третьих лиц, и именно это в значительной степени предопределяет жесткость, демонстрируемую комитетами по этике. Далее, финансирование фундаментальной науки, исчисляемое десятками миллиардов, неизбежно повышает напряженность внутренней борьбы в научном сообществе и неразборчивость в выборе инструментов этой борьбы, одним из которых служат обвинения представителей конкурирующей дисциплины или организации в нанесении общественного вреда. Наконец, жесткое разделение наук на «настоящие», то есть эмпирические, и «гуманитарные дисциплины», дало последним сильный импульс к борьбе за свой статус, которая развернулась в том числе и на поле научной этики.

В целом же опыт США, где работает около половины всех психологов мира и где проблема психологической этики получила наиболее детальную теоретическую и практическую проработку, демонстрирует, что ее значение находится в сильной зависимости от общественного настроения. Наиболее важным и нужным этическое регулирование оказывается в моменты, когда влияние и популярность науки находятся на пике, ученые пользуются всеобщим уважением, а оценивать «объективные» научные исследования с точки зрения морали считается неуместным. Именно при таких настроениях наиболее вероятны эксцессы, связанные с опытами на людях, и, хотя психология не дает примеров откровенно бесчеловечного обращения с испытуемыми, в ней присутствуют направления, способные породить негуманные экспериментальные подходы. Однако этическая оценка исследовательской работы выходит на передний план в периоды, когда наблюдается падение влияния науки и рост антисциентистских настроений. Если в сфере биологии и медицины эта оценка является во многом оправданной, то психология дает гораздо меньше поводов для столь пристального внимания, и по отношению к ней этический контроль довольно быстро превращается в инструмент реализации антинаучных настроений и личных ам-

биций. При этом важно подчеркнуть, что сам факт существования этического кодекса слабо влияет на этико-охранную деятельность. В главной роли выступает практика применения этических норм, а точнее – ее связь с контролем над колоссальными ресурсами, выделяемыми на научные исследования из федерального бюджета США.

Конечно же, психологическая этика имеет отношение не только к исследовательской работе, но и к сфере психологической практики, тем более что исследователи составляют лишь около 15% всех психологов, причем эта доля распределяется неравномерно и в развивающихся странах она падает до 3–4% (Андреева, 2003). Россия, «где на многочисленную армию психологов-практиков приходится два НИИ, созданные еще в советские времена, к которым лишь в самое последнее время присоединился третий» (Юревич, 2010, с. 162), полностью соответствует этой тенденции. Сфера же околонаучной практики представляет благодатную почву для разнообразных злоупотреблений. В российских же условиях ситуация усугубляется тем, что большинство населения обращается к судебной защите только в самом крайнем случае, и при этом отсутствуют развитые механизмы общественного контроля над профессиональными сообществами со стороны соответствующих ассоциаций. Более того – хотя злоупотребления научным авторитетом психологии со стороны различного рода шарлатанов встречаются и в других странах, «неразличение различных видов психологической и околопсихологической деятельности, непонимание различий между психологами, психиатрами, психотерапевтами, психоаналитиками, усугубляемое тенденцией „примазывания“ к психологии астрологов, энерготерапевтов и иже с ними, еще более характерно для нашей страны» (там же, с. 160).

В этой связи важным шагом является создание в 1994 г. Российского психологического общества (РПО) и утверждение им в феврале 2012 г. «Этического кодекса психолога». Этот достаточно компактный документ предусматривает четыре основных принципа – уважение, компетентность, ответственность и честность – и явно ориентирован преимущественно на практикующих психологов, а не научных исследователей. При этом последние также подпадают под его действие, так как основная часть положений кодекса нацелена на регулирование взаимоотношений между «Психологом» – «лицом, имеющим высшее психологическое образование» – и «Клиентом» – «лицом, группой лиц или организацией, которые согласились быть объектом психологических исследований в личных, научных,

производственных или социальных интересах или лично обратились к Психологу за психологической помощью», и, таким образом, распространяется одновременно и на консультационную, и на исследовательскую ситуации. Особые положения, касающиеся научной деятельности, содержатся в п. 1.3.4, который устанавливает обязательное условие добровольного согласия на участие в исследованиях, необходимость информирования «клиента» о «целях, особенностях исследования и возможном риске, дискомфорте или нежелательных последствиях» таким образом, чтобы «он мог самостоятельно принять решение о сотрудничестве с Психологом». В случае, когда «предварительное исчерпывающее раскрытие информации противоречит задачам проводимого исследования, Психолог должен принять специальные меры предосторожности для обеспечения благополучия испытуемых» и сделать «все разъяснения» после окончания эксперимента (п. 1.3.5). Правила «взвешивания» потенциального вреда и потенциальной пользы эксперимента, который так осложнил жизнь американским специалистам, в кодексе не содержится.

Что касается механизма применения норм кодекса, то раздел II устанавливает, что любое нарушение его положений может стать предметом жалобы, направленной в Этический комитет РПО. Из положений раздела следует, что нарушителем может быть признано любое лицо, обладающее высшим психологическим образованием, а не только член общества. К такому лицу может быть применено «предупреждение от имени Российского психологического общества (общественное порицание)», причем «информация о применяемых санкциях является общедоступной и передается в профессиональные психологические ассоциации других стран». Члены же общества могут быть исключены из его рядов (Этический кодекс психолога, 2012).

Если вновь обратиться к американскому опыту, то становится очевидным, что возможностей общественной ассоциации – а при всем уважении к РПО, приходится признать, что АПА обладает в своей стране значительно большим весом – недостаточно для превращения этических норм в реальный регулятор профессиональной деятельности. В США этого удалось достичь, увязав с соблюдением этики государственное финансирование. Однако не стоит оценивать это как однозначное достижение – далеко не все психологи находят новые требования и процедуры разумными и уместными. В любом случае сообщество российских психологов-исследователей находится в несравнимо более сложном положении, чем специалисты

в США, и любое дополнительное давление на них в этих условиях сложно признать оправданным. В то же время внести некоторую упорядоченность в психологическую практику, которая в настоящее время ведется от имени психологической науки самыми разными «специалистами» – от довольно наукообразного нейро-лингвистического программирования до «экстрасенсов» – является важной и своевременной задачей, для решения которой вполне подходит механизм авторитетной общественной ассоциации, определяющей рамки для той или иной профессии.

В целом же, остается признать, что на данном этапе своего развития психология не может претендовать на имплементацию собственной этической системы, подобно тому как это осуществлялось в естественных науках во второй половине XX в. В настоящее время даже последние испытывают на себе гораздо большее общественное давление, чем это было на пике влияния науки. Психология же, будучи неспособной создавать методики, отвечающие критерию точности и устойчивости, которые предъявляются к технологиям, обладает еще большей уязвимостью перед общественными вторжениями в ее деятельность. Росту бесцеремонности этого вмешательства способствует широкое использование научного авторитета психологии в рыночных условиях, которые подталкивают различных лиц – от вполне профессионально подготовленных психологов до откровенных мошенников – преувеличивать или искажать возможности психологической науки в решении повседневных проблем. Разумеется, обман такого рода, будучи выявленным, самым существенным образом подрывает репутацию психологии в целом. Исключение подобных случаев с помощью общественного контроля – наиболее очевидный путь к повышению статуса психологии как в научном сообществе, так и в обществе в целом и, соответственно, к установлению собственной системы контроля, свободной от внешних вмешательств.

Литература

- Андреева Г. М. О «социологизации» социальной психологии // Социологический журнал. 2003 № 2. С. 12–30.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Этос науки / Отв. ред. Киященко Л. П., Мирская Е. З. М.: Academia, 2008.

- Этический кодекс психолога. 2012. URL: <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 16.10.2012).
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Benjamin L., DeLeon P., Freedheim D., VandenBos G. Psychology as a profession // Handbook of psychology. V. 1. History of Psychology / Eds D. Freedheim, I. Weiner. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., 2003. P. 27–46.
- Ethical principles of psychologists and code of conduct including 2010 amendments. URL: <http://www.apa.org/ethics/code/index.aspx> (дата обращения: 16.10.2012).
- Ethics in research with human participants / Eds B. Sales, S. Folkman. Washington DC: American Psychological Association, 2000.
- Kimmel A. Ethical issues in behavioral research. Malden: Blackwell Publishing, 2007.
- Merton R. The sociology of science. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
- Milgram S. Obedience to authority: an experimental view. N. Y.: Harper and Row, 1974.
- The Nuremberg code. URL: <http://history.nih.gov/research/downloads/nuremberg.pdf> (дата обращения: 16.10.2012).
- Slaughter S., Rhoades G. Academic capitalism and the new economy. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

ЧАСТЬ II

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ПСИХОЛОГИЯ, ГЕОПОЛИТИКА И ТЕРРОРИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

В. А. Соснин

Введение

Россия имеет многовековой опыт взаимодействия социокультурных групп с христианской и мусульманской ориентациями в единой стране. Этот опыт *уникален*, и его, несомненно, необходимо использовать для противодействия в борьбе с терроризмом.

В связи с современными глобализационными тенденциями развития цивилизации, распадом многонационального государства – СССР – в России произошли события, которые вызвали обострение межнациональных и межконфессиональных отношений. Смена государственного строя привела к системному кризису развития страны в политической, идеологической и экономической сферах.

Переход от государственно-социалистической экономики к экономике, основанной на частной собственности, вызвал в массовом сознании отрицательные сдвиги в структуре ценностных ориентаций. Этому процессу сопротивляются не только психологические установки и стереотипы коллективных социалистических отношений, но и прежняя народная общинно-солидарная культура России в целом, не приемлющая норм гражданского рационально-прагматического западного общества и хозяйствования.

Это неудивительно, поскольку на кризисных этапах развития общества важнейшее значение приобретает такая детерминанта его развития, как *тип национальной культуры, или преобладающий тип национально-культурной идентификации общества*. Кризис национально-культурной идентичности является одной из наиболее значимых и тревожных характеристик современной России. Он привел к росту этнократических тенденций в национальных рес-

публиках страны, к обострению противоречий и экономических проблем развития.

В некоторых национальных республиках на постсоветском пространстве этноэлиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным.

В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и прав личности формируется образ *многополюсной фрагментированной нации*. Такие понятия, как «титульная нация», «государствообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы» исключены из политического лексикона. Сам энтоним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в конституции РФ), либо употребляется с оглядкой, а чаще всего – заменяется другим «этнонейтральным» определением – «русскоязычные».

В этой связи уместно привести мнение отечественного философа И. Орловой о ситуации в стране в национальной сфере: «В России контроль над символом „нация“ и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей „дрейф“ страны к Западу во власть глобальных управленцев... Изъять национальные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, сознающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, – сложно. Совсем другое дело, если надэтнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государствообразующего народа – русских, ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда; если ему внушается, что именно он ответственен за якобы „мрачное“ прошлое страны. Вся история страны трактуется как череда отрицаний. Каждый последующий этап строится на оболгании, оглушении и обесценивании периода предыдущего. Сбрасываются с пьедесталов одни герои, на их место временно возносятся другие. Уничтожаются целые социальные слои – носители культуры, традиций, духа народа. Нарушается преемственность как социально-историческая основа целостности культуры нации и прочности государства» (Орлова, 2004, с. 163–176).

Другая проблема, решение которой пока не просматривается, – *рост неконтролируемой миграции населения из национальных республик (с преимущественно мусульманским населением)*

в центральные регионы страны (с населением преимущественно христианской ориентации). Отсутствие вразумительной государственной политики в этой сфере объективно привело к обострению межнациональных и межконфессиональных отношений в стране.

Хотя ситуация в нашей стране несколько иная, опыт Западной Европы в области миграционной политики является достаточно показательным. Напряженность между выходцами из арабо-африканских стран и коренным населением стран Западной Европы становится, по оценкам аналитиков, все более серьезной и угрожающей. Это обусловлено ростом криминала в среде иммигрантов, а также пренебрежением ими культурных традиций, обычаев и норм поведения коренного населения и нежелание адаптироваться. Этот процесс длится уже более 30 лет. К настоящему времени ситуация становится объективно опасной, наглядно демонстрируя беспомощность и крах либеральной политики. Иммиграция в страны Европы стала напоминать вытеснение коренного населения и фактическую колонизацию (добровольную) европейского континента мусульманским населением.

По оценкам демографов, в настоящее время в Западной Европе проживает от 15 до 24 миллионов мусульман. Они утверждают, что численность мусульман к 2015 г. удвоится благодаря высокому уровню рождаемости и массовой миграции из стран Северной Африки и Ближнего Востока.

В этой связи все большую популярность в Западной Европе приобретают националистические партии и политики. Ведущие европейские лидеры А. Меркель и Н. Саркози, а затем и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон в начале 2011 г. фактически признали полный крах мультикультурной политики.

Попытка «толерантных и демократичных» европейцев построить общество, в котором находились бы представители самых разных вероисповеданий и культур при их всеобщем равенстве – без кардинального изменения функционирования базовых институтов государства (особенно в законодательно-юридической сфере) – «с треском» провалилась и привела к угрожающему росту межнациональной напряженности и конфликтам. Это свидетельствует о том, что опора на либеральные «общечеловеческие ценности», за которые выступают США, Европа и западный мир в целом (а вслед за ними и Россия), практически никого не сможет объединить (Саблин, 2011, с. 5.). Августовские события 2011 г. в Англии – красноречивое тому подтверждение.

По-видимому, отрицательный опыт Европы в области «аккультурации» является весьма показательным и мог бы оказаться полезным для руководителей нашей страны с точки зрения правильной коррекции политики в этой сфере.

Россия – страна с многовековыми традициями коллективистической культуры. Принципы коллективной взаимопомощи, следования нравственным нормам православия, Корана, приоритета целого над частным заложены в архетипах всех основных коренных народов России.

Поэтому «слом» традиционной национальной жизни, ориентация российской власти на «встраивание» в систему глобального западного сообщества с присущим ему приоритетом индивидуалистических ценностей вызывает у подавляющей массы населения нигилистические умонастроения. На этой основе возникают противоречия между этническими группами по признаку «крови», социально-культурным и религиозным основаниям, так как в кризисных ситуациях именно эти параметры выступают на первое место.

Соответственно, русский этнос как государствообразующий становится основным «козлом отпущения» для других, ответственным, с их точки зрения, за все, что происходит в стране. Это питает сепаратистские настроения со стороны ряда этнокультурных групп, в том числе террористические тенденции внутри страны (Соснин, Нестик, 2008, с. 63–64).

Две чеченские войны и состояние «необъявленной войны всех против всех» на Кавказе в настоящее время оставили и продолжают оставлять глубокий отрицательный след в сознании населения страны как со стороны национальных групп с христианской ориентацией, так и у людей с исламской ориентацией. Переживается состояние напряженности и «необъявленного» скрытого конфликта.

Основная цель статьи – рассмотреть психологические параметры и социополитические факторы настоящего и будущего развития межнациональной и межконфессиональной ситуации в России.

Межнациональные и межконфессиональные отношения в стране в настоящее время

В мусульманских республиках юга страны выросло новое молодое поколение, воспитанное в условиях военного противостояния с русскими, на ненависти и отрицании общенационального уклада жизни страны с *преимущественной ориентацией на общинно-клановые*

отношения. Поколение 20–30-летних молодых людей на Кавказе фактически сформировалось в атмосфере неприкрытой русофобии. Официальная риторика руководителей ряда кавказских республик после развала СССР содержала открытые негативные выпады против русского и – шире – славянского населения, что, наряду с вооруженными конфликтами, обусловило его «исход» в европейскую часть страны. «А неофициальная риторика не просто демонизировала русских, но содержала и явно издевательские характеристики, основанные на мнимом комплексе превосходства „гордых народов Кавказа“ над славянскими рабами» (Загатин, 2011, с. 2.).

Воспитание (детство и юность) этого поколения протекало в условиях фактической замены современной российской государственности родоплеменными отношениями с доминированием традиционалистских интересов клана (или тейпа) над государственными. Поэтому молодые представители северокавказских республик, воспитанные в таких условиях и раздираемые подобными противоречиями, приезжая в центральные регионы России (на учебу, работу или по другим основаниям), испытывают к основному населению одновременно презрение и страх, ставя свои клановые обычаи и привычки выше местных законов, традиций и норм поведения и взаимодействия населения (там же). Результат подобного межнационального взаимодействия вполне прогнозируем и печален.

Ситуация усугубляется тем, что в составе русского этноса растет численность прослойки людей (особенно среди молодого русского поколения), убежденных в ущемленности русского народа в связи с несправедливой, по их мнению, национальной политикой. Это проявляется в неадекватных реакциях части молодежи на экспансию этнической миграции, в росте ксенофобии и обострении противостояния по этническим признакам. Недавние события в стране – в Кондопоге, на Манежной площади и др. – являются в этом отношении достаточно убедительными примерами.

Для иллюстрации социально-культурной дисфункции межнациональных отношений и «особенностей» национальной политики в современной России рассмотрим ряд гипотетических ситуаций.

Прежде всего, принцип равенства всех этнокультурных групп нашей страны независимо от их социокультурной и религиозной ориентации, принцип свободы их перемещения в любые регионы государства и права проживания в любом регионе страны, – пра-

вильный и конституционно закрепленный принцип. Однако мы многонациональная держава, и есть традиционные регионы проживания этнокультурных и религиозных групп с соответствующими нормами, обычаями и формами бытового взаимодействия. Поэтому при перемещении представителей одной этнокультурной группы в регион проживания другой – например, христиан в регион проживания мусульман или наоборот – необходимо проводить политику (в том числе и законодательно закрепленную) уважения традиций, ценностей и норм бытового взаимодействия, присущих основному населению, в регион которого прибыли представители другой этнокультурной группы.

Представим себе такую ситуацию. Группа лиц, считающих себя христианами, прибыла в регион Северного Кавказа или в другой регион страны с преимущественным мусульманским населением для постоянного проживания и начинает проводить крестный ход и молебен в честь своего религиозного праздника на основной площади населенного пункта. Такая ситуация в нашей стране представляется фантастической.

Другая ситуация. Представители мусульманской социокультурной группы, также имеющие конституционное право перемещения, пребывания и жительства в любом регионе страны, скажем, прибыли в Москву. И начинают отплясывать лезгинку на Красной площади в честь своего религиозного праздника или даже просто для выражения своих национальных или религиозных чувств. Или в свой религиозный праздник начинают резать баранов у главной мусульманской московской мечети (что до последнего времени было обычной традицией). К сожалению, такие ситуации вполне «обычны» и разрешаются властями как выполнение принципа толерантности к национальным меньшинствам.

Эти примеры (и гипотетические, и реальные) позволяют утверждать, что извращенное понимание принципа толерантности в межнациональных отношениях в стране ведет не к межнациональному миру, а наоборот – к обострению отношений и к росту террористической активности.

Нужно не «толерантное» заигрывание с этнонациональными меньшинствами в стране, а проведение продуманной и взвешенной национально-культурной политики, ориентированной на четкую и в определенном плане принципиальную расстановку национальных приоритетов в межкультурных отношениях. Такая политика будет и правильно восприниматься другими этнокультурными

группами, и способствовать установлению межкультурного мира в нашем многонациональном Отечестве*.

И опыт Российской империи, и СССР, хотя современная ситуация мировоззренчески кардинально изменилась, тем не менее, являются хорошими примерами проведения межнациональной и межконфессиональной политики.

Современная геополитическая и социально-психологическая ситуация в России

Прежде всего оправдано выделить ряд позиций, специфичных для межконфессиональной ситуации в нашей стране.

Во-первых, в национальной политике страны необходимо восстановление ценностей традиционных конфессий (православия и ислама). Эти ценности в общественном сознании должны выполнять функцию важного воспитательного и социального ресурса общества – его духовно-нравственной консолидации.

С этой точки зрения целесообразны разработка и введение в образовательные программы дисциплины, условно называемой «История традиционных религий России». Эта программа должна включать в себя также знакомство подрастающего поколения с наиболее известными деструктивными религиозными культурами. Она должна разъяснять их разрушительное влияние на духовное, психическое и физическое здоровье человека. Введение подобной дисциплины и методология ее преподавания не означает введения «Закона Божия» или какой-либо агитации и призыва стать верующим. Здесь иные цели: с одной стороны – восстановление связи с тысячелетним духовно-историческим бытием страны и культуры, преодоление разрыва в исторической памяти и национальном самосознании на-

* Россия, по стандартам ООН, является моноэтнической страной (более 80% населения в ней русские, не более 10% составляют национальности с мусульманской культурно-религиозной основой). Однако миграционная политика, проводимая властными структурами (с акцентом на необходимость воспитания так называемой толерантности коренного населения к мигрантам), ведет не к межнациональному и межконфессиональному миру, а только к обострению межнациональных отношений. При этом происходит изменение этнической структуры славянских регионов страны — образование обособленных общин других этнокультурных групп, не склонных к интеграции с коренным населением и потенциально враждебных к нему.

рода, с другой – защита от деструктивного влияния тоталитарных сект и культов, наводнивших нашу страну и оказывающих разрушительное воздействие на духовное развитие и физическое здоровье человека.

Именно этими причинами диктуется необходимость введения подобной дисциплины в общегосударственном масштабе. Дискуссии по данной проблеме в обществе продолжаются. Подобный курс как эксперимент начинает внедряться в практику школьного образования. Однако серьезные проблемы пока остаются. Главная из них – это проблема совместного или отдельного преподавания данной дисциплины. Отдельное обучение (по конфессиям, что сейчас принято в качестве эксперимента) представляется не совсем оправданным для духовной консолидации подрастающего поколения как членов российского общества.

Во-вторых, специфичность межконфессиональной ситуации в нашей стране заключается в том, что религиозное руководство (духовенство) мусульман имеет уникальный многовековой опыт проведения у нас, образно выражаясь, «канонической религиозной политики», строго соответствующей нормам и положениям традиционного ислама. Традиционный ислам проповедует мирное сосуществование со всеми народами, независимо от их религиозной ориентации.

В Коране закреплены основные ценностные положения и нормы регуляции межконфессиональных и международных отношений и взаимодействий:

- необходимо уважительное отношение к представителям других вероисповеданий;
- убийство людей является самым тяжким грехом из всех грехов;
- война может быть оправданной только тогда, когда она имеет строго оборонительный характер;
- в международных взаимоотношениях и взаимодействиях необходимо поддержание социального мира и гармонии;
- экстремизм и терроризм неприемлем в любых формах и проявлениях.

Кроме того, мусульманское духовенство России традиционно поддерживает нормальные «деловые» отношения как с руководящим духовенством православной христианской и иудаистской религиозных конфессий, так и со светскими представителями государственных структур страны.

Все это создает нормальную потенциальную основу многостороннего диалога для решения базовых проблем межконфессиональных и межнациональных отношений в стране.

Необходима разработка программ воспитания и образования подрастающего многонационального поколения страны, ориентированного на возможности жить в мире и быть патриотами своего Отечества.

В-третьих, многими специалистами признается, что основные центры религиозного образования мусульман находятся вне пределов России. Поэтому трудно рассчитывать (даже объективно) на то, что в этих образовательных мусульманских центрах в идейно-идеологическом (или, шире, духовно-религиозном) плане будет проводиться образовательная и воспитательная политика, ориентированная на подготовку людей с «положительной» установкой к проблеме межконфессиональных и межрелигиозных отношений в России.

В связи с этим в регионах мусульманского проживания нашей страны существует широко распространенная практика направления своего подрастающего поколения для религиозного обучения за границу в мусульманские образовательные учреждения и школы медресе. В ряде этих учебных учреждений, *и об этом хорошо осведомлены наши мусульманские религиозные руководители*, преподаются во многом ваххабитские экстремистские версии ислама. Ваххабитские религиозные установки лежат в основе многих террористических организаций, включая «Аль-Каиду». Высказанные соображения имеют прямое отношение к проблеме суицидального терроризма.

Сотрудники спецслужб и правоохранительных органов часто сталкиваются с результатами запущенных и разросшихся до антагонистической стадии конфликтов социального, политического, экономического и межнационального характера (Крамер, 2007). Россия имеет уникальный опыт их разрешения. Духовные лидеры традиционного ислама в нашей стране стоят на позициях религиозной терпимости и мирного сосуществования разных конфессий и социокультурных групп в нашем многонациональном Отечестве. И это – одна из фундаментальных основ прочности нашего государства как субъекта истории в исторической перспективе. Она вселяет в нас надежду на то, что Россия справится с грозными вызовами третьего тысячелетия.

Все зависит от политической воли руководства страны. Последние инициативы по созданию межконфессионального университета, а также выделение больших финансовых средств для образования

подростающего поколения в регионе Северного Кавказа (озвучены В. В. Путиным) можно только приветствовать.

Главное во всех этих начинаниях – поддерживать «рабочий» диалог с мусульманским духовенством нашей страны. Основа этих «рабочих» контактов – понимание догматических особенностей двух конфессий, отсутствие давления друг на друга в этом отношении. Проведение такой воспитательной и образовательной политики в нашей стране должно быть главным направлением в борьбе с современным терроризмом и суицидальным терроризмом в целом.

В этой связи необходимо обратиться к предвыборной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», которая носит программный характер. В принципе большинство положений, высказанных выше, были в ней в той или иной степени сформулированы и озвучены: «Вполне уважаемые европейские политики начинают говорить о провале „мультикультурного проекта“. <...> Носители другой культуры должны либо „раствориться в большинстве“, либо остаться обособленным национальным меньшинством – пусть даже обеспеченным правами и гарантиями. <...> За „провалом мультикультурного проекта“ стоит кризис самой модели „национального государства“ – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности. <...> Глубоко убежден, попытки проповедовать идеи построения русского „национального“, моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. <...> Считаю, что в системе федеральных органов власти необходимо создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов. <...> Системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. Нужно всегда помнить, что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. <...> Тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям. К обычаям русского и всех других народов России. Всякое другое – неадекватное, агрессивное, вызывающее, неуважительное – поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют» (Путин, 2012).

Как видим, основные положения национально-культурной политики государства с позиции властных структур соответствуют нашим национальным представлениям о переформатировании ценностей населения – опоре на базовые культурные основания нашего многонационального народа. Для реализации этих положений необходима политическая воля руководства страны.

В этой связи – еще ряд замечаний по проблеме межнациональных и межконфессиональных отношений в России, озвученных в статье В. В. Путина. Поскольку обсуждаемая проблема глобальна и значима для последующего развития нашей страны, оправданно привести ряд высказываний аналитиков.

Вот, например, реакция М. Делягина, одного из содержательных критиков власти с позиции независимого развития государства, на статью В. В. Путина: «Эта статья очень хороша, потому что она восстанавливает представление о нормальности... Мы узнаём о том, всерьез это или просто пропаганда, летом, не раньше. Потому, что все равно до содержательной работы раньше лета руки не дойдут... Но что Конфуций говорил? Что исправление вещей начинается с исправления названий этих вещей. И просто восстановить представление о том, что правильно, а что нет, что нормально, а что нет, – это уже очень много» (цит. по: Гордеев, 2012).

Приведем одну реакцию на статью В. В. Путина другого аналитика: «Независимо от того, чем продиктована эта статья, в ней прозвучали несколько тезисов крайней важности. Будучи реализованы на практике, они позволят... начать восстанавливать историческую Россию. <...> Далее – фиксация в статье государствообразующего статуса русских, характеристика их как стержня, как скрепляющей ткани – прямо по гимну: „Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь“. Тезис о государствообразующем характере русских должен быть зафиксирован в конституции РФ. Только русский стержень способен сплотить коренные народы России, не допустить превращения миграционных процессов в новое переселение народов, которое сметет не только Россию, но и Европу – недаром западноевропейцы заговорили о закате мультикультурализма... <...> Другое дело, что, по-первых, у русских недостаточно развито национальное чувство – в значительно меньшей степени, чем у грузин, татар, евреев, армян, украинцев. Это результат нескольких факторов, в том числе советской политики поощрения интернационализма в РСФСР и „национальной самобытности“, которая легко, как показали события 1980–1990-х годов, переходит

в национализм с антирусским окрасом. В связи с этим совершенно необходимы меры, направленные на повышение национального самосознания русских, которые должны научиться защищать не только других, но и себя. <...> Хочется надеяться, что статья В. В. Путина – это заявка на руководство к действию в определенном направлении» (Фурсов, 2012).

Как видим из этих примеров, возможно перспективное понимание тенденций развития межнациональных и межконфессиональных отношений в стране.

Известный отечественный политолог А. Ципко совершенно справедливо отметил, что «сама Россия мало что делает для укрепления позиций конструктивно настроенного населения. Что могут ответить наши власти на заявление ваххабитов о том, что наша культура – бесстыдство и попса – несовместима с исламской культурой? Что в стране с подобным и по преимуществу аморальным телевидением мусульманину невозможно правильно жить, чтобы не впасть в заблуждение и грех? <...> Власть крайне медленно перестраивает свою кадровую политику, идеологию и политическую систему в соответствии с императивом сохранения целостности многонациональной России» (Ципко, 2010).

Роль психологических операций в оказании противодействия терроризму

Терроризм является жестоким видом не только военного противостояния, но и психологической борьбы.

Это война за сердца и сознание людей. Если принять такую позицию, то война против терроризма не может быть выиграна только бомбами и ракетами. В ней опора на технологическое и военное преимущество потерпела поражение.

В связи с этим приведем высказывание китайского мыслителя Сунь-Цзы. В «Искусстве войны» он говорит о том, как необходимо руководителям государства строить военно-политическую стратегию развития своего Отечества: «Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости» (Сунь-Цзы, 1958).

Понимая причины обращения к идеям мудрых предков в вопросах развития цивилизации и проведения национальной политики, представляется оправданным рассмотреть современные психоло-

гические средства ведения борьбы идей, и прежде всего – *психологические операции*.

Психологическая операция в современном понимании – это спланированное использование средств массовой коммуникации для воздействия на установки и поведение людей. Психологические операции по своему содержанию являются политическими, военными и идеологическими действиями, направленными на сознание и эмоциональные состояния группового объекта потенциального противника, чтобы вызвать у него поведение, эмоции и установки, способствующие реализации своих национальных целей (Paddock, 1989, с. 45). «Психологические операции» – это «операции тактического или стратегического плана, осуществляемые на полях войны или потенциальном театре военных действий, в мирное время или в боевых действиях, и направленные главным образом на сознание противника, а не на его тело» (Bernstein, 1989, с. 145).

Психологические операции в военное время во всем мире в основном использовались на тактическом уровне. Мало внимания уделялось проведению стратегических психологических операций в нанесении ущерба врагу перед непосредственными военными действиями. Должным образом подготовленные, они должны были «предшествовать, сопровождать и следовать после всех форм применения силы» (там же, с. 45), то есть быть интегральным компонентом общего стратегического плана. Действительно, поскольку субъекты военных действий открыто опираются на военное превосходство и недостаточное внимание уделяют психологии врага, то психологией врага либо пренебрегают, либо реагируют на нее с запаздыванием.

Однако сбор информации и планирование военных действий должны интегрироваться с началом планирования и с проведением психологических операций не только на тактическом, но и на стратегическом уровне. Исследования влияния ответных мер правительства на террористическую активность показывают, что при этом главная его цель в ответных действиях – донести до населения основной посыл: правительство делает все возможное в противодействии терроризму, решительно защищая своих граждан.

Можно утверждать, что противодействие в психологической борьбе противника должно вестись психологическими же средствами и методами. *Поэтому психологические операции должны быть не только важным оружием в войне против терроризма,*

но и главным (ведущим) оружием в этой борьбе*. Стратегическая роль психологических операций в противодействии терроризму, в том числе и суицидальному, неоднократно подчеркивалась исследователями (см., например: Журавлев, Нестик, Соснин, 2011, с. 158–163).

Содержание психологических операций в борьбе с терроризмом

Основными целями психологических операций противодействия терроризму как идейно-идеологическому феномену, по-видимому, являются:

- предотвращение вступления в террористическую группу потенциальных террористов;
- создание разногласий и трений внутри террористической группы;
- способствование выходу из террористической группы ее членов;
- ослабление поддержки террористической группы и ее лидеров со стороны ее социального окружения.

Данные элементы являются компонентами стратегической программы психологической операции, которая должна проводиться десятилетиями, так как эти установки не так легко изменить, когда ненависть взращивается и воспитывается с рождения (Post, 2005, с. 105–110).

В стратегию психологических операций в борьбе с терроризмом необходимо включать еще один элемент – защиту населения и общественного сознания.

* В этой связи представляется целесообразным уже сейчас организовывать работу спецслужб в направлении формирования резерва (корпуса) системных стратегических отечественных аналитиков (с соответствующим оперативным обеспечением) из числа специалистов по проблематике информационно-психологических войн для их использования в интересах правоохранительных органов. Насколько известно автору, таких специалистов высшей квалификации в нашей стране не так уж мало. Они стоят на государственных идейных позициях (разделяют социокультурные ценности нашего Отечества), хорошо представляют масштабность и угрозы надвигающегося глобального цивилизационного кризиса и обладают соответствующим интеллектуальным потенциалом и представлениями о путях и способах выживания страны в этих условиях.

Предотвращение вступления в террористическую группу потенциальных террористов

По мнению и наблюдениям аналитиков, место каждого убитого или арестованного террориста готовы или желают занять десятки других потенциальных террористов. Поэтому предотвращение вступления в террористическую группу потенциальных террористов является наиболее важным и сложным элементом психологического противодействия в борьбе с этим явлением.

Как только индивид вступил в террористическую группу, процессы внутригрупповой динамики будут подкреплять его психологическую приверженность следовать целям организации (см., например: Соснин, Нестик, 2008, гл. 7; Bandura, 2005, с. 34–50)*.

Кроме того, исследователи выявили следующую закономерность: индивиды со строгим религиозным исламским воспитанием были склонны вступать в исламские террористические организации, а не имеющие религиозного воспитания были готовы вступать как в светскую группу, так и в религиозную. Сверстники оказывали огромное влияние на индивида и часто вербовали его в террористическую группу (Соснин, Нестик, 2008; Bandura, 2005).

Порядка 64% членов светских групп и только 43% членов исламистских групп сообщили, что их группа была наиболее активна в регионе проживания. Около половины интервьюированных членов светских групп сообщили, что их непосредственное социальное окружение или молодежные клубы оказали на них главное влияние при решении вступить в экстремистскую организацию. Для членов исламистских групп более половины интервьюированных среди основных источников влияния назвали мечеть, «Мусульманское братство» или другие источники религиозного воздействия, а остальные 20% – университеты или профессиональные

* Так, например, были проинтервьюированы 35 заключенных террористов, арестованных на Ближнем Востоке (в Израиле и Палестине). Из них 21 человек – радикальные исламские террористы из организации «Хамас», один исламский джихад из «Хесболла», 14 светских националистов из военного крыла организации Фатх, а также из «Палестинского фронта освобождения Палестины» и «Демократического фронта освобождения Палестины» (Post, 2009). Из этих интервью однозначно следует, что основной причиной принятия индивидом решения стать террористом являлись социальное окружение и психологическая атмосфера внутри террористической группы.

школы. Только порядка 30% членов светских и 20% исламских террористических групп отметили семьи в числе основных источников влияния.

В этой связи перед цивилизованным миром возникает ряд фундаментальных вопросов, на которые необходимо найти положительные ответы, чтобы сформулировать долговременную стратегию противодействия терроризму в идейно-идеологической сфере (как на тактическом, так и на стратегическом уровнях).

Самый глобальный вопрос – в каких направлениях строить культурный диалог между христианской и исламской цивилизациями? От ответа на этот витальный вопрос зависит многое в глобальном противодействии терроризму.

Выше мы уже говорили о необходимости проводить реформирование исламского образования. В связи с этим обозначим ряд принципиальных моментов:

- *Необходима разработка стратегий, методов и технологий позитивного взаимодействия с исламскими религиозными деятелями в этом отношении.*
- *Какие альтернативные пути развития и становления следует предложить молодому поколению исламских стран, которые видят в будущем лишь мрачные перспективы и подвигаются к насилию от отчаяния?*
- *Что может быть сделано, чтобы дать возможность «амбициозным» молодым людям мусульманского мира в реализации в своих сообществах?*

Идеи Ф. Мохаддама о контекстуальной демократии являются ориентирами для *невоенного* противостояния международному терроризму, в том числе суицидальному (Мохаддам, 2011).

Анализ идеологии глобального джихада, высказывания самих террористов, кризис социокультурной идентичности в исламских сообществах однозначно свидетельствуют о том, насколько трудно покинуть «тропу терроризма», и о том, что борьба идей в противостоянии терроризму будет «долгой войной». Поддержка реформирования образования и экономические программы развития требуют финансирования от правительственных структур и неправительственных организаций. Это направление противодействия терроризму должно быть долговременным. Именно в этом случае удастся существенно сократить контингент людей, которые не видят в своей жизни другого пути, кроме «лестницы терроризма». Психологичес-

кие операции по противодействию рекрутированию в террористические организации новых членов должны быть основным средством в борьбе с терроризмом.

Создание разногласий и трений внутри террористической группы

Второй элемент здоровой, но требующей упорных усилий стратегии психологических операций – создание разногласий внутри террористической группы или организации. Внутренние отношения в террористических организациях нередко характеризуются напряженностью. Она ослабевает при внешней атаке, поскольку члены организации тут же объединяют свои усилия для противостояния.

Что может увеличить напряженность, посеять недоверие, изменить образ лидера или претендента «на трон» или ухудшить уже и так стрессовый климат и в итоге – парализовать активность группы? Вот те основные вопросы, которые должны решаться с помощью психологических операций. Естественно, большая доля работы в решении этих вопросов ложится на спецслужбы, однако обсуждение этого выходит за рамки нашей статьи.

Осуществление таких «инъекций» в «закрытое тело» террористической группы, вне всякого сомнения, не является легким делом, но их реализация будет ослаблять групповую сплоченность и эффективность террористических групп.

Поскольку автору не известно об открытых исследованиях данной проблемы в отечественных источниках, представляется оправданным обратиться к анализу доступных зарубежных источников.

Данная проблематика являлась основной в монографии, подготовленной Центром противодействия терроризму (Combating Terrorism Center, CTC) в военной академии США. В докладе «Гармония и дисгармония: использование уязвимых мест в деятельности организации Аль-Каида» произведен анализ статей и открытых пособий для террористов (Harmony and Disharmony..., 2006)*. Этот документ дает представление о том, как Аль-Каида анализирует свои успехи и неудачи и извлекает уроки из поражений. Поскольку данные документы объективно свидетельствуют об уязвимости террористичес-

* Эта важная работа впервые представляет в открытом формате порядка 30 документов организации «Аль-Каида», которые скрупулезно проанализированы, причем на основе этого анализа даны важные рекомендации по проведению антитеррористических операций.

кой организации, они могут помочь в проведении психологических операций, которые усилят эту уязвимость и создадут внутреннюю дисгармонию внутри организации.

Авторы доклада подчеркивают, что для любой закрытой криминальной структуры, будь то преступная группировка или террористическая организация, существует имманентная напряженность отношений. С одной стороны, необходимо обеспечить безопасность и сохранить секретность, с другой – нужно добиться организационной эффективности, постоянно держать под контролем моральный климат в организации. Основываясь на примере противодействия организации «Аль-Каида», они рекомендуют следующие действия:

- способствование разрушению контроля руководства организации над проведением террористических операций и ограничение их финансовой поддержки;
- ограничение поступления скрытой помощи от социального окружения;
- акцент на активность других групп, которые не поддерживают террористическую борьбу;
- проведение «агрессивного» (т. е. наступательного) изучения джихадистской идеологии, организация противодействия на международном уровне (т. е. организации долговременных и скоординированных пропагандистских кампаний в СМИ, направленных на развенчание их идейных позиций);
- противодействие джихадистским группам, чтобы заполнить вакуум безопасности, который они стремятся создать и эксплуатировать;
- давление на идеологический авангард джихадистского движения;
- приведение в замешательство, развенчание авторитета руководителей глобального джихада;
- побуждение пропагандистов джихада к обсуждению основ своей идеологии с акцентом на уязвимые места в их рассуждениях;
- понимание и использование идеологических противоречий в джихадистском движении. И т. д.

Вполне понятно, что, в соответствии с этими рекомендациями, существует много возможностей для проведения политических акций и психологических операций по противодействию терроризму.

Способствование выходу из террористической группы ее членов

Третий элемент психологических операций – способствование выходу из террористической группы – основан, во-первых, на предупреждении потенциальных террористов о глубокой опасности их вступления в террористическую организацию, поскольку оно, как правило, означает требование участия в террористических акциях.

Ряд правительств, противодействующих терроризму, признавая трудности выхода террориста из группы, начали претворять в жизнь программы амнистирования (в том числе защиты свидетелей, когда человеку дается защита в обмен на сотрудничество и предоставление информации). Договоренности включают финансовую поддержку в новой жизни, переселение в другие страны, даже пластические операции*.

Ослабление поддержки террористической группы и ее лидеров со стороны ее социального окружения

Четвертый элемент информационных операций, направленный против террористической группы, – это дискредитация группы в общественном сознании, чтобы лишить ее поддержки в социальном окружении. Хороший пример в этом плане дает история организации «Аль-Каида». В течение многих лет О. бин Ладен был «непотопляемым» в сфере поддержки своих взглядов и интерпретаций ислама и западных ценностей. Идея насилия, которую он оправдал с помощью интерпретаций Корана, идентична идее организации «Хамас» и лидеров джихада. Организация «Аль-Каида» привлекла многих мусульманских юношей, воспитанных в школах медресе и мечетях. Судебные процессы над террористами, осуществившими теракты в отношении посольств США в Танзании и Найроби, показали роль школ-медресе и мечетей в обострении процесса противостояния.

Так, будущий террорист-смертник из школы медресе в Занзибаре был обучен никогда не задавать вопросов своим руководителям, особенно религиозным вдохновителям. В мечети Дар-эс-Салам, где его с радостью приняли как представителя мусульманской уммы, так и другие члены сообщества мечети, ему внедрили установку – помогать другим мусульманам во всех случаях, где бы это ни происходило, и независимо от обстоятельств. Ему показывали фильмы о зверствах сербских солдат и массовые могилы мусульман в Боснии,

* Подобные программы в нашей стране если и существуют, то крайне засекречены, в открытой печати об этом нет никаких свидетельств.

русских солдат на фоне тел мусульманских женщин и детей в Чечне. Будучи изолированным от других влияний, кроме мечети, он, по его словам, стал солдатом Аллаха и защищал этих невинных жертв в противостоянии с солдатами Сербии и России. После серии учас- тий в террористической деятельности он, в отличие от других терро- ристов, преодолел спокойное отношение к смерти невинных жертв и заявил: «Их джихад – это не мой джихад» (Post, 2009, с. 380–394).

Воинственный джихад не является идеологией подавляющего большинства мусульман. Да, они подчас молчаливо дают свободу действиям экстремистов заманивать свою социально отчужденную молодежь в сети насилия под именем ислама. Однако оправдания насилия О. бен Ладена, распространенные во многих пособиях терро- ристических руководств и других документах (The Al Qaida Ter- rorism Manual, 2004), являются несовместимыми с положениями Корана, а по сути – оправданием убийства именем Бога.

Умеренно мыслящие религиозные деятели ислама и их лидеры должны обратить внимание на базовые положения традиционного ислама, проповедующего мирное сосуществование с представите- лями других конфессий, обозначить экстремистские интерпретации Корана как искажающие и нарушающие дух ислама в исполнении духовных мотиваций*. Цель психологических операций – отвратить исламскую молодежь от понимания экстремистских лидеров как романтических героев, открыть им глаза на их истинное лицо – проповедников извращенных версий ислама.

Эти изменения должны исходить от религиозных представи- телей самого ислама. В межконфессиональном диалоге, о котором говорилось выше, они должны признать, что существующий экс- тремистский взгляд на понимание современных геополитических тенденций взаимодействия христианской и мусульманской цивилизаций не является неоспоримым.

Защита населения и общественного сознания

Защита населения и общественного сознания от намеренно созда- ваемой террористами атмосферы страха и беспомощности являет- ся не менее важной задачей. Если один теракт способен разрушить хрупкое и слабое движение к диалогу и примирению, то терроризм уже получает свои дивиденды.

* Именно эта проблема является в настоящее время базовой для диалога цивилизаций в решении проблемы международного терроризма.

Поэтому необходимо длительное образование и просвещение народа в отношении проблем терроризма. Многие страны (и Россия в том числе), за исключением, по-видимому, Израиля (который прошел длительный путь в этом направлении), весьма далеки от оптимального и устойчивого решения данной проблемы.

Потребность в стратегической информационной кампании требует проведения скоординированной информационной политики, чтобы информационные заявления от представителей госструктур (Президента, Правительства и т. д.) были синхронны с заявлениями оперативных подразделений на театре противостояния. Кроме этого, службам экстренного реагирования* самим необходимо координировать действия и обмениваться информацией при взаимодействии с общественностью. В ситуации хаоса и неразберихи в первый период катастрофы экстренные службы зачастую распространяют несогласованную и даже противоречивую информацию. Не нужно говорить, что этот фактор отрицательно влияет на общественное сознание населения страны и на все последующие аспекты ликвидации катастрофы.

В этом отношении сотрудники различных экстренных служб, участвующих в ликвидации последствий теракта, должны, по меньшей мере, осознавать, что их коллеги уже сказали или собираются сказать. В целом экстренные службы должны действовать согласованно в подаче информации для широкой публики, соблюдая конфиденциальность, вырабатывать четкую структуру публичного информирования (Соснин, Нестик, 2008, с. 188–189).

Действительно, проведение публичной информационной политики правительственными структурами, их заявления, ориентированные на заверение населения в эффективности борьбы с терроризмом, слишком часто подрывают информационные цели оперативных служб, осуществляющих психологические операции. Вполне понятно, насколько трудно бюрократическим структурам Правительства (бюрократическим в позитивном понимании) координировать информационные кампании между ключевыми ведомствами (скажем, Министерством иностранных дел, Комитетом

* Данный термин употребляется для описания функционирования структур «помогающих» профессий в ситуациях предотвращения и ликвидации последствий терактов и осуществляющих информационное обеспечение – спецслужб, правоохранительных органов, подразделений чрезвычайного реагирования, пожарных, медицинских и психологических служб.

по безопасности Государственной Думы или Федеральной службой безопасности). Имеющаяся практика организации штабов, состоящих из представителей нескольких структур, для организации и координации работы по ликвидации последствий терактов, конечно, позволяет эффективнее справляться с этими последствиями и согласованно выстраивать информационную составляющую. Однако в стратегическом плане этого, скорее всего, недостаточно, поскольку информационное противодействие должно быть *постоянным и долговременным*.

Для «инъекции» дестабилизирующей информации в террористические группы может потребоваться использование сложных и скрытых технологий со стороны спецслужб. А подрыв легитимности лидеров террористических групп потребует, как уже отмечалось, согласованного взаимодействия в противодействии экстремистам со стороны канонических духовных руководителей ислама и политических лидеров стран, чтобы попытаться восстановить и правильно интерпретировать (и пропагандировать) основную суть их религии. Это потребует сложной и кропотливой работы как на межконфессиональном и политическом уровнях, так и при проведении психологических операций на информационно-оперативном уровне.

Разработка глубоких программ проведения психологических операций требует и глубокого понимания психологии противника, поскольку информационные послания должны соответствовать объекту воздействия. Противника невозможно остановить, если не знаешь его психологию. Это особенно важно при использовании психологических операций в противодействии суицидальному терроризму и терроризму с использованием средств массового поражения.

Идеологическое противодействие суицидальному терроризму

Фактически Коран запрещает самоубийство. Однако когда при интервьюировании арестованных командиров террористов-самоубийц (Post et al., 2009, с. 171–184) одного из них спросили, как он может оправдывать акты терроризма с использованием смертников (поскольку он утверждал, что они совершают эти акты от имени Аллаха, а Коран запрещает самоубийство). Он с раздражением ответил: «Это не самоубийство. Самоубийство – это слабость, это эгоизм и психическое отклонение. Использование смертников – это акт муче-

ничества или самопожертвования в служении Аллаху» (см. также: Brown, 2007, с. 325–343; Norel, Gongor, 2007, с. 344–362).

Один из известных руководителей террористов-смертников Хасан Салами* объяснял использование данной тактики следующим образом: «Операция мученичества – это высший уровень джихада, она подчеркивает глубину нашей веры. Террористы-смертники – это святые борцы, которые несут один из наиболее важных символов веры». Другой руководитель смертников заявил, что «именно эти атаки, являясь выражением мученичества во имя Аллаха, получают наибольшее одобрение и уважение, а их исполнителей поднимают на высший уровень мученичества» (Post, Sprinzak, Denny, 2003, с. 171–184).

В течение ряда лет Израиль проводит исследования по психологической реконструкции личности погибших самоубийц на основе анализа информации их жизненного пути (Post, 2009, с. 383–85). В 1990-е годы по результатам такого исследования выяснилось, что погибшими преступниками были молодые люди в возрасте 17–22 года, безработные (уровень безработицы в лагерях беженцев колеблется, по оценкам аналитиков, на уровне порядка от 40 до 70%), не имеющие образования и неженатые, то есть люди, еще не сформировавшиеся в социальном плане. Когда они были приглашены на конспиративное место (the safe house), руководителями террористов-смертников было сказано им приблизительно следующее: «У вас сейчас бессмысленная жизнь и нет никаких перспектив на будущее. Совершая акт самоубийства как мученичество во имя Аллаха, вы сделаете свою жизнь осмысленной. Вас зачислят в список мучеников. Ваши родители будут гордиться вами. Это даст им престижное положение среди наших соотечественников. И они получат большую финансовую помощь».

Как только молодые люди оказывались в этих условиях (в «доме безопасности»), они никогда не оставались одни. В ночь перед операцией член административной группы, чтобы удостовериться, что они не отступились от принятого решения, сам проверял их оснащение необходимой амуницией и был с ними вплоть до начала операции.

* Он в настоящее время отбывает пожизненное заключение по 46 пунктам в израильской тюрьме за серию организованных им террористических атак с использованием смертников весной 1996 г. в период выборов в Израиле.

Современные демографические исследования профиля террориста-самоубийцы установили более широкие возрастные границы. Женщины также привлекаются для исполнения самоубийственных актов. Проведенный анализ личностей террористов-самоубийц, осуществивших теракт 11 сентября 2001 г., выявил их существенное отличие от самоубийц-палестинцев. Эти люди были старше, все они имели образование, у всех было хорошее материальное положение. Этим террористов можно рассматривать как вполне сформировавшихся взрослых людей, которые подчинили свою индивидуальность групповой идентичности. Они подчинили себя деструктивному лидерству О. бин Ладена: то, что он называл моральным и оправданным во имя Аллаха, оказалось для них также моральным и оправданным. Они, совершая этот акт, были убеждены, что совершают священное дело на благо мусульман.

Исследователи терроризма полагают, что существуют три основных условия для организации террористических актов с использованием террористов-самоубийц:

- культура (религиозный догмат мученичества в исламе);
- стратегическое решение террористической организации использовать тактику суицидального терроризма;
- возможность рекрутирования террористов-смертников (Hafez, 2006, p. 14–29).

В Коране есть прямое запрещение актов самоубийства и убийства невинных людей (см. Соснин, 2012б). Эти положения Корана дают полезное обоснование для проведения психологических операций против суицидального терроризма. *Все, что необходимо, – показать, что эти суицидальные атаки – не благородные акты мученичества, а акты убийства и самоубийства.*

Естественно, это требует от религиозных руководителей мусульман достаточно высокой активности в убеждении христианского сообщества в целом в том, что догматы ислама не являются основанием для проведения глобального джихада против современной цивилизации.

Скоординированные информационные операции – критическое, важное оружие в борьбе с терроризмом. Рассмотренные аспекты проведения стратегических психологических операций противодействия терроризму являются важными аспектами борьбы с международным терроризмом. Как показал анализ, борьба с террориз-

мом – это длительная и постоянная «работа» (а не просто война, как это изображается в СМИ).

Службам безопасности при разработке, подготовке и проведении психологических операций (как оперативных, так и в СМИ) следует тщательно изучать идеологию глобального джихада и его основные уязвимые идейные позиции (Соснин, 2011, 2012а). Нужна постоянная, скоординированная наступательная деятельность как на уровне внутригосударственном, так и на международном. Изменение экстремистских установок – задача изменения отношения к ним молодых представителей исламских сообществ, отчужденных от жизненных перспектив.

Как мы можем мобилизовать родителей мусульманских семей на противодействие вступлению детей в структуры терроризма?

Как мобилизовать канонических духовных руководителей ислама на противостояние экстремистским интерпретациям Корана, питающим представителей глобального джихада?

Как мобилизовать политических лидеров мусульманских государств на противодействие терроризму, который фактически подрывает основы мусульманской веры?

Наконец, как способствовать необходимому развитию межконфессионального и межнационального диалога двух мировых цивилизаций, христианской и мусульманской?

Эти вопросы ждут своего разрешения. Соответствующие информационные программы необходимо вводить на институциональном уровне, а затем поддерживать их на протяжении десятилетий

Представленные направления противодействия – это только некоторые направления борьбы цивилизованных наций и государств, в том числе и России, против террористической идеологии. Более того, идеологическая конфронтация отдельно (сама по себе) – это недостаточное средство противостояния угрозе экстремизма.

Вообще выражение «война идей» или «борьба идей» имеет длительную историю: столетняя религиозная война в Европе, гражданская война в США, Октябрьская революция в России, Первая мировая война, Вторая мировая война, «холодная война» Запада и России и теперь – война с терроризмом. Во всех этих случаях противостояния исторических субъектов их военная мощь играла критически важную роль. Однако было бы ошибкой полагать, что идеи не могут быть подавлены силой хотя бы на время.

И последнее соображение: как уже отмечалось, у межконфессиональных и межнациональных отношений в России *есть своя специфика*. Вполне понятно, что Россия не может отстраниться от общецивилизационных тенденций в решении данного вопроса. Но, как представляется, у нас имеется огромный положительный потенциал. Можно повториться – все зависит от политической воли руководящих структур страны.

Наша статья, кроме рассмотрения социально-психологических аспектов, содержит и геополитические рассуждения. Как представляется, социальные психологи имеют право на них.

Литература

- Гордеев А. Третий пошел // Завтра. 2012. Февраль. №5. С. 1. URL: <http://zavtra.ru/content/view/tretij-poshyol> (дата обращения: 5.11.2012).
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 15–16 апреля 2011 г. / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Отечество, 2011.
- Загатин С. Диалог или война? // Завтра. 2011. Март. №9 (902). С. 2.
- Крамер В. Единый фронт антитеррора // Военно-промышленный курьер. 2007. 11–17 июля. №26.
- Мохаддам Ф. Терроризм с точки зрения террористов: Что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
- Орлова И. Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. №8. С. 163–176.
- Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 04.11.2012).
- Саблин А. Закат Европы // Завтра. 2011. №14 (907). С. 5.
- Соснин В. А. Духовно-нравственные основы суицидального терроризма // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 355–388.
- Соснин В. А. Идеология Глобального Джихада как духовно-нравственная мотивация оправдания суицидального терроризма ис-

- ламскими радикалами // Национальная безопасность. 2012а. № 1 (18). С. 92–101.
- Соснин В. А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012б.
- Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сунь-Цзы.* Искусство войны. 1958. URL: <http://lib.rus.ec/b/124896/read#t33> (дата обращения: 5.11. 2012).
- Фурсов А.* Русский ответ // Завтра. 2012. Февраль. № 5. С. 2. URL: <http://zavtra.ru/content/view/russkij-otvet> (дата обращения: 5.11. 2012).
- Ципко А.* Россия для русских? Сила террора умножается слабостью национальной политики // Аргументы и факты. 2010. 7 апреля.
- Bandura F.* Training for Terrorism through Selective Moral Disengagement // The Making of terrorist: Recruitment, Training and Root Causes. / Ed J. Forest. Westport: Praeger, 2005. P. 34–50.
- Bernstein A. H.* Political Strategies in Coercive Diplomacy and limited War // Political Warfare and Psychological Operations / Ed C. Lord, F. R. Barnett. Washington, DC: National Defense University Press, 1989. P. 14.
- Brown C. L.* Suicide, Homicide, or Martyrdom: What's in a Name? // Countering Terrorism and Insurgency in the 21st Century: International Perspectives. V. 2 / Ed. J. F. Forest. Westport, Connecticut, London: Praeger Security International, 2007. P. 325–343.
- Harmony and Disharmony: Exploiting al-Qaida's Organizational Vulnerabilities // Combating Terrorism Center, Department of Social Sciences, United States Military Academy, 2006. February 14. URL: <http://www.ctc.usma.edu> (дата обращения: 19.10.2012).
- Hafez M.* Manufacturing Human Bombs: The Making of Palestinian Suicide bombers. US institute of Peace: Washington, DC, 2006.
- Norel M., Gongor E.* Understanding and Combating Education for Martyrdom // Countering Terrorism and Insurgency in the 21st Century: International Perspectives. V. 2 / Ed J. F. Forest. Westport, Connecticut, London: Praeger Security International, 2007. P. 344–362.
- Paddock A. Jr.* Military Psychological Operations // Political Warfare and Psychological Operations / Eds C. Lord, F. R. Barnett. Washington, DC: National Defense University Press, 1989.
- Post J.* Psychological Operations and Counterterrorism // Joint Force Quarterly. 2005. Spring. № 37. P. 105–110.

Post J. The Key Role of Psychological Operations in countering Terrorism // Countering Terrorism and Insurgency in the 21st Century International Perspectives / Ed. J. F. Forest. Westport, Connecticut, London, Praeger Security Int., 2007. V. 1. P. 380–394.

Robins J. S. Battlefronts in the war of Ideas // Countering Terrorism and Insurgency in the 21st Century: International Perspectives. V. 1–3 / Eds J. F. Forest, H. Mongershtern. Westport, Connecticut, London: Praeger Security International, 2007. P. 299–318.

The Al Qaida Training Manual / Ed. J. Post. US Air Force Counter Proliferation Center, 2004. URL: <http://www.usdoj.gov/ag/trainingmanual.htm> (дата обращения: 6.11.2012).

МОРАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

К. Р. Арутюнова, В. В. Знаков, Ю. И. Александров

Субъективное отражение мира как неотъемлемая часть эволюции живых организмов предполагает разделение окружающей среды на «хорошее», то есть способствующее достижению целей (выживанию и размножению), и «плохое» – препятствующее их достижению. Происхождение сообществ организмов также изначально было связано с достижением коллективных целей, способствующих поддержанию существования этого сообщества. Таким образом, разделение на «хорошее» и «плохое» легло в основы формирования коллективной морали, неотъемлемой части культуры любого общества. В этом смысле мораль может рассматриваться как характеристика наиболее древних базовых элементов культуры (Александров, Александрова, 2009; Александров и др., 2010) и лежит в основе оценки ценностной составляющей поведения индивидов в данном обществе.*

В философии назначение морали четко связывается с удовлетворением потребностей и интересов как общества в целом, так и отдельных его индивидов (Дробницкий, 2002). С этой точки зрения, «моральным» может считаться такое поведение, благодаря которому сообщество, например, государственная организация, лучше всего сохраняется (Гоббс, 1964). Таким образом, мораль может выступать как инструмент согласования индивидуальных действий для организации продуктивной групповой деятельности (MacIver, Page, 1961), или, другими словами, мораль связана с формированием сотрудничества в достижении коллективных целей (Piaget, 1965).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-12035-офи-м-2011), а также Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3010.2012.6).

Современные подходы в области исследований морали, следуя сложившейся философской традиции, разделяют на рационалистские и интуитивистские. С точки зрения сторонников рационалистских подходов, мораль является результатом научения, усвоения человеком в процессе развития общественных правил и норм, в том числе и моральных (см., например: Piaget, 1965; Kohlberg, 1982; Power et al., 1989; Eisenberg, 2000; Moll et al., 2005). Многие исследования демонстрируют серьезные различия в том, что является разрешенным, а что запрещено с точки зрения морали в разных культурах и в разные исторические периоды развития общества (Nisbett, Cohen, 1996; Henrich et al., 2006, 2010).

Интуитивистские направления особое внимание уделяют процессу формирования человеком моральных суждений, который происходит как бы «автоматически», то есть бессознательно, и не зависит от принятых в обществе правил и норм поведения (см. например: Dwyer 1999, 2006; Haidt, 2007; Hauser, 2006; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Green, 2001, 2004; Rai, Fiske, 2011). Исследования в русле данного направления демонстрируют, что некоторые аспекты морального поведения являются универсальными для индивидов из разных культур (Hauser, 2006; Cushman et al., 2006, Hauser et al., 2009; Abarbanell, Hauser, 2010; и др.).

Взрослые индивиды, воспитанные и живущие в обществе, обычно имеют представление о тех моральных нормах и правилах, которые действуют в данном обществе, и о том, какие последствия могут возникнуть в случае их нарушения. При этом многие из этих моральных правил являются имплицитными и не осознаются при попытках объяснения индивидами своего морального выбора в тех или иных ситуациях (Hauser, 2006; Haidt, 2007; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Green, 2001, 2004; Cushman et al., 2006; и др.) В рамках данного исследования мы исходим из того, что моральный выбор в значительной степени совершается человеком интуитивно и связан с эмоциональной оценкой ситуации в терминах «хорошо»/«плохо». Однако моральная оценка в виде комплексного морального суждения требует большего, чем простого интуитивного выбора, – в частности, она включает в себя обоснование, которое индивид формулирует на основе собственного опыта, сформированного в определенной культурной среде. Таким образом, мы рассматриваем интуитивный моральный выбор и его рациональное обоснование как две неотъемлемые составляющие морального суждения, которые требуют как изучения универсаль-

ных общепсихологических механизмов, так и описания возможных культуроспецифических особенностей.

Целью данной работы был анализ общих закономерностей и культурных особенностей морального выбора в современном российском обществе. Обладая важными характеристиками незападных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011), наше общество представляет особый интерес для поиска культурных особенностей формирования моральных суждений в сопоставлении с западными культурами. Эти особенности могут быть связаны с различиями в социальных ориентациях, когнитивных свойствах, исторических и религиозных основаниях культуры и др.

В данном исследовании использовался методологический подход, широко применяемый в кросс-культурных исследованиях моральных суждений (Хаузер, 2008; Cushman et al., 2006; Hauser et al., 2009; Abarbanell, Hauser, 2010). Россиянам предлагалось дать оценку действиям героев в ряде моральных дилемм, которые представляли собой абстрактные ситуации причинения вреда одному индивиду для спасения многих. Эти ситуации были составлены на основе трех принципов, различающих в разной степени допустимые действия и бездействие, цели и побочные эффекты достижения целей, а также применение физического контакта и его отсутствие. Оценки моральных дилемм, вынесенные российскими участниками, были проанализированы на нескольких уровнях и сопоставлены с оценками участников из ряда западных стран. Полученные сходства и различия моральных суждений в российском обществе обсуждаются в контексте его культурно-исторических, социальных и психологических особенностей.

Методы эмпирического исследования моральных суждений

Особенности морального выбора людей, принадлежащих к российской популяции, изучались с помощью процедуры интернет-опроса, в котором участвовало более тысячи человек. Потенциальные участники исследования заходили на страницу специального веб-сайта (<http://www.rusmoral.ru>), на котором они могли ознакомиться с правилами исследования. Посетители данного сайта, принявшие решение участвовать в исследовании, сначала заполняли демографическую анкету, а затем им в случайном порядке предъявлялись сценарии 32 моральных дилемм. Участники исследования, озна-

комившись с ситуациями, выносили собственные моральные суждения относительно поступка главного героя. Каждое действие (или бездействие) героя моральной дилеммы предлагалось оценить по шкале от 1 до 7, при следующих обозначениях: 1 – «запрещено», 4 – «допустимо», 7 – «обязательно». Далее приводится пример одного из сценариев использованной в данном исследовании моральной дилеммы.

Стоя рядом с рельсами, Володя увидел, что пустой неуправляемый вагон вот-вот собьет пять человек. Рядом с Володей находится рычаг, потянув за который можно опустить перила на пешеходном мосту. Если он это сделает, то один человек, стоящий на мосту, упадет на рельсы, где его собьет вагон. Из-за этого вагон замедлится, и пять человек успеют спастись. Если Володя потянет за рычаг, то один человек упадет на рельсы и попадет под вагон, а пять человек выживут. Если Володя не потянет за рычаг, то вагон поедет дальше, собьет пять человек, а один человек на мосту останется в живых. Володя решает потянуть за рычаг.

Все тестовые сценарии моральных дилемм, использованные в данном исследовании, составляли контролируемые пары, каждая из которых была сформулирована на основе одного из трех моральных принципов (Хаузер, 2008):

1. *Принцип действия*: причинение вреда действием хуже, чем причинение такого же вреда бездействием.
2. *Принцип цели*: причинение вреда, задуманное как средство достижения цели, хуже, чем причинение того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели.
3. *Принцип контакта*: использование физического контакта для причинения вреда человеку хуже, чем причинение того же вреда без физического контакта.

Каждая пара сценариев строго контролировалась на предмет использования одних и тех же слов; единственное отличие состояло в том, являлось ли следствие поступка главного героя результатом его действия или бездействия, цели или побочного эффекта достижения цели и использования или не использования физического контакта. Таким образом, было составлено 18 пар сценариев, по 6 пар на каждый из трех изучаемых принципов. Два из 32 сценариев были контрольными, в них не содержалось дилеммы, то есть ответ на них был очевиден. Эти сценарии использовались для проверки понимания участниками правил исследования и последующего

отсева тех участников, которые с ними не справились (подробнее о методах исследования см.: Александров, Знаков, Арутюнова, 2010).

Для дальнейшего анализа были отобраны ответы тех участников исследования, которые полностью заполнили демографическую анкету, ответили на все сценарии моральных дилемм и корректно оценили поступки героев в двух контрольных сценариях. Таким образом, были проанализированы данные 303 участников исследования в возрасте от 16 до 69 лет ($M = 27$; $SD = 10$), 74% которых были женщины. Все участники исследования свободно говорили по-русски.

Суждения россиян относительно трех моральных принципов: универсальность и культурная специфика

Результаты данного исследования показали, что российские участники оценивали предложенные им моральные дилеммы в соответствии с описанными выше тремя принципами. Они расценивали причинение вреда действием как худшее по отношению к причинению такого же вреда бездействием. Причинение вреда, задуманного как средство достижения цели, они считали худшим, чем причинение того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели, а использование физического контакта для причинения вреда человеку – худшим, чем его причинение без физического контакта. Данные результаты находятся в соответствии с результатами аналогичных исследований, проведенных в ряде стран Западной Европы и Северной Америки (Cushman et al., 2006; Hauser et al., 2009), что в целом свидетельствует в пользу гипотезы об универсальности некоторых принципов, лежащих в основе моральных суждений людей из целого ряда культур (Хаузер, 2008).

Из всех использованных нами пар экспериментальных сценариев только две не показали значимых различий в оценках, и обе эти пары были составлены на основе противопоставления действия и бездействия. При сопоставлении оценок российских участников исследования с оценками участников из ряда англоговорящих стран, полученными в аналогичном исследовании (Cushman et al., 2006), наблюдались значимые корреляции (по Спирмену) между выборками по принципам цели (0,94; $p < 0,005$) и контакта (0,94; $p < 0,005$), но не по принципу действия (0,55; $p > 0,25$). Данное расхождение может быть связано с культурными особенностями, имеющими отношение к чувству социальной ответственности. Как отмечалось выше, российская культура обладает важными особенностями не-

западных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2010), которые характеризуются коллективистской социальной направленностью, в отличие от западных индивидуалистских культур (Nisbett et al., 2001, Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011). Одним из аспектов данного описания является то, что принадлежность к незападным коллективистским культурам также связана с некоторыми когнитивными особенностями, такими как тенденция к использованию холистического мышления и диалектики, в отличие от свойственного Западу аналитизма и формальной логики (Nisbett et al., 2001, Varnum et al., 2009). Другой аспект заключается в тесной социальной взаимосвязанности, обязательствах и ответственности каждого индивида перед членами общества. Если в индивидуалистских культурах человек рассматривает себя отдельно от других членов общества, то в коллективистских культурах люди рассматривают себя в контексте тесных социальных связей и отношений (Markus, Kitayama, 1991; Varnum et al., 2009). Экспериментально доказано, что россияне демонстрируют более высокие показатели коллективизма, чем, например, американцы (Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009) и немцы (Naumov, 1996). Таким образом, участники нашего исследования могли рассматривать действия героев моральных дилемм в контексте взаимосвязанной сети социальных отношений, в которых различие вредоносного действия и бездействия с моральной точки зрения могло размываться под давлением чувства ответственности перед другими членами общества.

Литературные данные о моральных суждениях людей разных культур являются довольно противоречивыми: некоторые из них демонстрируют разделение поступков по принципу действия и бездействия (Hauser et al., 2009, Cushman et al., 2006; Baron, Ritov, 2004; Haidt, Baron, 1996), другие такого разделения не обнаруживают (Abarbanell, Hauser, 2010; Connolly, Reb, 2003; Tanner, Medin, 2004). При этом известно, что принцип действия осознается людьми в большей степени, чем принципы контакта и цели (Cushman et al., 2006), а, следовательно, может быть более чувствителен к культурным вариациям. Для более глубокого понимания значения полученных результатов моральной оценки вредоносного действия и бездействия необходимо дальнейшее изучение морального выбора на расширенном материале сценариев, относящихся к данному принципу.

Крайние моральные суждения

Для более глубокого анализа моральных суждений россиян нами был посчитан и сопоставлен процент оценок на концах шкалы, то есть 1 – «запрещено» и 7 – «обязательно». Оказалось, что в целом российские участники *реже* высказывали крайние моральные суждения, чем участники из западных стран (Cushman et al., 2006), тем самым продемонстрировав тенденцию выбора ответов в середине шкалы (тест Вилкоксона, $p < 0,001$).

Данную тенденцию можно обсуждать в свете двух противоречивых характеристик, свойственных российской культуре, а именно: выраженная полярность суждений и диалектическое мышление. Эти характеристики проявляются по-разному в зависимости от ситуации. Например, кросс-культурные исследования перцептивных оценок показали, что российские участники выражают наибольшую уверенность в своих суждениях, по сравнению с американцами, канадцами, немцами и скандинавами (Скотникова, 2008). Выраженная полярность суждений как свойство, в некоторой степени характерное для средневековых обществ, прослеживалась в российской культуре с древних времен до наших дней. Нейтральность в оценках встречается реже, в то время как в западной культуре существуют представления о нейтральном поведении, которое нельзя назвать ни «хорошим», ни «плохим». Данная черта российской культуры отражена в языке. Например, в русском языке частота использования таких слов, как «абсолютно», «совершенно», «ужасно» и т. д. намного выше частоты использования аналогичных слов в английском языке (обзор см.: Александров, Александрова, 2009). Таким образом, мы считаем, что наблюдаемая в данном исследовании тенденция российских участников избегать крайних оценок в предложенной им моральной задаче не может быть обусловлена общей неуверенностью в собственных суждениях. Напротив, мы полагаем, что полученные нами данные отражают культурную специфику именно моральных суждений, а не суждений как таковых. В пользу данного предположения свидетельствуют результаты исследования моральных суждений людей об абортах, в которых было показано, что россияне в сопоставлении с американцами выражаются менее определенно об этой проблеме, избегая ясных и конкретных ответов (Знаков, 2010).

С другой стороны, рассмотрение российской культуры в ряду культур восточного типа связано с пониманием свойственных им

особенностей мышления. В отличие от западных культур, в которых мышление индивидов в большей степени основано на логике, представители восточных культур в большей мере используют диалектику. Диалектика как способ мышления включает в себя согласование и принятие видимых противоречий, что предполагает возможность истинности двух противоположных друг другу суждений (Nisbett et al., 2001; Nisbett, Masuda, 2003). В отличие от формальной логики, в которой четко разделяются альтернативы «истина» и «ложность», диалектика стремится к компромиссу. Применительно к использованной нами задаче, «запрещено» и «обязательно», являясь взаимоисключающими альтернативами с формальной точки зрения, могли восприниматься российскими участниками с диалектической точки зрения, вследствие чего в поисках «золотой середины» они склонялись к ответу «допустимо», избегая, таким образом, крайних моральных суждений.

Вероятно, данная тенденция не проявилась в задачах принятия перцептивных и когнитивных решений, о которых упоминалось выше, поскольку они не требовали от испытуемых понимания и решения сложных проблем, а предполагали суждения об абстрактных перцептивных объектах. В отличие от подобных задач, моральные дилеммы являются комплексными ситуациями, которые требуют понимания не только расположения и соотношений объектов во времени и пространстве, таких как размер, расстояние и т. п., но также включали моральный и социальный компоненты, вовлекая логические и диалектические основания мышления. Заметим при этом, что нравственная компонента входит в состав большинства социальных представлений граждан России (Александров, Александрова, 2009).

Нам представляется, что существует два фактора, обусловивших выход на передний план именно диалектического способа мышления, а не общей полярности суждений российских участников. К первому фактору мы относим слабость системы правосудия и историческое недоверие к власти (измеренное, как уровень доверия суду, полиции и т. д.), что коррелирует со вторым фактором – такой характеристикой общества, как уровень выраженности «антисоциального наказания» (anti-social punishment): в России индивиды с высокой вероятностью склонны наказывать тех членов общества, которые способствуют достижению общих коллективных целей в большей степени, чем сами индивиды, имеющие возможность выдать такое наказание (Henrich et al., 2006, 2010). Таким образом,

свойственные российской культуре внутренний страх антисоциального наказания и непредсказуемость возможных последствий морального выбора, которая исходит от системы правосудия, могли повлиять на степень уверенности в собственных моральных суждениях, продемонстрированную российскими участниками в данном исследовании.

Преобладание «запретов» над «обязательными действиями» в крайних оценках россиян

При дальнейшем анализе крайних моральных суждений оказалось, что если англоговорящие участники, в сопоставлении с россиянами, чаще высказывали крайние оценки в случае «обязательного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,001$), то российские участники – в случае «запрещенного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,019$). Процентное соотношение крайних суждений российских участников также значимо демонстрирует преобладание таких оценок по отношению к запрещенному поведению, по сравнению с обязательными (тест Вилкоксона, $p < 0,011$).

Подобное распределение крайних суждений также может быть связано с культурными факторами. Обсуждавшиеся ранее характеристики культуры – индивидуализм и коллективизм, социальная взаимосвязанность и независимость – коррелируют с религией (Sampson, 2000). Как отмечалось выше, исторически российская культура развивалась в условиях сильного влияния Русской православной церкви, в то время как Северная Европа и Америка исторически находились под влиянием протестантизма. Протестантская этика рассматривает людей как независимых автономных существ, которые сами несут ответственность за свои действия, победы и поражения; она особенно поощряет продуктивную деятельность, уверенность в себе и в собственных силах (Weber, 1930; Merton, 1957). Значимость продуктивности и ориентация на действие отражены во многих сферах западной культуры, включая поэзию. Как пример, далее приводится отрывок из стихотворения Огдена Нэша о двух видах греха.

Давно известно каждому школьнику –
и даже каждой ученой женщине, если она к науке не глуха, –
что на свете существует два вида греха.
Первый вид называется Грех Совершения,
и грех этот важный и сложный.

И состоит он в совершении того, чего совершать не положено. Второй вид греха – полная противоположность первому, и зовется он Грех Упущения, и грех этот столь же тяжкий, что передовыми праведниками всех времен – от Билли Санди до Будды – авторитетно доказано.

И он заключается в несовершении того, что вы делать должны и обязаны.

<...>

И хоть все мы ожидаем от жизни благ – нам просто вынь да положь их, –

у нас бывает гораздо больше мороки
от не совершенных нами хороших поступков,
чем от совершенных нами нехороших.

Итак, если вы меня спросите, я скажу, что, наверное, лучше совсем не грешить, но уж если согрешить доведется без спроса вам, – грешите предпочтительно первым способом.

В отличие от протестантизма, гарантирующего спасение деятельным продуктивным людям через личную веру во Христа (принцип оправдания верой), русское православие основано на покорности личности перед Божьей волей, послушании и смирении, надежде на помощь свыше*. Понятия смирения и терпимости, уходящие корнями в православную этику (Benz, 1963), характерны для русской культуры и нашли отражение в русской философской мысли, литературе и искусстве (Rancour-Laferriere, 1995). В отличие от протестантизма, центральным мотивом православия является не Божье правосудие, но Его любовь, поэтому основная православная позиция отражена в концепции греха (Benz, 1963). Совершение греховного поступка как действие, противоречащее Божьим заповедям, отдаляет человека от Бога. Если западный разум определяет грех как нарушение законного договора между Богом и человеком, восточный православный разум определяет его как падение или потерю духовности, искажение истинного образа Бога (там же). Таким образом, запреты, лежащие в основе христианских заповедей, могли сыграть очень важную роль в русском нравственном сознании. Имея в виду эти аспекты российской истории и культуры, мы предполагаем, что при вынесении моральных суждений российские испытываемые

* Авторы статьи выражают благодарность доктору исторических наук профессору О. Ю. Васильевой за ценные консультации по вопросам истории религии.

могли чувствовать большую уверенность относительно «запрещенных» действий, чем действий «обязательных», и поэтому реже выбирали оценку «обязательно», в целом склоняясь к середине шкалы.

Таким образом, результаты нашей работы по изучению оценок моральных дилемм представителями современного российского общества расширяют кросс-культурную базу исследований механизмов формирования моральных суждений. Наблюдаемые особенности моральных суждений россиян – такие, как менее выраженное разделение морально-обусловленных действий и бездействий, тенденция к избеганию крайних моральных оценок и более выраженная уверенность при вынесении суждений о «запрещенном» поведении, чем об «обязательном» – на наш взгляд, отражают культурные свойства российского общества, обусловленные социальной ориентацией на коллективизм, преобладанием диалектического способа мышления и религиозными основами российской культуры.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Комплементарность культур // От события к бытию. Грани творчества Г. В. Иванченко: Сб. научных статей и воспоминаний / Сост. М. А. Козлов. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 298–335.
- Александров Ю. И., Знаков В. В., Арутюнова К. Р.* Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного Российского общества // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 338–357.
- Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 1.
- Дробницкий О. Г.* Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
- Знаков В. В.* Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортгов // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90–100.
- Скотникова К. Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Хаузер М.* Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Abarbanell L., Hauser M. D.* Mayan morality: An exploration of permissible harms // Cognition. 2010. V. 115. P. 207–224.

- Alexandrov Yu. I., Alexandrova N. L.* Subjective experience and culture. Structure and dynamics // *Social sciences: Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2007. V. 38 (3). P. 109–125.
- Baron J., Ritov I.* Omission bias, individual differences, and normality // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2004. V. 94. P. 74–85.
- Benz E.* *The Eastern Orthodox Church: Its Thought and Life*. N. Y.: Doubleday, 1963.
- Connolly T., Reb J.* Omission bias in vaccination decisions: Where's the "omission"? Where's the "bias"? // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2003. V. 91. P. 186–202.
- Cushman F., Young L., Hauser M.* The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // *Psychological Science*. 2006. V. 17 (12). P. 1082–1089.
- Dwyer S.* Moral competence // *Philosophy and Linguistics* / Eds K. Murasugi, R. Stainton. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 169–190.
- Dwyer S.* How good is the linguistic analogy? // *The Innate Mind: Culture and Cognition* / Eds P. Carruthers, S. Laurence, S. Stich. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 237–256.
- Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Annual Review of Psychology*. 2000. V. 51. P. 665–697.
- Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., Cohen J. D.* The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. V. 44. P. 389–400.
- Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
- Grossmann I., Varnum M. E. W.* Social class, culture, and cognition // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. V. 2. P. 81–89.
- Haidt J.* The new synthesis in moral psychology // *Science*. 1996. V. 316. P. 998–1002.
- Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 814–834.
- Haidt J., Baron J.* Social roles and the moral judgment of actions and omissions // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 26. P. 201–218.
- Hauser M. D.* *Moral minds: How nature designed our universal sense of right and wrong*. N. Y.: Ecco (Harper Collins), 2006.

- Hauser M. D., Tonnaer F., Cima M.* When moral intuitions are immune to the law: a case study of euthanasia and the act-omission distinction in the Netherlands // *Journal of Cognition and Culture*. 2009. V. 9. P. 149–169.
- Henrich J., Ensminger J., McElreath R., Barr A., Barrett C., Bolyanatz A., Cardenas J. C., Gurven M., Gwako E., Henrich N., Lesorogol C., Marlowe F., Tracer D., Ziker J.* Market, religion, community size and the evolution of fairness and punishment // *Science*. 2010. V. 327. P. 1480–1484.
- Henrich J., McElreath R., Barr A., Ensminger J., Barrett C., Bolyanatz A., Cardenas J. C., Gurven M., Gwako E., Henrich N., Lesorogol K., Marlowe F., Tracer D., Ziker J.* Costly punishment across human societies // *Science*. 2006. V. 312. P. 1767–770.
- Kohlberg L.* Moral development // *The cognitive-developmental psychology of James Mark Baldwin: Current theory and research in genetic epistemology* / Eds J. M. Broughton, D. J. Freeman-Moir. Norwood New Jersey: Albex Publishing Corporation, 1982. P. 277–325.
- MacIver R. M., Page C. H.* *Society: an introductory analysis*. London: Macmillan, 1961.
- Markus H. R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. 1991. V. 98. P. 224–253.
- Matsumoto D., Takeuchi S., Andayani S., Kouznetsova N., Krupp D.* The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules // *Asian Journal of Social Psychology*. 1998. V. 1. P. 147–165.
- Merton R. K.* *Social theory and social structure*. Glencoe, IL: Free Press, 1957.
- Mikhail J.* Universal Moral Grammar: Theory, evidence and the future // *Trends in Cognitive Science*. 2007. V. 11 (4). P. 143–152.
- Mikhail J., Sorrentino C., Spelke E.* Towards a universal moral grammar // *Proceedings, Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society* / Eds M. Gernsbacher, S. Derry. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 1250.
- Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J.* The neural basis of human moral cognition // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. V. 6. P. 799–809.
- Naumov A. I.* Hofstede's measurement of Russia: The influence of national cultures on business management // *Management*. 1996. V. 1 (3). P. 70–103.

- Nisbett R. E., Cohen D.* Culture of honor: The psychology of violence in the south. Boulder: Westview Press, 1996.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and Systems of Thought: Holistic Versus Analytic Cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.
- Nisbett R. E., Masuda T.* Culture and point of view // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. V. 100. P. 11163–11170.
- Piaget J.* The moral judgment of the child. London: Free Press, 1965.
- Power F. K., Higgins A., Kohlberg L.* Lawrence Kohlberg's approach to moral education. NY, 1989.
- Rai T. S., Fiske A. P.* Moral psychology is relationship regulation: Moral motives for unity, hierarchy, equality, and proportionality // *Psychological Review*. 2011. V. 118 (1). P. 57–75.
- Rancour-Laferriere D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N. Y.: University Press, 1995.
- Sampson E. E.* Reinterpreting individualism and collectivism: Their religious roots and monologic versus dialogic person–other relationship // *American Psychologist*. 2000. V. 55. P. 1425–1432.
- Tanner C., Medin D.* Protected values: No omission bias and no framing effect // *Psychonomic Bulletin Review*. 2004. V. 11. P. 185–191.
- Tower A., Kelly C., Richards A.* Individualism, collectivism and reward allocation: A cross-cultural study in Russia and Britain // *British Journal of Social Psychology*. 1997. V. 36. P. 331–345.
- Varnum M. E. W., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R. E.* The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. V. 19 (1). P. 9–13.
- Waal F. de* Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Waal F. de* Putting the altruism back into altruism: The evolution of empathy // *Annual Review of Psychology*. 2008. V. 59. P. 279–300.
- Waller B. N.* What rationality adds to animal morality // *Biology and Philosophy*. 1997. V. 12. P. 341–356.
- Weber M.* The protestant ethic and the spirit of capitalism. London, UK: Unwin Hyman, 1930.
- Wilson E. O.* Consilience: The unity of knowledge. N. Y.: A. A. Knoff, 1998.

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА В РАЗЛИЧНЫХ СЦЕНАРИЯХ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ИММИГРАНТОВ В США

О. И. Маховская

Введение

Феномен современной постсоветской иммиграции в западные страны только начинает изучаться (Маховская, 2010; Социализация..., 2001; Mirny, 2001). Такая возможность появилась благодаря открытию границ и началу научных экспедиций. Количество иммигрантов в США из стран бывшего СССР по экспертным оценкам составляет около 3 млн (Маховская, 2010). С 1996 г., вслед за религиозными беженцами-евреями, резко увеличивается и доминирует количество славян, главным образом сектантов из Западной Украины, а также появляются беженцы-армяне из Карабаха. Наряду с потоком «беженцев», разнообразным по этническому составу, растёт число профессиональных мигрантов – тех, кто переезжает не по политическим или религиозным мотивам, а по контракту, как профессионалы, в которых нуждается Америка. Ещё один поток – женская, брачная по своим мотивам и рыночная по своей идеологии, эмиграция. Она поддерживается и стимулируется многочисленными брачными интернет-агентствами. Дети вынуждены следовать за своими родителями и часто становятся печальными заложниками родительских решений (Makhovskaya, 2002).

Мы начали сравнительный анализ существующих систем социализации детей в России, Франции и США спустя 30 лет после первых исследований в этой области, проведенных американским социологом У. Бронфенбреннером. Он не учитывал иммигрантский опыт, то есть опыт реальной, а не концептуальной, мысленной, встречи американской и советской систем воспитания. Эта тема не переосмысливалась позже в категориях современной кросс-культурной психологии, уделяющей специальное внимание проб-

лемам миграций. Например, в многочисленных работах японских кросс-культурных психологов различия в японской и американской системе социализации описываются в категориях продуктивной теории коллективизма-индивидуализма (Triandis, 1995; Miyamoto, Kulhman, 2001).

Самая трудная часть сравнительных исследований – это промежуточные концепты, которые отражали бы специфику конкретных социальных контекстов. Трудности социализации подростков из иммигрантской среды объяснялись разным качеством и характером их отношений с ближайшим окружением, более общими условиями их социализации и инкультурации.

В поиске промежуточных концептов мы остановились на понятии «сценарий». Культурно заданные сценарии структурируют отношения подростков с окружением и содержат строгие предписания для их социализации. Они влияют на формирование идентичности.

Наша концепция сложилась в результате многолетнего анализа массивной негативной феноменологии, сопровождающей резкую смену культурных норм и установок, неизбежных или в результате резких социальных изменений («перестройка» – такое время), или в результате эмиграции. При этом мы опирались на классические отечественные психологические (П. П. Блонский, П. И. Зинченко, Л. С. Выготский; С. Л. Рубинштейн) и культурологические работы (В. Б. Шкловский, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман). Проблема «культура и личность» в последнее время активно разрабатывалась в западной кросс-культурной психологии. Чувство исторической справедливости требует напомнить, что эта проблема всегда была в эпицентре российской гуманитарной традиции (Маховская, 2001).

«Сценарий» – «промежуточное» понятие между понятиями «личность» и «культура». В нем фиксируется идентичность личности. Сценарии являются инструментом формирования эмоциональной сферы субъекта. Контраст, несовместимость сценариев взаимодействия создают проблемы для «естественной», спонтанной жизни представителей одной культуры в условиях другой, вызывают эмоциональную напряженность и провоцируют кризис идентичности у иммигрантов. Поиск и анализ таких «конфликтных точек» необходим для гармонизации условий адаптации, образования и воспитания детей в иммиграции.

Гипотеза исследования такова: в основании «нравственных терзаний» иммигрантов лежат сложные, многоуровневые процессы изменения идентичности субъекта.

Сценарии и приемы воспитания и образования детей в Америке и России существенно различаются. Это создает неизбежные трудности культурной и психологической адаптации детей российских иммигрантов. Различия типичных сценариев поведения, общения и решения познавательных задач, тех, в рамках которых воспитывался ребенок на Родине, и тех, которые предлагаются ему в иммиграции, сами по себе могут послужить препятствием для личностного и познавательного развития. При этом заинтересованные взрослые – как родители, так и педагоги – часто не догадываются о конкретных причинах нежелания ребенка ходить в школу, отказа от общения со сверстниками, снижения академической успеваемости. В особо сложной ситуации оказываются дети из смешанных семей. Им приходится расти в условиях конкуренции семейных моделей.

Цель данной работы – показать, в чем именно не совпадают сценарии образования и воспитания в российской (советской) и американской традициях социализации.

Предметом нашего исследования были различия в сценариях социализации, которые если и не осознаются, то во всяком случае озвучиваются подростками в спонтанных жалобах или обоснованных рассуждениях.

Подходы к изучению изменения идентичности детей: обзор литературы

Социализация понимается нами не просто как процесс воспитания и образования детей в семье и школе, но и как усвоение типичных, заданных культурой сценариев. В случае иммиграции смена сценариев оказывается вынужденной, неестественной, приводит к нарушению всех видов передачи культурного опыта. Психологическим следствием иммиграции может оказаться снижение спонтанности и естественности как внешней, так и внутренней жизни человека.

Все исследователи признают, что к 10–11 годам подростки способны идентифицировать свою национальность. У детей иммигрантов этническая идентичность складывается раньше, чем у детей доминирующего большинства (O'Sullivan et al., 1994). При этом национальная, религиозная, этнолингвистическая идентичности могут развиваться независимо и разными темпами у детей провинций и у детей мегаполисов (Социализация..., 2001).

Если Ж. Пиаже в 1951 г. объявил идентичность продуктом когнитивного развития, то с конца 1980-х годов появляются теории социализации в формировании идентичности (Sheets, 1999; Suarez-Orozco, 2002). Задача современного исследования видится в том, чтобы выявить конкретные контексты, в которых дети склонны чувствовать свою этническую идентичность, путем экспериментального моделирования воссоздать такие ситуации и сравнить данные, получаемые по разным странам (Barett, 1996). Изучение естественных ситуаций смены идентичности (в иммиграции, в результате резких социальных перемен) является альтернативой экспериментальным подходам.

Концепции культурного шока иммигрантов на первом этапе были направлены на то, чтобы описать симптоматику тяжелого состояния, связанного с резкой сменой культур, на втором – разрабатывались тренинги культурной сензитивности и компетентности. Сегодня уже важно понять, как должна быть организована социальная среда, чтобы помочь иммигранту (Miyamoto, Kulhman, 2001).

Мы считаем, что иммиграция – это «естественный социальный эксперимент», в рамках которого ребенок попадает в ситуацию конфликта привычных для него норм поведения и норм новой страны проживания. Это приводит к обострению для него вопроса об этнической идентичности. Особо напряженно и активно процессы формирования идентичности происходят в подростковом возрасте.

В отечественной культурно-исторической традиции сценарии могут быть отнесены к культурным орудиям (Л. С. Выготский). Ю. М. Лотман указал, что не только слово помогает овладеть человеку своим поведением, но и сценарии, сюжеты. Любое культурное орудие диалогично по своей природе, возникает в процессе взаимодействия между взрослым и ребенком. Взрослый играет здесь ключевую роль, определяя границы и отношения ребенка с миром (зону ближайшего развития, по Л. С. Выготскому).

В межкультурной коммуникации под сценарием понимается знание правил и норм ситуативного общения в данной культуре, а также табу, которых следует избегать. Такие сценарии усваиваются неосознанно в процессе социализации и проявляются автоматически (O'Sullivan et al., 1994).

То, что драматургия и метафора «жизнь – это театр» эвристичны, признавалось в социальной психологии, начиная с R. Harre (Harre, 1979). Позже указывалось, что идентичность имеет диалогическую

основу, и тяжелые эмоциональные переживания могут быть реакцией на потерю своего Альтер-Эго. Тренеры по формированию межкультурной сензитивности особо подчеркивают, что смена сценариев может вызвать глубокую конфронтацию со своим культурным Я, тяжелые эмоциональные переживания и отказ от продолжения общения (Рот, Коптельцева, 2001). Идентичность включает всю совокупность возможных Я-концепций человека, которая имеет когнитивную природу (Barret, 1996).

Под сценарием понимались не только объективное предписание, как себя вести, но и субъективная интерпретация такого предписания или договор участников событий.

До сих пор понятие «сценарий» использовалось довольно широко и произвольно в разных отраслях психологии, оставалось маргинальным, дополнительным, с недооцененным категориальным потенциалом.

Ниже мы предлагаем оригинальную концепцию многоуровневого развития идентичности у подростков в иммиграции. Согласно нашей концепции, сценарий – это сложная форма хранения культурного опыта, способ организации внутреннего опыта субъекта, но прежде всего это – способ формирования и развития его идентичности. На когнитивном уровне сценарий – это образ ситуации взаимодействия, на личностном – способ фиксации идентичности субъекта в этой ситуации. Методологическим основанием для нашей концепции является отечественная гуманитарная традиция. В период кризиса психологии актуальным становится историческое знание, возврат к теоретическим первоисточкам и их переосмысление (Кольцова, 2004).

Эмпирические предпосылки и аргументация содержатся в серии наших экспериментов по изучению развития и взаимодействия различных компонентов памяти при восприятии новых коммуникативных событий (Марченко (Маховская), 1994).

Концепция многомерного (многоуровневого) изменения идентичности подростков в ситуации иммиграции

Сценарии – это те культурные орудия, в которых фиксируется идентичность человека, его ощущение и видение своих возможностей, своего места в мире и в конкретных ситуациях. Идентичность, представление и переживание участником события своей роли и места во взаимодействии, является основной детерминантой восприятия

и интерпретации событий. И напротив, по тому, как участник взаимодействия оценивает событие, можно судить о его идентичности*.

Идентичность имеет эмоциональную природу. Большинство кросс-культурных исследований показывают, что эмоциональные процессы и связанный с ним опыт осознания событий и ситуаций могут значительно различаться в зависимости от окружающей социокультурной среды. Эмоции определяются в большей мере культурными факторами, чем биологическими, и находятся в отношениях взаимной зависимости и связанности с остальными культурными феноменами. Эмоции также культурно заданы, как и мышление (Menon, 2000; Ratner, 2000). Они не проявляются спонтанно, а развиваются в своей логике, логике системы предписаний, скриптов, сценариев типичного поведения (Menon, 2000).

Эмоции – самая экономная и долгосрочная форма хранения ситуативного опыта человека, запоминающегося тем подробнее, чем больше он соответствует ожиданиям Я. Э. Эриксон назвал эмоции формой максимальной концентрации прошлого опыта человека. Классические опыты по запоминанию, проводившиеся П. П. Блонским, а затем П. И. Зинченко на базе Харьковского университета, показали, что лучше и дольше запоминается лично значимый материал. Эмоциональный след завершает генерализацию, кристаллизацию образа.

Самый глубокий, предельный уровень идентичности отражается (фиксируется) в ее модальности. Этническая идентичность придает форму всей жизни человека и, на наш взгляд, является не подструктурой, а одной из модальностей Я, базового эмоционального статуса индивида. Модальность традиционно рассматривали как одну из сторон амбивалентных эмоций (положительную или отрицательную), но это еще и способ оформления самого глубокого уровня идентичности. Какова бы ни была сила амбивалентности эмоции, конфликт всегда разрешается в сторону определенной модальности.

Модальность понимается нами не как статистически более распространенный, модный тип личности в духе Р. Липтона, а как наиболее ясная, значимая для данной культуры *интонация* (В. В. Шкловский), камертон для оценки и прослушивания событий из ежедневной жизни. Внутрикультурных модальностей может быть много: женские,

* Эта зависимость между спонтанной интерпретацией и личностными образованиями постулировалась в психоанализе; свое эмпирическое приложение она получила в методе свободных ассоциаций.

мужские, возрастные, внутригрупповые, ситуативные. Модальность развивается по пути нарастания полифонии, многоголосья, о которых нам напоминал Ф.М. Достоевский. Обращение к понятию модальности здесь связано с многолетней традицией советского литературоведения (М.М. Бахтин, В.Б. Шкловский) и структурализма (Ю.М. Лотман и его последователи), где широко использовались музыкальные и драматургические модели для анализа жизни и поведения людей. Эти фундаментальные и признанные в мире работы оказали влияние на отечественную психологию, которая всегда интересовалась индивидуальной, субъектной стороной жизни человека, пытаясь сохранить ее напряженность и эмоциональность в поле научных интересов (Маховская, 2001).

Модальность идентичности сохраняется, если происходит систематическое насыщение идентичности положительными эмоциями, подтверждающими и поощряющими ее со стороны окружения.

Эмиграция опасна тем, что личность теряет привычные способы и источники эмоциональной поддержки. Она может угрожать актуальному Я человека, приводить к его «стиранию», «угасанию». Культуры отличаются по типам, способам ситуативного распределения и уровню эмоциональной поддержки, насыщения и подтверждения Я. В коллективистских культурах мы встречаем прямое количественное преобладание эмоциональных контактов над такими же в индивидуалистических культурах. Основные, фиксированные в ритуалах, ситуации общения в традиционных сообществах направлены на то, чтобы воссоздать, воспроизвести, поддержать, укрепить, акцентировать групповую идентичность. Такое общение не преследует каких-либо прагматических целей, а является лишь способом поддержки группового единства и взаимной привязанности и удержания членов групп и сообществ (O'Sullivan et al., 1994). Анализ феноменологии иммиграции показывает, что основным механизмом личностного развития подростков оказывается постоянное насыщение положительного образа Я. Есть такие возрастные периоды, или типы личности, или обстоятельства, при которых отсутствие достаточного эмоционального насыщения Я в ежедневной жизни приводит к угасанию Я. Апатия, деморализация, депрессия – известные последствия вынужденной эмиграции, которые объясняются эмоциональным истощением, потерей мотивации.

В свое время для доказательства определяющей роли эмоций в становлении идентичности мы использовали метод «отстроченного воспроизведения» (Марченко (Маховская), 1994). Развитие

идентичности повторяет этапы формирования образа нового коммуникативного события. Наши эксперименты показали, что эмоциональное отношение к новым событиям и их участникам влияет на развитие когнитивных компонентов образа – *перцептивного* (внешности участников, ситуативного фона) и *логического* (высказываний и сюжета взаимодействия), хотя каждый из этих компонентов развивается по своим собственным законам: перцептивный компонент типологизируется, а логический – трансформируется. Именно эмоциональное отношение к участникам событий обеспечивает целостность восприятия (как предполагал и П. П. Блонский). Если эмоциональный компонент угасает, образ не может быть воспроизведен. Образы тех событий и участников, которые неприятны субъекту, подвержены более активным и произвольным трансформациям, чем принимаемые, положительные. Эмоциональный компонент негативно окрашенных образов взаимодействия угасает стремительно, не обеспечивая полноты воспроизведения и целостности образа, а просто маркируя его как кандидата на забывание (там же).

Эмоциональный компонент может угаснуть, снизиться или усилиться, он может быть заглушен другим, более сильным и значимым. Фактически, он живет по принципу смены соотношения модальностей. Положительная или отрицательная модальность эмоций имеет множество специфических и индивидуальных вариаций и оттенков. Только одни люди стремятся следовать строгим, традиционным предписаниям и, соответственно, переживают события типичным, предсказуемым способом, а другие пробуют развивать свои критерии оценки событий и сюжетов. Проводя полевые исследования условий социализации детей в иммиграции, мы неоднократно сталкивались с влиянием идентичности участников событий (подростков, их родителей, учителей) на содержание их интерпретаций (Маховская, 2010).

В структуре идентичности мы выделяем следующие три уровня: *социальный* (культурно заданные и социально подтвержденные сценарии – когнитивный уровень), *индивидуальный* (отвечает за выбор событий и людей, соотнося их с социально желательными нормативами или вырабатывая свои собственные критерии отбора, – волевой, субъектный уровень) и *ситуативный* (перцептивный), в котором накапливаются знания о мире и людях, а также признаки подтверждения/неподтверждения идентичности. Формирование субъектного уровня происходит в подростковом возрасте,

связано с эмансипацией от родителей и поиском новых групповых авторитетов. Человек может делегировать группе право определять идентичность, регулировать и ограничивать свое поведение. В противном случае он сам проявляет активность и пытается самостоятельно выбирать или строить идентичность (Абульханова, 1991; Брушлинский, 2000).

Такое строение идентичности позволяет понять и процесс развития культурного шока у иммигрантов. Он начинается с нарастающего сенсорного дискомфорта (еда кажется невкусной, люди некрасивыми, цвета неестественными). На когнитивном уровне индивид сталкивается с конфликтом образов ситуаций («А у нас так не делают»). Наконец, на глубинном уровне возникает отчуждение, давление на Я, которое воспринимается как отказ окружения принимать человека таким, каков он есть. Культурный шок – шок глубокого эмоционального отказа, отвержения со стороны окружения.

Качественный подход к исследованию контрастных условий формирования идентичности в иммиграции

В исследовании сценариев социализации детей российских иммигрантов в США мы использовали три группы методов:

- 1) анализ культурных артефактов (электронная переписка, иммигрантская пресса, психологические и социологические исследования по проблемам современной российской иммиграции в США, консультации со специалистами;
- 2) глубокое интервью с подростками, детьми российских иммигрантов;
- 3) оригинальную методику «Модель семьи».

На первом этапе привлекалось несколько сотен источников прямой или косвенной информации – неструктурированные интервью (очные, по телефону, по Сети – на многочисленных мигрантских сайтах и сайтах брачных агентств, специализирующихся на русскоязычной аудитории), документы (инструкции для педагогов и социальных работников), специальная литература о педагогических проблемах в США, публикации в американской и иммигрантской прессе, а также данные включенного наблюдения. Автор неоднократно бывал в школах и дома в семьях иммигрантов в качестве исследователя и единственного психолога в иммигрантском анклав в Сиэтле в 2002–2003 гг. Сбор информации проходил по принципу «снежного

кома», когда сведения предыдущего источника уточнялись и верифицировались на следующем этапе. В течение 8 месяцев экспедиции ежедневно нами тестировалось 5–7 источников данных и отдельных сведений, то есть более 4000 свидетельств о типичных сценариях социализации детей в иммиграции.

После первого этапа массированного сбора данных были сформулированы вопросы полуструктурированного интервью. Они группировались вокруг сравнения поведения основных агентов социализации в школе и семье:

- *учителей*: «Чем учителя российских школ отличаются от учителей американских?», «Кто более строг?», «Каким должен быть идеальный ученик, с точки зрения российского и американского учителя?», «Что поощряется в американской и российской школе?», «Удовлетворены ли вы проживанием и обучением в США?», «Где труднее и интереснее учиться – в России или в Америке?» и т. д.;
- *родителей*: «Чем отличается типичная американская семья от типичной российской?», «Могут ли американские дети спорить со своими родителями?», «Кто главный в американской, российской семье?» и т. д.;
- *одноклассников*: «Чем дружба российских школьников отличается от дружбы по-американски?», «Дают ли списывать американские одноклассники?», «Любят ли американские мальчики и девочки так же, как и российские?», «Как складываются ваши отношения со сверстниками?» и т. д.

Вместе с очным интервью мы использовали оригинальную методику «Модель семьи».

Методика «Модель семьи» была разработана нами на основании многолетнего опыта анализа структуры отечественной модели семьи. Два критерия – распределение власти и ответственности – позволяет выделить 5 культурно заданных моделей семьи. В. Н. Дружинин считал, что в основании различных моделей семьи лежат религиозные традиции описания святого семейства – протестантская, православная, католическая. Нормальной семьей, вслед за Маргарет Мид, В. Н. Дружинин называл семью «по католическому типу» (рисунок 3). В ней власть и ответственность распределены между мужем и женой, но основную ответственность за семью несет муж как социально более принимаемый и физически более сильный. Семья построена по детоцентристскому типу.

Отечественная православная модель семьи – смесь православия и язычества (рисунки 1, 2). Безусловная власть в такой семье принадлежит отцу, а ответственность – матери, при этом отношения между отцом и матерью напоминают психологическую, а то и физическую схватку. Дети эмоционально ближе к матери. Зарубежные исследователи также указывали на противостояние и одновременно равное значение фигур отца и матери в советской (Bronfenbrenner, 1977) и в православной семье (Rancour-Laferrier, 1995). Полноправными членами семьи могут быть другие родственники, знакомые, друзья. Как вариант мы рассматриваем модель семьи с подчиненным, лишенным власти отцом, отцом-«подкаблучником». Такая семья сформировалась, на наш взгляд, как следствие «эха войны» и атмосферы гиперопеки по отношению к мальчикам в послевоенное время. Аномальная модель семьи выживала в советские времена именно за счет развитой системы внешкольного воспитания и образования. Она разрушилась в период перестройки. Груз ответственности стал непосильным для наших женщин, и это спровоцировало, с одной стороны, массовые разводы и женскую иммиграцию, с другой – нарастание армии социальных сирот (Makhovskaya, 2002).

Американская модель семьи обозначается как протестантская; для нее характерна балансировка власти и ответственности то в пользу отца, то в пользу матери. Ребенок растет как потенциально равноправный взрослый (рисунок 4)*.

Как вариант протестантской модели семьи мы рассматриваем семьи многочисленных религиозных беженцев из Западной Украины – баптистов, евангелистов, пятидесятников. Отец и мать отвечают за воспитание детей, в равной мере деля ответственность за дела семьи, но ни одно важное решение (будь-то крупная покупка или перевод ребенка в другую школу) не принимается без участия пастора. Пастор обладает огромной властью в религиозной общине, лишая семью всякой самостоятельности и инициативы (рисунок 5).

* На устойчивость семьи оказывают влияние внешние факторы – этические, моральные установки, особенности семейной политики. Для американской, протестантской этики характерны идеи равенства, предпримчивости, конкурентности, независимости и самостоятельности. Особой проблемой они считают насилие в семье. Для католической – ценность человека, идеалы гармонии, соразмерности и целостности. Семейная политика направлена на то, чтобы мобилизовать семью вокруг забот о детях и предотвратить интервенцию в семейные дела со стороны государства.

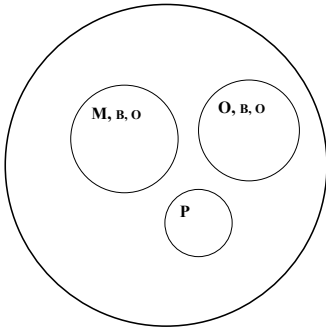

Рис. 1. Французская (католическая), «нормальная» семья

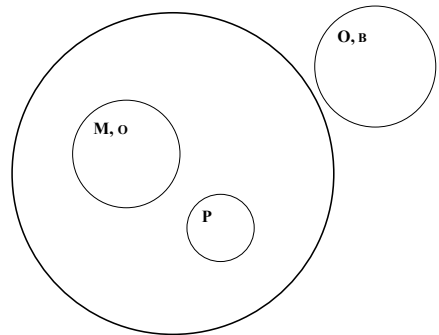

Рис. 2. Советская (православная) семья с доминантным отцом

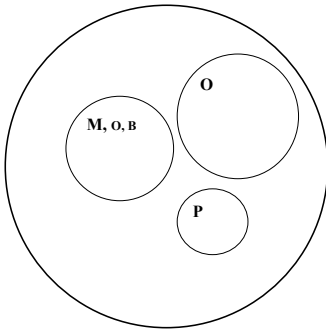

Рис. 3. Советская (православная) семья с субдоминантным отцом

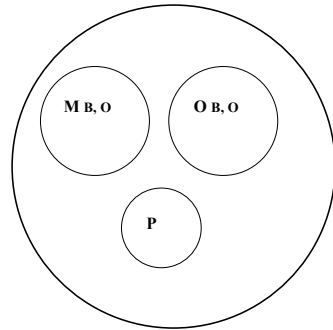

Рис. 4. Американская семья, построенная на принципиальном равенстве всех членов семьи

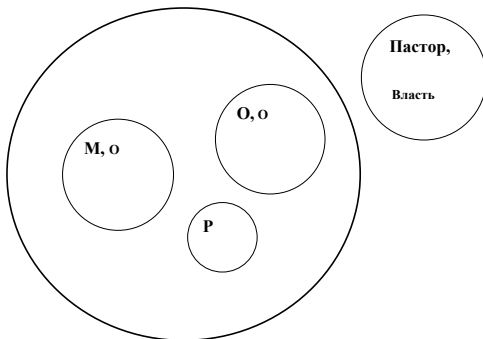

Рис. 5. Семья христиан-евангелистов

Примечание: М – мать, О – отец, Р – ребенок, В – власть, О – ответственность

Набор рисунков различных моделей семьи без их культурно-религиозных коннотаций предлагается детям для идентификации модели их собственной семьи. В отличие от известной диагностической проективной методики «Рисунок семьи», наша методика ограничивает и направляет выбор детей, помогая им сосредоточиться на значимых для исследования характеристиках, которые точно описывают различия в культурно заданных моделях семьи.

В исследовании принимало участие 32 подростка, которые проживали на территории США не менее 2-х лет: 15 девушек и 17 юношей; 10 из смешанных семей, 22 из монокультурных, у 9 матери находились в состоянии развода (7 были замужем за американцем, 2 оставили своих мужей-соотечественников после эмиграции); мы просили их оценивать свою последнюю семью.

Мы задавали сопутствующие вопросы: «Кто в семье главный?», «Кто является основным добытчиком в семье?», «Кто распределяет финансы?», «Обсуждаются ли совместно семейные решения?», «Кто проводит больше времени с детьми?», «Помогает ли кто-либо из членов семьи в обучении?», «Как распределяются обязанности?», «Сколько времени проводят с вами родители в выходные дни?».

Обсуждение результатов

Около 20% американской молодежи – иммигранты (Suarez-Orozco, 2002). Социальные работники, учителя и психологи-консультанты в США чаще всего не знают, какие именно проблемы стоят перед детьми иммигрантов из бывшего СССР. Политика «плавильного котла» по отношению к иммигрантам из разных стран сопровождается индифферентностью к особенностям их культуры. Предполагается, что в процессе совместного труда все различия сотрутся и иммигранты постепенно приблизятся к среднему американскому (по сути англо-саксонскому) эталону. Такая политика в области образования подвергается критике и в самой Америке (Banks, 2001). Тот факт, что семьи российских иммигрантов разбросаны по всей Америке и ребенок из такой семьи иногда оказывается один на всю школу, то есть на 1500–2000 детей, создает особые проблемы для его адаптации. Это затрудняет и эмпирические исследования и обобщения их результатов для выяснения причин, которые мешают детям образованных иммигрантов из России нормально вливаться в среду американских школ. Сами иммигранты, особенно «свежие», часто придерживаются мифа: сложности адаптации – это пропагандист-

ская выдумка для того, чтобы сдерживать поток желающих уехать из России. Однако немногочисленная пока статистика и наблюдения за жизнью новых иммигрантов из России указывает на то, что многие из них, особенно дети и старики, испытывают депрессию, не видят перспектив в новой стране, тоскуют по родным и жизни в России (Mirny, 2001). Описание переживаний острой ностальгии известны и по мемуарам представителей первых волн эмиграции (Маховская, 2010).

При описании культурных различий в поведении основных агентов социализации детей в России и США (учителей, родителей, одноклассников) мы опирались на известную концепцию индивидуализма и коллективизма, предложенную Гарри Триандисом (Triandis, 1995).

Из рассказов родителей – главным образом, российских матерей – можно заключить, что в отличие от советской и постсоветской школы, объединяющей детей на долгие годы совместной учебы почти семейными, родственными узами, американская общеобразовательная школа похожа на большую фабрику, в которой ученик движется по своему собственному плану. Каждый урок подросток проводит в новой группе. Между предметами нет преемственности, нет типичного для нашей системы образования единого подхода к образованию, обучения лучшим, классическим образцам отечественной и мировой культуры. Вместо отношений эмоциональной близости и сопереживания (когда весь класс – это семья) в американской школе культивируются ценности индивидуализма, конкурентности, независимости.

Наши дети с негодованием отмечают, что в случае затруднений в обучении им не на кого положиться, а списывать конспекты никто не даст, даже если ученик проболел несколько дней и просто физически не мог присутствовать в школе. Американские учителя поощряют индивидуальную инициативу учеников, оригинальность решения учебных задач. Они не настаивают на высокой дисциплине и беспрекословном подчинении, но и не волнуются, если кто-то из учеников не проявляет интерес к их предмету. Краеугольный камень американского образования – ответственность за образование детей несут их родители. В советской традиции и за воспитание, и за образование отвечает школа. Происходит это за счет того, что учитель наделен огромным авторитетом, его указания носят характер приказа и не обсуждаются. Нарушение предписаний, невыполнение домашних заданий – это повод для суровых на-

казаний и вызова родителей в школу. Особенность американских учителей – их «дружелюбность» (friendly), дружелюбие по отношению к ученикам. В этом смысле они – образец для подражания, носители норм поведения среднего американца. У них нет особых привилегий перед учениками, но и ученики не могут рассчитывать на снисходительность. Отношения носят партнерский характер, строятся «по-взрослому».

Основные отличия в образовательных практиках отражены в таблице 1.

Переходя к анализу взаимоотношений родителей и школы, нужно отметить, что в американских школах развито волонтерство – добровольное и безвозмездное участие родителей в организации школьной жизни. Раз или два в неделю родители приезжают в школу, чтобы помочь учителям провести внеклассное занятие, проверить задания школьников, убрать в классе, посадить цветы и т. п. Российские иммигранты бывают шокированы такой практикой, ведь на Родине вызов родителя в школу – событие экстраординарное, чревато неприятностями. В российской практике родители выступают адвокатами интересов своих детей и, хотя и критически относятся к некоторым преподавателям, стараются не вмешиваться в школьные дела. Основные различия в родительском поведении отражены в таблице 2.

Таблица 1
Сравнение образовательных практик

Постсоветская школа (коллективизм)	Американская школа (индивидуализм)
Преподавание ведется для всего класса	Индивидуальный подход в обучении
Расчет на сплоченное поведение класса как единого коллектива	Приветствуется различие в поведении внутри группы
Отклонение от коллективных предписаний строго наказывается	Оригинальность поведения и принимаемых решений считается хорошей нормой, приветствуется
Беспрекословное подчинение авторитету	Учитель – один из положительных примеров поведения для учеников, но не авторитет
Основная задача школы – обеспечивать успеваемость и послушание со стороны учеников	Основной результат учительских усилий – умение учеников мыслить самостоятельно и вести себя независимо

Таблица 2
Сравнение поведения родителей

Постсоветская семья (коллективизм)	Американская семья (индивидуализм)
Большой акцент на опеке и контроле над поведением детей	Большой акцент на независимости и автономии детей
Следуют правилу «Никогда не говорить правду о делах семьи»	Вовлечение детей в обсуждение семейных проблем
Последнее слово остается за авторитетным отцом, его решения не оспораются	Все решения взрослых могут быть оспорены в разумных пределах Мать и отец одинаково авторитетны
Домашними делами занимаются в основном женщины – мать, дочь	Домашние обязанности распределяются между всеми членами семьи
Моральное поощрение за успехи в школе и дома	Материальное поощрение за помощь по дому и школьные отметки
Дети воспринимаются взрослыми как «еще маленькие»	Дети воспринимаются родителями как одинаково ответственные и равноправные члены команды
Беспризорные дети (социальные сироты), дети, которые воспитываются бабушками, внебрачные дети*	Увеличивающееся количество одиноких родителей, семей, в которые оба родителя делают карьеру, престарелых родителей (поздние, после сорока лет, браки)*
Тенденция к сближению между родителями и детьми Вовлечение отцов в семейный круг*	Участие родителей в школьных делах*

Пояснения: Знаком * помечены обобщения, сделанные на основании анализа литературы.

На уровне семейного устройства отношения между родителями и детьми также различаются. Типичная американская семья, как и школа, поощряет инициативу ребенка. Очень распространена система кредитов за помощь по дому: детям выплачивают небольшие денежные вознаграждения за их участие в хозяйственных делах семьи. И отец и мать должны уделять внимание детям. Семья – это такая же команда, как и те, которые трудятся в коммерческих фирмах. Американские родители готовы обсуждать самые разные вопросы (в том числе сексуального характера) с детьми. Вместе с тем, согласно публикациям в прессе и аналитическим отчетам, американская семья переживает свой кризис. Хотя процент разводов снизился, резко уменьшилось и количество людей, желающих вступить

в брак. Семья стареет, браки заключаются после сорока лет, соответственно, убывает ресурс для воспитания и эмоциональной поддержки детей. В случае разводов дети могут остаться с отцом. «У американских детей практически нет бабушек и дедушек», – отмечает один из подростков. «Американцы никогда не ругаются, но наши родители больше любят друг друга, чем американцы» (отголоски нормы «Бьет – значит любит», «Влюбленные бранятся – только тешатся») (см. таблицу 2).

По-другому строятся в Америке и отношения со сверстниками. Подростки, дети наших иммигрантов, жалуются на то, что их американские сверстники «не умеют дружить». «Они никогда не приглашают на свой день рождения», «Они никогда не дружат после школы». «Если ты встретишь американского парня на улице во время летних каникул, он только холодно поздоровается и не бросится к тебе на шею». На вопросы о различиях в идеалах любви наши дети отмечают: «Они могут вступать в сексуальные отношения без любви. Секс отдельно, любовь отдельно», «Они любят гораздо спокойнее, чем русские», «Если их девушка и парень спят друг с другом, это вовсе не означает, что они любят друг друга». Основные различия отношений подростков с одноклассниками, выявленные на основании интервью с подростками, отражены в таблице 3.

Методика «Модель семьи» позволяет оценить разницу семейных контекстов, в которых оказываются дети из России. Объективно их два типа: монокультурные семьи, когда оба родителя – русские по происхождению, и мультикультурные – чаще всего, когда мать вышла замуж за американца. И в том, и другом случае мы ожидали изменения, «мутации» культурно-специфической модели семьи под влиянием давления новых культурных норм или в процессе поиска компромисса между разными культурно заданными моделями семьи.

Результаты идентификации типа отношений в семье показывают, что подростки из монокультурных семей в основном «узнают» в православной модели семьи «свою» семью, что подтверждает валидность методики (см. таблицу 4). При этом большей чуткостью и точностью в оценках отличались девушки. Юноши давали большее число отклонений: считали, что в «нашей семье все распределено поровну», и указывали на католическую или протестантскую модель семьи как «свою». Одно из объяснений состоит в том, что отношения действительно поменялись из-за давления внешней нормы паритетности в семье. Другое, психологическое объяснение – маль-

Таблица 3
Сравнение отношений подростков с одноклассниками

Постсоветская школа (коллективизм)	Американская школа (индивидуализм)
Более близкие (эмоционально интимные) отношения между одноклассниками	Более формальные и дистантные отношения
Продолжительная дружба на годы, часто на всю жизнь	Непродолжительные связи, пока есть общие интересы
Более позднее начало сексуальных отношений Тожественность между эмоциональной и сексуальной близостью	Более ранние сексуальные отношения Секс и отношения дружбы или другой эмоциональной привязанности – это разные сферы межличностных отношений
Групповая идентичность в значительной степени определяет поведение подростка	Независимое от группы поведение
Сверстники – родители: родители воспринимают друзей своих детей, как членов семьи	У родителей дистантные отношения с приятелями, одноклассниками своих детей

чки идентифицируются с отцами и не готовы признавать норму авторитарного поведения отцов в семье, отрицательную в американском обществе и обычно оспариваемую в иммигрантских семьях. Дополнительные вопросы в таких случаях: «Кто готовит и стирает в семье?» «Кто больше зарабатывает?» – и простодушный ответ: «Мама, конечно!» – помогают оценить модель семьи более реалистично. В качестве аргумента можно услышать: «Авторитет отца – это традиция», «Мама всегда говорит, что отец главный!». То есть для юношей авторитет отцов в монокультурных браках может быть символическим, а вовсе не основываться на отцовском участии в семейных делах или хотя бы на их заработках.

Девушки более чутко реагируют на мужскую доминантность в семье, отцовский авторитаризм и подчиненное положение матерей, и видят в этом несправедливом устройстве одну из причин «плохих отношений между родителями». «Он (отец) хочет командовать, но ведь мама должна и работать, и успевать по дому. Ей и так тяжело!», «С отцом отношения хуже, потому что он считает, что он всегда прав», «Первые два года отец отказывался учить язык, не хотел выполнять простую работу и практически не выходил из квар-

Таблица 4
Идентификация типа отношений в семье подростками

Вариант семьи		Дети монокультурных браков		Дети межкультурных браков	
		Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
1	Православная с авторитарным отцом	7	5	3	
2	Православная с субдоминантным отцом		1		
3	Католическая (нормальная)	3	1	1	5
4	Протестантская (американская)	3	1		1
5	Протестантская (сектантская)		1		

тиры. Все легло на маму. Она его опередила. Своими придирками он только мешает нам жить».

Особую сложность в идентификации и для исследователя, и для подростка представляют межкультурные семьи, в которые вталкиваются разные культурные модели семьи (см. таблицу 5). Подростки из межкультурных семей использовали не весь предлагаемый им набор семейных моделей. Наиболее популярной среди юношей снова оказалась православная модель семьи с доминантным отцом, а среди девушек – католическая модель.

Расхождение между идеальной и реальной семьей позволяет ответить на вопрос о сбалансированности власти и ответственности в семьях. Если подросток оценивает свою семью как православную с доминантным отцом, а хотел бы, чтобы отношения в семье строились по католическому типу, это прямое указание на то, что власть отца в семье оценивается им как чрезмерная и он желает ее ослабления.

Чем меньше устойчивость семьи, тем больше расхождений между реальной и идеальной семьей демонстрирует подросток. Если конфликтность в семье высокая, а удовлетворенность низкая, идеальная семья должна быть «другой». Особенность межкультурных браков состоит в том, что девушки идентифицируют себя с родными матерями, а юноши с неродными отчимами (father-in-law). С другой стороны, именно американские отчимы являются носителями статуса и должны вызывать более высокие оценки, по сравнению

Таблица 5
Соотношение совпадений и несовпадений в восприятии
идеальной и реальной семей

Соотношение совпадений/несовпадений	Дети монокультурных браков		Дети межкультурных браков	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Совпадение	8	6	1	2
Несовпадение	5	3	3	4
Общее число сравнений реальной и идеальной семьи	13	9	4	6

с матерями. Но авторитет в семье для подростков из СНГ определяется эмоциональной близостью к родителю. Такие отношения чаще всего складываются с матерью.

Дети межкультурных браков демонстрируют большую степень рассогласования между идеальной и реальной семьями, что, на наш взгляд, и выдает неудовлетворенность новой семьей. Отношения между юношами и американскими отчимами в межкультурных семьях чаще всего конкурентны. Юноши склонны считать, что отчимам делегируется слишком много власти. Подростки жалуются на давление в семье со стороны родителей: «Они вмешиваются в мои дела, не доверяют мне. Особенно отчим достаёт. Какое он имеет право?»

У девушек наблюдается, скорее, идентификация с матерью, и они хотели бы, чтобы маме предоставлялось больше свободы и власти.

Рассогласование между идеальной, ожидаемой семьей и семьей реальной является поводом для того, чтобы отчим-американец олицетворял собою все неприятности, рассматривался как основная причина неудовлетворенности новой семьей и новой страной. «Американцы – хорошие, матери просто не повезло с мужем!»

Дети иммигрантов из монокультурных и межкультурных семей испытывают трудности в выборе идеалов. Юноши предпочитают модели с мужским доминированием, девушки – модели равенства, протестантскую модель, более прогрессивную, по сравнению с семьей с субдоминантной и зависимой женщиной. Таким образом, девушки проявляют большую готовность к мимикрии к норме страны их нового проживания, а юноши – ригидность и фактически являются единственными носителями нормы семей по православ-

ному типу. Большинство из них, как показывают иммигрантские истории, обречены на то, чтобы в более зрелом возрасте искать «настоящую женщину», привозить жен из России.

В случае смешанных (в нашем случае – российско-американских) семей различие сценариев и семейных моделей объективно приводит к дисгармонизации отношений в семье, что может переживаться как ухудшение частной жизни.

По мере гармонизации позиций в парах, дети оказываются эмоционально ближе к матери, то есть может получиться не детоцентристская семья по католическому типу, а иерархическая модель семьи: отец → мать → дети. Дети могут вытесняться из семейного круга как «дисгармоничный» член семьи. Женщинам трудно соблюдать эмоциональный баланс в условиях неопределенности культурных норм; нуждаясь в поддержке, они сближаются с мужьями, иногда перекрывая детям пути к психологической близости с отчимами. Между матерями и детьми может возникать конкурентность по отношению к новому супругу и отчиму, часто единственному эмоциональному спонсору в иммиграции. Интересно, что в интервью с подростками российские матери практически никогда не подвергались критике. Мать в рассказах подростков – или героиня, или жертва. Мы уже писали раньше, что в нашей культуре есть своего рода табу на критическую оценку женщины-матери (Маховская, 2010б). Эта норма противоречит возможности широкого и публичного обсуждения семейных проблем, обычной для протестантской, американской культуры.

Российская жена чаще всего попадает в неестественную для себя ситуацию финансовой, социальной и психологической зависимости от мужа. Зона ее ответственности, максимально широкая в случае отечественной модели семьи, сужается, а скрытая власть начинает пресекаться. Кроме того, привычные способы эмоциональной поддержки невозможны из-за удаленности подруг и родственников. Для того чтобы новая идентичность подростков и их матерей закрепилась, она должна получить и получать впоследствии достаточное количество положительных подкреплений и эмоциональную поддержку. Образ Я должен насыщаться положительными эмоциями.

Выводы

В результате проведенных исследований мы можем представить сложную картину социализации детей наших иммигрантов в США.

Дети, имеющие опыт образования и воспитания в России и СНГ, переехавшие в США с одним из родителей или с полной семьей, попадают в объективно сложные, необычные условия воспитания и образования; конфликт норм социализации неизбежен и затрудняет спонтанное, естественное для подростков вживание в новое общество. По-разному строятся отношения в школе. В американском варианте она напоминает фабрику, в которой каждый движется по своему конвейеру, в российском – семью одноклассников. Ожидания подростками из семей иммигрантов глубоких эмоциональных отношений с одноклассниками не оправдываются. Непросто сориентироваться в школе, где нет единой, универсальной шкалы оценок: вместо пятибалльной – система накопления кредитов.

И в семье, и в школе наши подростки в большей мере рассчитывают на опеку и любовь, жалуются, что их «не любят» или что их «любят искусственно, не по-настоящему». Переживая период эмансипации, они приветствуют паритетные отношения с американскими учителями, которые «не давят на них авторитетом», «не давят на мозги», «не командуют», ведут себя «как друзья», в отличие от своих, российских.

Подростки в большей мере реагируют на распределение власти в семье и школе, чем на распределение ответственности. В семье чаще всего поддерживают мать как основного «лоббиста» их интересов. От отцов они ждут формальных вещей: он должен зарабатывать деньги, чтобы содержать дом. Особо конфликтно складываются отношения в случае межкультурных браков. Подростки демонстрируют большее рассогласование между желаемой и ожидаемой моделью семьи и, следовательно, большую неудовлетворенность внутрисемейными отношениями. Американский отчим становится объектом особой критики и может рассматриваться как основная причина семейного неблагополучия.

Наши данные, указывающие на принципиальную несовместимость типичных сценариев социализации в США и России, проливают свет на известный феномен эмиграции – «межпоколенный разрыв», или «проблему второго поколения» (generation-2). Его происхождение традиционно связывают с разным темпом усвоения языка взрослыми и детьми. Смена родителями стратегических сценариев («переехать в другую страну», «выйти замуж за иностранца», «выучить английский язык») не приводит автоматически к успешной адаптации к культуре принимающей страны. Нарушение единства семьи происходит потому, что люди перестают жить

при спонтанно сложившемся единстве сценариев. Отбор ситуативных, или тактических, сценариев возможен при достаточном развитии субъектного уровня идентичности, способности подростка и взрослого к независимой оценке текущих обстоятельств и людей. Такая способность формируется у подростков в период эмансипации. В нашей культуре чаще всего это происходит стихийно, без поддержки взрослых. Часто не принято обсуждать с детьми проблемы. И тогда интуитивный или сознательный выбор сценариев поведения подростками производится грубо. Им легче ориентироваться на группу – быть или как все американцы, или как все русские. В редких случаях родители берут на себя труд провести инвентаризацию (recollection) сценариев отношений семьи с окружением. Более того, они сами нуждаются в помощи «проводников» в другую культуру. Отсутствие навыка анализа, сравнения и выбора нетипичных сценариев у российских иммигрантов, трудность интеллектуальной и эмоциональной работы по систематическому проживанию и переоценке новых событий – все это может спровоцировать желание слепо следовать за группой, переложив на нее ответственность за свои поступки и жизнь. Это снижает шансы на успешную интеграцию наших иммигрантов и их детей в американское общество.

Знания о различиях в системах социализации детей в России и США очень важны не только для психологов и психотерапевтов, но и для всех принципиальных социализаторов, которые хотят помочь ребенку адаптироваться в новом обществе, а именно – учителей, родителей, социальных работников. Основной груз аккультурации не должен падать на детей, которые вынуждены следовать за своими родителями по всему миру. Переход человека в другую культуру не только помещает его во внешнюю, маргинальную позицию, но вытесняет на окраины его собственной идентичности, внутренней жизни. Может ли внутренняя маргинализация быть основой будущей интеграции иммигранта в культуру принимающей страны? По-видимому, да, если будет смещен эпицентр Я, расширено поле самоидентификаций. Это не может произойти умозрительно. Это – большой и трудный путь по ситуативному взаимодействию с представителями других культур, апробации и усвоению иных норм поведения и нравственных критериев оценок. Чем богаче опыт, тем глубже нравственный кризис, который переживает личность в попытках соотнести различные нравственные и культурные предписания.

Литература

- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991.
- Брушлинский А. В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы историко-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 14–285.
- Марченко (Маховская) О. И. Восприятие новых коммуникативных событий в условиях опосредованного общения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Маховская О. И. Человек «поколения излома»: опыт научной идентификации // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 199–207.
- Маховская О. И. Коммуникативный опыт личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Пот Ю., Коптельцева Г. Встречи на грани культур: Игры и упражнения для межкультурного обучения. Калуга: Полиграф-Информ, 2001.
- Социализация детей мигрантов: Материалы II Международного круглого стола по проблемам культурной и психологической адаптации детей мигрантов, эмигрантов и беженцев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983.
- Banks J. Cultural Diversity and Education. Foundations, Curriculum, and Teaching. Boston, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: Allyn and Bacon, 2001.
- Barett M. English children's acquisition of a European identity // Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Social Change / Eds G. Breakwell, E. Lyons. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996.
- Bronfenbrenner U. Two words of Childhood, The USA and USSR. N. Y., 1977.
- Harre R. Social Being: A Theory for Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979.
- Jasinska-Lahti E. Psychological acculturation and adaptation among Russian-speaking adolescents in Finland / Academic Dissertation,

- University of Helsinki, Department of Social Psychology, Faculty of Social Sciences. March, 2000.
- Makhovskaya O. I.* From Moscow to Seattle via Paris: Looking for a New Immigration Policy for Russians // Newsletter, REECAS. May, 2002.
- Menon U.* Analyzing emotions as culturally constructed scripts // Culture and Psychology. 2000. V. 6. P. 40–50.
- Mirny A.* Russian adolescents in American schools: a study of personal and relational experiences in the context of cultural transition // Thesis Proposal. February, 2001.
- Miyamoto Y., Kulhman N.* Ameriorating culture shock in Japanese expatriate children in the US // International Journal of Intercultural Relations. 2001. V. 25. P. 21–40.
- O'Sullivan T., Hartley J., Saunders D., Montgomery M., Fiske J.* Key Concepts in Communication and Cultural Studies. London, N. Y.: Routledge, 1994.
- Rancour-Laferrier D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N. Y.: New York University Press, 1995.
- Ratner C.* A cultural-psychological analysis of emotions // Culture and Psychology. 2000. №6. P. 5–39.
- Shweder R. A., Bourne E. J.* Does the concept of the person vary cross-culturally? // Culture theory: Essays on mind, self, and emotions / Eds R. A. Shweder, R. A. LeVine. Cambridge, CA: Cambridge University Press, 1984. P. 191–207.
- Sheets R. H.* Human development and ethnic identity // Racial and Ethnic Identity in School Practices / Eds R. H. Sheets, E. R. Hollins. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1999.
- Suarez-Orozco C., Suarez-Orozco M.* Children in immigration. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 2002.
- Triandis H. C.* Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995.
- Ward C. A., Bochner S., Furnham A.* The psychology of cultural shock. Hove, UK: Routledge, 2001.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Коррупция как психологическая проблема

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных (Transparency International, 2010), соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем еще в 2000 г. она находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд. долларов в 2001 г. до 300 млрд долларов в 2006 г. (Глинкина, 2010). Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долларов. Средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10% от стоимости заказа, в середине 2000-х – 30%, в конце же 2000-х – до 70% (Александров, 2011). А в 2011 г., по данным МВД, в нашей стране было совершено 28 млн. (!) коррупционных актов.

При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Продаются не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и многое другое. Отечественная рыночная экономика – самая «рыночная» в мире в том печальном смысле, что у нас можно купить то, что в других странах не купишь. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», – отмечает С. П. Глинкина (Глинкина, 2010, с. 236). Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе (Щепляев, Пивоварова, 2011, с. 4), где заседает подозрительно много сверхбогатых людей, а также данные

о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки (Диагностика..., 2001). Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» (Глинкина, 2010) и т. п., причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае – журналистов. Закономерно, что все чаще звучат такие утверждения, как «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» (Болдырев, 2010, с. 460), «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» (Глинкина, 2010, с. 444), «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносят российское общество, то коррупция, бесспорно, является, самым массовым» (Диагностика..., 2001), «Коррупция для России страшнее НАТО» (Гудков, 2010) и др. Опросы показывают, что первейшим условием модернизации нашей страны россияне считают жесткую и эффективную борьбу с коррупцией (Мареева, 2012).

Исследователи проблемы подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое*, системно организованное социальное явление, интегрирующее экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие (Глинкина, 2010). Присутствует в нем и *психологическая составляющая* (имея самостоятельное значение, она органически включена и в перечисленные – социальную, управленческую, этическую и др.), что создает для психологической науки необходимость включения в междисциплинарное изучение этого явления, а для психологической практики – в его искоренение.

Психология только начинает присоединяться к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию. Справедливо отмечается, что «В современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не из-

* Одна из основных классификаций ее форм основана на различии бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман описывает такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция (Grossman, Trempl, 1987). Различают также «низовую» и «верхушечную» коррупцию, коррупцию бюрократическую, политическую и государственную (Церкаевич, 2012) и т. д.

учены» (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 188). При этом «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность. Она выражается в том, что в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании аспектов психологических. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребностей и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» (Антонян, 2011).

Психология коррупции – самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования. В психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осуждённых за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как стремление общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. (Социально-психологические исследования..., 2010). Психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осуждённых за общеуголовные преступления, при этом они, как правило, полагают, что *расплата за их коррупционную деятельность не наступит никогда* (там же)*. Для них характерны такие виды психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Это убеждение позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше»), преподнося ее как своего рода «экспроприацию экспроприаторов».

В описанных исследованиях выявилась также взаимосвязь коррупции и агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупции служит скрытая агрессия (там же), а, стало быть, высо-

* Аналогичный эффект выявлен в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близорукостью» (Психологи изучили причины коррупции, 2011).

кая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества (Юревич, Ушаков, 2009) вносит большой вклад в распространенность коррупции. Сказывается и нравственная атмосфера этого общества. В частности, трудно не согласиться с писателем Д. Корецким в том, что «все упирается в честь и совесть. Законы – вторичное явление» («Разбычить» общество, 2012, с. 3).

Любопытные результаты дало социально-психологическое изучение *мотивов коррупционного поведения*, которое высветило два ведущих мотива: достаточно очевидный – стремление к материальным благам, и менее тривиальный, заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре (Антонян, 2011). По мнению Ю. М. Антоняна, «игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» (там же).

Следует подчеркнуть, что и сам индекс коррупционности, широко используемый Transparency International, во многом «психологизирован», поскольку основан на экспертных оценках. Поэтому для придания ему более объективного характера необходим учет психологических механизмов вынесения таких оценок, их психологической специфики в разных странах и культурах, а также других социально-психологических факторов.

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции* (вообще в данном случае дисциплинарная граница очень условна), проводимые фондом ИНДЕМ. В частности, фиксируются такие характеристики современной рос-

* Естественно, изучение коррупции проводится и в других странах. Например, группой ученых из Института социологии г. Лунд (Швеция) было предпринято интересное исследование на тему «Взятки и мораль», в результате которого выявились, в частности, пять основных элементов стереотипа взятки, существующих в массовом сознании: 1) секретность, 2) ценность, 3) производство выгоды, 4) четкая последовательность (сначала дар, потом – услуга), напоминающая известную схему: «утром деньги, вечером – стулья», 5) принятие дара на дистанции от дарителя (в этом компоненте явно присутствует шведская специфика) (см.: Церкаевич. 2012).

сийской коррупции, как открытость и цинизм (Диагностика..., 2001). Они соглашаются с приведенными выше данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты, отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. Отметим в данной связи, что, согласно результатам зарубежных исследований, наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются высокоинтеллектуальные и творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач (Психологи изучили причины коррупции, 2011). В результате некоторые коррупционные схемы, например, организация коррупционной деятельности на наших таможнях, просто поражают своей изощренностью и «совершенством».

Российское отношение к коррупции

Исследователи проблемы подчеркивают три важных свойства российского отношения к коррупции, непосредственно связанные с нашей массовой психологией.

Первое свойство – *толерантность* к коррупции, отношение к ней как к повсеместному («воруют-с», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю. Ю. Болдырев, «сама идея нормальности „минимума коррупции“ уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» (Болдырев, 2010, с. 457). В отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции – относительное спокойствие и равнодушие» (Диагностика..., 2001).

Второе важное свойство нашего отношения к коррупции состоит в том, что выраженное осуждение получают не сами по себе акты коррупции, а лишь *запредельные размеры взяток*, в особенности если они «непропорциональны» должности коррупционеров (например, недавний случай, когда рядовой следователь требовала с предпринимателя взятку в 3 миллиона долларов: если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, все прошло бы без огласки).

Третья регулярно акцентируемая особенность российского отношения к коррупции – *непоследовательность и противоречивость*.

Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «Я и мое окружение – другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь – не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает отрицательной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Отвечая на вопрос о том, кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционных сделок, более трети респондентов называют чиновника, а оценивая свой собственный опыт таких сделок, на чиновника указывает вдвое меньшее число людей, лишь 17% респондентов (Диагностика..., 2001). Очень симптоматично и восприятие нашими согражданами своего поведения в соответствии с формулой: «Да, взятки берем, но решаем по совети». Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии (Андреева, 1997; и др.).

Важная социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции, состоит в приоритете неформальных социальных отношений над формальными, «неуставных» над «уставными». Как отмечает Т. А. Нестик, «патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» (Нестик, 2002). В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и др.* «Взятка, – пишет В. Радаев, – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, ко-

* Следует подчеркнуть, что «в словаре коррупция (от *лат.* corrumpere – портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам» (Социально-психологические исследования..., 2010, с. 191). В международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме вообще не упоминаются. Например, коррупция определяется как «злоупотребление властью или понятием доверия ради персональных привилегий или в пользу привилегий другому лицу или группе лиц, к которым наблюдается отношение лояльности» (цит. по: Церкаевич, 2012, с. 532).

торая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» (Радаев, 1998, с. 162). Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее материальных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченные возможности.

Нашей российской, как и другим культурам, не изжившим элементы патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, в том числе и властными структурами, всевозможные «серые кардиналы», «банановый»^{*} механизм приближения к власти и т. п. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг» (Алексеев, 2008). Отсюда проистекают такие очень характерные для нашего общества явления, как, например, то, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. «Родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. (Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти.)» (Белай, 2011). Сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. Справедливо отмечается, что «не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» (Цепляев, Пивоварова, 2011, с. 4), – в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах.

* Появление этого термина связано с тем, что в так называемых «банановых» республиках вся родня их президентов, как правило, тоже состоит во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т. д.

Нет и закона об инсайдерстве, который запрещал бы чиновникам использовать служебную информацию в целях личного обогащения, а также предоставлять ее своим родственникам и знакомым. Бытовой лексикон россиян изобилует такими выражениями, как «искать выход на» (далее указывается имя большого начальника), а для поведенческой практики наших сограждан очень характерно, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве виновника, тут же начинать звонить не в ГАИ и не в службу Скорой помощи, чтобы она была оказана пострадавшим, а своим друзьям и знакомым – дабы «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от него зависящего, готового взаимодействовать с государством только через „черный ход“ беззакония» (Дубин, 2011, с. 19).

Привычка добиваться чего-либо «через черный ход» – «по знакомству, по блату» и т. п. – органически внедрена в российский менталитет и, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели. Исследование, проведенное в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, продемонстрировало: на вопрос «Что необходимо, чтобы стать богатым в России?», 63,6% выбрали ответ «иметь нужные связи» (Нестик, 2002). Другой опрос показал, что проблему борьбы с коррупцией 86% населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40% выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике (Клямкин, Тимофеев, 2000), очевидно, не видя связи одного с другим. По данным фонда ИНДЕМ, необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся, активную же антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15% граждан (Диагностика..., 2001). В подобных условиях не выглядит удивительным, что, вступая в международные организации по борьбе с коррупцией, такие как ГРЕКО, наша страна систематически не выполняет соответствующих конвенций, в частности, не вводит закон о конфискации имущества коррупционеров и их ближайших родственников, то есть поведение России на международной арене служит продолжением наших бытовых традиций.

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие российскую склонность к коррупции: 1) кор-

рупция – это пережиток советской экономики дефицита, 2) психология взятки укоренена в традиционных для патриархальных культур отношениях одаривания, 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей специфической рыночной экономики (Алексеев, 2008). Самым простым подтверждением их конъюнкции служит то, что мздоимство было характерно для отечественной культуры всегда, но нынешний уровень коррупции для нее – беспрецедентен. В то же время идея о том, что коррупция не возникает на пустом месте, а служит продолжением отношений, характерных для данного общества, нуждается в уточнении применительно к разным уровням таких отношений. В частности, если на низшем уровне коррупция представляет собой «верхушку айсберга» традиций одаривания и других видов патриархальных отношений, то на высшем выглядит лишь как один из видов бесконтрольности власти в ряду таких, как тенденция безнаказанно и грубо вести себя и совершать поступки, за которые людям попроще не удалось бы избежать уголовной ответственности.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «неуставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *организованный характер*. Как отмечает С. П. Глинкина, «„коррупционер-одиночка“ в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс „корпоративизации коррупции“» (Глинкина, 2010, с. 443). В результате Россия причисляется к не просто коррумпированным, а к *системно коррумпированным* странам (Ниненко, 2012).

В этих «сетях» отчетливо выражены горизонтальное и вертикальное «измерения». Горизонтальное проявляется в тех случаях, когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», а другой – воздерживался от этой практики. Вертикальное – в ситуациях построения коррупционных структур как «коррупционных вертикалей», в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т. д. Попадая в коррупционные «сети», практически невозможно остаться некоррумпированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся избавиться. Коррупционеры «своих не сдают», отчетливо проявляется феномен «круговой поруки» (Алексеев,

2008)*, а что-либо изменить в соответствующих структурах можно только извне и при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррумпированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть „отката“ руководителю фирмы и т. д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» (Глинкина, 2010, с. 443).

Следует отметить и то, что в отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность. Еще с советских времен у нас принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, в качестве само собой разумеющейся – несмотря на то, что оказывающие такие услуги и так должны это делать. Скажем, считается просто неприличным прийти, например, к врачу, не подарив ему коробку конфет (или горячительный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что «так принято». (Вспоминаются слова из песни Б. Окуджавы про черного кота: «Каждый сам ему выносит и спасибо говорит».) Поэтому неудивительно, что основная часть коррупционного оборота приходится в нашей стране не на долю постоянно критикуемых чиновников, а на людей таких профессиональных групп, как врачи, учителя, таможенники, пожарные и т. п.

Подношения некоторым из них воспринимаются в нашей стране не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают абсолютное непонимание в других культурах. Например, россий-

* Отмечается и то, что «в определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» (там же).

ские эмигранты на Брайтон Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь заплатить им за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

Мы считаем нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как коррупционное *преступление*. Подобное отношение к коррупции имеет в России давние традиции. Так, например, еще в XVIII–XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании, что нашло отражение во множестве пословиц и поговорок (Антонян, 2011). Сейчас, согласно данным различных опросов, практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или иной форме. Причем, как показывают социологические исследования, *коррупционное предложение, то есть количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает коррупционный спрос, то есть число случаев вымогательства* (Алексеев, 2008).

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в России, особенно в современной, «это больше чем коррупция», даже при самом широком толковании последней, характерном для международных программ борьбы с нею. Она оценивается, причем даже высокопоставленными отечественными чиновниками, как *наш образ жизни* (Гудков, 2020). Возможно, это – преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» (Диагностика..., 2001).

При этом наша страна вписывается и в общемировые закономерности коррупции, находясь под влиянием соответствующих факторов. Так, например, уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм, которые еще не закреплены в законах, и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников (Huntington, 1968). Поэтому, в частности, радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников рассматривается в качестве одного из главных направлений

борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также anomia, равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовые цинизм и утрата здравого смысла (Klitgaard, 1991). Коррупция связана и с различными национальными особенностями общественной жизни, например, с традицией делать подарки (Antvig, 1991; Arunthanes, Tansuhaj, Lemac, 1994), с такой характеристикой культур, как коллективизм/индивидуализм (LaPalombara, 1994), с особенностями религиозных конфессий (LaPorta, Lopez-De-Silanes et al., 1999) и с другими факторами. В результате «*коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры*» (Нестик, 2002).

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований социокультурной обусловленности коррупции. Высказывается, например, точка зрения, согласно которой «антикоррупционная этика базируется на определенном западноевропейском идеале» (Церкасевич, 2012, с. 538), что подтверждается более низким уровнем коррупции в европейских странах, по сравнению с неевропейскими (Transperancy International, 2010)*. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность абсолютизации подобных позиций. К тому же, существуют и их опровержения: например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ощутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм в данном плане внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия (Психологи изучили причины коррупции, 2011). Однако возвращаясь в родные высококоррупцированные страны, они снова берутся за старое – начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека,

* В целом же по Индексу восприятия коррупции (ИВК) из 174 стран, для которых он рассчитывается, лишь 24 (14%) страны определяются как страны с низким уровнем коррупции, а для остальных она представляет серьезную проблему (Нисневич, 2012). При этом и в странах с низким уровнем коррупции, например, в Швеции, с ней тоже далеко не все благополучно (Церкасевич, 2012). Отмечается, что «коррупция имеется во всех странах, но особенно она распространяется в государствах, где правовая система, средства массовой информации и государственное управление слабые и неразвитые» (там же, с. 534).

которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» (там же).

Социально-психологические факторы коррупции можно сгруппировать в системе трех основных компонентов, которыми являются: 1) коррупционер, 2) коррумпирующий, 3) их окружение – косвенные участники коррупционных актов. Как отмечает Т. А. Нестик, «коррупция – это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон... эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» (Нестик, 2002). Следует подчеркнуть, что традиционная трактовка коррупционных актов обычно игнорирует их *третью сторону*, учитывая лишь коррумпируемого и коррумпирующего, в результате чего за пределами анализа остаются важнейшие механизмы коррупции и соответствующие социально-психологические процессы. Как подчеркивает Л. В. Церкаевич, «в коррупцию вовлечены обе стороны, то есть дающий и берущий, хотя обычно в фокусе внимания находится только берущий» (Церкаевич, 2012, с. 533).

Можно выделить и основные проблемы, возникающие в связи с социально-психологическим изучением коррупции. К их числу относятся: 1) макропсихологические факторы коррупции, 2) социально-психологические особенности коррупционеров, 3) социально-психологические характеристики коррумпирующих, 4) социально-психологические факторы отношения к коррупции в обществе, 5) психологические меры противодействия коррупции, 6) психологический мониторинг антикоррупционных законов, 7) этнопсихологические типы коррупционного поведения и др.

Социальные и психологические препятствия борьбе с коррупцией

Одним из главных препятствий борьбе с коррупцией в современной России является часто отмечаемая коррумпированность значительной части чиновников, в том числе и тех, которые, в силу своего служебного положения, обязаны бороться с коррупцией. Это создает своеобразную подоплеку такой «борьбы», придавая ей вид, который вписывается в известную схему «пчелы против меда». Исследователи проблемы подчеркивают, что «призывы к борьбе с коррупцией мы

слышим, можно сказать, из самых центров этой самой коррупции» (Болдырев, 2010, с. 458), «Борьба с коррупцией подменяется борьбой друг против друга различных групп коррупционеров» (Диагностика..., 2001) и т. п. Иногда дело обстоит еще хуже: в наших многочисленных организациях, призванных выполнять антикоррупционные функции, присутствует немало псевдолибералов, которые не просто симулируют борьбу с коррупцией, а *откровенно саботируют и блокируют эту борьбу, к тому же вознося это блокирование на идеологический уровень.*

Оценивая регулярно звучащие упреки власти в симуляции борьбы с коррупцией, необходимо проводить грань между властью в узком и в широком смысле слова, различая высшую государственную власть и российскую властвующую элиту в целом. Да и вообще, то, что у нас принято называть «властью», представляет собой конгломерат различных социальных групп, руководствующихся многообразными и далеко не всегда прообщественными интересами. При едва ли вызывающей сомнения искренности намерений высшей государственной власти уменьшить масштабы коррупции удивляет ее неразборчивость в назначении чиновников высокого уровня, в результате которой если два высших руководителя нашего государства вызывают доверие у основной части населения, то их ближайшее окружение – уже нет. Распространено мнение о том, что подобное формирование окружения высшей власти – ее замысел, а не недосмотр. Еще в 1910 г. в статье с характерным названием «Русское взяточничество как социально-историческое явление» П. Берлин писал: «Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают, и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее угодливым элементом» (цит. по: Глинкина, 2010, с. 450).

С тех пор лишь немногое изменилось, а если и изменилось, то не всегда в лучшую сторону. Так, по данным, которые приводят наши СМИ, супруги большинства наших министров сами зарабатывают (при этом нередко считаясь домохозяйками), и зарабатывают очень много (Антонян, 2012; и др.). Трудно предположить, что все они являются высокоталантливыми предпринимателями, естественнее предположить другое. Либо их коммерческая активность – это завуалированная коммерческая деятельность их мужей, на которую те как министры не имеют права, либо – что им создаются «особые»

условия для коммерции в силу положения, занимаемого их мужьями. Два первых лица в нашем государстве не могут обо всем этом не знать и, очевидно, просто закрывают глаза на имеющие коррупционный оттенок способы обогащения их ближайшего окружения. Происходит обмен либерального отношения первых лиц государства к таким способам обогащения высших чиновников на их *лояльность*, а коррупция оказывается картой в более важной игре, имеющей ставкой *стабильность власти*. В результате формируется очень специфическая схема борьбы с коррупцией, предполагающая борьбу с коррупцией *как явлением*, но не с высокопоставленными коррупционерами, которые признаются таковыми лишь в случае утраты ими политического «доверия». Характерно и то, что из многочисленных мер по борьбе с коррупцией, предлагаемых создаваемыми властью организациями, она систематически изымает наиболее радикальные, такие, как, например, конфискация имущества осужденных по коррупционным статьям УК. При этом утрата высокими чиновниками политического «доверия» явно предшествует возбуждению против них уголовных дел.

Справедливо отмечается, что «В странах, где существует коррупция на верхних этажах власти, легко процветают и развиваются традиции коррупционных действий в нижних слоях общества и среди простого народа» (Церкаевич, 2012, с. 533). И действительно, трудно ожидать от простого народа исполнения законов, которые систематически нарушает власть. Но при этом «От коррупции страдают больше всего слабые слои населения, поскольку именно они часто не в состоянии заплатить за необходимое дорогостоящее лечение, достойное образование и жилье» (там же).

Одним из главных препятствий в борьбе с коррупцией является также отношение к ней отечественных неолибералов*, в основе

* Их часто называют и *псевдолибералами* в виду их большого отличия от истинных либералов. Как пишет С. В. Кортунов, «либерализм – это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский, Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм – это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт (Кортунов, 2009, с. 193–194). Основатели российского либерализма – Б. Н. Чичерин, М. М. Сперанский, П. Н. Милюков – были бы сильно удивлены, если бы узнали, кого принято называть либералами в современной России. Отмечается и то, что у наших неолибералов парадоксальным образом сочетаются приверженность к экономическому либерализму и политическому авторитаризму (Алексеев, 2008; и др.).

которого лежат две очень сомнительные системы идей. Во-первых, разработанная в зарубежной науке теория коррупции как статусной ренты, приписывающая ей позитивное влияние на экономику посредством преодоления несуразностей бюрократической системы и т. п. Согласно этой теории, развиваемой Г. Беккером, Р. Вишни, П. Маури, В. Танци и др., участники коррупционных отношений пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов, а коррупция в целом представляет собой рациональный способ оптимизации издержек хозяйственной деятельности*. Отдается должное и тому, что коррупция служит механизмом «компенсаторного» вознаграждения госслу-

* Данная позиция не совсем обосновательна, однако ее универсализация делает ее абсурдной. Так, например, исследования, проведенные Всемирным банком, показали, что коррупция, помимо ее прочих негативных социальных и экономических эффектов, не столько преодолевает бюрократию, сколько содействует появлению новых, и притом бессмысленных, бюрократических правил, применение которых отдается на усмотрение чиновников, что порождает новый виток коррупции (Глинкина, 2010). По мнению отечественных экспертов, опрошенных фондом ИНДЕМ, основные «издержки» коррупции – разрушение государственной системы, государственного аппарата, правоохранительных органов и механизмов нормальной рыночной экономики, уменьшение инвестиций, торможение экономического развития, политическая нестабильность, угроза демократии и др. (Диагностика..., 2001). По расчетам американского экономиста Шан-Чин Вая, увеличение индекса коррупции на один балл (при десятибалльной шкале) сопровождается падением на 0,9% прямых иностранных инвестиций (Наумов, 2008). Отмечается и тот факт, что коррумпированные режимы никогда не пользуются «любовью» граждан, всегда очень неустойчивы и создают высокую вероятность революций (там же). Вполне закономерно, что, по данным опросов, наши сограждане считают коррупцию главной проблемой современной российской экономики (Что является основной проблемой..., 2012). При этом необходимо учитывать не только собственно экономические, но и политические последствия коррупции, которая дестабилизирует, а иногда и разрушает общество. В частности, призыв «Долой коррупцию!» стал главным лозунгом тунисской и египетской революций (Шипова, 2011, с. 117), а на вопрос «Что мешает европейской модернизации России?» основная часть (55%) респондентов назвали именно коррупцию (там же). Опасность коррупции, ее разрушительное влияние на демократические институты, этические ценности и справедливость отмечаются и в направленной против нее Конвенции ООН.

жащим их недостаточно оплачиваемого труда. Во-вторых, собственная, активно распространявшаяся в начале 1990-х годов идея наших неолибералов о том, что первоначальный капитал неизбежно аморален и связан с криминалом, но в дальнейшем, отделенный от своих первоначальных корней, играет в экономике позитивную роль. В результате эта категория идеологов, придя к власти в нашей стране в 1990-е годы, отметилась и весьма либеральным отношением к коррупции, что выразилось и в их действиях, и в высказываниях. Так, например, А. Лившиц, отвечая на вопрос одной из московских газет, откровенно заявил, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может подрвать экономические реформы (Глинкина, 2010, с. 446). Естественно, подобные утверждения вытекали не только из концептуальных позиций, но и из личных интересов их авторов, придавая легитимную форму их действиям, – в частности, перераспределению общественной собственности в личных интересах, которое не успевшему сориентироваться в происходящем населению выдавалось за создание основ рыночной экономики.

Сыграли свою роль и псевдолиберальные идеологемы более общего характера, активно навязывавшиеся российскому обществу в начале 1990-х и сохранившие свою влияние до сих пор: «свобода – это полное отсутствие запретов и ограничений», «запреты неэффективны», «репрессивные меры себя полностью исчерпали», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает», «главное – деньги, и неважно, как они заработаны» и т. п. Подчеркнем, что подобные идеологемы внедрялись в наше массовое сознание при полном отсутствии попыток их хоть как-то обосновать и доказать, а их абсурдность с лихвой компенсировалась соответствием самым низменным устремлениям криминализованных и люмпенизованных слоев населения. Например, такие идеологемы, как «запреты неэффективны», противоречат и небызывственным десяти заповедям, и всей истории человечества, да и главному отличию человека от животных. Однако это не мешает нашим неолибералам регулярно и настойчиво отстаивать подобные нелепости.

Трудно не уловить прямую связь между подобными идеологемами и предельной либерализацией современного российского законодательства в отношении коррупции, в частности, отменой Статьи УК о конфискации имущества коррупционеров и их родственников, что противоречит и практике западных стран, и международным протоколам, подписанным Россией. Показательно и то,

что, подписав Конвенцию ООН о противодействии коррупции, наша страна сделала ряд оговорок и не приняла статью этой Конвенции о незаконном обогащении. Наказания наиболее «выдающимся» коррупционерам в современной России выглядят очень мягкими, что отмечается многими исследователями проблемы (Ниненко, 2012; и др.). Коррупционеры получают небольшие сроки тюремного заключения*, а то и вообще отделяются условными наказаниями, выходят на свободу намного раньше – за участие в тюремной самодеятельности и другие формы образцового поведения в местах лишения свободы, а, освободившись, пользуются многочисленными объектами недвижимости, записанными на своих родственников. Как отмечает С. В. Алексеев, «даже там, где коррупционное преступление удалось зарегистрировать, раскрыть и довести до суда, наказания коррупционерам назначались настолько мягкие, что говорить о социальной профилактике коррупции и социальном контроле не представлялось возможным» (Алексеев, 2008). Для сравнения: в Китае с 2000 г. за коррупцию были расстреляны 10 тыс. чиновников и около 120 были осуждены на сроки от 10 до 20 лет (Тудоровский, 2011, с. 18). Отмечается и то, что «обычно судебные разбирательства над властью имущими тянутся как резина: волокита начинается еще на уровне следственных мероприятий» (Шейкина, 2012, с. 17). Зато наша правоохранительная система с лихвой отыгрывается на врачах, учителях и других незащищенных группах населения, обильные «посадки» представителей которых призваны создать иллюзию активной борьбы с коррупцией.

Хотя наказания для особо отличившихся коррупционеров, как показывают опросы, расцениваются основной частью населения как явно непропорциональные тяжести совершенных ими преступлений, сейчас происходит дальнейшая либерализация соответствующей части законодательства. В частности, теперь будет запрещено брать их под стражу до вынесения обвинительного решения судом, что, как нетрудно догадаться, даст им возможность неспешно скрыться за рубежом (их деньги и виллы, их дети – уже там, то есть «посадочная площадка» полностью подготовлена), не дожидаясь этого решения. Трудно не поддаваться ощущению, что подобные нелепые изменения законодательства принимаются не по недомыслию, а под влиянием интересов самих коррупционеров, воздействие

* По ст. 290 УК РФ «Получение взятки» максимальное наказание – лишение свободы на срок от семи до двенадцати лет, по ст. 291 «Дача взятки» – до восьми лет, по ст. 292 «Служебный подлог» – до двух лет.

которых на разрабатывающих и принимающих эти законы тоже представляет собой не что иное, как один из худших видов коррупции, хотя и проявляющийся в более «совершенных» формах, нежели взятки деньгами. Если не прямая, то по крайней мере – косвенная коррупционная составляющая существует и в случае идеологического оправдания подобных решений нашими неолибералами, выстраивающими идеологию, не просто удобную коррупционерам, а словно бы созданную под их заказ. В частности, активно обсуждаются такие идеологемы, как «запреты неэффективны», «репрессивные меры себя исчерпали» и т. п. При полной нелепости этой логики, по существу означающей, что наказания не влияют на поведение (интересно, что бы ответили бихевиористы), и ее полном противоречии реальности, она очень характерна для наших псевдолибералов, сохранивших главный модус советского идеологического мышления, которое можно назвать *неонтологическим*: главное – идеологическая комфортность утверждений, а не их соответствие реальности*.

Если добавить к сказанному, что неолибералы, в начале 1990-х обосновавшиеся во многих наших министерствах и ведомствах, сохраняют там свои позиции, назначая на ключевые должности себе подобных и не подпуская к таким должностям своих идейных противников, коррупционная вертикаль самого высокого уровня получает завершение, создавая одно из главных препятствий борьбе с коррупцией. Мечта же основной части населения – изгнать антигероев 1990-х из властных структур раз и навсегда – так и остается мечтой. При этом не может не удивлять то, что отечественные неолибералы, постоянно декларирующие необходимость развития России по западному пути, категорически отвергают меры по борьбе с коррупцией, характерные именно для западных стран и рекомендуемые западноевропейскими антикоррупционными организациями.

Среди социально-психологических препятствий борьбе с коррупцией нельзя не упомянуть и общий морально-психологический климат в современной России, а также его более частные аспекты. Например, упоминается «информационная среда, формирующая снисходительное и даже поощрительное отношение к коррупции. Честный государственный служащий, который каждый день слышит и читает, что известные политики и высшие должностные лица

* Одним из наиболее «свежих» опровержений этой идеологемы служит то, что в результате повышения ответственности за нарушения ПДД в 2010 г. количество смертей на наших дорогах сократилось с 35 тыс. до 21 тыс. в год.

используют свои публичные возможности для личного обогащения, что „у нас берут все!“, может начать воспринимать себя белой вороной, неудачником, которому даже взятки никто не предлагает. В этой атмосфере он не видит сдерживающих факторов для своего личного обогащения» (Белай, 2011). Культивирование психологии успеха в отсутствие эффективных ограничений в способах его достижения превращает коррупцию в «распространенную, социально и психологически приемлемую» модель поведения (Алексеев, 2008). Как отмечает С. В. Алексеев, «коррупционная система не только производит коррупционные позиции, но и формирует механизмы воспроизводства и замещения коррумпированных субъектов. Такими механизмами являются, во-первых, особенности кадрового воспроизводства власти, позволяющие обеспечить приход во власть любого необходимого коррупционной системе человека, и, во-вторых, качество российской элиты, поставляющей коррупционной системе потенциально сопоставимых с ней людей» (там же). В качестве одного из главных «рецептов» преодоления коррупции предлагается кардинальная смена элит, которая выглядит мало реалистичной.

В результате отсутствие в нашей стране необходимых антикоррупционных законов, принятых в большинстве стран, не столько обуславливает, сколько *выражает* специфический макропсихологический контекст отношения к этой проблеме, характерный для современной России.

Возможности психологической науки и практики в противостоянии коррупции

Естественно, в предлагаемых способах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. В то же время формируется понимание того, что их недостаточно – даже при условии не только принятия, но и выполнения соответствующих законов. *Юридические меры должны дополняться неюридическими*, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего, регулярно отмечается необходимость (и дефицит) *воли* – власти, государства и всего нашего общества – к преодолению коррупции. Как отмечает Ю. Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы» (Болдырев, 2020, с. 456).

Дефицит воли, конечно, можно списать на то, что с коррупцией борются (или делают вид, что борются) в основном чиновники, значительная часть которых сама коррумпирована; коррупция по-своему удобна власти, поскольку дает возможность контроля над коррумпированными чиновниками; у нас пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивированы; отечественные чиновники имеют слишком много разрешительных функций; отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Подобные факторы действительно очень значимы, что во многом придает проблеме коррупции *политический* характер (Нисневич, 2012; и др.).

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависимые от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией для того, чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие слои населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение описанного выше достаточно толерантного отношения к коррупции как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

В исследованиях коррупции показано, что она представляет собой зло *существенное*, разрушающее экономику и общество в целом. Следует подчеркнуть и то, что коррупция хотя и является в глазах многих не слишком опасным и *неагрессивным* преступлением, однако *лежит в основе* многих страшных преступлений, в том числе агрессивных. Пример станции Кушевской, события на Манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое – имеют в своей основе именно коррупцию. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*, о чем свидетельствуют примеры таких стран, как Сингапур, Малайзия и др., которые совсем недавно переживали очень высокий уровень коррупции, но в дальнейшем за достаточно короткие сроки добились ощутимых успехов в ее преодолении*.

* Благодаря этому, в частности, Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало впечатляющий приток иностранного капитала, – еще одна

И то, и другое – разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления – следовало бы сделать основой образовательных программ, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на ее различных уровнях. Психологические исследования демонстрируют, что «борьба с коррупцией должна начинаться еще в школе и быть направлена на изменение менталитета молодежи» (Гаврина, Балашов, 2011, с. 69). Пока же все происходит наоборот. В частности, «молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои проблемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» (Диагностика..., 2001). В результате «социальная группа, из которой будут рекрутироваться политические, экономические, военные, культурные и иные элиты, становится разносчиком и мультипликатором коррупции, укореняя ее и умножая ее негативные последствия» (там же). В скептически настроенном и прагматичном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо обоснование ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, прагматического смысла борьбы с ней. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане.

Полезной была бы и массовая пропагандистская кампания по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ* и других средств воздействия на массовое сознание, которая, с учетом отношения наших сограждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» и т. п., должна быть хорошо продуманной психологически. В данном плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и перед нашими многочисленными психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний, которые, к сожалению, часто ведутся ими в интересах их конкретных клиентов, а не нашего общества в целом.

Эта кампания должна быть направлена не только на изменение отношения к коррупции как к таковой – выработку отношения

убедительная иллюстрация влияния коррупции (в данном случае – снижения ее уровня) на экономику.

* Повышение роли СМИ в воспитании честности («нечестность должна стать дурным тоном») в качестве одной из основных мер борьбы с коррупцией отмечают и эксперты ИНДЕМ (Диагностика..., 2001).

к ней как к злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолимому, – но и на изменение соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов. Соответственно, простигают две основные функции психологической науки и практики: 1) функция *идеологическая*, заключающаяся в формировании адекватного отношения к коррупции на уровне общества и государства*, и 2) функция *практическая*, состоящая в формировании подобного отношения в массовом сознании и в соответствующем изменении массовых поведенческих практик.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией. Первая – *пассивная* – форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взяток», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает практика, позволить себе «просто не давать взятки» могут либо такие фирмы, как «ИКЕА», либо достаточно известные и влиятельные люди. Вторая – *активная* – форма охватывает жалобы в соответствующие органы на взяточников, а также на живущих явно не по средствам. Причем если первое, хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), но получает, хотя и не всегда, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины достаточно известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона†); и несовершенство, а подчас и явная

* Подчеркнем, что ее выполнение предполагает активное участие психологов в идеологических дискуссиях и, в частности, опровержение ими психологических в своей основе утверждений, которые регулярно делают не психологи, – например, излюбленного нашими псевдолибералами утверждения о том, что строгость наказания не влияет на вероятность совершения преступлений.

† Показателен случай, когда маньяк в течение часа насильничал и убивал девушку на глазах у жителей многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в органы правопорядка, – яркий образец нашей нынешней «культуры недоносительства», демонстрирующий, что от образцов поведения, нашедших выражение в поступке Павлика Морозова, мы явно перешли к другой крайности.

несуразность, наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения*»; и влияние норм криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам, и многое другое. При этом проявляется разительный контраст с западными странами. Бывавшие там хорошо знают, что если, например, припарковать автомобиль в неполюженном месте, несколько человек тут же сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы традиционно называем «доносами», воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Поощрение соответствующих практик в современной России стало бы не «возвратом в сталинские времена», а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Соответствующий опыт тоже следовало бы отразить в наших образовательных программах. Стоит уделить внимание и таким демонстративным практикам, как, например, вывешенный в Интернете Кодекс честного человека, состоящий из трех «Не»: «Не бери», «Не давай», и «Не проходи мимо» – мимо взяточников и им подобных.

Существенным является также *упрощение технического режима* сообщений о нарушении закона. К примеру, в Финляндии, считающейся самой некоррупцированной страной в мире (Transparency International, 2010), в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в том числе электронные, и телефоны служб, в которые следует немедленно об этом сообщать, причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к отвечающим за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. При этом уголовное наказание коррупционерам сопровождается их включением в «черные списки», находясь в которых невозможно устроиться ни на одну хорошую должность, и не только в государственных структурах, в течение всей оставшейся жизни. Налицо разительный контраст с современной российской

* Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что одни называют законопослушанием, другие – доносом» (Любарский, 2006, с. 77), «доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон – „чужой“» (там же) и т. п.

реальностью, в частности, с тем, что уличенные в коррупции неплохо устраиваются в дальнейшем, в том числе и на государственные должности, и отнюдь не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важным направлением участия психологии в борьбе с коррупцией служит *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности, необходимость которого, что очень откровенно, сейчас признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, очень характерными для которой являются «не работающие», а то и в принципе неисполнимые законы, становящиеся источником недоверия населения к законам вообще, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, которые отменяются или корректируются после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному* мониторингу). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе и в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов – дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов, а также так называемое «массовое обсуждение» законопроектов в Интернете не слишком принципиально изменяют ситуацию. Не учитывается тот очевидный факт, что законы – это *наиболее общие правила социальной жизни*, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе и психологи; что их разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который тоже должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию.

Психологической экспертизе следует подвергать не только законопроекты – в виде их психологического мониторинга, но и *чиновников*, призванных противодействовать коррупции, от искренности намерений которых зависит, будет ли это противодействие носить характер настоящей борьбы или сведется к ее имитации. Целесообразно кардинально изменить существующую практику назначения таких людей на их должности, сделав ее обязательным элементом *экспертную оценку претендентов психологами* – на предмет искренности их намерений бороться с коррупцией, наличия личных интересов, которые могут этому воспрепятствовать, общего нравственного уровня претендентов и т. п.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические методы*, среди которых наиболее часто фигурирует полиграф. Возможность проверки на нем претендентов на «взяткоемкие» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл самой процедуры. Это порождает и другие проблемы. Во-первых, дефицит добровольцев: следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность? Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов*. В-третьих, возможность того, что численность прошедших проверку окажется намного меньшей, чем количество вакансий, и неясность, что делать в этом случае: принимать ли и не выдержавших ее? Но, несмотря на подобные сложности, использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает перспективы, которые нуждаются в дальнейшей проработке.

Описанные направления, естественно, не исчерпывают потенциальных возможностей психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать – вслед за бывшим Президентом нашей страны – одной из главных проблем современной России (Из послания Президента РФ..., 2008). Особенно в условиях, когда так называемые «рыночники» призывают все слои нашего населения активнее вписываться в рыночную экономику, в то время

* Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: «Хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, – измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека» (Экман, 2010, с. 173). Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение детектора лжи запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год (там же).

как для некоторых профессиональных групп, таких как чиновники, сотрудники правоохранительных структур и др., наиболее простым способом «вписывания» в нее служит именно коррупция. В этой ситуации с особой остротой встает проблема рыночной, но не коррупционной стимуляции подобных видов деятельности, в создании которой самую активную роль должны сыграть психологи.

Литература

- Александров Г. Где конец «откатов» // Аргументы и факты. 2011. № 49 (1622).
- Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: Дис. ... д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2008. URL: http://www.ceninauku.ru/page_23202.htm (дата обращения: 27.11.2011).
- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Антонян Ю. А. Типология коррупции и коррупционного поведения // Аргументы и факты. 2012. № 16. URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html> (дата обращения: 8.12.2011).
- Бахтиярова А. Взяточников нужно... лечить // Аргументы и факты. 2011. № 49.
- Белай В. Коррупция. URL: <http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/blog/373/> (дата обращения: 14.12.2011).
- Болдырев Ю. Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 456–474.
- Гаврина Е. Е., Балашов А. А. Типология осужденных за коррупционные и экономические преступления // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 68–74.
- Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 427–455.
- Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО! // Комсомольская правда. 2010. 15 января.
- Диагностика российской коррупции: социологический анализ. 2001. <http://www.anti-corr.ru/awbreport/index.htm> (дата обращения: 30.10.2012).

- Дубин Б. Эпоха большинства // Аргументы и факты. 2011. № 45.
- Из послания Президента Российской Федерации Д. Медведева Федеральному собранию РФ // Парламентская газета. 2008. 7 ноября.
- Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.
- Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009.
- Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
- Мареева С. В. Запрос россиян на модернизацию и определенный тип социально-экономического развития страны // Материалы XII международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. Т. 3. С. 395–403.
- Наумов Ю. Г. Коррупция и теневая экономика: эволюция взглядов // Труды академии управления МВД. 2008. № 1. URL: <http://jurnal.amvd.ru/indviewst.php?stt=107&SID> (дата обращения: 19.11.2011).
- Нестик Т. А. Коррупция и культура // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. № 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 22.11.2011).
- Ниненко И. С. Декларации о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера публичных должностных лиц. Применение в России и в мире // Материалы XII международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. Т. 1. С. 521–530.
- Нисневич Ю. А. Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительный анализ // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. Т. 1. С. 511–520.
- Психологи изучили причины коррупции. URL: <http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag> (дата обращения: 29.11.2011).
- Радаев В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических исследований (при поддержке CIPE), 1998.
- «Разбычить» общество // Аргументы и факты. 2012. № 12.
- Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / Под ред. Д. В. Сочивко, Е. Е. Гавриной. Рязань: Изд-во РГУ, 2010.

- Тудоровский Я. В Китае все по плану // Аргументы и факты. 2011. №46.
- Цепляев В., Пивоварова О. Власть от купюр // Аргументы и факты. 2011. №44.
- Церкаевич Л. В. Коррупция в Швеции: проблемы идентификации и измерения // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В 4 т. М: ИД Высшей школы экономики, 2012. Т. 1. С. 531–540.
- Что является основной проблемой российской экономики? // Аргументы и факты. 2012. URL: www.aif.ru (дата обращения: 15.01.2012).
- Шейкина Г. Правосудие запаздывает. Почему следствие над коррупционерами тянется годами? // Аргументы и факты. 2012. №12. URL: <http://m.aif.ru/politics/article/50489> (дата обращения: 30.10.2012).
- Шипова Е. Новый тип государственных кризисов // Мир перемен. 2011. №4. С. 110–126.
- Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Социологический журнал. 2009. №1. С. 70–86.
- Andvig J. The economics of corruption: A survey // *Studi economici*. 1991. V. 46. №43. P. 57–94.
- Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemac D. J. Cross-cultural business gift giving. A new conceptualization and theoretical framework // *International marketing review*. 1994. V. 11. №4. P. 46–47.
- Grossman G., Trempl V. G. Personal incomes in the USSR // *The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems* / Eds S. Alessandrini, B. Dallago. Gower, 1987. P. 285–296.
- Huntington S. *Political order in changing societies*. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Klitgaard R. *Adjusting to reality: Beyond “state versus market” in economic development*. San Francisco: ICS Press, 1991.
- LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // *Social research*. 1994. V. LXI. P. 325–350.
- LaPorta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W. The quality of government // *The journal of law, economics and organization*. 1999. V. XV (1). P. 251–252.
- Transparency International: Corruption perceptions index. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1 (дата обращения: 19.01.2012).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРАВСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Е. И. Горбачева

Наше исследование выполнено на выборке руководителей. Руководитель является значимой фигурой в функционировании общества в целом, отражающей, интегрирующей и многократно тиражирующей социальные тенденции общества. Психологические характеристики руководителей и их деловая активность во многом определяют экономическую эффективность современных организаций. Руководители вовлечены в обширные цепочки деловых взаимоотношений, качество которых во многом зависит от отношения руководителя к соблюдению нравственных норм.

«Чем больше у человека власти, внешней силы, тем губительнее отсутствие у него внутренней силы, силы душевной, духовной, делающей человека великодушным (и притом именно духовной, душевной, а не просто и не только интеллектуальной)», – писал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, эл. ресурс).

Этика бизнеса в настоящее время становится областью растущего интереса в психологии и экономике. Актуальность приобретает анализ характера отношений деловых партнеров, в основе которых лежит соблюдение этических норм в деловом поведении. Это способствует постепенному перемещению проблемы духовности с периферии в центр исследований.

Постановка проблемы

Происходящие в российском обществе преобразования повлекли за собой глубокие трансформации в сфере экономического и нравственного сознания людей. Стремление к максимизации выгоды нередко идет вразрез с нравственными принципами, нормами морали.

Нарастание нестабильности в обществе, ухудшение экологической обстановки, возрастание зависимости малоимущих слоев населения от экономической политики предъявляет повышенные требования к нравственным факторам в бизнесе и управлении. Следует также отметить, что в последнее время усилилось внимание общества к социальной ответственности бизнеса.

Актуальность исследования

Нравственно-психологические факторы являются существенными регуляторами активности индивида, в том числе деловой активности. Необходимость исследования нравственного сознания приобретает в последние годы все большую актуальность. С. Л. Рубинштейн еще в своих «Основах общей психологии» раскрыл фундаментальную взаимосвязь психологической науки и нравственности: «Человек (субъект, личность) и его психика формируются и развиваются в процессе и в результате (изначально практической) деятельности – игровой, учебной, трудовой и т. д., т. е. социальной по своей сути. Тем самым человек включается во все более сложную систему отношений с другими людьми. Когда моральное содержание таких отношений приобретает ведущее значение, деятельность выступает в новом качестве – как поведение (в нравственном, а не в бихевиористском смысле слова)» (Рубинштейн, 1999). Несмотря на актуальность и социальную востребованность работ, посвященных проблеме нравственной регуляции деловой активности, их пока еще крайне мало

Теоретические основы исследования

Теоретическими основами исследования стали положения деятельностного, субъектно-деятельностного и системного подходов, в частности, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева о деятельности как сущности бытия человека, С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского об активной роли субъекта во взаимодействии с внешними условиями его деятельности, Б. Ф. Ломова о системной детерминации психических явлений, Д. А. Леонтьева о наличии взаимопереходов между внутренней и внешней активностью, Е. В. Шороховой о взаимодействии внешних и внутренних условий, объективных отношений, в которые включается человек, и его субъективных отношений к окружающему миру в социальной де-

терминации поведения субъекта, А. Л. Журавлева о динамике социально-психологических феноменов как результате взаимодействия организационно-экономических и социально-психологических факторов.

Центральной для нас является категория «психологическое отношение», разработанная А. Ф. Лазурским и получившая дальнейшее развитие в исследованиях Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, К. К. Платонова, В. П. Познякова, И. Р. Сушкова, П. Н. Шихирева, Е. В. Шороховой и др.

Мы опираемся на результаты психологических исследований нравственности и духовности К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, М. И. Воловиковой, Т. А. Емельяновой, С. Л. Рубинштейна и др., на типологический подход к нравственному развитию личности Б. С. Братуся, К. К. Платонова, А. А. Хвостова, на исследования нравственно-психологической регуляции активности личности и группы А. Е. Воробьевой, Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко, Е. Н. Молодых, А. А. Обознова и М. В. Мукониной, В. А. Пономаренко, М. В. Редькиной, С. П. Табхаровой, В. Д. Шадрикова и др.

Также мы опираемся на результаты исследований руководителей и предпринимателей как особой группы Т. Ю. Базарова, В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева, Н. А. Журавлевой, В. П. Познякова, Е. Н. Сивашенко, О. И. Титовой, Е. Б. Филинковой, В. П. Фоминых, Е. В. Шороховой и др.

Объект и выборка

Исследование проводилось на выборке руководителей предприятий г. Москвы различных направлений деятельности и различных форм собственности. Предприятия относятся к малому и среднему бизнесу, сферы деятельности различны: наукоемкие производства, эксплуатация средств связи, консалтинг, операции с недвижимостью, строительство, торговля, печать, рекламная, финансовая, образовательная и др. виды деятельности. Руководители различаются по возрасту, полу, стажу работы, размеру долевого участия в собственности предприятий, форме собственности. Всего в исследовании приняло участие 488 человек.

Основные теоретические понятия

По определению, данному в энциклопедическом словаре, *нравственность* – особая форма общественного сознания и вид обществен-

ных отношений, один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм.

Под нравственностью понимают внешнюю форму проявления высших духовных качеств личности. «Нравственность – это сфера нравственной свободы личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами, область самодеятельности и творчества человека, внутреннего самопринуждения, благодаря личной сознательности, переходящего в склонность и спонтанное побуждение творить добро» (Нравственность, эл. ресурс).

Для того чтобы истина открылась человеку, ему необходимо нравственное самовоспитание. Активность человека, направленная на постижение внешнего мира, и его активность, направленная на совершенствование мира внутреннего, должны быть согласованы и должны предполагать друг друга. Одной из древнейших и фундаментальных в китайской философии была идея космического значения моральных качеств человека. Размышляя о резонансе всех частей космоса, китайские мудрецы считали, что «от поведения человека, его нравственности зависит порядок в космосе, правильная смена времен года, жары и холода» (Го Юй, 1987, с. 298). «Все пронизывает единый путь – дао, все связано между собой. Жизнь едина, и стремление каждой ее части должно совпадать со стремлением целого. Человек, включенный в мир, должен ощутить мировой ритм, привести свой разум в соответствие с „небесным ритмом“, и тогда он сможет постичь природу вещей и услышать музыку человечества» (Древнекитайская философия, 1972, с. 26).

Сама идея ритмов мира, их воздействия друг на друга, включая ритмы человеческой жизнедеятельности в процессе этого взаимодействия, для европейского ума долгое время представлялась не имеющей серьезной опоры в научных фактах, казалась чем-то мистическим и рационально невыразимым. Однако в современной научной картине мира, ассимилирующей достижения синергетики, формируются новые понимания взаимодействия частей целого и согласованности их изменений. Выясняется, что в сложных системах особую роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Эти эффекты можно обнаружить, например, в поведении плазмы, в морфогенезе и динамике популяций, в экономических процессах рыночного саморегулирования.

Сложность, рефлексивность, осознанность и системная организованность нравственного поведения предполагает внутреннюю

зрелость личности, необходимый уровень развития логического мышления, осознанную иерархию мотивов, произвольность поведения личности и развитую эмоциональную сферу.

Высокий уровень личностной зрелости определяет наличие подлинной нравственности, когда реализуется возможность собственного морального творчества, «надситуативной активности», в противопоставление соблюдению общепринятых нравственных норм из страха наказания или ожидания «прибыли» за нравственное поведение, а также «слепому», шаблонному следованию нормам морали.

В нашей работе мы рассматриваем систему психологических отношений нравственности руководителей, значимую как для осуществления их личностного развития, адаптации, поддержания здоровья, так и для эффективности и экологичности внешней деятельности их организации и взаимоотношений внутри коллектива.

Психологические отношения (по определению, данному В. П. Позняковым) – «это феномены или характеристики сознания личности, то есть осознаваемые психические явления. Это особые состояния сознания, которые предшествуют реальному поведению личности и выражают готовность к этому поведению (в чем выражается мотивационная или поведенческая сторона отношений). Они включают в себя, наряду с готовностью к определенному поведению, когнитивный аспект, выражающийся в знании об объектах отношения, и эмоциональный аспект, выражающийся в эмоциональной оценке объектов отношения, в эмоциональных переживаниях по отношению к ним. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно динамичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами)» (Позняков, 2002, с. 64).

Психологические отношения нравственности (по определению, сформулированному А. Б. Купрейченко и А. Л. Журавлевым) являются эмоционально окрашенными представлениями и оценками объектов, явлений и событий, связанных с нравственностью и нравственной регуляцией жизни общества, группы и личности. Комплексный подход к изучению психологических отношений нравственности позволяет, наряду с анализом субъект-объектной составляющей отношений нравственности руководителей (отношения к нравственности, нравственной оценки объектов и явлений), анализировать субъект-субъектную составляющую отношений нравственности (отношение к себе и другим людям как к субъектам

отношений нравственности). В. Н. Мясищев отмечал, что именно «Совокупность отношений человека к миру, к людям и себе образует в своем единстве свойственную человеку нравственную позицию» (Мясищев, 1995).

Психологические отношения нравственности имеют трехкомпонентную структуру, *конативный* компонент которых представлен в сознании субъекта в виде мотивов, намерений и готовности совершать поступки, связанные с нравственной регуляцией. Одним из аспектов отношений нравственности, который тесно связан с моральным поведением, является психологическое отношение к соблюдению нравственных норм. *Когнитивный* компонент психологических отношений нравственности определяется знаниями и рациональной оценкой нравственности и нравственной регуляции жизни общества, группы или личности. *Эмоциональный* компонент определяется эмоционально окрашенными мнениями и оценками объектов, событий и явлений нравственности.

Все три компонента психологических отношений нравственности могут вступать в противоречия и конфликты и между собой, и с внешними факторами.

Среди трех компонентов наибольшая нагрузка в выражении отношения приходится на эмоционально-оценочный его компонент и наличие противоречий в отношении.

Представления руководителей о нравственности

Рассмотрим имплицитные представления руководителей о нравственности. Для их получения мы использовали ассоциации на слово «нравственность». Ассоциация (от *лат. associatio* – соединение) – такая связь между психическими явлениями (переживание, образ, мысль), при которой актуализация одного из них всегда вызывает актуализацию другого. Использование ассоциаций является проективным методом психологического исследования, поскольку ассоциация – это символическая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания индивида. Всего анализировалось 895 ассоциаций.

Ответы респондентов были разделены на категории, отражающие степень смысловой близости ассоциаций понятию «нравственность».

1. *Конкретные (поверхностные) определения*, т. е. ассоциации, раскрывающие понятие «нравственность» с помощью близких сино-

нимичных определений, речевых штампов. Смысловая близость, синонимичность ассоциаций понятию «нравственность» (например, «честность, справедливость, правила, моральная чистоплотность, нормы, порядочность, ответственность, этикет») указывает на «заштампованность», формальность представлений испытуемого. Используя штампы, человек мало соединяет их со своей сущностью, с живым, собственным, дышащим.

2. *Определения широкого смыслового значения*, т. е. ассоциации, раскрывающие понятие «нравственность» с помощью более широкого круга определений, включающих личное понимание и наполнение. Более широкое смысловое поле ассоциаций указывает на личностную проработанность данного понятия, собственное смысловое наполнение данного термина. Например: «вера, право, стимул, жизненные позиции, достижение цели не любой ценой, постоянный контроль „болевых точек“, свобода, трудолюбие, образ жизни». При этом нравственные нормы не используются как штампы социума, которым надлежит следовать, а «пропускаются» через себя, ситуацию, т. е. являются лично окрашенными, ситуационно обусловленными.
3. *Глубокие определения*, т. е. ассоциации с индивидуальным глубоким наполнением понятия «нравственность». Это личностные ассоциации, связь которых с понятием «нравственность» не проявлена для внешнего наблюдателя. Например: «понимание своей задачи в жизни, свет, дерево, младенец, чистое, снежинка, мама». Они обусловлены субъективным опытом испытуемого, деятельностным, активностным отношенческим контекстом. Этот тип ассоциаций наиболее информативен, указывает на наличие личного глубокого отношения испытуемого. Количественное распределение ассоциаций по категориям отражено в таблице 1.

Мы можем видеть, что в основном нравственность определяется руководителями через понятия широкого смыслового значения – 52%, при этом понятий поверхностных (конкретные определения) и глубоких примерно поровну (26% и 22% соответственно). Эти данные указывают на глубину проработанности темы нравственности в сознании руководителей, что может быть обусловлено этапом развития нравственного самоопределения руководителей.

В категории «Определения широкого смыслового значения» наибольшее количество ассоциаций связаны с взаимоотношениями (область проявлений отношений нравственности) – 31%, что указывает на то, что в наибольшей степени испытуемые задумываются

Таблица 1
Анализ ассоциаций на слово «нравственность»

Конкретные (поверхностные) определения	231 (26%)				
Определения широкого смыслового значения	Поведение, поступок	47 (10%)	467 (52%)		
	Сферы и средства воспитания, культура	140 (30%)			
	Взаимоотношения, доверие, уважение, доброта, надежность, семья, любовь, дружба	146 (31%)			
	Работа, бизнес	31 (7%)			
	Общество, политика	37 (8%)			
	Норма, порядок, закон	66 (14%)			
	Глубокие личностные определения	Нейтральные		134 (68%)	197 (22%)
	Негативные	46 (23%)			
	Позитивные	17 (9%)			

о нравственности в связи с взаимоотношениями с другими людьми. С получением информации о нравственности (область воспитания, культуры) связаны 30% ассоциаций, что указывает на значимость воспитания в формировании нравственности индивида.

В категории глубоких определений ассоциации по содержанию крайне разнообразны (например: «реверанс, моя женщина, жесткая борьба, красивый, сильный, пьяный, веселый» и др.). Также только в этой категории выражен эмоциональный компонент отношения. Мы имеем позитивно («хорошо, красота») и негативно окрашенные ассоциации («старина, глупость, базар, слабости, настороженность, скучно»). Негативные характеристики (23%) по количеству существенно превосходят позитивные (9%), что указывает на непростой характер взаимоотношений испытуемых со сферой нравственности.

В целом от общего количества ассоциаций негативные характеристики составляют 5%, позитивные – 0,2%. Незначительная проявленность эмоционального компонента в ассоциациях говорит об инструментальном отношении руководителей к нравственности. Интересно, что со сферой бизнеса, с работой связано всего 3% от общего количества ассоциаций. Видимо, нравственность осознается

руководителями в большей степени 1) как регулятор взаимоотношений между людьми, 2) как нормативы общества, 3) как что-то личное. Связь нравственности с будущим проявлена только в 2% ассоциаций.

При сравнении ассоциаций руководителей государственных и частных предприятий выявлено, что государственные руководители в большей степени используют для характеристики нравственности конкретные понятия (71% поверхностных определений, 29% более глубоких определений), а руководители частных предприятий – понятия широкого смыслового значения и глубокие ассоциации (47% поверхностных определений, 53% более глубоких определений). Употребление в большей степени поверхностных определений может говорить о некоторой «заштампованности», формализованности представлений о нравственности. Можно сделать вывод о более личностном отношении к нравственности руководителей частных предприятий. Их деятельность проходит в более неопределенном внешнем окружении, что влечет за собой развитие гибкости, снижение алгоритмизированности и стереотипизации деятельности. При этом их поведение регулируется в большей степени личностно и ситуационно обусловленными факторами, собственной нравственностью, нежели формальными нормами.

При семантическом анализе высказываний можно видеть, что наиболее часто для определения нравственности используются следующие понятия: порядочность, честность, ответственность, воспитанность, а также качества, связанные с бережным отношением к другому человеку: тактичность, деликатность, дипломатичность, стремление не поставить другого человека в неудобную ситуацию, доброжелательное отношение к окружающим, уважение к другим людям.

Связь понятий «нравственность» и «развитие» в сознании руководителей

По мнению Рубинштейна, есть два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый – без рефлексии: «Жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек» (Рубинштейн, 1973, с. 348). Здесь, по Рубинштейну, нравственность – это естественное состояние человека, это неведение зла. Второй способ связан с появлением рефлексии. Рубинштейн отмечает, что именно здесь начинается

либо путь к душевному опустошению, к нравственному скептицизму, к моральной неустойчивости, либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе.

Связь в сознании респондентов понятий «нравственность» и «развитие» свидетельствует об осознанности отношения к нравственности, об уровне его сформированности.

В соответствии с когнитивно-стадиальной теорией Л. Колбегра и концепцией многоуровневой структуры нравственного сознания, выдвинутой Б. С. Братусем, мы выделили три уровня связи в сознании личности понятий «нравственность» и «развитие», соответствующие различным этапам нравственного самоопределения: доморальный (понятия «нравственность» и «развитие» не связаны в сознании), социально ориентированный (респондент просто выделяет связь понятий «нравственность» и «развитие» либо связь понятий «нравственность» и «развитие» в какой-либо области социальных отношений) и моральный (для респондента нравственность является основой развития).

Анализ ответов респондентов на открытый вопрос о связи понятий «нравственность» и «развитие» позволил получить следующую информацию.

В целом по выборке 38% ответов руководителей соответствуют моральному уровню, 44% – доморальному, 18% – социально ориентированному уровню.

Высокий (моральный) уровень сформированности отношения к нравственности демонстрируют зрелые руководители, определившие свою нравственную позицию и имеющие истинный, проверенный временем высокий уровень нравственного самоопределения. Они отмечают, что нравственность – основа развития, их ассоциации на слово «нравственность» позитивно окрашены («добродетель и помощь людям, честность, порядочность, правдивость, надежность, некоррупционированность власти, правовое государство, любовь, хорошо, уважение к окружающим людям, порядок, лирика, просветленность») и имеют интенсивную смысловую насыщенность («вера, право, стимул, жизненные позиции, социальная ответственность, система ценностей, достижение цели не любой ценой, постоянный контроль „болевых точек“, свобода, трудолюбие»).

Нравственность считает основой развития также и группа молодых руководителей, недавно пришедших в бизнес. Их система ценностей еще не прошла проверку жесткими условиями бизнеса, представления о нравственности можно назвать идеальными,

интериоризованными в процессе обучения и воспитания и удерживаемыми внутри силой убеждений. Такие руководители имеют нравственно-негативное отношение к деньгам (им просто сильно не хватает денег для удовлетворения жизненно важных потребностей), но к деньгам они относятся ответственно и терпимо, деньги олицетворяют для них свободу. Бизнес для них – «самоотрешение от личной жизни (на время) для создания базы для реализации потребностей семьи и собственной личности». Они видят мир бизнеса без «розовых очков»: «Болото. Если пойти неправильной тропой – утопнешь». Однако при этом звучат такие слова: «Меня этот мир бизнеса устраивает. Естественный отбор. Выживает сильнейший»; бизнес – это «Жизнь с ее преимуществами и недостатками», «Мир влиятельных людей», «Мир идей, денег, конкуренции и стратегий». Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что их авторы видят недостатки в сфере бизнеса, но правильная оценка трудностей не мешает им двигаться вперед, они демонстрируют тенденцию к повышению своей деловой активности.

Средний (социально ориентированный) уровень отношения к нравственности встречается практически во всех группах руководителей, он сопровождается ассоциациями на слово «нравственность», отражающими отношение к нравственности как к вежливой форме поведения в обществе, приносящей определенные выгоды: «внешний вид, манера общения, стиль жизни, целесообразность, выгода, прибыль, польза, поведение человека в обществе». Находящиеся на этом уровне отношения к нравственности руководители имеют также и особые, личные ассоциации на понятие «нравственность»: «красивый, сильный, пьяный, умный, веселый», «моя женщина», «эмигранты первой волны».

Низкий (доморальный) уровень отношения к нравственности демонстрируют как молодые (со стажем до 3 лет) руководители, так и опытные руководители со стажем свыше 10 лет. Наполовину больше среди них тех, у кого зарплата зависит от прибыли предприятия. Невысокая насыщенность значениями понятия «деньги» свидетельствует о преобладании других ценностей, например, бизнес – «арена для самовыражения, рыбалка на акул, мир, где соревнуются». Отношение к деньгам негативное, деньги для этих руководителей – зависимость. Мир бизнеса воспринимается крайне негативно: «Мир шакалов, идеала нет, океан с акулами, злой, циничный и беспринципный мир». Как на причины неуспешности руководителей они указывают на их «недоразвитость, неумение ставить цели, неуме-

ние брать ответственность, непоследовательность, консерватизм, эгоизм, цинизм, глупость, недальновидность, конфликтность с сотрудниками», собственно, перечисляя качества, присущие им самим и им мешающие. Ответам, в которых «нравственность мешает развитию», сопутствуют высказывания о том, что бизнес – это «вторая реальность, криминализованность, изощренность, бесправие», при этом причина неуспешности руководителя – «жалость, мягкость, сострадание». Подобные характеристики действительно справедливы, если изгнать из жизни нравственность и сострадание: от такого мира бизнеса хочется психологически отдалиться, и человек начинает жить в параллельном мире, происходит дезинтеграция личности, теряется стержневая опора развития.

Ассоциации на слово «нравственность» у людей с низким уровнем отношения к нравственности имеют весьма отдаленные связи с этим понятием, часто вообще отсутствуют или негативно окрашены: «жесткая борьба, бесцеремонность, нарушение, дерево, базар, слабости, сдержанность, снежинка, скучно, неформат, ложь, жесткость, оскорбления, очковтирательство, чванство, квадрат, серость, энциклопедия». Нередко в их понимании нравственность связана с запретами: «норма запретов, не укради, не убий, не возжелай жены ближнего своего, не лги». Это говорит о том, что нравственность не является значимой ценностью, воспринимается как система запретов, в силу чего к ней чаще всего относятся как к неудобной, но необходимой для регуляции жизни общества системе.

В целом по выборке приблизительно половина респондентов не связывает понятий «нравственность» и «развитие». Сравнивая руководителей с наиболее сформированным отношением к нравственности и с наименее сформированным, можно сделать вывод о том, что признание нравственности как ценности, являющейся основой развития, дает возможность респондентам опираться на этот нравственно-личностный стержень и быть менее зависимым от условий деятельности и качества отношений с партнерами, конкурентами и государством в мире бизнеса. Наличие нравственного стержня дает возможность правильно оценить трудности, не бояться их, двигаться вперед; проявляется тенденция к повышению деловой активности, деньги олицетворяют свободу. Отсутствие опоры на нравственность как системообразующую ценность приводит к зависимости от внешних условий: денег, законов рынка. Это является причиной низкой адаптивности в бизнес-среде, резко негативного отношения к ней, дискомфорта, самочувствия, нервной истощенности, кон-

фликтности с окружающими, отсутствию перспектив, идеалов, ведет к дезинтегрированности, когда мир бизнеса становится «параллельным миром», когда человек видит вокруг отдельных «шакалов» и не в состоянии объединить на когнитивном уровне положительное и отрицательное тех бизнес-процессов, в которых он участвует. Усиливается невротизация, такие руководители отмечают низкий уровень саморегуляции чаще, чем представители двух других групп, демонстрируют самый низкий уровень терпимости в отношении к соблюдению нравственных норм. Они ориентируются на ценности, с деньгами не связанные, пользуются психологическими защитами, стремятся к стабильной фиксированной заработной плате.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о взаимосвязи уровня сформированности отношения к нравственности со стажем деятельности в бизнесе, возрастом, представлениями о нравственности, смысловой насыщенностью понятия «деньги», интенсивностью психологических защит, динамикой и типом деловой активности.

Отношение руководителей к соблюдению нравственных норм делового поведения

Психологическое отношение к соблюдению нравственных норм рассматривается нами как структурный конативный компонент психологических отношений нравственности, представленный в сознании субъекта в виде мотивов, намерений и готовности совершать поступки, связанные с нравственной регуляцией. Субъект-субъектная составляющая отношений нравственности включает в себя отношение к себе и другим как к субъектам отношений нравственности. Ее мы изучаем путем выявления уровня отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения по пяти нравственным качествам: правдивости, справедливости, терпимости, ответственности и принципиальности. Для определения *уровня отношения к соблюдению нравственных норм* важны следующие параметры: 1) *намерение* поступать определенным образом в этически сложной ситуации; 2) *мотив* этого поступка; 3) *степень готовности* поступать так в различных ситуациях. *Высокому* уровню соответствуют: гуманистические и альтруистические мотивы; намерение, соответствующее высоконравственному поведению; высокая готовность к нравственному поведению независимо от ситуации. Для *средне-го уровня* характерны: группоцентрическая ориентация мотивов,

намерение соответствовать среднему уровню нравственности, готовность соблюдать нравственные нормы в зависимости от ситуации; для *низкого* – эгоистические мотивы, намерение соответствовать низкому уровню нравственности, низкая готовность соблюдать нравственные нормы и высокая готовность пренебречь ими.

Метод исследования

Авторская модификация методики А. Б. Купрейченко «Отношение к соблюдению нравственных норм в деловой сфере» для изучения *реального* (самооценка собственного уровня соблюдения нравственных норм), *идеального* (самооценка идеального уровня соблюдения нравственных норм) и *типичного* (самооценка уровня соблюдения нравственных норм другим, типичным руководителем) соблюдения нравственных норм.

В целом по выборке ОСНН распределились следующим образом.

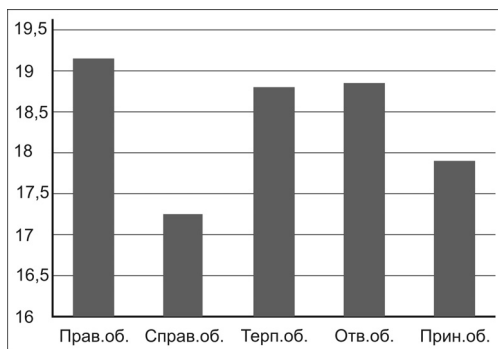

Рис. 1. Общие показатели отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения

В отношении к соблюдению нравственных норм в деловом поведении у руководителей фиксируются показатели выше средних значений. В наибольшей степени руководители привержены правдивости, ниже всего – показатель справедливости в деловом поведении. Правдивость имеет больше всего корреляций с характеристиками деловой активности руководителей, поэтому можно говорить о наибольшем весе именно этого нравственного качества.

При анализе отношения к соблюдению нравственных норм по 5 нравственным качествам (рисунок 2) можно отметить, что по всем

показателям нравственных качеств, кроме правдивости, Я-идеальное превышает Я-реальное. Это свидетельствует о наличии в сознании высокой планки соблюдения нравственных норм, к которой руководители стремятся. По правдивости показатели Я-реального и Я-идеального равны. Это говорит либо об осознаваемой невозможности для руководителей проявлять в бизнесе высокую правдивость, либо о завышенной оценке собственной правдивости. Наиболее высокие расхождения (неконгруэнтность) показателей Я-реального и Я-идеального наблюдаются по ответственности и терпимости. Условия деятельности предъявляют руководителям высокие требования к уровню личной ответственности и терпимости, и понимание того, что этот уровень в реальности недостаточно высок, может приводить к недовольству собой, снижению самооценки, внутренним конфликтам. Невысокое расхождение Я-реального и Я-идеального по справедливости и принципиальности создает условия для стремления к развитию этих качеств и отсутствию внутренних конфликтов.

Важным видом психологических отношений являются отношения человека к другим людям, которые приобретают в этом случае характер социально-психологических отношений. В целом по выборке руководители считают, что другие (типичные) руководители соблюдают нравственные нормы по всем 5 нравственным качествам

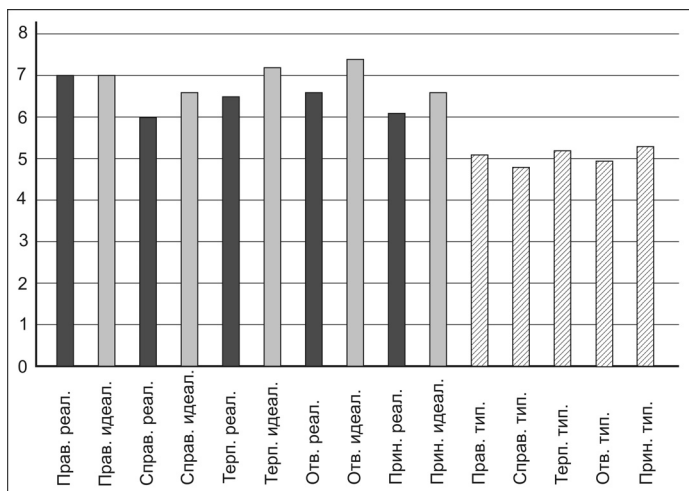

Рис. 2. Отношение к соблюдению нравственных норм делового поведения по пяти нравственным качествам

хуже, чем они сами. Здесь мы видим позицию противопоставления себя другому, принижения качеств другого, что может возникать, если другой не воспринимается как «свой», а скорее как «чужой». Такая позиция способствует проявлению конкурентности, возникновению сложностей при принятии решений о соблюдении нравственных норм в деловом поведении.

Эти данные совпадают с результатами исследования оценки степени доверия внутри предпринимательской среды и надежности партнеров, которые говорят о низкой степени доверия в сфере деловых отношений как о характерной социально-психологической особенности российских предпринимателей.

Мы обнаружили *разницу в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей государственных и частных предприятий*. Эти руководители различаются по типу деловой активности. *Руководители государственных предприятий* – наемные работники, распоряжающиеся ресурсами, не находящимися в их собственности, обладающие ограниченной ответственностью, ограниченным правом принятия самостоятельных решений и ограниченной возможностью влиять на перспективы развития предприятия. В связи с этим можно говорить об экономической и личностной дистанцированности от организации, на которую распространяются управленческие функции данного руководителя, либо ее подразделения. При этом в деловом поведении они высоко дисциплинированы, исполнительны, надежны. *Руководители негосударственных предприятий* в нашем исследовании – собственники предприятий или наемные менеджеры, чей доход определяется прибылью предприятия. Они занимаются экономической деятельностью, связанной с использованием собственных ресурсов и распоряжением ими с целью получения прибыли, участвуют в распределении прибыли и отвечают за риск неудачи. Таким образом, основные отличия деятельности руководителей предприятий обеих форм собственности определяются следующими параметрами: наличие инновационности, степень риска, структура ответственности, степень вовлеченности и право собственности.

При сравнении отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей предприятий с различной формой собственности мы обнаружили, что представители группы руководителей частных предприятий по 3 нравственным качествам – справедливости ($p = 0,05$), ответственности ($p = 0,24$) и терпимости ($p = 0,47$) – превосходят руководителей государственных

предприятий. В то же время руководители государственного сектора превосходят руководителей негосударственного по уровню принципиальности ($p = 0,64$). По правдивости различий между двумя группами руководителей не выявлено. Видимо, отношение к правдивости в большей степени связано не с формой деловой активности, а с другими факторами. У руководителей государственных предприятий Я-реальное всех нравственных качеств превышает Я-идеальное ($p = 0,42$). Дело обстоит иначе у руководителей частных предприятий, для которых характерен внутриличностный конфликт.

Руководители государственных предприятий проявляют большую нормативность, формализованность представлений о нравственности. Представления руководителей частных предприятий о нравственности менее формализованы, более лично окрашены, ситуационно обусловлены, говорят о них как о независимо мыслящих, склонных руководствоваться собственными правилами поведения личностях.

Можно предложить следующее объяснение полученных результатов. В сфере бизнеса достижение высокого экономического эффекта предполагает глубокую вовлеченность руководителя как в отношения внутри организации, так и в отношения с ее внешним окружением, большую заинтересованность в результатах работы и большую ответственность. Этим объясняется и более высокий уровень соблюдения нравственных норм справедливости, терпимости и ответственности руководителями частных предприятий. Государственные предприятия имеют более четкую структуру, в меньшей степени подвержены изменениям, по сравнению с частными. Это накладывает отпечаток на функционирование их руководителей и персонала. Руководители государственных предприятий чаще проявляют такие качества, как дисциплинированность, обязательность, стремление к соблюдению правил. Этим объясняется более высокий уровень принципиальности у руководителей государственных предприятий.

Напряженность психологических защит выше у государственных руководителей. У них также значимо выше использование механизма психологической защиты «реактивное образование». Данный механизм традиционно связывают с окончательным усвоением индивидом «высших социальных ценностей», он предполагает выработку и подчеркивание в поведении установки, подчас прямо противоположной собственным желаниям. Такие индивиды демонстрируют подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым

стандартам поведения, желание быть примером для окружающих, озабоченность «приличным» внешним видом, вежливость, любезность. Эти результаты подтверждают полученные в пилотажном исследовании результаты о большей демонстрируемой приверженности к соблюдению нравственных норм руководителями государственных предприятий.

При сравнении отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения *руководителей с различной формой и долей собственности* (единоличных владельцев, совладельцев предприятий, наемных менеджеров) мы обнаружили, что по отдельным нравственным качествам – справедливости, терпимости и ответственности в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения – показатели выше у владельцев предприятий, по сравнению с совладельцами и невладелцами. Эти качества необходимы руководителям для эффективности и результативности деятельности. Общий показатель по 5 нравственным качествам, за счет высоких показателей правдивости и принципиальности, выше у невладелцев, по сравнению с владельцами и совладельцами.

На уровне значимых различий (см. таблицу 2) правдивость владельцев ниже, чем невладелцев. Также невладелцы считают свою реальную правдивость выше идеальной (это показатель внутриличностного нравственного конфликта), возможно на фоне представлений о том, что мир бизнеса не требует быть правдивым. Показатель напряженности психологических защит выше у невладелцев, что свидетельствует о более дискомфортном состоянии невладелцев в бизнесе.

Между руководителями-владельцами и руководителями-совладельцами также обнаружены значимые различия (см. таблицу 3). Совладельцы имеют более высокие показатели напряженности психологических защит, более низкие показатели уровня саморегуляции и терпимости. Видимо, размытость границ собственности совладельцев создает условия, при которых проявляются неуверенность, тревожность, неудовлетворенность имеющимся экономическим статусом. Это говорит о связи фактора частичной собственности с внутренней противоречивостью, конфликтностью, которая влияет на деловую активность, отношение к деньгам, может проявляться в поведении нерациональностью, импульсивностью, противоречивостью. Таким образом, можно видеть, что фактор наличия собственности оказывает существенное влияние на показатели деловой активности и отношение к соблюдению нравственных норм.

Таблица 2

Значимые различия в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей-владельцев и руководителей, не имеющих права собственности

	Вла- дельцы	Невла- дельцы	t-value	p
Напряженность психологических защит	37,31	46,77	-3,68	0,0003
Я-реальное по правдивости	6,63	7,29	-3,07	0,002
Рассогласование Я-реального и Я-идеального по правдивости	-0,63	0,29	-3,19	0,002

Таблица 3

Значимые различия в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей-владельцев и совладельцев предприятий

	Вла- дельцы	Совла- дельцы	t-value	p
Уровень саморегуляции	5,36	4,82	2,19	0,031
Механизм психологической защиты «интеллектуализация»	0,45	0,56	-2,15	0,034
Напряженность психологических защит	37,31	48,13	-2,65	0,009
Терпимость общая	19,19	18,14	2,39	0,018

Отношение к соблюдению нравственных норм различных возрастных групп руководителей

Респонденты распределялись по следующим возрастным категориям:

1. *Возраст до 30 лет* (N = 1,94, 39%) – этап становления карьеры, ведущие мотивы – безопасность и социальное признание.
2. *Возраст 31–45 лет* (N = 2,92, 38%) – этап продвижения карьеры, ведущие мотивы – социальное признание и самореализация.
3. *Возраст 46–60 лет* (N = 3,58, 23%) – этап сохранения карьеры, ведущие мотивы – социальное признание, самореализация, удержание независимости.

Обнаружены значимые различия между 1 и 3 возрастными категориями: общий уровень отношения к соблюдению нравственных норм,

Таблица 4
Значимые различия в отношении к соблюдению
нравственных норм делового поведения руководителей
разных возрастных категорий

	Возраст до 30 лет	Возраст 46–60 лет	t-value	p
Ответственность общая	18,61	19,57	-2,16	0,033
Принципиальность общая	17,55	18,54	-2,38	0,019
Общий уровень отношения к соблюдению нравственных норм	91,39	94,06	-2,03	0,045

а также ответственность и принципиальность значимо выше у представителей старшего возраста (см. таблицу 4). Это свидетельствует о нравственном становлении, упрочении с возрастом нравственных позиций руководителей.

В целом по возрастам обнаружены следующие значимые различия.

Таблица 5
Разница в отношении руководителей к соблюдению
нравственных норм в зависимости от возраста

Нравственные нормы	Возраст до 30 лет	Возраст 31–45 лет	Возраст 46–60 лет
Правдивость	19,04	19,00	19,61
Справедливость	17,28	17,21	17,65
Терпимость	18,91	18,85	18,69
Ответственность	18,61	18,77	19,57
Принципиальность	17,55	17,94	18,54
Общий уровень отношения к соблюдению нравственных норм	91,39	91,77	94,06

По мере взросления увеличивается степень следования соблюдению нравственных норм. Динамика изменения отношения к соблюдению нравственных норм по разным нравственным качествам различна (см. таблицу 5): степени следования правдивости и справедливости повышаются от возраста до 30 лет к возрасту старше 46 лет через снижение в возрасте 31–45 лет, терпимости – последовательно снижается от возраста до 30 лет к возрасту старше 46 лет, ответствен-

ности и принципиальности – последовательно повышаются. Эти показатели иллюстрируют нравственное самоопределение субъекта (повышение степени его нравственной зрелости с возрастом), его непростой рисунок на конкретном этапе карьерного и экономического становления. На этапе высокой значимости достижения экономических результатов руководитель снижает уровень отношения к соблюдению нравственных норм, может жертвовать соблюдением норм правдивости и справедливости, но не снижает уровень ответственности и принципиальности.

Показатели Я-идеального с возрастом поднимаются, усиливается рассогласование между Я-реальным и Я-идеальным, что может приводить к снижению самооценки, к ощущению невозможности движения вперед, к снижению деловой активности. У руководителей в возрасте старше 46 лет Я-реальное по правдивости выше Я-идеального, что характеризует наличие внутреннего конфликта.

Наименьшая напряженность психологических защит у представителей второй возрастной категории. Представители старшего возраста чаще используют психологическую защиту «реактивное образование», чем более молодые. А представители первой возрастной категории чаще используют психологическую защиту «проекция» (предполагает приписывание источнику трудностей различных негативных качеств как рациональную основу для его неприятия и самопринятия на этом фоне).

Отношение к соблюдению нравственных норм руководителей с различным стажем деятельности

Мы можем видеть (см. таблицы 6 и 7), что с увеличением стажа деятельности повышаются ответственность, принципиальность реальная, справедливость типичная, правдивость идеальная руководителей. При этом снижаются показатели правдивости идеальной, терпимости и увеличиваются показатели психологической защиты, что указывает на увеличение психологического дискомфорта от пребывания в бизнесе.

Отношение к соблюдению нравственных норм руководителей-мужчин и руководителей-женщин

Результаты сравнения отношения к соблюдению нравственных норм руководителей-мужчин и руководителей-женщин показыва-

Таблица 6

Значимые различия в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей со стажем от 1 до 3 лет и свыше 10 лет

Механизм психологической защиты	Стаж от 1 до 3 лет	Стаж свыше 10 лет	t-value	p
Реактивное образование	0,36	0,49	-2,66	0,01
Принципиальность реальная	6,05	6,48	-2,05	0,04
Справедливость типичная	4,73	5,15	-2,09	0,04
Правдивость идеальная	7,20	6,65	2,17	0,03
Терпимость идеальная	7,47	6,92	2,37	0,019
Разница Я-реального и Я-идеального по правдивости	-0,12	0,63	-2,30	0,02

Таблица 6

Значимые различия в отношении к соблюдению нравственных норм делового поведения руководителей со стажем от 4 до 9 лет и свыше 10 лет

	Стаж от 4 до 9 лет	Стаж свыше 10 лет	t-value	p
Динамика экономической активности	4,18	3,75	2,41	0,02
Ответственность реальная	6,33	6,88	-2,48	0,01
Принципиальность реальная	5,87	6,48	-2,89	0,004
Правдивость идеальная	7,17	6,65	2,17	0,03
Ответственность общая	18,38	19,52	-2,87	0,004
Разница Я-реального и Я-идеального по правдивости	-0,30	0,63	-2,96	0,004
Разница Я-реального и Я-идеального по принципиальности	-0,72	-0,13	-2,07	0,039

ют, что оно незначительно (на уровне тенденции) выше у *мужчин-руководителей*, по сравнению с *женщинами-руководителями*; женщины более ответственны. У женщин-руководителей показатель реальной «правдивости» превышает идеальный, что характеризует

ет наличие внутреннего конфликта. Рассогласование Я-реального и Я-идеального у женщин-руководителей больше по ответственности, у мужчин-руководителей – по принципиальности. Женщины стремятся быть более ответственными, мужчины – более принципиальными.

Отношение к соблюдению нравственных норм в деловом поведении также взаимосвязано с уровнем и динамикой деловой активности. *Высокая приверженность соблюдению нравственных норм с отсутствием нравственных противоречий* соотносится с высокой удовлетворенностью экономическим статусом, уверенностью, стабильностью, эмоциональной уравновешенностью руководителей, нравственно-позитивным отношением к деньгам. Уровень, динамика и содержание деловой активности таких руководителей определяется их актуальными потребностями. В связи с отсутствием либо успешным преодолением внутриличностных противоречий, такие руководители не склонны к использованию механизмов психологических защит, чувствуют себя хорошо адаптированными, успешными. *Низкая приверженность соблюдению нравственных норм* делового поведения характерна для руководителей субъективно неблагополучных, амбициозных, либо снижающих деловую активность, либо стремящихся ее наращивать. При этом отмечается высокая смысловая насыщенность для них понятия «деньги», негативное и противоречивое отношение к нравственной ценности денег. При преимущественной ориентации руководителя на достижение высокого уровня материального благосостояния неизбежно возникают конфликты, связанные с нравственным выбором, и компромиссы с собственной совестью.

В нашем исследовании мы получили более полную информацию о нравственной сфере современных российских руководителей. Оно позволило установить, что психологические отношения нравственности являются значимым, системообразующим, глубинным ценностно-смысловым регулятором в области их деловой активности.

Мы убедились, что нагнетание современными СМИ негативной информации о нравственных качествах современной бизнес-среды не соответствует реальности. На самом деле следование нравственным нормам, стремление к нравственным идеалам в бизнесе характерно для современных российских руководителей в большей степени, нежели отрицание нравственных ценностей.

Литература

- Го юй (Речи царств). М.: Наука, 1987.
- Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
- Позняков В. П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. URL: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/index.htm> (дата обращения: 11.11.2012).
- Рубинштейн С. Л. Дневники. О философии и философе (автобиографический портрет ученого) URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/ID_2204090212_23599700_23602300_23604800.htm (дата обращения: 11.11.2012).
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1973.
- Нравственность // Словарь по этике. 2010. URL: <http://moralphilosophy.ru/pg/nravstvennost'.htm> (дата обращения: 11.11.2012).

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОШЕННИЧЕСТВА

Е. Ю. Стрижов

Коренные изменения социально-экономического уклада нашего общества и порожденные ими правовой нигилизм, ослабление моральных норм, углубление противоречий между ценностями труда и денег привели к росту экономической преступности. В ее структуре значительную часть составляет мошенничество (ст. 159 УК РФ), которое имеет сильную нравственно-психологическую детерминацию.

При разработке концепции нравственно-психологических детерминант мошенничества мы исходили из принципиальных выводов и положений, содержащихся в трудах отечественных юристов и психологов. На нравственно-психологические детерминанты мошенничества указывали еще ученые XIX–XX вв. – И. Я. Фойницкий, Н. М. Ядринцев, Н. Я. Грот, В. П. Сербский, А. М. Бобрищев-Пушкин, А. Ф. Кони, Л. Е. Владимиров, Д. А. Дриль и другие.

Как всякий другой вид преступности, мошенничество имеет социальную природу. Внешние детерминанты мошенничества кроются в реальной системе социальных отношений личности и общества (Кузнецова, 1984). При всей значимости эгоистических, узкогрупповых и криминальных личностных смыслов и ценностей для антиобщественного поведения, эти детерминанты порождаются внешними, социальными факторами. «Ценности не первичны. Они производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека. Ценность – значимость для человека чего-то в мире», – утверждал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003, с. 383). Следовательно, для научного объяснения нравственно-психологических детерминант мошенничества необходим анализ моральных норм, действующих в экономических отношениях личности и общества.

Поскольку мошенничество имеет свои истоки в реальных социальных условиях бытия, представляется необходимым провести их нравственно-психологический анализ этих условий. Мы предполагаем, что нравственный уровень бытия человека и конкретный способ получения им средств к существованию может определять становление личностных особенностей мошенников.

Мошенники представляют собой своеобразную элиту преступного мира; преследуя эгоистические и корыстные цели, они сознательно идут на обман и злоупотребления доверием других людей в силу особого развития ценностно-смысловой, потребностно-мотивационной, эмоциональной, когнитивной и регуляторной сфер психики.

Поэтому нам надлежит обследовать не только самих мошенников, но и породившие их социальные группы населения. В подтверждение этого вывода приведем выдержку из работы В. П. Сербского «Преступные и честные люди»: «Очевидно, заключенные преступники – это те, которым лишь менее других повезло в их занятии; они представляют лишь подонки или отброс, который существует во всякой категории, сколько-нибудь определенной в социологическом отношении. Ограничиться изучением только этой категории было бы совершенно равносильно тому, как если бы кто, желая изучить тип духовенства или торгового сословия, стал исследовать только отреченных священников или разорившихся негоциантов» (Сербский, 1896, с. 669).

Развивая наше предположение, что каждому способу существования человека соответствует свой тип нравственно-смысловой детерминации поведения, необходимо провести анализ особенностей этой детерминации, выявить смысловое содержание доминирующих моральных норм на каждом уровне бытия человека, определить и проверить критерии нравственных смыслов деятельности человека и найти те, которые детерминируют обман и мошенничество. Для этого необходим сравнительный анализ нравственно-психологических детерминант поведения людей, находящихся на диаметрально противоположных уровнях способа существования – высоконравственном и аморально-криминальном. «Обнаружив на данном индивидуе (или данных индивидах) закономерную зависимость определенных психических свойств от определенных условий жизни, которые являются общими для соответствующей общности людей... психолог вправе сделать соответствующее обобщение», – указывал С. Л. Рубинштейн в работе «Бытие и сознание» (Рубинштейн, 2003, с. 220).

В связи с этим остро встает проблема критериев: по каким показателям следует оценивать особенности нравственно-смысловой детерминации поведения у социальной группы нравственно надежных лиц и у мошенников. Решение этой важной теоретической и практической проблемы стало возможным на основе феноменологии нравственных признаков мошенничества, накопленной в отечественной юриспруденции и юридической психологии. В этих работах содержатся многочисленные описания личностных особенностей мошенников: «моральная дегенерация», «нравственное уродство», «моральное оскудение», «нравственный нигилизм», «нравственная безответственность», «эгоизм», «моральная хаотичность», «душевная неустойчивость» и другие. При разработке критериев мы ориентировались:

- на осознание человеком своей моральной ответственности перед другими людьми;
- на его устойчивость к нормам криминальной морали, то есть сознательное непринятие обмана, воровства и мошенничества как способа получения материальных благ;
- на осознание им смысла нравственных норм в условиях многообразия ситуаций и отношений с другими людьми;
- на использование человеком нравственных понятий при объяснении себе целей и способов получения материальных благ.

При положительном решении этих вопросов способ бытия человека относится к просоциальному, а при отрицательном – к аморально-криминальному.

Наконец, следует учесть проявления структурной детерминации поведения: сложившиеся в сознании человека комплексы нравственных смыслов, воплотившиеся в качестве содержания в мотивационные, когнитивные, эмоциональные и волевые процессы, образуют систему с присущими ей структурными связями. Несмотря на индивидуально-своеобразный характер этой системы, она организует и детерминирует поведение человека в двух направлениях: либо в сторону просоциальных, высоконравственных целей и ценностей, либо в сторону аморально-криминального способа бытия. Поскольку в первом случае субъективные смыслы нравственных понятий человека совпадают с их объективными значениями, то поведение человека находится в пределах общепринятых, социально значимых границ. В обратном случае представления человека о границах допустимого поведения выходят за пределы не только мораль-

ных, но и правовых норм. Действие структурной детерминации придает поведению человека устойчивый характер. Преодоление внутренних нравственных сомнений, переживаний, конфликтов, уяснение дополнительных смыслов и значений нравственных норм, конструирование и обоснование новых для себя ценностей позволяет человеку восстанавливать внутреннее нравственное равновесие во взаимоотношениях с динамичной и изменчивой социальной средой. Полученная в результате такой смысловой работы сознания уверенность в правильности выбранного способа существования мотивирует активность человека.

Все эти признаки – функционирование в заданных пределах, устойчивость к возмущающим воздействиям, работоспособность, восстанавливаемость, наличие структурных связей – относятся к общей теории надежности систем. В общем виде под надежностью понимают свойство системы сохранять требуемые параметры функционирования в определенных пределах, соответствующих заданным условиям деятельности. Применимость таких признаков к рассматриваемому психологическому образованию означает для нас возможность определить данное образование как нравственную и правовую надежность личности. Введение категории «нравственно-правовая надежность» позволяет нам систематизировать имеющиеся психологические знания о поведении человека, рассмотреть их в новом аспекте, выявить существенные связи и закономерности и тем самым получить новые знания.

Категория надежности позволяет определить, насколько далеко выходят нравственно-правовые представления мошенников о пределах допустимого поведения за границы социально одобряемой морали и закона и тем самым установить степень их социальной опасности.

Категория нравственно-правовой надежности достаточно широко применяется в психологии труда, юридической и социальной психологии (Бодров, 2004, 2006; Бодров, Орлов, 1998; Конопкин, 1978; Никифоров, 1977; Марьин, 1992; Рыбников, 2000). С. В. Сарычев в своей докторской диссертации сделал вывод, что «основные тенденции в разработке понятия „надежность“ связаны с расширением сферы его применения в психологии, распространением на все большее число объектов исследования и переосмыслением его содержания» (Сарычев, 2008, с. 6).

Применение категории «надежность» в изучении нравственно-психологических детерминант мошенничества представля-

ется нам теоретически обоснованным в силу следующих утверждений.

Во-первых, поведение человека, не надежного в моральном и правовом отношении, находится вне пределов социально одобряемых моральных и юридических норм. Стабильное и устойчивое существование в границах заданных норм является главным признаком надежности.

Во-вторых, категория надежности характеризует не только успешность деятельности, но и объясняет стабильное и устойчивое поведение человека в пределах допустимых погрешностей и проявляющимся на различных уровнях саморегуляции (Бодров, Орлов, 1998). Сознание мошенника, несмотря на противоположную нравственно-правовую определенность, тоже имеет признаки системы, которая обеспечивает его успешное существование в пределах избранного им способа бытия.

В-третьих, нравственно-правовая надежность позволяет противостоять нормам эгоистической, узкогрупповой и криминальной морали и сохранять выработанные субъектом личные нравственные и правовые ценности и идеалы. Мошенники в этом отношении устойчивы к нормам общепринятой морали и исповедуют аморально-криминальные ценности.

В-четвертых, экономическую деятельность человека можно оценивать по внешнему критерию надежности – безотказности и безошибочности. Этот критерий, считающийся в теории надежности основным (профессиональным), позволяет анализировать психическую деятельность субъекта по конструированию новых личностных смыслов, нравственно-правовой оценке планируемых действий, установлению логических связей своих действий с этическими категориями добра, зла, долга, ответственности, справедливости, законности. Он ориентирует на изучение моральных и правовых заблуждений и ошибок, совершаемых мошенником при определении им своего способа бытия и получения им материальных благ.

В-пятых, для изучения нравственно-правовой надежности личности применим предложенный Б. Ф. Ломовым критерий работоспособности системы в течение заданного времени с заданной точностью (Ломов, 1984). Он дает дополнительные объяснительные возможности в изучении мошенничества как особого вида криминальной деятельности. Процессы смыслообразования, целеполагания, планирования, моделирования и прогнозирования в сознании мошенника организованы в единую систему.

Таким образом, творческое применение положений теории надежности позволяет получить многостороннее объяснение преступного поведения мошенника по обретению им материальных благ – с учетом воздействия моральных, правовых и экономических факторов; рассмотреть процессы саморегуляции, самоотношения и самоконтроля, когнитивные и эмоциональные процессы личности на основе применения результативных, системно-личностных и профессиональных критериев надежности.

Исходя из вышеизложенного, нравственно-правовую надежность можно определить как социально-психологическое свойство личности, позволяющее человеку производить и сохранять в своем сознании смыслы нравственных норм в пределах их объективных значений, которые детерминируют устойчивое, организованное и сознательное поведение в соответствии с моральными и правовыми требованиями общества.

Теоретическая концепция нравственно-правовой надежности, применяемая нами для изучения детерминант мошенничества, содержит все необходимые элементы психологической теории (по А. В. Юревичу): общий образ нравственно надежной личности (феноменологию); центральную научную категорию (психологическое отношение личности к нравственным и правовым нормам); центральный феномен (способ существования человека в системе морально-правовых отношений с другими людьми); базовые положения (Юревич, 2003). Систему отношений между структурными компонентами нравственной надежности личности образует нравственно-смысловая детерминация.

В социальной психологии содержится много признаков, которые можно отнести к феноменологическому описанию нравственно-правовой надежности человека. Феноменология личности мошенника рассмотрена в работах юристов, криминологов, юридических психологов. Анализ научных работ показал, что все оценки надежности человека можно отнести к трем сферам личности:

- нравственной (моральная ответственность, понимание границ поведения, нравственные ценности и идеалы);
- когнитивной (личностные факторы принятия моральных решений, рассудительность, предвидение ответственности за содеянное, способность к обдумыванию планируемых поступков);
- самоотношения, саморегуляции и самоконтроля (гибкость, locus ответственности).

Примечательно, что нравственные оценки по значимости и частоте употребления занимают первое место среди других оценок. К ним относятся ориентация человека на нравственные ценности, выходящие за пределы наличного бытия, и способность противостоять аморальным и криминальным обычаям отдельных социальных групп. Надежность рассматривается А. Л. Журавлевым как критерий социальной зрелости, как следствие принятия человеком ответственности за социальные последствия своего поведения (Журавлев, 2007), как результат успешного нравственного самоопределения личности (Журавлев, Купрейченко, 2007). К признакам нравственно надежного человека относят честность, порядочность, добросовестность, справедливость ответственность (Дикевич, 1999). Надежный человек «не переступает нравственный закон, то есть у него сохранена нравственная чистота, внутреннее чувство границ допустимого в нравственной сфере» (Воловикова, 2003, с. 185). Надежность рассматривается как один из структурных компонентов доверия, нравственно-смысловую основу которой образуют правдивость, справедливость, ответственность, терпимость, принципиальность (Купрейченко, 2010). Надежность человека противопоставляется склонности к обману и манипуляции (Знаков, 2000).

Судя по феноменологическим описаниям, нравственно-правовая надежность, во-первых, является признаком социально зрелой личности. Во-вторых, в своем сознании нравственно надежный человек имеет самостоятельно выработанные нравственные ценности, которые находятся в пределах социально одобряемых нравственных норм. В-третьих, его поведение основано на понимании своей ответственности перед этими нормами и не переходит границы допустимого. В-четвертых, нравственно надежный человек обладает устойчивостью к негативным обычаям поведения и готовностью отстаивать свои нравственные ценности и идеалы.

Такая феноменология впоследствии позволит нам моделировать нравственно-правовую надежность человека как трехмерное пространство его сознания, координатные оси которого – нравственность, особенности когнитивной сферы и отношение к себе и к жизненным ценностям.

Базисная психологическая категория нашей концепции – «отношение». Она применима для теоретического объяснения нравственно-психологических детерминант мошенничества, поскольку используется в конкретной системе и приобретает предметно-содержательный характер.

Эта научная категория отличается первичностью и неразложимостью, на что указывал В. Н. Мясищев, основываясь на идеях А. Ф. Лазурского: «Исходя из того, что понятие отношения несводимо к другим и неразложимо на другие, надо признать, что оно представляет самостоятельный класс психологических понятий» (Мясищев, 1995, с. 352). А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский также считали отношение базисной психологической категорией, наряду с образом, мотивом, действием и переживанием: «Оно обладает содержанием, побуждающим признать за ним категориальное достоинство» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 207).

Отношение человека к самому себе, к другим людям, к своим близким, к деньгам, к труду, к моральным нормам отражает уровень его надежности и является результатом внутренней психической деятельности. Именно в отношении к значимым для субъекта людям, к способам получения материальных благ, к социально одобряемым или криминальным нормам получения и потребления этих благ проявляются внутренние психологические факторы личности, детерминирующие ее поведение и деятельность.

Главным признаком категории «отношение» является доминирование в ней значимой для субъекта направленности на объект, в качестве которого могут выступать материальные вещи, нравственные и правовые ценности, другие люди, сам субъект. Данная категория применима для системного анализа нравственно-психологических детерминант мошенничества по следующим основаниям. Во-первых, она отражает доминирующую направленность субъекта на материальные или нравственные ценности, на конкретный способ бытия. Во-вторых, отношения человека к этим объектам выступают в особой психической форме, отличной от мотива, действия или переживания. В-третьих, она отражает векторизованность психического акта, направление устремлений личности относительно нравственных или материальных ценностей, а также правовых норм. В-четвертых, позволяет объяснить установку личности на оценку этих норм. В-пятых, категория отношения отражает предрасположенность и готовность субъекта к просоциальным, аморальным или криминальным поступкам. Ее применение позволяет научно проанализировать нравственные и правовые позиции личности относительно значимых для человека объектов: деньги, богатство, труд, обман и мошенничество, нравственные и правовые нормы, другие люди, собственное Я.

Центральный феномен концепции нравственно-правовой надежности – способ существования человека в системе морально-правовых отношений с другими людьми. В зависимости от уровня бытия человека способ его существования может быть различным: от высоконравственного и до аморально-криминального, включая промежуточные стадии и уровни. Мошенничество, как криминальный способ получения материальных благ, таким образом, относится к нижнему уровню бытия человека.

Единицей анализа в концепции нравственно-правовой надежности являются нравственно-правовые основы поступка. М. И. Воловикова считает поступком не только физическое действие, но и моральное суждение по поводу этого действия. Она обосновала положение, что единицей нравственности является поступок. «Поступок оказывается тем имплицитным суждением, которым человек утверждает нравственные ценности в глазах других людей» (Воловикова, 2004, с. 194).

Базовые положения нашей концепции описывают и объясняют закономерности, условия, факторы развития и функционирования нравственно-правовой надежности личности. Методологической оппозицией, альтернативой нравственно-правовой надежности человека является склонность к хищениям и мошенничеству. Под психологической закономерностью развития нравственно-правовой надежности мы понимаем взаимную, устойчивую, достоверную и статистически значимую связь между компонентами ее структуры с планируемыми и совершенными действиями по достижению материальных благ, с социально-психологическими и социальными факторами.

Содержание нашей концепции нравственно-правовой надежности личности сводится к следующим положениям.

Нравственно-правовую надежность (НПН) личности можно определить как социально-психологическое свойство личности, позволяющее человеку производить и сохранять в своем сознании смыслы нравственных норм в пределах их объективных значений, которые детерминируют устойчивое, организованное и сознательное поведение в соответствии с моральными и правовыми требованиями общества.

Критериями нравственно-правовой надежности выступает система жизненных отношений и смысловых образований личности: осознание человеком своей моральной ответственности перед другими людьми; осознание смысла нравственных норм в услови-

ях многообразия ситуаций и отношений с другими людьми; использование человеком нравственных понятий при объяснении себе целей и способов получения материальных благ; устойчивость к нормам узкогрупповой, эгоцентрической и криминальной морали.

Уровневое строение нравственно-правовой надежности соответствует уровням бытия и способам существования человека. Оно образовано нравственно-правовой, правовой, конформной, прагматической, корыстной и аморально-криминальной ступенями. В общей системе нравственно-правовой надежности действует единый механизм нравственно-смысловой детерминации поведения, который на каждой из стадий и уровней имеет конкретную качественную определенность. Так, мошенничество представляет собой устойчивый, сознательный, внутренне организованный способ существования человека на низшем, аморально-криминальном уровне бытия и нравственно-правовой надежности.

Функциональным механизмом развития нравственно-правовой надежности служит нравственно-смысловая детерминация. Нравственно-смысловая детерминация поведения – это причинная связь созданных человеком личностных смыслов нравственных понятий с процессуальными основами психики, определяющая выбор человеком способа своего бытия.

Личностные смыслы нравственных понятий придают детерминации поведения человека моральную определенность, сами становятся существенной ее частью, являясь причиной поступков. Изменение человеком смыслов своих нравственных ценностей (инверсия) – причина изменения способа своего существования.

Становление личности мошенника определяется внешними и внутренними нравственно-психологическими детерминантами, которые могут выполнять функции причины, следствия, внешних и внутренних факторов, условий, предпосылок и опосредствующих звеньев.

Внешние детерминанты мошенничества кроются в реальной системе социальных отношений личности и общества, в способе получения человеком материальных благ. К ним относятся нравственно-психологические факторы: преобладающий в ближайшем окружении субъекта тип морали («корпоративная», эгоцентрическая или криминальная); господствующие социальные представления о возможности и допустимости обмана, воровства, мошенничества и коррупции; негативные внутригрупповые мнения по поводу мо-

рально-правовых норм и деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией.

Среди социальных факторов мошенничества существенную роль играет несовершенство законодательства, допускающего освобождение мошенника от уголовной ответственности и не предусматривающего конфискацию имущества, нажитого преступным способом.

К внутренним детерминантам мошенничества относятся:

- личностные смыслы нравственных ценностей;
- локус моральной ответственности личности;
- индивидуальный стиль решения экономических проблем;
- моральная саморегуляция личности;
- индивидуальный стиль межличностного взаимодействия.

Детерминанты мошенничества взаимосвязаны и образуют устойчивую систему. Особое место среди внутренних факторов и условий поведения человека занимает нравственное содержание когнитивных и эмоциональных процессов, которые принимают участие в объяснении человеком смыслов нравственных и правовых норм, в определении собственных нравственных ценностей и в выборе своего способа бытия.

Преломляясь в сознании человека, внешние и внутренние факторы посредством смыслов и значений нравственных понятий способствуют установлению им границ своего поведения, моральных и правовых запретов. Моральные границы и запреты определяются: содержанием нравственных ценностей и представлений о добре и зле; соотношением нравственных, экономических и правовых ценностей в сознании личности; позитивным отношением к другим людям, нормам морали и закона; личностными смыслами жизненных целей и поступков при получении материальных благ; содержанием личностных стратегий преодоления жизненных трудностей; опытом и возрастом человека.

Онтологически мошенника можно определить как человека, находящегося на аморально-криминальном уровне бытия, сознательно определившего в способе своего существования и избравшего ненасильственные средства обмана других людей и манипуляции ими в собственных корыстных целях.

Исходным в своеобразном развитии личности мошенника является конформный уровень бытия, на котором происходит самоопределение человека. Оно начинается с осознания им противо-

речия между способом своего существования и актуальной мерой потребления материальных благ, то есть степенью удовлетворения витальных потребностей. Возникающий на основе этого противоречия конфликт нравственных и экономических ценностей разрешается в пользу тех ценностей, которые более понятны или более эмоционально привлекательны, адаптированы к реальным ситуациям и проверены жизненным опытом.

При позитивном самоопределении человека происходит укрепление социально одобряемых нравственных ценностей и уточнение субъективных представлений о мере потребления материальных благ. Совпадение личностных смыслов нравственных понятий с их объективными значениями детерминирует дальнейший процесс моральных рассуждений субъекта на основе этических категорий, что выводит его за пределы бытовой ситуации на новый уровень обобщений и объяснения своего бытия.

Сомнения в правильности и справедливости действующих нравственных и правовых норм существования при одновременном стремлении увеличить меру потребления материальных благ приводят к негативному самоопределению человека. Последствия такого самоопределения проявляются в отказе от доминирующих в обществе нравственных ценностей и идеалов, в кратковременной и неустойчивой адаптации к ним, в задержке социализации, в моральных заблуждениях и ошибках, противоречиях между нравственной и экономической идентичностью. Результатом такого самоопределения является чрезмерное развитие эгоизма, противопоставление интересов собственных и своего ближайшего окружения интересам других людей, определение таких способов получения материальных благ, которые противоречат общепринятым, циничное отношение к морали и праву. Отрицание, условное принятие или подмена нравственных понятий соображениями целесообразности, наполнение их смыслами корысти и личной выгоды закладывают нравственно-психологические основы сознательного перехода человека на низшие уровни своего бытия.

Нравственно-смысловые детерминанты мошенника построены на моральных заблуждениях и логических ошибках. К ним относятся выводы о собственной исключительности и особом предназначении в жизни, о деньгах и чувственных удовольствиях как главных ценностях жизни, о допустимости обмана и мошенничества для их получения, о правильности и справедливости выбранного способа бытия. Эти ошибки и заблуждения не позволяют мошенни-

кам объективно объяснить причины успехов и неудач в своей жизни. Нравственно-смысловая сфера личности мошенника представляет собой удобную комбинацию моральных универсалий различных этических систем. Несмотря на разнородность и эклектичность нравственных основ, они обладают всеми необходимыми признаками системы. Они скоординированы по сферам деятельности, выстроены по уровням (степеням значимости), тесно связаны с внешней деятельностью личности, согласованы между собой и подчинены главной цели способа бытия такого человека – получению личной выгоды путем обмана других людей.

Моральное сознание нашего общества неоднородно. Исследования М. И. Воловиковой (2004), А. Б. Купрейченко (2010), А. В. Юревича (2009), А. Е. Воробьевой (2010) и других социальных психологов показали, что в нем представлены нормы религиозной, светской, традиционной, потребительской (утилитарной), узкогрупповой, эгоцентрической и криминальной морали.

Нормы криминальной морали, включаясь в систему причинно-следственных связей и отношений личности, сами выступают в роли нравственно-психологических детерминант экономической активности субъекта. Под влиянием этой обратной связи происходят качественные изменения в самой причине – в системе личностных нравственных ценностей, уже не содержащих моральных норм в их объективном значении. Возрастает роль ценностей власти, гедонизма и достижения успеха.

Литература

- Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Воробьева А. Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16–22.

- Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Марьин М. И. Комплекс средств психологического обеспечения деятельности пожарных: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
- Никифоров Г. С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: ЛГУ, 1977.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Рыбников В. Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2000.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сарычев С. В. Социально-психологические факторы надежности малых групп в различных социальных условиях: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Курск, 2008.
- Сербский В. П. Преступные и честные люди // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. С. 660–678.
- Стрижов Е. Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012.
- Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 5–13.
- Юревич А. В. Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 3–13.

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ

Д. А. Подольский

Введение

За последнее десятилетие было проведено значительное количество как психологических, так и социологических исследований ценностных ориентаций подростков (Журавлева, 2006; Карандашев, 2004; Verkasalo, Goodwin, Bezmenova, 2006). Однако исследований, посвященных сравнению ценностной иерархии «трудных» подростков и их сверстников, не склонных к девиантному поведению, относительно немного.

В частности, в работах В. Н. Карандашева было показано, что ценностные приоритеты исследуемой им группы несовершеннолетних осужденных практически не отличались от ценностной иерархии контрольной группы десятиклассников, обучающихся в средних общеобразовательных школах (Карандашев, 2004). Некоторые работы европейских психологов имеют схожие результаты (Romero, Sobral, Luengo, Marzoa, 2001). Другими авторами отмечаются существенные различия в ценностных ориентациях девиантных подростков и их сверстников (Cochrane, 1971). В чем же причина подобного расхождения в результатах сравнительных исследований «трудных» и «нормальных» подростков? С моей точки зрения, она кроется в выборе методики изучения ценностных ориентаций.

Большинство методов исследования ценностей построены либо на основе их ранжирования (ranking), либо на основе присвоения каждой ценности определенного рейтинга (rating). Различные методы могут по-разному влиять на процесс оценивания респондентом значимости тех или иных ценностей. Результаты проведенного нами исследования показали, что метод рейтингов в недостаточной степени позволяет фиксировать различия в ценностных ориентациях

подростков с выраженным асоциальным поведением. Поэтому была разработана «методика распределения», которая дает возможность изучать ценностные ориентации тех, кто не обладает развитой рефлексией в сфере собственных нравственных принципов.

Методы изучения ценностей подростков

На данный момент существуют различные методики для изучения ценностных ориентацией подростков. Одна их часть основана на концепции Ш. Шварца (Schwartz, 1992), другая – на теории ценностей М. Рокича (Rokeach, 1973).

Метод рангов предполагает выстраивание индивидуальной ценностной иерархии путем жесткой приоритизации ценностей. Респондент определяет наиболее значимую ценность из списка, ей присваивается ранг 1, потом находит следующую по значимости и т. д. Обсуждая преимущества и недостатки использования шкалы рангов, исследователи отмечают, что ранжирование в большей степени, нежели метод рейтингов, предполагает ситуацию выбора (Rokeach, Ball-Rokeach, 1989). В случае ранжирования каждая ценность должна быть сопоставлена со всеми остальными. В результате последовательных парных сравнений респондент определяет то, какая ценность более значима, а какая – менее. Однако необходимость жесткого выбора между ценностями может не всегда отражать то, какую значимость для респондента имеет та или иная ценность. При анализе ценностной иерархии, полученной с помощью ранжирования, субъективные интервалы между, например, первой по значимости ценностью и второй могут варьироваться от одного респондента к другому. Метод ранжирования достаточно сложен для респондентов, требует зачастую много времени, поэтому его можно использовать далеко не на всех возрастных выборках.

Большинство современных методик построено на основе метода рейтингов (когда респонденту необходимо оценить каждую ценность в отдельности по определенной шкале, например от «-1» до «7»). В случае использования рейтингов значимость каждой ценности определяется независимо от других по заранее заготовленной универсальной шкале. Выделяют следующие преимущества метода рейтингов: 1) простота и удобство в использовании метода позволяют применять его для изучения различных групп респондентов; 2) сама процедура занимает немного времени, список ценностей может быть значительно длиннее, чем при ранжировании; 3) цело-

веку предоставляется возможность оценить несколько ценностей как равные по значимости, что невозможно сделать в случае применения шкалы рангов. Однако у данного метода есть и свои минусы: так, респонденты склонны чаще использовать позитивную часть шкалы, в результате чего отдельные ценности в недостаточной степени дифференцируются друг от друга (Rankin, Grube, 1980).

Респонденты по-разному применяют шкалу рейтингов. Кто-то склонен все ценности оценивать одинаково позитивно, кто-то, наоборот, задействует все значения шкалы – от минимальных до максимальных. Для статистической обработки рейтингов необходимо предварительно стандартизировать полученные «сырые» данные. Наиболее часто применяемый способ – это деление всех рейтингов по одному респонденту на среднее значение по всем оцениваемым им ценностям.

Результаты, полученные с помощью указанных методов, не всегда совпадают друг с другом. Некоторые авторы (например: Krosnick, Alwin, 1988) отмечают, что чем выше интеллектуальные способности респондентов, тем больше совпадение результатов, полученных с параллельным применением метода рейтингов и метода рангов.

Объективность результатов исследования ценностных ориентаций

Вопрос о том, какие ценности для респондента являются приоритетными, представляется последнему далеко не простым. Ответ на подобный вопрос будет отчасти определяться спецификой ситуации, тем, как задан вопрос и кем; он будет зависеть от того, насколько сформированным является представление человека о собственной системе ценностей.

Барух Фишхофф разделял два подхода к анализу данных психологических исследований ценностей (Fischhoff, 1991). Первое предположение заключается в том, что респондент имеет четко сформированное и ясное представление о своей системе ценностей, что в ответ на вопрос исследователя он может дать ясное и содержательное описание того, что для него является важным, ценным, значимым, и объяснить почему. Следовательно, 1) мы, как исследователи, можем ожидать, что будет наблюдаться относительная стабильность в ответах респондентов, 2) ответы респондентов не будут в значительной степени варьироваться в зависимости от метода исследова-

ния. Второе предположение заключается в том, что у респондента нет готового ответа на вопрос о собственной системе ценностей. Соответственно, для того чтобы получить более точные результаты, необходимо предварительно актуализировать в сознании респондента вопросы, касающиеся его ценностных ориентаций. Следовательно, вероятно значительная зависимость ответов респондента от используемого метода исследования. Фишхофф, скорее, выдвинул предположения, которые описывают две крайние позиции исследователя ценностных ориентаций. Зачастую исследователи излишне полагаются на то, что у респондентов есть готовые ответы на их вопросы. Это приводит к недостаточному контролю процесса понимания и интерпретации респондентом вопросов исследователя.

Кроме того, следует учитывать, что при формулировании своего ответа респондент может осознанно или неосознанно искажать информацию, предоставляемую исследователю (Cannell, Miller, Oksenberg, 1981). Авторами описана процессуальная модель ответа респондента на вопрос исследователя, включающая пять стадий:

- 1) понимание вопроса интервьюера;
- 2) когнитивный анализ вопроса и формулирование ответа;
- 3) проверка точности ответа;
- 4) оценка ответа с учетом личных мотивов;
- 5) вербализация ответа.

На четвертой стадии респондент может исказить ответ в зависимости от того, есть ли у него конфликтующие с тем или иным вариантом ответа мотивы (например, желание представить себя в более выгодном свете и др.). Особенно подвержены возможности такого искажения методики изучения ценностей, построенные на основе рейтинговой шкалы, так как подобный метод представляет собой «прямой» способ оценки ценностей. В каждом отдельном случае респондент может сознательно «корректировать» свой ответ в соответствии с желаемой картиной. Это также происходит потому, что большинство ценностей являются притягательными и желаемыми. При использовании рейтинговой шкалы ценности зачастую оцениваются как очень значимые. Учитывая приведенные факты, многие исследователи начали сомневаться в достоверности прямых методов оценки ценностей (Mumford et al., 2002), видя выход в использовании косвенных подходов изучения ценностных ориентаций.

Непрямые методы изучения ценностей

Майкл Хэчтер с соавт. отмечают, что многие проблемы в изучении ценностей остаются нерешенными вследствие использования такого прямолинейного подхода (Hechter, Hyejoong, Justin, 2005). Прямые методы изучения ценностей полагаются на рациональный анализ респондентами своих предпочтений. Как показывают исследования (Maio, Olsen, 1998), люди редко рационально анализируют свою систему ценностей. Многие реальные выборы в ситуации ценностных дилемм совершаются интуитивно, а причины выбора зачастую не осознаются субъектом. То, какие ценности для индивида являются приоритетными, он понимает только по факту своих поведенческих выборов. Однако большинство методик, используемых для выявления ценностей, основываются на сознательной и рациональной оценке.

В отличие от прямых методов, косвенный подход к изучению ценностей предполагает, что респонденты оценивают тот или иной способ поведения, а не ценности как таковые (Mumford et al., 2002). Таким образом, вывод о ценностной иерархии индивида делается на основе анализа его поведенческих предпочтений. Результаты, полученные при использовании непрямого метода, точнее предсказывали реальное (а не вербальное) поведение респондентов. Это позволило нам сделать следующее предположение: переход от прямой оценки ценностей к косвенной позволит снизить негативные эффекты искажения респондентом предоставляемой исследователю информации.

Применение методики распределения для изучения ценностных ориентаций подростков

Идея создания метода распределения для изучения ценностей частично основана на применении косвенного подхода. Респондент работает с ценностями как таковыми, однако методика включает в себя также математическую задачу, которая «уводит» фокус внимания респондента от непосредственной оценки ценностей. Он должен одновременно решить две разные задачи: определить собственные ценностные приоритеты и рассчитать количество распределяемых баллов. Предлагается следующая инструкция: «В этом списке перечислены различные ценности, которые важны для большинства людей. У вас есть 30 баллов. Распределите баллы между ценностями,

которые важны именно для вас. Максимальное количество баллов, которые вы можете присвоить одной ценности, – 10. Это означает, что данная ценность очень важна для вас. Минимальное значение, которые вы можете присвоить, – 0. Это означает, что данная ценность не важна для вас. Пожалуйста, когда закончите, проверьте, что вы распределили именно 30 баллов».

Список ценностей может включать в себя 15 или 20 терминов. Большее количество уже вызывает затруднения у подростков.

Задача на распределение совмещает одновременно и ранжирование, и метод рейтингов. В таблице 1 представлены ключевые особенности метода распределения, отличающие его от метода рейтингов.

Сама методика распределения активно использовалась в исследованиях, посвященных потребительским предпочтениям (McDaniel, Gates, 1998). Так, типичной задачей, которая ставилась перед респондентами, могла быть следующая: «Распределите 100 баллов между различными характеристиками (свойствами) того или иного продукта в зависимости от того, насколько та или иная характеристика важна для вас лично». Для исследования ценностей же подобный подход не применялся.

Ключевыми проблемами на этапе разработки и апробации методики распределения с целью изучения нравственных ценностей были следующие: 1) сколько ценностей целесообразно включить в список; 2) какое количество баллов должен распределить респон-

Таблица 1

Сравнение метода рейтингов и метода распределения

Аспект сравнения	Метод рейтингов	Метод распределения
Задача	Оценить значимость каждой из приведенных ценностей по определенной шкале	Распределить определенное количество баллов между ценностями
Подход	Прямое оценивание каждой ценности	Частично косвенный подход: реальная оценка значимости ценностей «скрыта» под математической задачей подсчета баллов
Активность субъекта	Оценка каждой ценности в отдельности	Парные сравнения всех представленных в списке ценностей между собой
Шкала	Задана в готовом виде	Не задана, создается самим респондентом

дент; 3) как происходит сам процесс распределения, что непосредственно делает респондент, решая эту задачу.

Предварительные исследования показали, что оптимальным является число ценностей, не превышающее 25. Если число ценностей превышает 25, то процесс распределения баллов занимает значительное время и вызывает трудности у младших подростков (11–13 лет). Количество баллов определялось исходя из того, что их число должно быть в 1,5–2 раза больше, чем число ценностей в списке. Это позволяет создавать ситуацию выбора, когда респонденту необходимо расставлять приоритеты. В случае большего числа баллов наблюдается тенденция равного распределения баллов между ценностями, что снижает уровень дифференциации между ними. Наблюдения за процессом выполнения задачи позволили определить характер активности респондентов. Наиболее типичным было следующее поведение подростков: они начинали номинировать баллы с самого начала, очень скоро сталкиваясь с тем, что количество распределенных баллов превысило 30. В этот момент характер активности менялся, подростки начинали сопоставлять все ценности между собой, расставляя между ними приоритеты и фиксируя их определенным числом баллов. После определения приоритетных ценностей неиспользованные баллы распределялись по остаточному принципу. Таким образом, характер активности говорит о том, что методика распределения ставит подростков в ситуацию выбора приоритетных ценностей.

В случае использования методики распределения важное значение имеет правило, в соответствии с которым необходимо распределить именно 30 баллов (не больше и не меньше). То, насколько точно подросток в процессе работы над методикой выполнил это условие, свидетельствует о его мотивации и готовности действительно решать предложенную экспериментатором задачу. Большинство исследуемых подростков выполняли данное правило (присутствовали лишь незначительные отклонения на 1–2 балла). Однако были и такие, у кого в сумме получалось и 36 баллов, и 44 балла. Как и ожидалось, среди «трудных» подростков подобные случаи встречались значительно чаще.

Данная методика также позволяет определить тип ценностного профиля. По результатам наших наблюдений можно выделить два основных типа: компромиссный и экстремальный. Компромиссный тип характеризуется смещением среднего значения к 1. Это происходит тогда, когда респондент стремится распределить бал-

лы между как можно большим числом ценностей. Экстремальный тип, напротив, характеризуется увеличением среднего значения (максимальное среднее значение равно 10). Это означает, что респондент выделяет для себя группу наиболее значимых ценностей и распределяет баллы между этими ценностями. При этом остальные ценности из списка получают ноль баллов.

Изучение ценностных ориентаций подростков с использованием различных методов исследования

Исследования проводились после уроков, во время «классного часа». Важным элементом работы было первичное знакомство с классом, в рамках которого мы коротко рассказывали, как будет строиться работа. Цель исследователя на этом начальном этапе – заинтересовать подростков, актуализировать в их сознании тему ценностей, поставив перед ними вопросы, столкнув разные точки зрения на поведение человека в ситуации выбора. В заключение мы всегда спрашивали подростков, хотят ли они принять участие в исследовании. При этом мы подчеркивали, что это сложная и ответственная работа. Таким образом, мы создавали необходимую мотивацию и как бы разделяли с подростками ответственность за результат совместной работы. Это существенно снижает вероятность того, что подростки «не глядя» поставят галочки в опросниках или в целом будут относиться к заполнению методик невнимательно.

Каждый подросток заполнял две анкеты (в промежутке между ними происходила общая дискуссия): методику рейтинга ценностей и методику распределения баллов между ценностями. Обе методики содержали один и тот же набор ценностей, варьировался только метод их оценки.

Выборка

В исследовании принимали участие школьники, обучающиеся в средних общеобразовательных школах Москвы ($N = 92$, ср. возраст = 14,7, девочек 56%), а также учащиеся вечерних общеобразовательных школ ($N = 64$, ср. возраст = 15,5, девочек 35%). Предварительный анализ показал, что эти выборки значительно отличаются друг от друга по выраженности проблемного (асоциального) поведения. Девиантность поведения школьников оценивали учителя. Мы предложили учителям список из 10 различных вариантов асоциального поведения (драки, воровство, употребление алкоголя и др.)

и попросили их оценить, насколько подобное поведение выражено в данном классе (от «никто» до «все»). Поведение учеников оценивало три учителя: классный руководитель и два учителя-предметника. Учащиеся вечерних школ (по оценкам учителей) продемонстрировали более высокий уровень девиантного поведения. Это совпало с общей характеристикой учащихся вечерней школы как «трудных подростков» (по словам учителей). Учитывая различия между группами, мы могли ожидать также и различия в ценностных ориентациях подростков, обучающихся в указанных образовательных средах.

Результаты

Средние значения (значимость) по каждой ценности представлены в таблице 1 (данные по двум выборкам: «трудные» подростки (учащиеся вечерних школ) и учащиеся общеобразовательных школ). Видно, что в случае использования метода рейтингов ценностная иерархия практически идентична. Однако в случае использования метода распределения мы видим значительные различия между обычными школьниками и «трудными». «Трудные» подростки придают большее значение материальным и гедонистическим ценностям (богатство, наслаждение), в то время как «обычные» школьники больше ориентированы на ценности отношений (дружба, любовь).

Для сравнения ценностных иерархий был использован метод коррелирующих векторов (Jensen, 1998). В таблице 2 указаны корреляции между соответствующими векторами (для анализа были взяты следующие векторы: иерархия ценностей «трудных» подростков (учащихся вечерних школ), полученная с помощью методики распределения; иерархия ценностей «трудных» подростков (учащихся вечерних школ), полученная с помощью методики рейтингов; иерархия ценностей учащихся простых общеобразовательных школ, полученная с помощью методики распределения; иерархия ценностей учащихся простых общеобразовательных школ, полученная с помощью методики рейтингов).

Высокая значимая корреляция говорит о сходстве иерархий между собой. Если корреляция не значима, можно говорить о том, что существуют значительные различия между изучаемыми иерархиями. Из данных, представленных в таблице 3 можно сделать вывод: в случае применения метода рейтингов различия в ценностных ориентациях подростков из двух исследуемых групп практически отсутствуют. При использовании методики распределения данные различия, напротив, относительно выражены.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между различными векторами

Выборка	Шкала	Коэффициент Спирмена	Коэффициент Пирсона
Учащиеся обычных общеобразовательных школ	Распределение и рейтинг	0,48 (p = 0,06)	0,48 (p = 0,06)
Учащиеся вечерних школ	Распределение и рейтинг	-0,15 (p = 0,57)	-0,18 (p = 0,51)
Учащиеся обычных общеобразовательных школ Учащиеся вечерних школ	Рейтинг	0,79 (p = 0,00)	0,88 (p = 0,00)
Учащиеся обычных общеобразовательных школ Учащиеся вечерних школ	Распределение	0,09 (p = 0,72)	0,08 (p = 0,75)

Таблица 3

Сравнительные данные иерархии ценностей по двум выборкам

Ценности	Подростки из обычной школы		«Трудные» подростки	
	Распределение	Рейтинги	Распределение	Рейтинги
Богатство	0,24	0,71	1,35	0,75
Власть и авторитет в обществе	0,15	0,60	0,80	0,61
Наслаждение	0,28	0,96	0,92	0,95
Хорошее здоровье	0,42	0,89	0,82	0,99
Удовольствие от жизни	0,15	1,06	1,03	1,04
Свобода	0,30	1,09	0,99	1,05
Возможность творить	0,28	0,96	0,53	0,79
Мир на земле	0,29	0,97	0,74	1,01
Справедливость	0,25	1,09	0,72	0,98
Настоящая любовь	0,62	1,16	1,10	1,17
Безопасность семьи	0,46	1,21	0,78	1,20
Верная дружба	0,64	1,15	0,64	1,22
Интеллект	0,19	1,13	0,43	1,03
Успех	0,24	1,06	0,65	1,14
Карьера	0,24	0,96	0,53	1,07

Результаты применения методики распределения показали различия ценностных приоритетов у мальчиков и девочек из выборки «трудных» подростков. Мальчики больше ценят богатство и власть и значительно меньше – любовь, безопасность семьи и дружбу, нежели девочки (данные различия являются значимыми). По результатам применения методики рейтингов на этой же выборке ценностный профиль мальчиков и девочек практически идентичен.

Заключение

Использование метода распределения позволило выявить значительные отличия в ценностных ориентациях «трудных» подростков, по сравнению с учащимися средних общеобразовательных школ. «Трудные» подростки в значительно большей степени ориентированы на материальные ценности и пренебрегают ценностями, связанными с отношениями между людьми. В случае использования методики распределения были выявлены также значимые различия между системой ценностей мальчиков и девочек.

Основной особенностью метода распределения является то, что оценка ценностей «спрятана», вплетена в математическую задачу подсчета баллов. Тем самым социальная желательность некоторых ценностей становится не такой очевидной для подростков, о чем свидетельствуют полученные в исследовании результаты. Метод распределения позволяет также определить индивидуальный ценностный профиль подростка, который выражается в его стратегии работы с задачей. В одном случае подросток может равномерно распределять баллы между всеми ценностями из списка (компромиссная стратегия), в другом – следовать «избирательной» стратегии, наделяя баллами только некоторые из представленных ценностей. Как показывают результаты наших исследований, девочки более склонны использовать компромиссную стратегию, в то время как мальчики – избирательную.

Метод распределения может быть использован как в индивидуальном консультировании, так и в случае группового исследования ценностных ориентаций подростков.

Литература

Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 35–44.

- Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- Cannell C. F., Miller P. V., Oksenberg L.* Research on Interviewing Techniques // *Sociological Methodology* / Ed. S. Leinhardt. San Francisco: Jossey-Bass, 1981. P. 389–437.
- Cochrane R.* The structure of value systems in male and female prisoners // *British Journal of Criminology*. 1971. V. 11. P. 73–87.
- Fischhoff B.* Value elicitation: Is there anything in there? // *American Psychologist*. 1991. V. 46. P. 835–847.
- Hansson S. O.* The Structure of Values and Norms. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001.
- Hechter M., Hyojoung K., Justin B.* Prediction Versus Explanation in the Measurement of Values // *European Sociological Review*. 2005. V. 21. № 2. P. 91–108.
- Jensen A. R.* The g factor and the design of education // *Intelligence, instruction, and assessment: Theory into practice* / Eds R. J. Sternberg, W. M. Williams. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 111–131.
- Krosnick J. A., Alwin D. F.* A test of the form-resistant correlation hypothesis: Ratings, rankings, and the measurement of values // *Public Opinion Quarterly*. 1988. V. 52. P. 526–538.
- Maio G. R., Olson J. M.* Values as truisms: Evidence and implications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74. P. 294–311.
- McDaniel C., Gates R.* Marketing Research Essentials. Ohio: South-Western College Publishing, 1998.
- Mumford M. D., Connelly M. S., Helton W. B., Van Doorn J. R., Osburn H. K.* Alternative Approaches for Measuring Values: Direct and Indirect Assessments in Performance Prediction // *Journal of Vocational Behavior*. 2002. V. 61. P. 348–373.
- Rankin W. L., Grube J. W.* A comparison of ranking and rating procedures for value system measurement // *European Journal of Social Psychology*. 1980. V. 10. P. 233–246.
- Rokeach M.* The Nature of Human Values. N. Y.: Free Press, 1973.
- Rokeach M., Ball-Rokeach S. J.* Stability and change in American values, 1969–1981 // *American Psychologist*. 1989. V. 44. P. 775–784.
- Romero E., Sobral J., Luengo M. A., Marzoa J. A.* Values and antisocial behavior among Spanish adolescents // *The Journal of Genetic Psychology*. 2001. V. 162 (1). P. 20–40.
- Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in*

experimental social psychology / Ed M. P. Zanna. N. Y.: Academic Press, 1992. V. 25. P. 1–65.

Verkasalo M., Goodwin R., Bezmenova I. Value change following a major terrorist incident: Finnish adolescent and student values before and after 11th September 2001 // *Journal of Applied Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 144–160.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О НАРКОТИКАХ И НАРКОМАНАХ

И. Б. Бовина

Выражение основополагающих идей в отношении жизни неизбежно связывается со здоровьем и болезнью. Здоровье в современном мире, несомненно, является социальной ценностью. В концепции М. Рокича здоровье (физическое и психическое) оказывается в группе так называемых терминальных ценностей (то есть ценностей, соответствующих конечным целям существования индивида), наряду с любовью, наличием хороших и верных друзей, творчеством, познанием, счастливой семейной жизнью и проч. (Леонтьев, 1992). Работы, предпринятые Ш. Шварцем, позволяют говорить о том, что для западной культуры здоровье оказывается в одной группе с ценностями личной и национальной безопасности (Schwartz et al., 2001).

С нашей точки зрения, говоря о здоровье как ценности, можно различать два аспекта. С одной стороны, здоровье – это абсолютная ценность, ибо само по себе хорошо быть здоровым (испытывая соответствующие физические и эмоциональные состояния). Здоровье, несомненно, занимает самую высокую позицию в иерархии ценностей человека. Причем по мере развития общества возрастает осознание ценности здоровья. Однако хорошее здоровье и продолжительная жизнь не являются единственными ориентирами в жизни человека, исключительными регуляторами его поведения. Можно говорить о том, что зачастую индивид сталкивается с ситуациями, в которых он готов игнорировать угрозу и риск в отношении здоровья и жизни ради достижения какой-либо другой цели. Очевидна парадоксальность ситуации: здоровье является ценностью индивида, но его действия рассогласуются с ней.

С другой стороны, здоровье обладает инструментальной ценностью. Тогда акцент делается на тех возможностях, которые дает

человеку хорошее здоровье: возможность быть включенным в общество, получать его одобрение и быть его полноценным членом, возможность активно действовать и работать, добиваясь успехов, иметь семью и друзей, иметь время на досуг, – словом, вести полноценную жизнь.

Как ни парадоксально, но болезнь также можно рассматривать как ценность. Здесь нет разделения на абсолютный и инструментальный аспекты, ибо в данном случае мы имеем в виду то, что болезнь оказывается показателем уровня жизни человека, условий его существования в обществе. Болезнь – это причина, по которой человек может временно не работать – и при этом получать заработную плату (хотя и в уменьшенном объеме), чувствовать заботу окружающих (Radley, Billing, 1996) и иметь социальные гарантии общества. Болезнь обнажает характер взаимодействий индивида с обществом и подчеркивает значимость и ценность здоровья человека. По сути, анализ болезни под таким углом зрения открывает возможности для обсуждения ценности *самого индивида* для общества.

При фокусации внимания на социальных аспектах здоровья и болезни крайне любопытными кажутся результаты, полученные в рамках макропсихологического анализа современного российского общества. В частности, было показано, что отношение людей к своему здоровью связано с таким параметром, как психологическое состояние общества. Характер подобных связей таков: ухудшение психологического состояния сопровождается безответственным отношением к своему здоровью. Это было достаточно ярко продемонстрировано на примере употребления алкоголя и наркотиков (Психологическое состояние..., 2009).

Обсуждая нравственное состояние современного российского общества, А. В. Юревич подчеркивает, что «падение нравов играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании*, алкоголизма, несчастных случаев» (Юревич, 2009, с. 76). Вопрос, который воз-

* Причем статистические показатели относительно потребителей инъекционных наркотиков можно уподобить айсбергу, ибо по результатам эпидемиологических оценок реальный уровень распространения потребителей инъекционных наркотиков может быть в 4–5 раз выше официального и даже достигать 1–3 % общей численности населения в отдельных регионах страны (Киржанова, 2009). Как отмечает Е. М. Щербакова, распространение наркомании представляет собой угрозу безопасности страны (Щербакова, 2004).

никает в этой связи, – как люди, которые прибегают к таким действиям, как употребление наркотиков и злоупотребление алкоголем, объясняют себе свое поведение? Как опасность их поведения трансформируется в их представлениях, чтобы позволить им продолжать избранный способ действий?

В фокусе нашего внимания в настоящей работе оказывается проблема употребления наркотиков в молодежной среде. Среди интересующих нас вопросов будут следующие: как в различных группах молодежи понимается эта проблема? как объясняются причины употребления наркотиков? как видятся люди, потребляющие наркотики? как люди представляют себе наркотики? оценивают ли употребление наркотиков через призму морали? как представляются отношения индивида и общества в связи с употреблением наркотиков? И др. С одной стороны, сама эта тема является важной и актуальной, но к ней уже не раз обращались как в отечественном, так и в зарубежном контекстах (Цветкова, 2011; Моисеева, 2005; Apostolidis et al., 2006; Dany, Apostolidis, 2002; и др.). С другой, тот ракурс вопросов, которые мы сформулировали выше, предполагает дальнейший анализ сформулированной проблемы.

Адекватной теорией, которая позволила ответить на интересующие нас вопросы, является теория социальных представлений, которая позволяет рассматривать социальные феномены и направлена на понимание отношений между индивидом и обществом. В фокусе внимания теории находятся обыденные представления, на которые люди опираются, коммуницируя друг с другом, принимая решение о выполнении (невыполнении) того или иного действия, вступая в социальные отношения. Она дает возможность рассматривать макросоциальные феномены, релевантные современной жизни.

Социальные представления можно рассматривать как цепочку идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом. Эта гибкая связь обеспечивает их большую подвижность по сравнению с теориями (Moscovici, 1998). Социальные представления в движении напоминают скорее деньги, нежели язык: «Подобно деньгам, они циркулируют, принимают различные формы в памяти, восприятии, работах искусства... они всегда опознаются как идентичные, в то же самое время 100 франков могут быть представлены как банкнота, как чек путешественника или цифра в банковском счете» (там же, с. 245).

С точки зрения структурного подхода теории социальных представлений, на который мы опирались в настоящем исследовании,

социальное представление может быть определено как «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» (Abric, 2001, с. 42–43). Другими словами, социальное представление – это способ видения того или иного аспекта мира, которое трансформируется в суждение и в действие (Flament, Rouquette, 2003). Среди функций представлений можно выделять следующие: 1) защитную функцию трансформации чего-то неизвестного, пугающего, зловещего – в известное (Moscovici, 2000); 2) функцию облегчения осуществления коммуникаций; 3) функцию ориентации поведения индивидов и оправдания их социальных отношений (представления содержат предписания в отношении соответствующего поведения); 4) участие в конструировании и поддержании социальной идентичности.

Структура представления включает ядро (или центральную систему) и периферическую систему. Ядро является стабильной и устойчивой частью представления. Она связана с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами, здесь располагаются элементы представления, в наибольшей степени корнящиеся в культуре. Именно ядро определяет структуру всего представления, а также придает ему смысл. В этом и заключаются его основные функции.

Периферическая система представления конкретизирует значения ядра представления (абстрактный элемент ядра конкретизируется в периферических элементах), это – связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление. Периферическая система характеризуется вариативностью и изменчивостью (Abric, 2001), что позволяет представлению адаптироваться к изменяющемуся контексту, в том числе и к историческому эволюционированию. Это своего рода «защитная система» ядра представления, а по сути – и всего представления, так как с изменением ядра изменяется и само представление. Данная часть представления опирается на индивидуальную память и индивидуальный опыт.

Важно заметить, что употребление наркотиков так или иначе сопряжено с девиантным поведением, с незаконными действиями*.

* В Уголовном кодексе РФ предусматривается наказание за «Незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их

С другой стороны, употребление наркотиков сопряжено с возникновением зависимости, при этом «наркозависимость не является „изолированным“ заболеванием, а есть специфическая активность личности, которая употребляет наркотические вещества в определенном социальном контексте» (Лисецкий, 2008, с. 3). Таким образом, можно ожидать, что элементы, заимствованные из медицинской и юридической областей знаний, будут присутствовать в представлениях о наркотиках и наркоманах.

Цель настоящего исследования заключалась в изучении особенностей социальных представлений о наркотиках и о наркоманах в молодежной среде.

Для реализации данной цели требовалось разрешить следующие задачи:

- 1) выявить структуру и содержание социальных представлений о наркотиках и о наркоманах в группах молодежи;
- 2) сравнить структуру данных социальных представлений в этих группах.

Идея структуры представления означает, что элементы, ее составляющие, не являются чем-то независимым. Понятие ядра представления дает ответ на вопрос о связи индивида с социальной реальностью. Важное методологическое следствие структурного подхода теории социальных представлений заключается в том, что выявление и анализ всего лишь содержания представления не являются достаточными для изучения представлений. Требуется в первую очередь изучать центральное ядро представления, ибо идентичные содержания могут соответствовать различным представлениям, и только анализ структуры позволяет сравнивать представления, дает ответ на вопрос об их сходстве или различии.

Объектом исследования были группы молодежи. Выборку составили представители различных групп молодежи с опытом употребления наркотиков* (группа 1) и без опыта употребления (группа 2). В исследовании приняли участие 120 человек (38 женщин и 82

аналогов в крупном размере» в соответствии со статьей 228. В последующих статьях (229–233) 25 главы Уголовного кодекса (Преступления против здоровья населения и общественной нравственности) наказание предусматривается за культивирование наркотических средств, за склонение к употреблению наркотических средств и пр.

* Инъекционных и неинъекционных наркотиков.

мужчины) в возрасте от 16 до 35 лет ($M = 23,70$; $SD = 4,30$): группа 1–49 человек (28 мужчин и 21 женщина), группа 2–71 человек (54 мужчины и 17 женщин). Респонденты группы 1 были опрошены при содействии фонда А. Рылькова, а также при содействии двух наркологических диспансеров в Московской области.

Предметом исследования явились особенности социальных представлений о наркотиках и о наркоманах. Стоит уточнить, что изучались не социальные представления о наркозависимых, а социальные представления о наркоманах, так как именно это понятие прочно закреплено в обыденном сознании (только в трех поисковых системах Yandex, Rambler, Google было обнаружено упоминаний понятия «наркоманы» 13 млн, 13 млн и 16 млн 600 тыс. соответственно, а понятий «наркозависимые» – всего лишь 955 тыс., 953 тыс. и 1 млн 60 тыс. соответственно).

Итак, наши исходные *предположения* были таковы:

1. Социальные представления о наркотиках будут структурироваться вокруг разных элементов в двух группах респондентов:
 - в группе 1 представление будет формироваться вокруг понятий, связанных с процессом принятия наркотиков, а также вокруг понятий, указывающих на позитивные и негативные последствия принятия наркотиков;
 - в группе 2 представление будет структурироваться вокруг элементов, указывающих на внутривенное употребление наркотиков, на негативные последствия употребления наркотиков;
 - в группе 2 представление будет включать элементы медицинского и юридического дискурса.
2. Социальные представления о наркоманах будут различаться в двух группах респондентов, однако в обоих случаях они будут формироваться вокруг элементов с негативной коннотацией.
3. Группы будут апеллировать к различным типам причин употребления наркотиков: респонденты в группе 1 – преимущественно к внешним причинам, а в группе 2 – преимущественно к внутренним причинам.

Для проверки сформулированных предположений было предпринято исследование, в основе которого лежал метод опроса в варианте анкетирования. Анкета состояла из четырех частей. В ее *первой части* использовалась методика свободных ассоциаций (Vergès, 1992) для выявления представлений о наркотиках и о наркоманах. Во *вто-*

рой части использовалась методика незаконченных предложений (на основе проведенных ранее исследований было сформулировано 7 предложений) (Бовина, 2009). Данная методика применялась для уточнения результатов ассоциативной методики. В *третьей части* анкеты содержался ряд вопросов для выявления групп, в которых обсуждаются проблемы наркомании, а также для выявления источников информации о наркомании. В *последней части* испытуемым задавались социально-демографические вопросы, а также ряд дополнительных вопросов, касающихся профилактических мер в отношении наркомании.

Для обработки данных ассоциативной методики использовался прототипический анализ по П. Вержесу (Vergès, 1992) с последующим использованием контент-анализа; для анализа ответов на вопросы методики незаконченных предложений – частотно-смысловой анализ; наконец, для сравнения показателей в двух группах, в частности, по обеспокоенности проблемами наркомании, использовался непараметрический критерий Манна–Уитни и критерий Фишера.

Обсуждение результатов

В результате прототипического анализа ассоциаций для объекта «наркотики» и «наркоманы» в каждой группе была выявлена и описана структура социальных представлений.

Всего респонденты в группе 1 озвучили 228 ассоциаций с объектом «наркотики», 207 – с объектом «наркоманы», а в группе 2–321 ассоциацию с объектом «наркотики», 280 – с объектом «наркоманы». В случае каждого объекта представления в каждой группе был составлен словарь, включающий 140 различных понятий, связанных с понятием «наркотики», в группе 1 и 173 – в группе 2; в случае представления о наркоманах он включал, соответственно, 136 и 147 понятий. В среднем респонденты высказывали примерно одинаковое количество ассоциаций по каждому объекту: по критерию Манна–Уитни $z_1 = 0,38$ ($p < 0,71$), $z^2 = 0,79$ ($p < 0,43$). Для прототипического анализа нами были использованы понятия, которые указывали хотя бы 5% респондентов в каждом случае.

Объем понятий, образующих зону ядра и периферию представления о наркотиках – 34,30% и 39,50% соответственно (в группе 1 и группе 2) и 34,60% и 33,33% соответственно – в случае представлений о наркоманах. Сравнение с помощью критерия Фишера

позволяет говорить о том, что в случае представлений о наркоманах в группе 1 представление менее согласованное, чем в группе 2 (2,94; $p < 0,05$).

Особенности социальных представлений о наркотиках в двух группах респондентов

В число элементов *зоны ядра представления* в группе 1 попадают следующие (см таблицу 1): «вмазаться», героин, зависимость, ломка, кокаин. В число элементов *периферической системы, составляющих потенциальную зону изменения*, входят: болеутоляющее, друзья, где деньги взять, «замут»[†], а также кайф, музыка, марихуана. *Собственно периферическая система* представления образована следующими понятиями: смерть, шприц.

Позиция меньшинства (образована элементами, имеющими низкий ранг и высказанными небольшим числом респондентов) представлена указаниями на эффект действия наркотиков, на контекст их употребления.

Напомним, что элементы зоны ядра выполняют организующую и смыслообразующую функции. Итак, указания на конкретные виды наркотических средств присутствуют в зоне ядра (героин, кокаин), а также в периферической системе (марихуана). В пользу того, что наркотики в значительной степени ассоциируются с внутривенным использованием, говорят элементы: «вмазаться», героин, ломка (элементы зоны ядра), шприц (элемент периферической системы). В зоне ядра также присутствует указание на последствия употребления наркотиков – зависимость, ломка. Указание на позитивные последствия от употребления наркотиков располагаются в периферической системе.

В группе 2 *зона ядра представления* образована элементами: зависимость, шприц, болезнь. *Потенциальная зона изменений представления* включает: героин, больные дети, стоп наркотикам, смерть, вред, убивают, болезни. Наконец, *собственно периферическая система представления* объединяет элементы: кокаин, разрушение. Для меньшинства в этой группе наркотики отождествляются с героином, больными детьми, а также с превентивными акциями.

Элементы зоны ядра конкретизируются за счет элементов периферии. С одной стороны, это указание на последствия приема нар-

* Вмазаться (сленг.) – принять наркотик путем инъекции, чаще всего внутривенной.

† Замут (сленг.) – процесс добычи наркотиков.

Таблица 1
 Элементы, образующие ядро и периферию представления
 о наркотиках в двух группах испытуемых

	Понятие (частота понятия; ранг понятия)	
	Группа 1 (4; 2,70)	Группа 2 (6; 2,57)
Зона ядра	«вмазаться» (17; 2,12) героин (9; 2,56) зависимость (5; 2,60) ломка (4; 2,50) кокаин (4; 2,50)	зависимость (21; 2,38) шприц (15; 2,13) болезнь (12; 2,25)
Потенциальная зона изменений	<i>болеутоляющее</i> (3; 2,00) <i>друзья</i> (3; 3,33) <i>где деньги взять</i> (3; 2,33) <i>«замут»</i> (4; 1,75) кайф (18; 3,00) музыка (6; 4,00) марихуана (5; 3,00)	<i>героин</i> (5; 1,40) <i>больные дети</i> (4; 2,25) <i>стоп наркотикам</i> (4; 2,25) смерть (20; 2,60) вред (9; 2,78) убивают (6; 2,67) болезни (6; 3,17)
Собственно периферическая система	смерть (3; 3,00) шприц (3; 3,67)	кокаин (4; 3,25) разрушение (4; 3,75)

Примечание: Курсивом выделены элементы, соответствующие позиции меньшинства.

котиков: болезнь, зависимость (в зоне ядра), больные дети, смерть, вред, убивают, болезни, разрушение (в периферической системе). С другой – указание на внутривенное использование наркотиков: шприц (зона ядра), героин (периферическая система).

Любопытно, что элементы зоны ядра представления о наркотиках в этой группе совпадают с элементами представления о наркомании, выявленных в диссертационном исследовании Е. Б. Березиной (Березина, 2011). Этот факт позволяет говорить об отождествлении объектов представлений.

Сравнение полученных результатов в двух группах свидетельствует о том, что только один элемент – зависимость – совпадает в двух группах. Как отмечает Ж.-К. Абрик, о сходстве представлений можно говорить только в случае полного совпадения элементов ядра представлений. В группе 1 основные темы, вокруг которых формируется представление, таковы: виды наркотических средств, внутривенное использование наркотиков, а также негативные последствия от употребления наркотиков. В группе 2 основные темы – негативные последствия употребления наркотиков, а также внутривенное ис-

пользование наркотиков. Здесь присутствует понятие из медицинского дискурса – болезнь, но нет понятий, связанных с указанием на нарушение закона.

Более того, обращает на себя внимание, что в обоих случаях наркотики не ассоциируются (речь идет о ключевом местоположении элементов с точки зрения структуры представления – зоне ядра) с какими-либо элементами, имеющими аффективные коннотации.

Полученные результаты позволяют частично принять наше предположение о специфике различий представлений о наркотиках в двух группах респондентов.

Особенности социальных представлений о наркоманах в двух группах респондентов

В число элементов *зоны ядра представления* в группе 1 попадают следующие (см. таблицу 2): «торчки*», жалость, зависимый, я сам, друзья, грязь. В число элементов *периферической системы, составляющих потенциальную зону изменения*, входят следующие: несчастные, больные, слабые. *Собственно периферическая система* представления образована понятиями: ломка, потеряли цель, дураки, худые, психи. Основные темы, вокруг которых структурируется представление о наркоманах, – отношение к ним: жалость, грязь (зона ядра), несчастные (периферическая система); последствия употребления наркотиков: зависимый (зона ядра), отождествление с наркоманами: я сам и друзья (зона ядра). Таким образом, наркоманы отождествляют себя с группой наркоманов, но высказывают амбивалентное отношение к этой группе.

Для уточнения результатов прототипического анализа нами был предпринят контент-анализ всех ответов респондентов, при этом категориями для анализа явились элементы зоны ядра. В результате такого переструктурирования материала были получены категории: *наркоманы* («торчки», «нарики») – 5,31%, *позитивное отношение к наркоманам* (жалость, несчастные, сострадание и др.) – 7,24%, *негативные последствия употребления наркотиков* (зависимый, больные, ломка, худые и др.) – 21,25%, *я сам и мои друзья* (я сам, друзья, сообщник и др.) – 5,31%, *негативное отношение к наркоманам*

* Торчок (сленг.) — наркоман. Смысловой нагрузки этот элемент не несет, ибо он синонимичен самому объекту представления, однако его положение в структуре любопытно, ибо указывает на «коды», используемые представителями группы для внутригрупповых коммуникаций.

Таблица 2
 Элементы, образующие ядро и периферию представления
 о наркоманах в двух группах испытуемых

	Понятие (частота понятия; ранг понятия)	
	Группа 1 (4; 2,42)	Группа 2 (5; 2,58)
Зона ядра	«торчки» (11; 1,82) жалость (5; 1,60) зависимый (5; 2,20) я сам (5; 2,40) друзья (4; 1,25) грязь (4; 2,00)	слабые (17; 2,53) больные (11; 1,91) жалость (11; 2,18) «отбросы общества» (6; 2,33)
Потенциальная зона изменений	<i>несчастные (3; 1,33)</i> больные (6; 2,83) слабые (5; 3,40)	<i>психически больные (4; 1,50)</i> <i>болезнь (4; 2,50)</i> <i>отвращение (4; 2,00)</i> зависимый (11; 3,73) смерть (6; 3,00) проблемы (5; 3,20) сострадание (4; 3,25)
Собственно периферическая система	ломка (4; 3,00) потеряли цель (3; 2,67) дураки (3; 2,67) худые (3; 2,67) психи (3; 4,00)	глупые (4; 3,25) преступники (4; 3,75)

Примечание: Курсивом выделены элементы, соответствующие позиции меньшинства.

(грязь и др.) – 21,73%. В переструктурированном варианте все категории включали 60,58%.

Теперь рассмотрим иерархию элементов представления в группе 2. В зоне ядра располагаются элементы: слабые, больные, жалость, отбросы общества. *Потенциальная зона изменений представления* образована составляющими: психически больные, болезнь, отвращение, зависимый, смерть, проблемы, сострадание. Наконец, *собственно периферическая система представления* объединяет элементы: глупые, преступники. Несложно заметить, что важное место в представлении занимает понятие медицинского дискурса – больные, а понятие юридического дискурса выполняет второстепенную роль (исходя из положения данного элемента).

Позиция меньшинства здесь выражается элементами с негативной коннотацией: психически больные, болезнь, отвращение. Эмоция отвращения связана, с одной стороны, с избеганием того объ-

екта, который ее вызывает, с другой, по сути, является указанием на что-то аморальное. С точки зрения П. Розина, отвращение – это та эмоция, которая отвечает за чистоту души и тела (Rozin, Haidt, McCauley, 2000). Отсюда следует, что сам факт ассоциирования объекта представления с такой сильной негативной эмоцией указывает на интенцию к действию избегания наркоманов, а также является способом выражения их с точки зрения «моральности–аморальности». Хотя наркоманы и отождествляются с больными, однако в представлениях отсутствуют элементы, которые указывают на физические симптомы болезни. В большей степени представление образовано элементами, указывающими на отношение к больным. Таким образом, если наркотики стали привычным объектом обыденных представлений, то люди, потребляющие их, вызывают достаточно негативные аффективные реакции.

К основным темам, вокруг которых кристаллизуется представление о наркоманах, относятся: 1) психологические особенности наркоманов: слабые (в зоне ядра), глупые (периферическая система); 2) последствия употребления наркотиков: больные (в зоне ядра), в периферической системе она конкретизируется за счет элементов – психически больные, болезнь, зависимый, смерть; 3) амбивалентное отношение к наркоманам: с одной стороны, жалость и сострадание (в зоне ядра и в периферической системе соответственно), с другой – отбросы общества и отвращение (в зоне ядра и в периферической системе соответственно).

Для уточнения результатов прототипического анализа нами опять был предпринят контент-анализ всех ответов респондентов, в котором мы ориентировались на элементы зоны ядра. В результате этого переструктурирования материала были получены следующие категории: *психологические характеристики наркомана* (слабый, глупый и пр.) – 10,57%; *негативные последствия принятия наркотиков* (больные, зависимый, психически больные и др.) – 37,02%, *позитивное отношение к наркоманам* (жалость, несчастные, сострадание и др.) – 7,24%. В переструктурированном варианте все категории включали 79,80%.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в зоне ядра и периферической системе представления в обоих случаях практически отсутствуют указания на внешность наркоманов (например, «синяки под глазами» или «гнилые зубы» – соответственно, 537 тыс. и 308 тыс. упоминаний сочетаний в поисковой системе Yandex, 471 тыс. и 301 тыс. – в поисковой системе Rambler.ru, 105 тыс. и 32200 – в по-

исковой системе Google.ru). Всего лишь одно понятие присутствует в периферической системе у респондентов в группе 1 – худые, однако расположение понятия в структуре представления указывает на его второстепенную роль. При проведении контент-анализа всех ответов было показано, что внешность наркомана представлена единичными ответами.

В группе 1 представление о наркоманах структурируется вокруг элементов, указывающих на амбивалентное отношение к наркоманам, последствия употребления наркотиков и отождествление с наркоманами.

В группе 2 представление о наркоманах структурируется вокруг элементов, которые указывают на психологические особенности наркоманов, последствия употребления наркотиков, амбивалентное отношение к наркоманам.

Итак, сравнение особенностей социальных представлений в двух группах свидетельствует об их различиях (из совпадающих элементов зоны ядра только один – жалость). Расположение этого элемента в зоне ядра указывает на его важность с точки зрения структуры социального представления. Для респондентов в группе 1 эта реакция может быть проинтерпретирована как солидарность с наркоманами, ибо сами себя они относят к этой группе. В отношении респондентов из группы 2 жалость может возникать как реакция на неизлечимого больного. Вместе с этим, дополнительный анализ показывает, что понятие «жалость» присутствует одновременно с понятиями, имеющими крайне негативные коннотации («нелюди», «отвращение», «отбросы общества»). Уточнение отношения к наркоманам будет предпринято на основе анализа ответов по методике незаконченных предложений. Тем не менее, имеющиеся результаты свидетельствуют о том, что нашу гипотезу об особенностях социальных представлений о наркоманах можно принять частично.

Как указывалось выше, социальные представления выполняют ряд функций: защитную, коммуникативную, регуляции социального поведения и социальных отношений, а также конструирования и поддержания социальной идентичности (Bonnec, 2002; Moscovici, 1998). Причем может доминировать та или иная функция представления. Несложно заметить, что в настоящем исследовании в случае группы 1 можно усматривать преобладание коммуникативной функции представлений, затем представления выполняют остальные функции, в частности, связанные с поддержанием социальной идентичности, с регуляцией социального поведения и социальных

отношений. Это наблюдается в случае обоих объектов представления (наркотики, наркоманы). В группе 2 представления выполняют скорее защитную функцию, а также функцию регуляции социального поведения и социальных отношений.

Любопытен также тот факт, что в исследованиях по представлениям о ВИЧ-инфекции и СПИДе в зоне ядра представлений о ВИЧ-инфекции и о ВИЧ-позитивных и больных достаточно устойчиво оказывается элемент – наркоманы (Березина, 2011; Бовина, Панова, Малышева, 2011). Однако в настоящем исследовании в зоне ядра такие элементы отсутствовали. Для группы 1 это могло бы быть ожидаемо, ибо игнорирование болезни по сути свидетельствует о защитном действии представлений. В группе 2 этот факт открывает перспективу дальнейшего анализа. Подчеркнем еще раз, что вопрос о связи представлений пока еще не получил достаточного рассмотрения (Camargo, Wachelke, 2010).

Отношение общества к наркоманам

С точки зрения представителей группы 1, общество негативно относится к наркоманам (72,3% ответов), среди часто встречающихся представлений о его реакции – негативно, отрицательно, презрительно, как к отбросам общества.

В группе 2 доля ответов, выражающих негативное отношение, несколько ниже – 60,22%. Палитра реакций примерно такая же – негативно, отрицательно, с презрением, относится как к отбросам общества. Значение критерия Фишера не позволяет говорить о различиях ($p > 0,05$).

Представление о ситуации взаимодействия с наркоманом

В одном из незаконченных предложений респондентам предлагалось представить ситуацию беседы с наркоманом и описать свою реакцию на взаимодействие. В группе 1 ответы распределились таким образом: 43,10% – позитивная реакция на взаимодействие, 24,14% – негативная реакция.

В группе 2 в 70% ответов респондентов беседа вызывает негативную реакцию – страх, недоверие, неприязнь, отвращение. Только в 14% случаев говорилось, что беседа вызывает и сочувствие. Значение критерия Фишера соответственно 5,44 и 3,73 ($p < 0,05$) для негативной и позитивной реакции.

Интеграция результатов методики незаконченных предложений (по двум пунктам) позволяет говорить в пользу того, что в группе 1

в представлении о наркоманах элемент «жалость», располагающийся в зоне ядра, указывает скорее на солидарность с наркоманами, с которыми респонденты себя идентифицируют, как было показано выше. В группе 2 элемент «жалость», также располагающийся в зоне ядра, скорее, имеет иную природу, а отношение к наркоманам отражает ряд достаточно негативных реакций (страх, отвращение, презрение).

Понимание причин употребления наркотиков

Все причины, высказанные респондентами в двух группах, были категоризованы как внутренние (особенности личности, поиск новых ощущений, состояния) или внешние (стрессогенные события, неразрешимые проблемы, доступность наркотиков). Объясняя причины употребления наркотиков, респонденты высказывали одну или более причин.

В группе 1 респонденты предложили примерно одинаковое количество ответов, используя внутренние, внешние и смешанные причины (34,04%, 36,17%, 29,78%).

В группе 2 внутренних причин было высказано больше, чем внешних (соответственно 50,72% и 30,43%, сочетание внешних и внутренних – 18,84%).

Таким образом, в группе 2 причины употребления наркотиков действительно объясняются преимущественно за счет внутренних причин. Имеет место так называемая *фундаментальная ошибка атрибуции* (Андреева, 2005): *сторонние наблюдатели* приписывают причину поведения в большей степени личности деятеля, но сами *деятели* (представители группы 1) не прибегают в большей степени к внешним причинам для объяснения, почему люди употребляют наркотики. Эти результаты дают основание частично принять гипотезу.

Источники информации о наркотиках и группы обсуждения проблемы

Сравнение иерархии групп, в которых происходит обсуждение проблем наркомании, позволяет получить следующие результаты: в группе 1 – это друзья, родители, врач и сексуальный партнер (эти категории указывались не менее чем 25% респондентов); в группе 2 – друзья, сексуальный партнер (эти категории также указывались не менее чем 25% респондентов).

Информацию о наркотиках, с точки зрения респондентов группы 1, можно получить из телевизионных передач и печатных изда-

ний. Кроме того, для этой группы источниками информации является личное общение с наркоманами, интернет-сайты, телевизионные передачи, а также фильмы (эти категории были указаны не менее чем 40% респондентов), а для группы 2 – телевизионные передачи, фильмы, газеты и журналы, а также интернет-сайты. Выявленная важная информационная роль интернет-сайтов подтверждается также результатами исследования М. Е. Поздняковой, в котором было продемонстрировано, что интернет-сообщество способствует приобщению к употреблению наркотиков (Позднякова, 2009).

Выводы

Результаты исследования, предпринятого в русле теории социальных представлений, позволяют нам сделать ряд выводов.

1. В группе 1 представление о наркотиках формируется вокруг следующих тем: виды наркотических средств, внутривенное использование наркотиков, а также негативные последствия от употребления наркотиков. В группе 2 такими темами стали следующие: негативные последствия употребления наркотиков, внутривенное использование наркотиков. В каждом случае зона ядра представления (структурирующая представление и смыслообразующая его часть) образована различными элементами (единственный совпадающий элемент – зависимость). В группе 2 присутствует элемент медицинского дискурса, но не юридического. Интегрируя полученные результаты, можно говорить о частичной поддержке нашей гипотезы 1 об особенностях социальных представлений о наркотиках в двух группах респондентов.
2. В группе 1 представление о наркоманах структурируется вокруг элементов, указывающих на амбивалентное отношение к наркоманам, последствия употребления наркотиков и отождествление с наркоманами. В группе 2 представление о наркоманах формируется вокруг элементов, указывающих на психологические особенности наркоманов, последствия употребления наркотиков, амбивалентное отношение к наркоманам. Эти результаты также дают эмпирическое основание для принятия только части гипотезы 2.
3. В двух группах респондентов доминируют различные функции социальных представлений как в случае представлений о наркотиках, так и в случае представлений о наркоманах. В группе 1

важную роль играет коммуникативная функция представлений, а также функции, связанные с поддержанием социальной идентичности и с регуляцией социального поведения и социальных отношений. В группе 2 представления выполняют скорее защитную функцию, а также функцию регуляции социального поведения и социальных отношений.

4. Употребление наркотиков в группе 1 объясняется в равной мере внутренними, внешними, а также сочетанием внутренних и внешних причин, а в группе 2 употребление наркотиков объясняется преимущественно внутренними причинами. Эти результаты также дают эмпирическое основание для частичного принятия нашей гипотезы 3.

Заключение

Итак, наше исследование, направленное на изучение социальных представлений о наркотиках и наркоманах в различных группах молодежи, позволило выявить специфику того, как различные группы молодежи понимают, что такое наркотики, кто такие наркоманы, почему люди принимают наркотики, как строить взаимодействие с наркоманами.

Дальнейший путь разработки данной проблемы может быть проложен в нескольких направлениях. С одной стороны, было бы интересно, и с теоретической, и с прикладной точки зрения, рассмотреть весь спектр образов наркотиков и наркоманов в представлениях различных групп молодежи, чтобы проследить динамику трансформации этих образов; с другой стороны, было бы важно исследовать то, как представления о наркоманах связаны с другими представлениями о близких объектах (например, представления о ВИЧ-позитивных). Наконец, было бы достаточно важно и актуально сформулировать принципы концепции профилактики наркомании в молодежной среде на основе ряда эмпирических данных.

Литература

- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Березина Е. Б.* Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

- Бовина И. Б.* Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009.
- Бовина И. Б., Панова Т. Б., Малышева Н. Г.* От коллективной угрозы к коллективной защите: взгляд теории социальных представлений // Научно-практические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи ИЭП МГППУ: Сб. статей / Отв. ред. И. А. Баева. М.: Эконом-информ, 2011. С. 55–70.
- Киржанова В. В.* Медико-социальные последствия инъекционного употребления наркотиков в России (методы оценки и предупреждения): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2009.
- Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентации. М.: Смысл, 1992.
- Лисецкий К. С.* Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 2008.
- Макропсихологическое состояние общества // Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 279–300.
- Моисеева В. В.* Школьное сочинение как источник социальных представлений о наркотиках // Социология. М., 2005. № 21. С. 128–149.
- Позднякова М. Е.* Влияние интернет-сообщества на распространение девиантных форм поведения в современной России (на примере наркотизма) // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 128–149.
- Цветкова Л. А.* Социальная психология наркотизма в студенческой среде: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011.
- Щербакова Е. М.* Нарконашествие в России: о чем говорит статистика? // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 70–75.
- Юревич А. В.* Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 70–79.
- Abric J-C.* A structural approach to social representations // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds K. Deaux, G. Philogène. Oxford, 2001. P. 42–47.
- Apotolidis T., Fieulaine N., Simonin L., Rolland G.* Cannabis use, time perspective, and risk perception: evidence for a moderating effect // Psychology and health. October. 2006. 21 (5). P. 571–592.

- Bonnet Y.* Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // *La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales / Sous la dir. de S. Laurens, N. Roussiau.* Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002. P. 175–185.
- Camargo B., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // *Papers on social representations.* 2010. V. 19. P. 21.1–21.21.
- Dany L., Apostolidis T.* L'étude des représentations sociales de la drogue et du cannabis: un enjeu pour la prévention // *Santé publique.* 2002. V. 14. N° 4. P. 335–344.
- Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. P., 2003.
- Moscovici S.* The history and actuality of social representations // *The psychology of the social / Ed by U. Flick.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209–247.
- Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology.* S. Moscovici / Ed by G. Duveen. N. Y., 2000. P. 18–77.
- Radley A., Billing M.* Accounts of health and illness: dilemmas and representations // *Sociology of health and illness.* 1996. V. 18. N° 2. P. 220–240.
- Rozin P., Haidt J., McCauley J.* Disgust // *Handbook of emotions / Eds by M. Lewis, J. M. Haviland.* N. Y., 2000. P. 637–653.
- Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with different method of measurement // *Journal of cross-cultural psychology.* 2001. V. 32. P. 519–542.
- Vergès P.* L'Évocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie.* 1992. V. XLV. N° 405. P. 203–209.

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОТНОШЕНИИ БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

Т. П. Емельянова

Отношение общества к наркозависимым

Изучение проблемы наркомании с точки зрения отношения общества к этой проблеме и к наркозависимым людям позволяет взглянуть на ситуацию с морально-нравственной стороны, оценить готовность общества понимать сложность проблемы, трудности людей, попавших в беду.

Проблему толерантности к наркозависимым людям нельзя назвать досконально изученной в современной социальной психологии. Специалистами смежных наук – в частности, социологами – проведена определенная исследовательская работа по выявлению статистических показателей отношения российского общества к наркозависимым (см., например: Кессельман, Мацкевич, 2001). Значительно чаще представители общественных наук обращаются к вопросу путей распространения наркотиков, к выявлению факторов, способствующих вовлечению молодежи в потребление наркотиков и в целом – росту потребления наркотических средств, к анализу характера отражения этой проблемы в СМИ и др. (Еременко, 2007; Дальсаев, 2009; и др.).

Авторы указанных и других работ единодушны в том, что наркомания продолжает оставаться остройшей проблемой российского общества. Признается, что «наркомания подчиняется закономерностям распространения, характерным для инфекционных эпидемий, отличаясь от них своей нарастающей масштабностью» (Дальсаев, 2009, с. 41). Исследователи отмечают, что важнейшей тенденцией развития ситуации с наркотиками на фоне негативной динамики молодежного наркотизма является придание наркомании в молодежной среде статуса особой субкультуры. На вечеринках, дискотеках,

концертах наркотики фактически стали атрибутом молодежного времяпрепровождения (Еременко, 2007, с. 59). Ситуация усугубляется тем, что к концу 2000-х годов обнаружился сдвиг по возрастным показателям групп лиц, употребляющих наркотики, от 14–15 лет к 11–12 лет (Наркотизм как социальное явление, 2010, с. 57).

Среди факторов, на личностном уровне способствующих приобщению к наркотикам, эксперты называют эмоциональную тревожность, стресс как реакцию на диктат родителей и педагогов, усвоенные стереотипы агрессивного поведения, чувство ущемленности, чувство одиночества, низкую самооценку, желание испытать необычные ощущения. Однако решающими факторами, по данным опросов работников системы образования, правопорядка, здравоохранения, являются макросоциальные факторы: утрата традиционных общественных ценностей и установок, разрушение общественных институтов, выполнявших функции социального контроля, доступность наркотиков (там же, с. 55).

В таких сложных условиях чрезвычайно важной становится позиция общества по отношению к проблеме наркотизма. Можно рассматривать несколько аспектов этого отношения:

- 1) отношение к доступности/запретности разных типов наркотиков;
- 2) активность/пассивность групп общества в плане влияния на политику государства в данной области;
- 3) восприятие наркозависимых как своего рода жертв сложившейся ситуации или же возложение на них вины (толерантность/нетолерантность).

Что касается доступности/запретности «легких» наркотиков, то подавляющая часть российского общества не сдает своих позиций общего отрицательного отношения к наркотикам, в отличие от ряда европейских обществ. По данным недавних опросов, в крупных городах 56% респондентов высказываются против всех видов наркотиков и 28% выступают за легализацию «легких» наркотиков (Наркотизм как социальное явление, 2010, с. 35). В условиях, когда российское здравоохранение не может обеспечить адекватного бесплатного или недорогого лечения, эти цифры едва ли вызывают удивление.

По степени активности/пассивности общества в плане влияния на ситуацию оно скорее склоняется к невмешательству, за исключением небольшого числа волонтерских организаций, ориентированных на помощь наркозависимым, однако и они сталкиваются

с трудностями в своей деятельности. Как заявляет член координационного совета Региональной благотворительной общественной организации «Азария – матери против наркотиков» Любовь Спичарская, «в обществе к наркозависимым относятся скорее как к преступникам, нежели как к больным людям. Общественным организациям крайне сложно собирать средства на поддержку программ помощи» (В петербургскую больницу..., 2011).

Предметом нашего специального интереса стал третий аспект в системе отношений общества к наркозависимым – существующая у представителей разных возрастных групп населения степень толерантности к наркозависимым. Не пытаясь проанализировать все социальные факторы, так или иначе воздействующие на степень толерантности населения к наркозависимым, назовем важнейшие из них. К ним относятся:

- 1) характеристики реальной ситуации, которая представляется обыденному сознанию угрожающей;
- 2) традиционный ригоризм массового сознания по отношению к маргинальным группам (иным, чужим, отклоняющимся);
- 3) неверие в способность государства справиться с проблемой;
- 4) политика СМИ по поводу наркотизма и позиция известных общественных деятелей и политиков, высказанная публично.

Если первые три фактора представляются самоочевидными, то два последних выглядят неоднозначно и нуждаются в комментариях. В современном обществе СМИ играют двоякую роль: с одной стороны, они являются отражением существующих в обществе настроений, с другой – активно участвуют в их формировании. Приведем анализ публикаций петербургских печатных СМИ, с тем чтобы определить характерные особенности освещения ими проблемы наркотиков с середины 1990-х годов. При этом акцент делался на публикациях за период 2002–2004 гг.

Одной из поставленных задач нашего анализа являлось сравнение петербургской ситуации с общероссийской, дабы выделить то общее, что было присуще вниманию СМИ к наркотизации в Санкт-Петербурге и в России в целом. Обнаружилось, что в СМИ интерес к проблеме наркомании как в целом по России, так и в Петербурге, начиная с 2001 г. неуклонно падает. Так, в целом по России наблюдался резкий подъем интереса к проблеме наркотиков в период с 1997 по 1999 гг. (в 1997 г. появилось 292 публикации, а в 1999 г. – 655, рост более чем в два раза). Вслед за небольшим падением ин-

тереса в 2000 г. второй пик наблюдался в 2001 г., когда количество материалов с упоминанием слова «наркомания» достигло 665, после чего интерес прессы к данной теме начал неуклонно снижаться. При анализе материалов авторам удалось выделить несколько характерных для СМИ приемов формирования у читателей чувства повышенной опасности наркомании.

1. Способ обозначения общественных проблем, направленный на усиление воспринимаемой угрозы (например, практика называния наркотизма «чумой XXI века», «национальной катастрофой» и т. п. пугающими терминами).
2. Скрещивание нескольких проблем. Такое скрещивание происходит, когда два вида активности связываются между собой с целью увеличения эффекта и размера опасности. Например, «наркотерроризм» (проблема наркотиков путем создания неологизма связывается с проблемой терроризма), «наркоинтервенция».
3. Раздувание категорий. Так, все люди, употребляющие любые наркотики с любой частотой, через расширение понятия относятся к одной категории – «наркоманы». Отказаться от пробы наркотика – это «единственный способ не стать наркоманом». Из-за деклараций, что «наркоман» готов на все ради дозы («наркоманы, страдающие от ломки, ради дурмана с легкостью идут на убийство», «Невское время», 28.11.2003), что один наркозависимый «заражает» в год 7–10 человек («Час пик», 06.11.2002), ситуация выглядит в самом деле катастрофической. Действительно, если в 2003 г. в России насчитали 4 миллиона наркоманов, то есть людей, «готовых на все», как утверждают «Санкт-Петербургские ведомости» (10.09.2003), то в 2004 г. будет уже 40 миллионов людей, «готовых на все» ради одной дозы. В 2005 г., согласно той же логике, их уже будет 400 миллионов, то есть их число должно было бы более чем в два раза превысить население России.
4. Повышенное внимание к тяжким преступлениям. Так, например, при презентации СМИ преступлений, связанных с употреблением наркотиков, случаи тяжких преступлений (убийство) подаются как типичные. О них пишется больше всего, хотя по статистике доля наркозависимых, совершивших такого рода преступления, крайне мала, по сравнению с «пьяной» преступностью (Наркомания..., 2005).

Таким образом, анализ ситуации с наркозависимыми в СМИ во многом направлен на формирование ощущения повышенной опасности наркомании. С одной стороны, это может рассматриваться как мера предупреждения общества, повышения бдительности в отношении, скажем, собственных детей. С другой стороны, в условиях всеобщей неприязни к представителям маргинальных групп подобная информационная политика усиливает эту неприязнь. Акцент целенаправленно смещается с проблем ввоза наркотиков в РФ, их распространения, сверхдоходов от их продажи, отсутствия качественной медицинской помощи желающим лечиться от зависимости, вовлечения подростков в употребление наркотических средств и других социальных проблем – на самих наркозависимых людей, уже и так пострадавших от бездействия и нетерпимости общества.

В подобной дискурсивной атмосфере, пропитанной нетерпимостью к наркозависимым людям, особое значение приобретают публично высказанные суждения, исходящие от влиятельных политиков и общественных деятелей. Так, председатель синодального отдела РПЦ МП по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов предложил изолировать от общества наркоманов, которые не хотят лечиться: «В стране есть много островов – на Севере, на Дальнем Востоке. Наркоман вовсе не безобиден для общества: по статистике, он вовлекает в наркоманию еще двадцать человек», – заявил священник (Димитрий Смирнов..., 2011). Суровые меры к наркозависимым предлагает применять и спикер Государственной Думы РФ Борис Грызлов: «Тюрьма или принудительное лечение – вот выбор, который государство должно жестко ставить перед наркоманом» (Грызлов, 2011). Он выступает за введение отмененного в 1991 г. уголовного наказания за употребление наркотиков. У этой точки зрения есть противники. Так, возражая Грызлову, обозреватель при главном редакторе «Независимой газеты» Станислав Минин отмечает: «Борис Грызлов ничего не пишет о социально-психологических причинах наркомании, о детских эмоциональных травмах, жизненных условиях, маргинализации, то есть о том самом „базисе“ (этот термин в последнее время обретает в России вторую жизнь), на который следует ориентироваться, пытаясь сократить масштабы бедствия. Логика текста спикера такова, что на первом месте стоит защита „всех остальных“, а на втором – лечение больных» (Минин, 2011).

Публичный дискурс, как можно видеть, полемичен и содержит, при наличии толерантных высказываний в отношении наркозави-

симых людей, также и нетолерантные, подкрепляемые стратегиями «моральной паники» в СМИ. Для постановки цели и задач нашего исследования толерантности населения к наркозависимым необходимо провести анализ феномена толерантности с позиций различных авторов и школ, занимавшихся этой проблемой.

Подходы к пониманию толерантности

По словам Г. У. Солдатовой, анализ толерантности можно вести в самых разных системах отчета, с различных позиций. Во-первых, это филогенетический аспект проблемы. Во-вторых, социогенетические аспекты, представляющие толерантность на исторических перекрестках разных культур. В-третьих, это толерантность в персоногенезе, то есть в индивидуальном развитии жизненного пути, где наибольший интерес представляют социальная психология детства и историческая психология, которые могут дать точку отсчета от нового видения обсуждаемой проблемы. Наконец, в-четвертых, это педагогический аспект толерантности (Солдатова, 2001, с. 29). Не секрет, что нетерпимость к образу жизни, манере поведения, культуре иных социальных слоев населения или отдельных людей продолжает существовать в терминах «общежитейской морали» и обостряется в периоды экономической и политической нестабильности.

Толерантность характеризует устойчивость человека, терпимость, способность переносить различного рода негативные ситуации (Рюмшина, 2003, с. 35). Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию (Современная западная социология, 1990). Деление людей на толерантных и нетолерантных условно. Каждый человек в своей жизни совершает как толерантные, так и нетолерантные поступки. Однако склонность вести себя так или иначе может стать устойчивой личностной чертой. Каковы же основные черты толерантной личности? Это расположенность к другим людям, снисходительность, терпение, чувство юмора, чуткость, доверие, альтруизм, терпимость к различиям (национальным, религиозным и т. п.), умение владеть собой, доброжелательность, умение не осуждать других, гуманизм, умение слушать собеседника, любознательность, способность к сопереживанию (Солдатова, 2001; Трубина, 2003).

Психологи обнаружили, что у толерантной личности значительно больше разрыв между Я-идеальным (представление о том, каким бы

я хотел стать) и Я-реальным (представления о том, какой я есть), чем у нетолерантного человека, у которого оба Я практически совпадают. Толерантные люди, зная о своих достоинствах и недостатках, менее удовлетворены собой, но в связи с этим потенциал для саморазвития у них выше. Толерантный человек обычно чувствует себя в безопасности, поэтому не стремится защищаться от людей. Отсутствие угрозы или убежденность в том, что с ней можно справиться, – важное условие формирования толерантной личности. Толерантные люди не перекладывают ответственность на других, они всегда готовы отвечать за свои поступки (Трубина, 2003).

Толерантные люди больше ориентированы на себя в работе, творческом процессе, теоретических размышлениях. В проблемных ситуациях они склонны винить себя, а не окружающих. Такие люди стремятся к личностной независимости больше, чем к принадлежности, так как им не нужно за кого-то прятаться (там же). В одном из экспериментальных исследований выявлялась способность к эмпатии у толерантных и нетолерантных студентов. Оказалось, что нетолерантные студенты оценивали своих партнеров по своему образу и подобию, то есть те выглядели в их глазах нетолерантными личностями. Толерантные студенты оказались более точными в своих суждениях и адекватно оценивали как толерантных, так и нетолерантных собеседников. Чувство юмора и способность посмеяться над собой – важная черта толерантной личности. Такие люди умеют посмеяться над своими недостатками, они не стремятся к превосходству над другими. Для нетолерантной личности чрезвычайно важна общественная иерархия. Ее устраивает жизнь в авторитарном обществе с сильной властью. Такая личность убеждена, что жесткая дисциплина очень важна. Толерантный человек предпочитает жить в свободном, демократическом обществе (там же, с. 34–36).

В России феномен толерантности долгие годы оставался вне поля зрения общества, а его исследование медленно эволюционировало от общих теоретических проблем к более конкретным. Полученные наработки за пределы научного сообщества практически не выходили. Как справедливо замечено, «толерантность в России стала популярным и даже модным термином в научной и общественно-политической среде, не получив пока распространения ни в обиходе, ни тем более в виде норм поведения» (Романенко, 2002, с. 44).

Лонгитюдное исследование Ю. А. Левады и его соавторов было направлено на выяснение уровня толерантности к представителям групп с девиантным поведением: к сексуальным меньшинствам, нар-

команам, больным СПИДом, бомжам, проституткам, алкоголикам, сектантам. Начиная с 1991 г. было проведено три опроса (с пятилетними интервалами между ними). Результаты показали, что в целом за десять лет произошло определенное смягчение отношения практически ко всем названным группам, особенно к больным СПИДом и наркоманам. Единственным исключением по ряду причин стали сектанты (Левада, 1999, с. 82–95).

Развитие в обществе толерантного отношения к наркозависимым внушает некоторый оптимизм. Тем более важными представляются результаты исследования, проведенного в первой половине 2000-х годов и посвященного выявлению уровня толерантности к наркозависимым у жителей Санкт-Петербурга, Самары и Самарской области. Репрезентативная выборка, составившая 2427 человек, включала лиц разного возраста, пола, уровня образования и рода деятельности (Кессельман, Мацкевич, 2001). Респондентам задавался вопрос: «Нужна ли уголовная ответственность за употребление наркотиков?» Результаты сравнивались с данными всесоюзного опроса ВЦИОМ 1990 г., согласно которым за уголовное преследование наркозависимых высказался 51% опрошенных, а 27% из них требовали физической ликвидации наркоманов. Ответы на аналогичный вопрос спустя более десяти лет дают представление о динамике толерантности к наркозависимым в российском обществе.

Л. Кессельман и М. Мацкевич предложили авторскую методику подсчета индекса толерантности (ИТ): он представляет собой результат деления количества несогласных с введением уголовной ответственности за употребление наркотиков на количество сторонников уголовного преследования наркозависимых. По данным петербургской выборки несогласных оказалось 43%, согласных – 37,5%; следовательно, ИТ составил 1,14. По Самаре ИТ составил 0,69 (несогласных только 35,5%, а согласных – 51%). Наименее толерантными оказались жители Самарской области: несогласных – 32%, а согласных – 55%, то есть ИТ составил 0,58. Таким образом, Санкт-Петербург повысил уровень толерантности, по сравнению с прежним общероссийским (данные 1990 г.), Самара осталась на том же среднем уровне толерантности, а Самарская область показала снижение толерантности.

Наиболее рельефные результаты сравнения по социальным группам обнаружались в группах, различных по роду деятельности: низкий ИТ показали группы руководителей, военных и сотрудников

милиции, а также неквалифицированных рабочих. Наибольшую толерантность проявили студенты, служащие и представители гуманитарной интеллигенции. В возрастных группах ИТ также существенно различался, постепенно снижаясь с 2,49 в группе 18–20 лет до 0,64 в группе старше 60 лет. При группировании выборки по типу locus-контроля также обнаружались значимые различия: у респондентов с экстернальным locus-контролем ИТ составил 0,81, у интерналов – 1,62. Эти результаты показывают, что уровень толерантности к наркозависимым связан не только с регионом проживания, родом деятельности, возрастом, но и с личностными характеристиками респондентов. Выводы, сделанные авторами, помогли сформулировать цель и задачи нашего исследования и продолжить изучение социально-психологических факторов толерантности к наркозависимым. Разработка вопросов толерантности в отношении людей с зависимостями позволит идентифицировать ту социальную базу, на которой можно строить продуктивную профилактическую работу и действия по реабилитации.

Программа эмпирического исследования

Цель нашего эмпирического исследования заключалась в анализе личностных характеристик, предположительно связанных с толерантностью в отношении больных наркоманией, на примере студентов вузов. Предполагалось, что наличие толерантности связано с некоторыми личностными особенностями респондентов (преобладающими стратегиями копинга, стратегиями поведения в конфликтной ситуации, уровнем тревожности, уровнем эмпатии), а также со специальностью, по которой обучаются студенты.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе изучались обыденные представления о наркоманах и наркомании в разных возрастных когортах. Были выделены четыре возрастные группы: 15–21 год (молодежь, живущая на попечении родителей); 22–40 лет; 41–55 лет; от 56 и выше (неработающие пенсионеры), в каждой группе было опрошено по шесть человек. В рамках этих групп опрашивались специалисты разных профессий: психологи, юристы, бухгалтеры, механики, инженеры. Опрос проводился с помощью метода полуструктурированного интервью. В числе прочих были заданы вопросы: «Как вы относитесь к наркоманам?», «Можно ли этим людям помочь?», «От кого больше зависит излечение наркоманов: от них самих или от врачей?»

В ходе второго этапа исследования были опрошены студенты четырех факультетов: психологического, исторического, математического, лечебного отделения медицинского университета. Выбор пал на психологов и медиков по причине их будущей работы с разными группами людей, в том числе, возможно, и с представителями групп девиантного поведения. Историки же и математики готовят себя к профессиональной деятельности, непосредственно не связанной с работой с людьми.

Все респонденты были близки между собой по возрасту – 19–21 год. Эта возрастная группа была составлена по соображениям, связанным с личностным становлением респондентов, формированием их профессиональной позиции, близости по возрасту группе риска формирования наркотической зависимости, а также на основе знания особенностей молодежных субкультур. Общее число респондентов составило 100 человек, по 25 студентов каждого из выбранных факультетов.

На основном этапе исследования был использован блок методов. Он включал в себя сочинение на тему «Отношение к большим наркоманиям», в котором необходимо было в свободной форме ответить на четыре вопроса: «Наркомания – это болезнь, вредная привычка или нечто иное? Обоснуйте свой ответ»; «Как следует вести себя по отношению к наркоману?»; «Имеет ли смысл их лечение? Если да, то какие методы (способы), на ваш взгляд, могут иметь положительный результат?»; «Как бы вы себя повели, если бы узнали, что ваш близкий человек наркоман?». Мы не давали каких-либо ограничений, касающихся объема и стиля ответа; обязательным являлся лишь ответ как таковой.

Затем респонденты заполняли бланки четырех методик, направленных на изучение их личностных качеств, предположительно связанных с уровнем их толерантности. Первая методика была направлена на анализ копинг-стратегий в стрессовых ситуациях (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс). В результате выделялись четыре стратегии поведения. С помощью второй методики исследовался уровень тревожности (Д. Тейлор, в адаптации В. Г. Норакидзе). В ходе подсчетов баллов на основе суммарной оценки делался вывод об уровне тревожности испытуемого. Третья методика была нацелена на выявление стратегий поведения в конфликтной ситуации (К. Томас). Четвертой была методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко). Выделялись шесть шкал и выводилась суммарная оценка по шкалам. Текст сочинений был

обработан с помощью контент-анализа. Обработка данных, полученных по методикам, выполнялась с помощью статистического пакета SPSS 11. Производилась проверка на нормальность распределения, выбирались параметрические и непараметрические критерии, использовался корреляционный анализ.

Основные результаты исследования

В ходе обработки текстов интервью респондентов разных возрастных групп на поисковом этапе исследования с помощью контент-анализа были выделены наиболее часто встречающиеся категории: «изолировать от общества» (52%), «оказать помощь» (36%), «обеспечить профилактику» (28%), «мне их судьба безразлична» (12%).

Сравнение результатов по возрастным группам показывает, что различия невелики, их статистическая значимость не обнаружилась.

Но при анализе доли ответов в профессиональных группах можно заметить более существенные различия в отношении к наркозависимым. Более схожи значения в группах психологов и юристов, в то время как у других специалистов (бухгалтеры, механики, инженеры) обнаружилось различия в ответах.

Поисковая часть исследования дала основания предполагать, что профессиональная принадлежность является одним из факторов большей или меньшей толерантности респондентов.

На основном этапе исследования с участием студентов разных специальностей использовался метод сочинения, тексты которых затем подверглись процедуре контент-анализа. Были использованы категории, выделенные на первом этапе исследования: «оказать помощь», «изолировать от общества», «предоставить самим себе» («мне их судьба безразлична»), «обеспечить профилактику». Эти категории позволили проанализировать тексты сочинений и послужили отправной точкой следующего этапа работы. Был произведен количественный анализ и выявлен удельный вес каждой категории у каждого респондента, а затем найдено их процентное соотношение.

Получены следующие данные. Наибольшее процентное значение имеет категория «изолировать от общества» – 48%. По сравнению с результатами поискового этапа, доля этой категории уменьшилась на 4%, но по-прежнему осталась преобладающей. Следующей по частоте оказалась категория «предоставить самим себе», набрав-

шая 28%. На поисковом этапе исследования эта категория занимала последнее место, набрав только 12%.

Категории «оказать помощь» и «обеспечить профилактику» составили одинаковые доли – по 12%. По сравнению с поисковым этапом «профилактика» потеряла 14%, а «оказать помощь» – 24%. Эти различия могут быть связаны с иными характеристиками выборки, прежде всего, возрастными.

При анализе указанных процентных долей в группах студентов разных факультетов можно заметить существенную особенность в отношении к наркозависимым. Она заключается в том, что студенты всех специальностей использовали категорию «изолировать от общества» как приоритетную (она первая по частоте упоминания).

Анализ данных позволяет выделить группы, более склонные к толерантности (толерантное отношение к наркозависимым) и менее склонные к толерантности. Хотя группы студентов всех факультетов ставят на первое место категорию «изолировать наркоманов от общества», но доли ответов по другим категориям обнаруживают различные предпочтения. Психологов и медиков можно отнести к более толерантным группам: «оказать помощь» и «обеспечить профилактику» имеют больший процентный вес по сравнению с категорией «предоставить самим себе». Математики и историки – группы менее толерантные (второе место с большим отрывом от третьего заняла категория «предоставить самим себе»).

Для установления различий между данными по личностным методикам в разных группах был определен статистический критерий. Для этого была проведена проверка на нормальность распределения признака. По методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» дисперсионный анализ (ANOVA) показал нормальное распределение признака, следовательно, для определения наличия различий можно использовать параметрический критерий Фишера.

В результате получилось, что значимые различия обнаруживаются при сравнении показателей по признаку «копинг, ориентированный на отвлечение», «купинг, ориентированный на избегание». По двум остальным признакам значимых различий нет.

Проверка на нормальность распределения признаков по трем другим методикам – «Уровень эмпатии», «Шкала тревожности» и «Стратегии поведения в конфликтной ситуации» – показала необходимость использования непараметрического критерия Краскела–Уоллиса.

Были обнаружены различия в группах по методике «Тревожность»:

$$\chi^2 = 13,9 \text{ при } p = 0,003.$$

При обработке данных по методике «Уровень эмпатии» критерий Краскела–Уоллиса различий не выявил:

$$\chi^2 = 0,57 \text{ при } p = 0,902.$$

Анализ показателей по стратегиям поведения с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса позволил обнаружить, что при избегании, приспособлении и компромиссе различий нет, при соперничестве же появляется тенденция к различиям. Значимые различия наблюдаются в показателе «сотрудничество».

После проведения анализа на выявление различий был сделан корреляционный анализ (по Спирмену) между данными показателями (по группам по всем методикам).

В группе *психологов* анализ показал отсутствие связей между копингом, ориентированным на решение задач, и стратегией, направленной на сотрудничество. Связи были обнаружены между:

- копингом, ориентированным на эмоции, и тревожностью;
- копингом, ориентированным на эмоции, и стратегией, направленной на сотрудничество;
- копингом, ориентированным на отвлечение, и стратегией, направленной на компромисс;
- тревожностью и стратегией, направленной на сотрудничество;
- копингом, ориентированным на избегание, и стратегией, направленной на компромисс.

Корреляционный анализ в группе *математиков* определил слабую связь между копингом, ориентированным на избегание, и стратегией, направленной на соперничество.

Связь была выявлена между:

- копингом, ориентированным на эмоции, и стратегией, направленной на сотрудничество;
- копингом, ориентированным на эмоции, и тревожностью;
- копингом, ориентированным на решение задач, и эмпатией.

В группе *медиков* корреляционный анализ показал следующие результаты: имеется связь между тревожностью и стратегией, направленной на приспособление, между стратегией, направленной на соперничество, и эмпатией. Связь обнаружена между эмпатией и копингом, ориентированным на решение задач.

Корреляционный анализ в группе *историков* определил следующие связи между копингом, ориентированным на решение задач, и тревожностью; тревожностью и стратегией, направленной на компромисс. Слабая связь наблюдается между копингом, ориентированным на отвлечение, и стратегией, направленной на избегание, между тревожностью и стратегией, направленной на приспособление.

Анализ данных корреляционного анализа показывает, что больше всего связей выделяется в группе *историков* (16), а у психологов, медиков и математиков по 10 связей. У математиков и медиков в связях участвуют все переменные, хотя и в разных пропорциях; чаще всего встречаются копинг-стратегии и стратегии поведения в конфликте.

Анализ результатов контент-анализа сочинений, как отмечалось, показал почти единодушное желание студентов всех специальностей «изолировать наркоманов от общества». Затем (по частоте упоминания) следовала категория «предоставить их самим себе», а за нею уже категории «их надо лечить» и «проводить профилактику» этой «вредной привычки».

В целом позиция наших респондентов согласуется с общепринятым мнением населения нашей страны по отношению к наркоманам.

Обращают на себя внимание результаты анализа различий. Предполагалось, что толерантность и эмпатия связаны друг с другом, что одна характеристика зависит от другой, и наоборот – что в более толерантной и менее толерантной группах должны проявиться различия (одна группа, согласно данным других исследователей, предполагалась как более эмпатийная). Однако по данной характеристике значимых различий не обнаружилось, что свидетельствует о том, что уровень эмпатии в обеих группах (более толерантной и менее толерантной) статистически не различается. Таким образом сравнительный анализ показал, что по всем четырем группам студентов (психологи, медики, математики, историки) нет различий в уровне эмпатии. Это доказывает, что эмпатия не связана с толерантностью.

В остальных исследованных личностных характеристиках обнаружались значимые различия между группами или различия на уровне тенденций. Различия по копинг-стратегиям отвлечения и избегания являются значимыми при сравнении двух групп – более толерантной и менее толерантной. Следовательно, этот признак (копинг-поведение) можно считать одним из личностных факторов толерантности.

Анализ стратегий поведения в конфликтной ситуации показывает наличие тенденции к различиям в стратегии сотрудничества, а в стратегии соперничества различия между более толерантными и менее толерантными группами являются значимыми. Таким образом, можно сделать вывод, что данные стратегии поведения в конфликтной ситуации также являются фактором толерантности.

Непараметрический критерий Краскела–Уоллиса показал, что тревожность тоже является фактором толерантности, так как при сравнении двух групп – более толерантной и менее толерантной – обнаружилось значимые различия по этой характеристике. Возможно, высокая тревожность диктует повышенные опасения при потенциальных контактах с наркозависимыми, а, следовательно, снижает толерантность.

Связь между копингом, ориентированным на отвлечение, и стратегией, направленной на компромисс, свидетельствует о способности человека не замечать того, от чего следует отказаться в тот или иной момент для успеха дела. Это качество является достаточно характерным для толерантности. Толерантность, по-видимому, предполагает, что человек, приспособившись, идет на компромисс. Кроме того, для более толерантных групп характерно использование копинга, ориентированного на эмоции, а у менее толерантных групп преобладает копинг, ориентированный на решение задач.

Все вышесказанное характеризует некоторые факторы толерантности, а значит, позволяют дополнить психологический портрет толерантной личности.

Обсуждение результатов

Путем обработки текстов сочинений с помощью контент-анализа респонденты были распределены на две группы: толерантную и нетолерантную. Результаты подтвердили предположение, что более толерантными являются студенты факультета психологии и лечебного отделения Медицинской академии, то есть представители тех профессий, которые непосредственно работают с людьми и их проблемами. В противоположную группу попали студенты математического и исторического факультетов.

Полученные результаты показали, что по характеристикам «эмпатия», стратегиям «избегание», «приспособление» и «компромисс», копинг, ориентированный на решение задач и на эмоции, различия между группами не выявляются, то есть данные характеристики

личности в целом не являются факторами толерантности. Между тем были выявлены различия между такими характеристиками, как тревожность, стратегия сотрудничества, копинг, ориентированный на отвлечение. Именно по ним толерантная и нетолерантная группы наиболее сильно отличаются друг от друга. Эти характеристики можно считать факторами толерантности. Полученные результаты в целом дополняют тот обобщенный и абстрактный портрет толерантной личности, который был создан на основе предыдущих исследований: расположенность к другим людям, снисходительность, терпение, чувство юмора, чуткость, доверие, альтруизм, терпимость к различиям (национальным, религиозным и т. п.), умение владеть собой, доброжелательность, умение не осуждать других, гуманизм, умение слушать собеседника, любознательность, способность к сопереживанию (Трубина, 2003). Однако не все наши респонденты оказались одинаково толерантными.

Проведенное исследование позволило выявить взаимосвязь будущей профессии студентов, некоторых их личностных характеристик и уровня толерантности. Но здесь возникает вопрос, что первично? Толерантность влияет на выбор профессии и формирует личностные особенности человека? Профессия формирует толерантность? Или же ведущая роль принадлежит личностным качествам? Дальнейшие исследования позволят ответить на эти вопросы.

Если рассмотреть полученные результаты в более широком социальном контексте, обращает на себя внимание то, что наши респонденты-студенты, молодежь, которая, в сравнении со старшими возрастными группами, по результатам предыдущих исследований демонстрировала более высокий уровень толерантности, тем не менее, проявляет значительную нетерпимость к наркозависимым. В данном исследовании это обнаружилось на всех этапах в результатах, полученных при помощи качественных методов (интервью, сочинение): в группах с разным уровнем толерантности по частоте упоминания все же преобладала категория «изолировать от общества» наркозависимых. Стремление избавиться от людей, попавших в сложную жизненную ситуацию и не имеющих возможности самостоятельно решить свою проблему, характеризует опрошенную нами студенческую молодежь как членов общества с ущербным нравственным сознанием. Забота о слабых, больных, пострадавших, сочувствие к ним, стремление помочь всегда были характерны для российского менталитета. Хочется думать, что выраженная нетолерантность к людям, попавшим в зависимость от наркотиков, –

это лишь временное состояние нравственного сознания российского общества. Половина населения страны, требующая уголовного наказания наркозависимых, вероятно, пребывает в состоянии страха за своих детей, близких, испытывает чувство беспомощности перед общей бедой наркотизации страны, находится под влиянием радикально мыслящих политиков и пугающих образов, рисуемых СМИ.

Литература

В петербургскую больницу к наркозависимым перестали пускать волонтеров // Агентство социальной информации. Санкт-Петербург, 18.03.2011. URL: http://www.asi.org.ru/ASI3/rws_asinmf/va_webpages/3678B23522242535C3257855003EE010Rus (дата обращения: 16.09.2012).

Грызлов Б. Наркоторговцев можно ссылать на каторгу. Употребление зелья должно быть уголовно наказуемым // Независимая газета. 7.06.2011. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-06-07/3_kartblansh.html (дата обращения: 16.09.2012).

Дальсаев М. А. Наркомания и общество. Назрань: Пилигрим, 2009.

Еременко В. В. Молодежная наркомания в России: социально-философский аспект. Москва: Граница, 2007.

Кессельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

Левада Ю. А. Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 82–95.

Логинов А. В. Толерантность: от понятия к проблеме // Толерантность: Сборник статей // Под ред. Н. С. Ладыжец. М., 2002. С. 101–121.

Минин С. Кому Грызлов объявил войну? // Независимая газета. 8.06.2011.

Наркомания в зеркале петербургских СМИ // URL: <http://www.regioncentre.ru/generation/publications/publication40> (дата обращения: 16.09.2012).

Наркотизм как социальное явление: миф или реальность. Череповец: ИНЖЭКОН-Череповец, 2010.

Димитрий Смирнов, священник Всех не лечащихся наркоманов – изолировать на островах Севера и Дальнего Востока // Фонтанка.ру. 11.05.2011. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/05/11/128> (дата обращения: 16.09.2012).

- Романенко Л. М.* Лики российской толерантности // Полис. 2002. № 6. С. 41–62.
- Рюмина Л. И.* Библиотека психологии и педагогики толерантности // Воспитание школьников. 2003. № 3. С. 33–40.
- Современная западная социология: Словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
- Солдатова Г. У.* Научная конференция «Толерантность – норма жизни в мире разнообразия» // Народное образование. 2001. № 9. С. 24–31.
- Трубина Л.* Толерантная и интолерантная личность: основные черты и отличия // Образование в современной школе. 2003. № 7. С. 35–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Юрий Иосифович – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института психологии РАН.

Арутюнова Карина Ролландовна – аспирант лаборатории психофизиологии Института психологии РАН.

Бовина Инна Борисовна – доктор психологических наук, профессор факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

Большунова Наталья Яковлевна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

Воловикова Маргарита Иосифовна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Воробьева Анастасия Евгеньевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.

Горбачева Елена Ивановна – кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник Института психологии РАН.

Емельянова Татьяна Петровна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

Журавлев Анатолий Лактионович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН.

Коннов Владимир Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО (У) МИД России.

Купрейченко Алла Борисовна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, профессор факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Маховская Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

Поддьяков Александр Николаевич – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Подольский Дмитрий Андреевич – кандидат психологических наук, доцент факультета государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Соснин Вячеслав Александрович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

Стрижов Евгений Юрьевич – доктор психологических наук, профессор Московского института психоанализа.

Сухарев Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.

Юревич Андрей Владиславович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора по науке Института психологии РАН.

Юревич Максим Андреевич – студент магистратуры экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

**НРАВСТВЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Редактор – *Т. А. Сарыева*

Макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02. E-mail: vbelop@ipras.ru. www.ipras.ru

Сдано в набор 04.11.12. Подписано в печать 20.11.12

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура ГТС СНАРТЕР. Уч-изд. л. 22; усл.-печ. л. 26

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»**

- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.
- Русалов В. М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 528 с. (Достижения в психологии)
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 828 с.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 696 с.
- Алмаев Н. А.* Применение контент-анализа в исследованиях личности: Методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 167 с. (Методы психологии)
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 341 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции. 4–5 октября 2012 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 418 с.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.
- Психологические исследования. Вып. 6 / Под А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 187 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

- Современная личность: Психологические исследования / Отв.ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 392 с. (Труды Института психологии РАН)
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с. (Методология, теория и история психологии)
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 5 / Под ред. А. А. Кибрика, Т. В. Черниговской, А. В. Дубасовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 295 с.
- Хащенко В. А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 426 с.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 575 с. (Психология социальных явлений)
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с. (Перспективы психологии)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 400 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 368 с. (Труды Института психологии РАН)
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 440 с. (Психология социальных явлений)
- Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой, С. В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 432 с. (Методология, теория и история психологии)
- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (24–25 февраля 2011 г.) / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. И. Артемьевой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 216 с.

- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 736 с. (Научные школы ИП РАН)
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 512 с. (Психология социальных явлений)
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 560 с.
- Ушаков Д. В.* Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 464 с. (Экспериментальные исследования)
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 480 с. (Психология социальных явлений)
- Гулевич О. А.* Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 284 с.
- Психология – наука будущего: Материалы IV международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 17–18 ноября 2011 г. Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 540 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Занковский А. Н.* Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 296 с.
- Современная экспериментальная психология: В 2 т. / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 555 с., 493 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Познание в деятельности и общении: От теории и практики к эксперименту / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 527 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Гуцыкова С. В.* Метод экспертных оценок: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 144 с. (Методы психологии)